

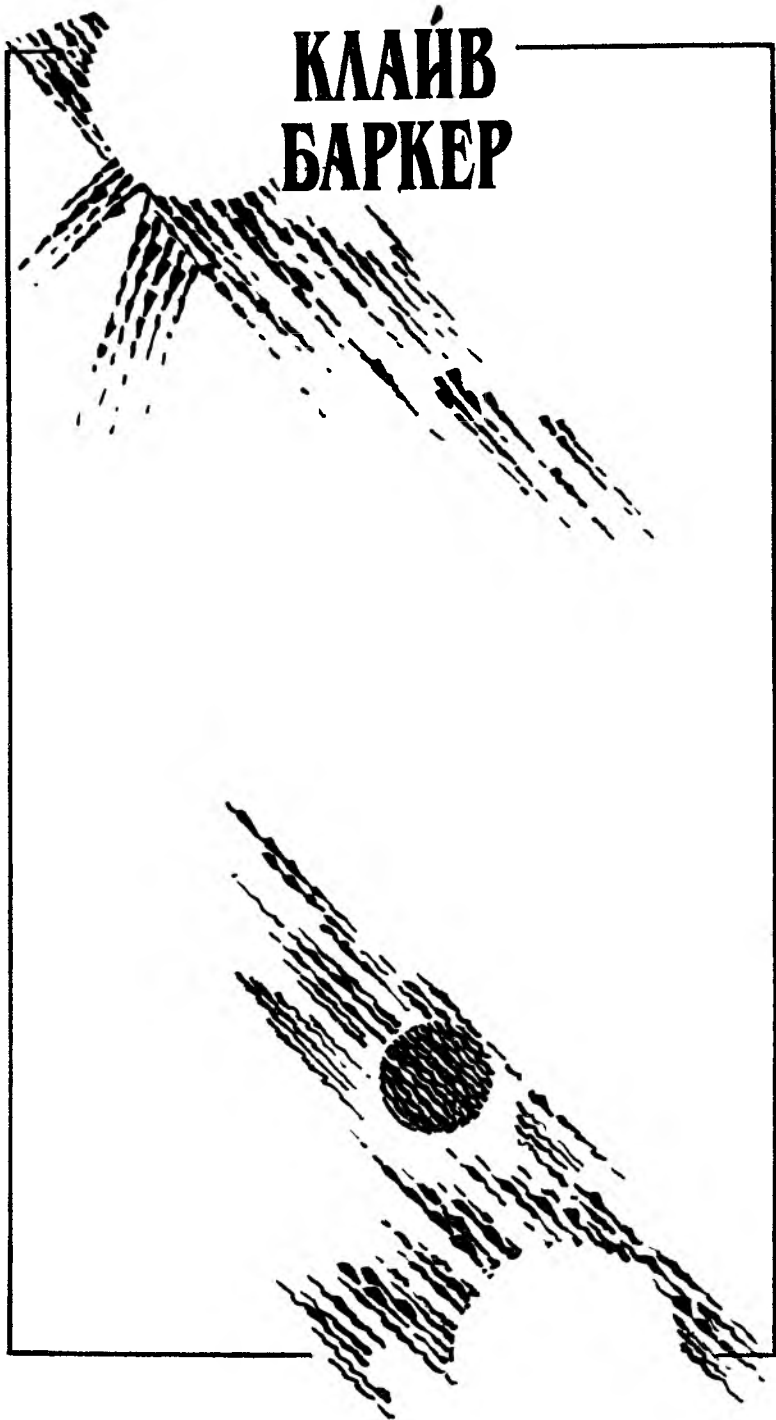
КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГА КРОВИ II

КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГА КРОВИ II

Жуковский
КЭДМЕН
1996

Clive Barker

”BOOKS OF BLOOD”

Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов

Клайв Баркер
Книга крови II : Сборник рассказов

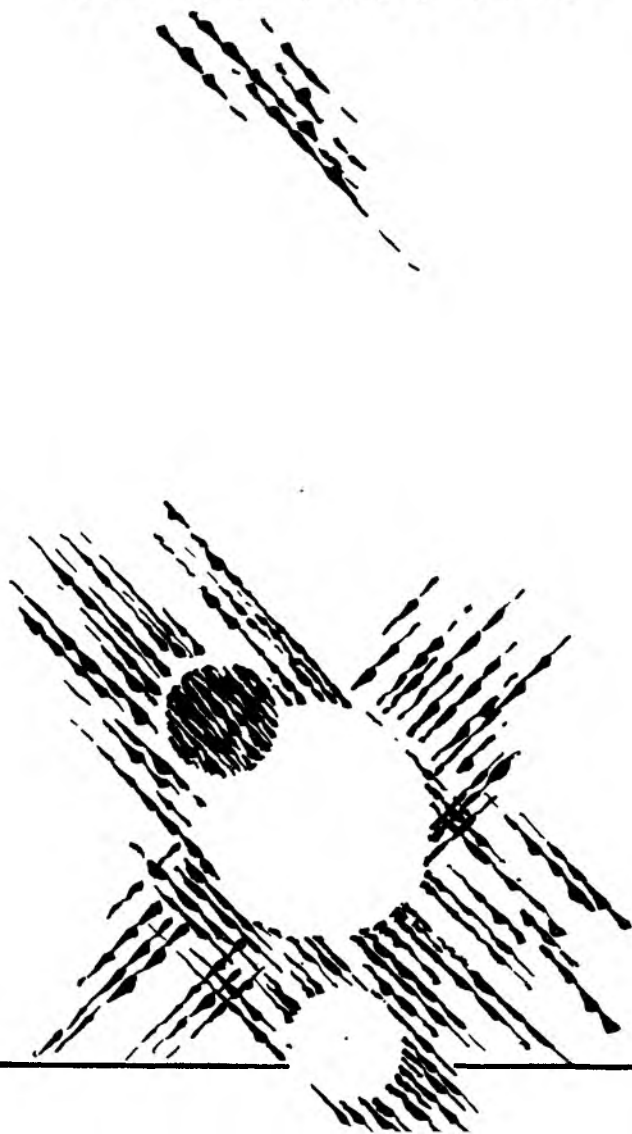
ISBN 5-85743-031-4

Copyright © by Clive Barker 1984

© А.Н.Миронов, 1995, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство «КЭДМЭН», 1995, перевод

ВЕЧНЫЙ ПОХИТИТЕЛЬ

I

Недоеденный Харви

громный серый зверь Февраль заживо съел Харви Свика. А вот и он, погребенный в животе того удушающего месяца, размышляет, сможет ли когда-нибудь отыскать дорогу в промерзших закоулках, что лежат между настоящим и Пасхой.

Харви не слишком много раздумывал о своих шансах. Очень вероятно, он так и скучал бы, пока однажды в голову не пришла мысль, что время тянется слишком медленно. Ему даже могло показаться — он забывает дышать. Тут, скорее всего, люди удивятся, почему такой превосходный молодой человек погиб в лучший момент своей жизни. Это останется грандиозной тайной до тех пор, пока некий великий сыщик не решит воссоздать день из жизни Харви Свика.

Тогда и только тогда будет открыта мрачная правда. Сначала сыщик проследовал бы тем ежеутренним маршрутом, которым следовал Харви в школу, тащась вдоль непривлекательных улиц. Затем он уселся бы за партой Харви и услышал вызывающее жалость бормотание учителя истории и учителя естественных наук и подивился бы, как героический мальчик умудрялся держать глаза открытыми. И наконец, когда пустой день превратится в сумерки, он бы вернулся длинной и утомительной дорогой домой, и когда бы он поставил ногу на лестницу, откуда ушел тем утром, и люди бы спросили его, — как это у них принято, — почему такой приятный молодой человек, как Харви, умер, он бы покачал головой и сказал:

«Это очень просто».

«О, — воскликнула бы любопытная толпа. — Скажите, пожалуйста».

И, смахивая слезу, сыщик ответил бы:

«Харви Свика съел огромный серый зверь Февраль».

Это был чудовищный месяц, вот уж точно, гнусный и унылый месяц. Удовольствия Рождества, и острые, и сладкие, уже затуманились в памяти Харви, и обещание лета было столь далеким, что казалось мифическим. Конечно, будут весенние каникулы, но насколько до них далеко? Пять недель? Шесть? Математика не была его сильной стороной, поэтому он не беспокоил себя больше, делая попытки и терпя неудачу в подсчете дней. Он просто знал, что задолго до того, как солнце придет спасти его, он уже завязнет в желудке зверя.

«Ты не должен тратить время, сидя здесь», — сказала его Мама, войдя и обнаружив, что он наблюдает, как дождевые капли догоняют друг друга, сбегая по стеклу окна в спальне.

«У меня ничего нет получше, чем бы заняться», — ответил Харви, не оглядываясь.

«Ну тогда ты можешь быть полезным», — сказала Мама.

Харви пожал плечами. Полезным? Еще одно наименование тяжелой работы. Он вскочил, подбирая оправдания — он не делал этого, он не делал того, — но было слишком поздно.

«Для начала ты можешь привести в порядок эту комнату», — сказала Мама.

«Но...»

«Не просиживай в мечтаниях дни напролет, дорогой. Жизнь слишком коротка».

«Но...»

«Вот это хороший мальчик».

И с этим она оставила его. Бормоча себе под нос, он обошел комнату. Тут не было даже беспорядка. Несколько игр разбросано, пара ящиков выдвинуто, кое-что из одежды не убрано в шкаф: выглядело совсем неплохо.

«Мне десять, — сказал он себе (не имея ни братьев, ни сестер, он частенько разговаривал сам с собой). — Это значит, что я не ребенок. Я не должен прибираться только потому, что она так говорит. Это скучно».

Теперь он не просто бормотал, он говорил вслух.

«Я хочу... Я хочу...» Он подошел к зеркалу и спросил его: «Чего же я хочу?» Курносый мальчик с соломенными волосами и карими глазами, которого он видел перед собой, покачал головой. «Я не знаю, чего хочу, — сказал он. — Я знаю только, что умру, если не будет чего-то веселого. Я! Умру!»

Когда он говорил, окно зазвенело — в него ударил крепкий порыв ветра, затем второй, затем третий. И хотя Харви не помнил, чтобы окно было приоткрыто больше чем на дюйм, оно внезапно распахнулось. Холодный дождь окропил его лицо. Полузакрыв глаза, он подошел к окну и на ощупь попытался закрыть его, сначала уверившись, что в этот раз задвижка легла на место.

Ветер раскачал лампу, и когда Харви повернулся, казалось, раскачивается вся комната. На мгновение свет в его глазах вспыхнул, затем залил противоположную стену. Но между вспышкой и тем, как разлиться, он осветил середину комнаты, и там — отряхивающий со шляпы капли дождя — стоял незнакомец.

Выглядел он достаточно безобидно. Он был не более чем на шесть дюймов выше Харви, тощ, кожа отчетливо желтоватого цвета. Носил он превосходный костюм, очки и широчайшую улыбку.

«Ты кто?» — требовательно спросил Харви, раздумывая, как ему пройти к двери мимо этого нахала.

«Не нервничай, — ответил человек, сдергивая одну из замшевых перчаток и хватая руку Харви и трясая ее. — Меня зовут Риктус. Ты — Харви Свик, верно?»

«Да...»

«А то я было подумал, что забрался не в тот дом».

Харви не мог отвести взгляда от ухмылки Риктуса. Она была достаточно широка, чтобы позавидовала акула, — в два ряда идеальных сверкающих зубов.

Риктус вытащил платок из кармана своего промокшего насквозь пиджака, затем снял очки и принялся стирать с них капли дождя. Либо он, либо платок издавали запах, далекий от благоухания. Аромат, честно говоря, был как в туалете.

«Я вижу, у тебя есть вопросы», — сказал Риктус.

«Ага».

«Спрашивай. Мне нечего скрывать».

«Хорошо. Как ты сюда забрался, это во-первых?»

«Через окно, разумеется».

«Высоковато с улицы».

«Если летаешь, то нет».

«Летаешь?»

«Конечно. Как еще я намеревался бы добраться сюда в такую отвратительную ночь? Либо так, либо на гребной лодке. Мы, маленький народец, должны смотреть в оба, когда сильно льет. Один неверный шаг и плывешь. — Он насмешливо уставился на Харви. — Ты плаваешь?»

«Летом, иногда», — ответил Харви, желая вернуться к проблеме летного дела.

Но Риктус направил беседу совсем в другом направлении. «По ночам, вроде этой, — сказал он, — тебе не кажется, будто лета никогда больше не будет?»

«Это точно», — согласился Харви.

«Знаешь, я услышал твой вздох за милю, и сказал себе: «Тут есть ребенок, нуждающийся в каникулах». Он сверился с часами. «Если у тебя есть время, каникулы будут».

«Время?»

«Для путешествия, мальчик, для путешествия! Ты нуждаешься в приключениях, молодой Свик. Где-то... вне этого мира».

«Как ты услышал, что я вздыхаю, когда ты был на расстоянии мили?» Харви хотел знать.

«Какая разница? Я услышал тебя. Вот и все дела».

«Это какое-то волшебство?»

«Может быть».

«Почему ты мне не говоришь?»

Риктус посмотрел на Харви непроницаемым взглядом. «Думаю, ты слишком любопытен, и это тебе не на пользу, вот почему, — сказал он, и его улыбка немного подпортилась. — Если ты не хочешь помощи, мне же лучше».

Он сделал движение в сторону окна. Ветер все еще ударял в стекло, будто бы страстно желал вернуться обратно и унести прочь своего пассажира.

«Погоди», — сказал Харви.

«Для чего?»

«Прости. Больше я не буду задавать вопросов».

Риктус замер, держа руку на задвижке. «Больше никаких вопросов, угу?»

«Обещаю, — произнес Харви. — Говорю тебе: я извиняюсь».

«Значит, извиняешься. Значит, извиняешься». Риктус глядел на дождь. «Я знаю местечко, где дни всегда солнечные, — заявил он. — Мы пришли к соглашению, мальчик, никаких вопросов».

«Да. Я извиняюсь».

«Будучи снисходительным, я забуду, что ты говорил, и скажу тебе вот что: если хочешь, чтобы я попросил за тебя, я посмотрю, не приготовлена ли комната для другого гостя».

«Я бы этого хотел».

«Я ничего не гарантирую», — сказал Риктус, открывая задвижку.

«Понимаю».

Ветер внезапно подул и широко распахнул окно. Свет начал неистово колебаться.

«Жди меня», — прокричал Риктус, пересиливая гул дождя и ветра.

Харви кинулся спросить, скоро ли он вернется, но в один миг остановил себя.

«Никаких вопросов, мальчик!» — сказал Риктус. И пока говорил, ветер, казалось, наполнил его пальто. Оно вздулось, как черный воздушный шар, и внезапно Риктус взлетел с подоконника.

«Вопросы развращают ум! — прокричал он, улетаая. — Держи рот на замке и посмотрим, что придется на твою долю!»

И с тем ветер унес его прочь. Черный воздушный шар пальто поднялся словно черная луна на дождливом небе.

II

Таинственная дорога

Харви ничего не сказал о своем необычном посетителе ни Маме, ни Папе, вдруг они повесят на окна замки, чтобы помешать Риктусу вернуться в дом. Но в таком сохранении тайны были и свои неудобства, через несколько дней Харви начал сомневаться, не вообразил ли он все. Возможно, я заснул на окне, думал он, и Риктус был только сном.

Тем не менее он продолжал надеяться. «Жди меня», — сказал Риктус, и Харви так и делал. Он смотрел из окна своей комнаты. Он смотрел со своей парты в школе. Он даже караулил одним глазом, когда лежал ночью на подушке. Но Риктус не появлялся.

И затем, приблизительно через неделю после первого визита, как раз тогда, когда надежда пошла на убыль, его бдительность была вознаграждена. Одним туманным утром по пути в школу он услышал голос у себя над головой и, взглянув вверх, увидел выплывающего из облаков Риктуса, пальто его раздулось так, что он выглядел толще свиньи на выставке.

«Как делишки?» — спросил он, спускаясь.

«Я начал думать, что придумал тебя, — ответил Харви. — Знаешь, вроде как сон».

«Это мне частенько говорят, — сообщил Риктус с еще более широкой улыбкой, чем прежде. — Особенно дамы. Ты — мечта, ставшая действительностью, говорят они». Риктус подмигнул. «А кто я такой, чтобы спорить?.. Тебе нравятся мои туфли?»

Харви посмотрел вниз на ярко-голубые туфли Риктуса. Они были что надо, и он так и сказал.

«Мне дал их мой босс, — похвастался Риктус. — Он чрезвычайно счастлив, что ты приедешь погостить. Итак, ты готов?»

«Ну...»

«Не стоит терять время, — сказал Риктус. — Завтра комнаты для тебя может не оказаться».

«Могу я задать только один вопрос?»

«Я думал, мы пришли к соглашению...»

«Знаю. Но только один».

«Ладно. Один».

«Это место далеко отсюда?»

«Не-а. Прямо на той стороне города».

«Значит, я пропущу в школе только пару часов?»

«Это уже два вопроса», — сказал Риктус.

«Нет, я просто размышляю вслух».

Риктус хмыкнул. «Смотри, — предупредил он. — Я тут не для того, чтобы песни петь и пляски разводить, уговаривая тебя. У меня есть приятель по имени Джайв, чтобы этим заниматься. А я просто весельчак. Я улыбнусь и говорю: иди со мной в Дом Каникул, и если ребятки не хотят идти...» Он пожал плечами. «Что ж, тем хуже для них».

С тем он и повернулся спиной к Харви.

«Погоди! — запротестовал Харви. — Я хочу пойти. Но только ненадолго».

«Ты можешь оставаться там так долго, как захочешь, — успокоил Риктус. — Или так недолго. Я хочу только убрать это хмурое выражение с твоего лица и чтобы на твоём лице было что-то вроде этого». Его улыбка стала даже еще шире. «Есть ли в этом какое преступление?»

«Нет, — ответил Харви. — Это не преступление. Я рад, что ты отыскал меня. По-настоящему рад».

Что с того, если он пропустит все утро в школе, подумал он, невелика будет потеря. Так же как и час или два днем. Поскольку он вернется домой к трем часам. Или к четырем. Но уж точно до темноты.

«Я готов идти, — сказал он Риктусу. — Показывай дорогу».

Миллсэп, город, где Харви прожил всю свою жизнь, не был очень велик, и он думал, что видел почти весь его за эти годы. Но улицы, которые он знал, скоро остались позади, и хотя Риктус развивал значительную скорость, Харви ста-

рался держать в памяти приметы, отмечавшие путь, на тот случай, если ему придется самому искать дорогу домой. Лавка мясника с двумя свиными головами, свисающими с крюков, церковь и двор возле нее, полный старых могил, статуя какого-то давно умершего генерала, покрытая от шляпы до стремян голубиным пометом, — все эти знаки он более или менее заметил и запомнил.

И пока они шли, Риктус не прекращал поток прайдной болтовни.

«Ненавижу туман! Просто ненавижу! — выкрикивал он. — И в полдень будет дождь. Мы, конечно, под него не попадем...» От разговора о дожде он перешел к состоянию улиц. «Посмотри на этот мусор по всему тротуару! Позор! А тут еще слякоть, которая превращает мои прекрасные туфли в старые развалюхи!»

У него было много, что сказать, но ничего из этого не было особенно информативным, и немного спустя Харви перестал слушать. Как далеко был Дом Каникул, начал размышлять он. Его пробирав озноб от тумана, ноги начали дрожать. Если вскоре они не доберутся, он хотел повернуть обратно.

«Я знаю, о чем ты думаешь», — сказал Риктус.

«Бьюсь об заклад, нет».

«Ты думаешь, что все это трюк. Думаешь, Риктус ведет тебя таинственным путем, конца которому нет. Верно?»

«Может, чуть-чуть».

«Хорошо, мой мальчик. У меня есть новости для тебя. Посмотри-ка вперед».

Риктус показал — и там, не очень далеко от того места, где они стояли, находилась высокая стена, такая длинная, что справа и слева терялась в тумане.

«Что ты видишь?» — спросил Риктус.

«Стену», — ответил Харви, хотя чем дальше он смотрел, тем менее уверенным становился. Камни, которые на первый взгляд выглядели достаточно прочными, теперь, казалось, двигались и шатались, будто были высечены из самого тумана и возложены один на другой, чтобы сдерживать любопытствующий взгляд.

«Похоже на стену, — сказал Харви, — но это не стена».

«Ты очень наблюдателен, — с восхищением воскликнул Риктус. — Большинство людей видят глухой тупик, поэтому поворачиваются и идут другой улицей».

«Но не мы».

«Нет, не мы. Мы продолжим путь. Знаешь почему?»

«Потому что Дом Каникул с той стороны?»

«Что ты за у-ди-ви-тель-ный ребенок! — заявил Риктус. Совершенно верно. — Кстати, ты хочешь есть?»

«Умираю от голода».

«Что же, в Доме Каникул тебя ждет женщина, миссис Гриффин. И позволю себе сказать: она величайшая кухарка на всем свете. Клянусь могилой моего портного. Она может приготовить все, что бы ни возмечталось из еды. Тебе надо сделать только одно — попросить. А яйца со специями, — он прищелкнул губами, — просто совершенство».

«Я не вижу ворот», — сказал Харви.

«Это потому, что их нет».

«Как же в таком случае мы войдем?»

«Просто продолжай идти».

Наполовину из-за голода, наполовину из-за любопытства Харви сделал, как указал Риктус, и когда он находился на расстоянии трех шагов от стены, порыв душистого, пахнущего цветами ветра проскользнул между мерцающих камней и поцеловал его в щеку. Это тепло радушно приглашало после долгой, утомительной дороги, и он прибавил шагу, потянулся, чтобы прикоснуться к стене, когда к ней приблизился. Туманистые камни, казалось, в свою очередь потянулись к нему, обнимая за плечи своими мягкими серыми руками и проводя сквозь стену.

Он оглянулся, но улица, из которой он шагнул, со своими серыми тротуарами и серыми облаками, уже исчезла. Под ногами была трава — высокая и полная цветов. Над головой было синее небо середины лета. А впереди, построенный на вершине обширного холма, находился Дом, который, вероятно, впервые воображен в мечте.

Он подождал, чтобы посмотреть, идет ли за ним Риктус, но не стал раздумывать, каким образом серый зверь Февраль был убит и на его месте возник этот теплый день. Харви просто испустил смешок, которым и сам Риктус мог бы гордиться, и заторопился вверх по склону под сень Дома Мечты.

III

Удовольствие и червь

Как было бы здорово, думал Харви, построить что-нибудь подобное. Заложить фундамент глубоко в землю, настелить полы и возвести стены, чтобы сказать: там, где ничего не существовало, я воздвиг дом. Это было бы очень здорово.

Опять-таки, место это не походило на напыщенного павлина. Ни мраморных лестниц, ни витых колонн. Это был горделивый Дом, но тут явно не было ничего дурного, а было много чем гордиться.

Дом возвышался на четыре этажа и хвастал большим количеством окон, чем Харви мог с легкостью подсчитать. Крыльцо было широким, к украшенной резьбой двери вели ступени, а крытые шифером крыши были круты и увенчивались величественными каминными трубами и громоотводами.

Однако высочайшей точкой была не труба и не громоотвод, а большой искусно отделанный флюгер, который Харви и разглядывал, когда услышал, как открылась входная дверь и голос произнес:

«Ну надо же, Харви Свик, собственной персоной».

Он посмотрел вниз, белый силуэт флюгера все еще стоял в глазах, а тут, на крыльце, была женщина, перед которой его бабушка (самый старый человек, которого он знал) выглядела молодой.

Ее лицо напоминало скатанный клубок паутины, откуда волосы ее, которые тоже могли быть паучьей работы, торчали многочисленными клочками. Глаза ее были крошечными,

рот сжат, руки скрючены. Однако голос ее оказался мелодичным, а слова радушными.

«Я думала, что, может быть, ты решил не приходить, — сказала она, поднимая корзину свежесрезанных цветов, которую она оставила на ступенях. — Это было бы жалко. Входи! Еда на столе. Ты, наверное, проголодался».

«Я надолго не останусь», — произнес Харви.

«Ты должен делать все, что пожелаешь, — слышалось в ответ. — Я, между прочим, миссис Гриффин».

«Да, Риктус упоминал о вас».

«Надеюсь, он не слишком утрудил твои уши. Он обожает звук собственного голоса. И еще — свое отражение».

Тут Харви забрался на ступени крыльца и остановился перед открытой дверью. Он знал, это был момент решения, хотя почему, в точности не ведал.

«Шагай внутрь», — сказала миссис Гриффин, отбрасывая паучьи волосы со своего покрытого морщинами лба.

Но Харви все еще колебался, он мог бы повернуться кругом и никогда не шагнуть внутрь Дома, если бы не услышал мальчишечий голос, вопящий: «Поймал! Поймал тебя!» Затем последовал буйный смех.

«Венделл! — воскликнула миссис Гриффин. — Ты опять гоняешься за кошками?»

Смех стал еще громче и был настолько полон радости, что Харви переступил порог и вошел в Дом, чтобы увидеть лицо смеявшегося.

Он видел его только мельком. Бестолковое лицо в очках на мгновение появилось в другом конце коридора. Затем между ног мальчика прошмыгнула пегая кошка и тот помчался на нею, опять вопя и смеясь.

«Такой сумасбродный мальчишка, — сказала миссис Гриффин, — но все кошки любят его!»

Изнутри Дом был еще более прекрасен, чем снаружи. Даже во время короткого путешествия до кухни Харви увидел достаточно, чтобы понять: здесь все устроено для игр, погонь и приключений. Это был лабиринт, в котором ни одна дверь не была похожа на другую. Это было сокровище, где какой-нибудь знаменитый пират спрятал свою награбленную, залитую кровью добычу. Это было место отдыха для ковров, на которых летают джинны, и для ящиков, запечатанных еще до Потопа, куда яйца тварей,

исчезнувших с земли, заключены, ожидая, пока солнечное тепло высидит их.

«Он совершенен!», — пробормотал сам себе Харви.

Миссис Гриффин услышала его слова. «Нет ничего совершенного», — ответила она.

«Почему нет?»

«Потому что время проходит, — продолжала она, глядя на срезанные ею цветы. — И пчела, и червь рано или поздно находят дорогу во все».

Слыша это, Харви недоумевал, что за горе извела миссис Гриффин, если она сделалась столь печальной.

«Извини, — сказала она, прикрывая свою печаль слабой улыбкой. — Ты пришел сюда не для того, чтобы слушать мои траурные песни. Ты пришел, чтобы развлекаться, не так ли?»

«Думается, да», — ответил Харви.

«Поэтому, позволь мне соблазнить тебя кое-какими угощениями».

Харви уселся за большой кухонный стол, и в одну минуту миссис Гриффин поставила перед ним дюжину тарелок с едой: гамбургеры, горячие сосиски и жареные цыплята, горы политого маслом картофеля, яблоки, вишни и шоколадные пироги, мороженое и взбитые сливки, виноград, мандарины и блюдо с фруктами, названия которых он даже и не знал.

Он стал с аппетитом есть и поглощал уже второй кусок шоколадного пирога, когда, легко ступая, вошла веснушчатая девочка с длинными кудрявыми светлыми волосами и огромными зеленовато-голубыми глазами.

«Ты, должно быть, Харви», — сказала она.

«Откуда ты знаешь?»

«Венделл мне сказал».

«А он откуда знает?»

Девочка нахмурилась: «Он просто услышал. Я, кстати, Лулу».

«Ты только что прибыла?»

«Нет. Я здесь уже сто лет. Дольше, чем Венделл. Но не так долго, как миссис Гриффин. Никто не был здесь так долго, как она. Верно?»

«Почти, — сказала миссис Гриффин чуть таинственно. — Хочешь чего-нибудь поесть, золотко?»

Лулу покачала головой: «Нет, спасибо. У меня сейчас нет аппетита».

Тем не менее она села напротив Харви, ткнула в шоколадный пирог большим пальцем и затем его облизала.

«Кто пригласил тебя сюда?» — спросила она.

«Человек по имени Риктус».

«О, да. Тот, с ухмылкой».

«Да, он».

«У него есть сестра и два брата», — продолжала она.

«Ты что, встречала их?»

«Не всех, — призналась Лулу. — Они держатся особняком. Но рано или поздно ты встретишь одного из них».

«Я... не думаю, что останусь, — сказал Харви. — Наверное, Мама и Папа даже не знают, что я здесь».

«Разумеется, знают, — ответила Лулу. — Они просто тебе не говорили». Харви смутили ее слова, и он в этом признался. «Позвони своим Маме и Папе, — предложила Лулу. — Спроси их».

«Я могу это сделать?» — удивился он.

«Конечно, можешь, — ответила миссис Гриффин. — Телефон в коридоре».

Взяв с собой полную ложку мороженого, Харви пошел к телефону и набрал номер. Сначала он услышал воющий звук в трубке, будто в проводах гудел ветер. Затем, когда прояснилось, он услышал, как его Мама говорит:

«Кто это?»

«До того, как ты начнешь вопить...» — начал он.

«О, привет, дорогой, — проворковала Мама. — Ты добрался?»

«Добрался?»

«Ты в Доме Каникул, надеюсь?»

«Да, там. Но...»

«О, замечательно. Я волновалась, что ты заблудился. Тебе там нравится?»

«Ты знала, куда я иду?» — спросил Харви, поймав взгляд Лулу.

Говорила тебе — одними губами произнесла она.

«Конечно, мы знали, — продолжала его Мама. — Мы пригласили мистера Риктуса показать тебе это место. Ты выглядел таким печальным, бедный ягненок. Мы подумали, что тебе следует немного развлечься».

«На самом деле?» — спросил Харви, пораженный подобным поворотом событий.

«Мы только хотели, чтобы ты немного развлекся, — продолжала Мама. — Поэтому оставайся там столько, сколько захочешь».

«А как насчет школы?» — спросил он.

«Ты заслужил, чтобы немного пропустить, — раздалось в ответ. — Не беспокойся ни о чем. Просто весело проводи время».

«Хорошо, Мам».

«Пока, дорогой».

«Пока».

Харви пошел прочь от телефона. Разговор изумил его.

«Ты оказалась права, — сказал Лулу. — Они все устроили».

«Значит, теперь тебе не из-за чего чувствовать свою вину, — заявила Лулу. — Ну, думаю, увидимся попозже, хорошо?»

И она легкими шагами ушла прочь.

«Если ты закончил есть, — сказала миссис Гриффин, — я покажу тебе твою комнату».

«Мне бы этого хотелось».

Она чинно повела Харви вверх по лестнице. На площадке между пролетами, греясь на залитом солнцем подоконнике, лежала кошка с мехом цвета безоблачного неба.

«Это Блю Кэт, — пояснила миссис Гриффин. — Ты видел Стю Кэт, игравшую с Венделлом. Не знаю, где Клю Кэт, но она разыщет тебя. Она любит новых гостей».

«А много людей приходит к вам сюда?».

«Только дети. Они очень особые, вроде тебя, и Лулу, и Венделла. Мистеру Худу не нужно кого попало».

«Кто такой мистер Худ?»

«Человек, который построил Дома Каникул», — ответила миссис Гриффин.

«Я его тоже встречу?»

Казалось, вопрос поверг миссис Гриффин в замешательство. «Может быть, — сказала она, отводя взгляд. — Но он очень замкнутый человек».

Теперь они поднялись на этаж, и, следуя вдоль ряда написанных маслом портретов, миссис Гриффин провела Харви в комнату в глубине Дома. Та выходила во фруктовый

сад, и теплый ветер принес с собой приятный запах свежих яблок.

«Ты устал, мое золотко, — сказала миссис Гриффин. — Может, ты приляжешь ненадолго?»

Харви обычно терпеть не мог спать днем: это слишком сильно напоминало ему о гриппе или о кори. Но подушка казалась очень холодной и удобной, и когда миссис Гриффин ушла, он решил прилечь, всего лишь на несколько минут.

Или он устал сильнее, чем думал, или покой и уют Дома укачали его, повергли в дремоту. Как бы то ни было, глаза его закрылись почти сразу, как только он положил голову на подушку, и не открывались до утра.

IV

Смерть в межсезонье

Солнце пришло разбудить его вскоре после восхода: прямая белая полоса света легла на веки. Харви вздрогнул, уселся на кровати, какое-то мгновение недоумевая, что это за кровать, что за комната, что за дом. Затем воспоминания о предыдущем дне вернулись, и он понял, что проспал с позднего полудня до раннего утра.

Отдых придал ему сил. Харви почувствовал прилив энергии и с возгласом удовольствия выпрыгнул из кровати и оделся.

Дом был даже еще радушнее, чем вчера, и цветы, что миссис Гриффин расставила на столах и подоконниках, ликовали всеми своими красками. Входная дверь была распахнута, и, скользя вниз по сверкающим перилам, Харви выскочил на крыльцо, чтобы рассмотреть утро.

Его ожидал сюрприз. Деревья, которые вчера были тяжелы от листьев, потеряли свои кроны, на каждой ветке были новые крохотные почки, будто в первый день весны.

«Новый день, новый доллар», — сказал Венделл, рысцой оглябая угол Дома.

«Что это значит?» — спросил Харви.

«Мой отец все время так говорит. Новый день, новый доллар. Он банкир, мой Папа. Венделл Гамильтон Второй. А я, я...»

«Венделл Гамильтон Третий».

«Откуда ты знаешь?»

«Случайно угадал. Я — Харви».

«Ага, знаю. Тебе нравятся дома на деревьях?»

«У меня никогда такого не было».

Венделл указал на самое высокое дерево. Там среди ветвей была установлена платформа, на которой высился недостроенный дом.

«Я работаю там уже несколько недель, — сказала Венделл. — Но в одиночку никак не доделаю. Ты мне не хочешь помочь?»

«Конечно. Но сначала мне надо что-нибудь съесть».

«Иди и ешь. Я буду неподалеку».

Харви направился в Дом и обнаружил, что миссис Гриффин ставит завтрак, подходящий принцу. На полу было пролитое молоко и кошка с хвостом, изогнутым как вопросительный знак, лакала его.

«Клю Кэт?» — спросил он.

«Совершенно верно, — гордо ответила миссис Гриффин. — Она озорница».

Клю Кэт взглянула вверх так, будто знала, что говорят о ней. Затем вспрыгнула на стол и стала искать среди блюд с пирожными и вафлями, чего бы еще съесть.

«Она может делать все, что захочет? — спросил Харви, видя, как кошка обнюхивает и то, и это. — Я имею в виду, кто-нибудь следит за ней?»

«О, ну за всеми нами кто-то следит, не так ли? — ответила миссис Гриффин. — Нравится нам это или нет. Ешь же, у тебя впереди какое-нибудь чудесное занятие».

Харви не нуждался в дополнительных приглашениях. Он накинул на свою вторую трапезу в Доме Каникул даже с большим аппетитом, чем на первую, и затем отправился наружу, чтобы встретить день.

О, что это был за день!

Ветерок был теплым и пах зеленым ароматом растений, идеальное небо полно ныряющих вниз птиц. Он побрел по траве, держа руки в карманах, как повелитель всего, что обзореваает, и выкликая Венделла при приближении к деревьям.

«Можно подняться?»

«Если у тебя голова не кружится от высоты», — подзадо-рил его Венделл.

Лестница трещала, пока он взбирался, но он поднялся на платформу, не нащупывая ни одной ступеньки. Венделл был поражен.

«Неплохо для новичка, — сказал он. — У нас здесь было тва ребенка, которые даже до половины не могли долезть».

«Куда они делись?»

«Обратно домой, я полагаю.. Дети приходят и уходят, знаешь?»

Харви поглядел сквозь ветки, на которых лопалась каждая почка.

«Много здесь не увидишь, да? — спросил он. — Я имею в виду, тут нет никаких признаков города».

«Какая разница? — сказал Венделл. — Он в любом случае отсюда покажется серым».

«А здесь солнечно, — сказал Харви, разглядывая стену из туманных камней, которая отделяла сады Дома от внешнего мира. — Как это получается?»

Вновь ответ Венделла оказался тем же. «Какая разница? — сказал он. — Мне все равно. Ну, мы начинаем строить или как?»

Они потратили следующих два часа, работая над деревянным домом, спускаясь множество раз, чтобы втащить материалы, которые грудой валялись возле фруктового сада, отыскивали доски, чтобы закончить ремонт. К полудню они не только отыскивали достаточно деревяшек, чтобы укрепить крышу, но каждый из них нашел еще и друга. Харви понравились плоские шутки Венделла, и это «какая разница?», которое находило дорогу в каждое второе предложение. Венделл, казалось, был также счастлив в обществе Харви.

«Ты первый по-настоящему веселый ребенок», — сказал он.

«А Лулу?»

«Что Лулу?»

«Она нисколько не веселая?»

«Она была в порядке, когда я только прибыл, — признал Венделл. — Я имею в виду, она была здесь месяцы, поэтому была так добра, что показала мне это место. Но последние несколько дней она стала странной. Я видел, как она иногда бродит повсюду так, будто ходит во сне, с бессмысленным выражением на лице».

«Возможно, она сходит с ума, — сказал Харви. — Ее мозг превращается в кашу».

«Ты знаешь об этой дряни?» — спросил Венделл, его лицо осветилось дьявольским восторгом.

«Конечно, знаю, — солгал Харви. — Мой Папа — хирург».

Больше всего Венделл был поражен этим, и в течение нескольких секунд слушал с изумленной завистью, как Харви рассказывал ему обо всех операциях, которые он видел: о распиленных черепах и отрезанных ногах, пришитых туда, где обычно бывают руки, о человеке с нарывом на спине, который вырос в говорящую голову.

«Клянешься?» — спросил Венделл.

«Клянусь», — сказал Харви.

«Вот это здорово».

Такие разговоры разожгли свирепый голод, и по предложению Венделла они спустились по лестнице и побрели в Дом поесть.

«Что ты хочешь делать в полдень? — спросил Венделл, когда они уселись за стол. — Будет по-настоящему жарко. Всегда так».

«Мы тут где-нибудь можем поплавать?»

Венделл нахмурился. «Ну да... — сказал он с сомнением. — Тут есть озеро с другой стороны Дома, но тебе оно не особенно понравится».

«Почему?»

«Вода такая глубокая, что даже дна не увидишь».

«А там есть какая-нибудь рыба?»

«О, конечно».

«Может, мы наловим немного. Миссис Гриффин могла бы сготовить ее для нас».

При этих словах миссис Гриффин, которая стояла у плиты, нагромождая на блюдо луковые кольца, издала тихий вскрик и уронила блюдо. Она с посеревшим лицом повернулась к Харви.

«Ты не станешь этого делать», — сказала она.

«Почему? — ответил Харви. — Я думал, я могу делать все, что захочу».

«Да, конечно, можешь, — сказала она ему. — Но я не хочу, чтобы ты заболел. Рыба... ядовитая, видишь ли».

«Ох, — сказал Харви, — ну, может, мы ее вовсе не будем есть».

«Поглядите на этот беспорядок, — забормотала миссис Гриффин, суетясь, чтобы скрыть свое смущение. — Мне нужен новый фартук».

Она заторопилась прочь, чтобы достать его, и оставила Харви и Венделла, которые обменивались озадаченными взглядами.

«Теперь я по-настоящему хочу посмотреть на этих рыб», — сказал Харви.

Пока он говорил, вечно любопытная Клю Кэт вспрыгнула на стойку возле плиты и, прежде чем мальчики смогли остановить ее, положила лапы на одну из кастрюль.

«Эй, слезай!» — сказал ей Харви.

Кошка и не подумала выполнить приказание. Она забралась на край кастрюли, чтобы понюхать ее содержимое, причем хвост ее мелькал туда-сюда. В следующий момент произошло несчастье. Хвост танцевал слишком близко к включенной горелке и вспыхнул ярким пламенем. Клю Кэт взвыла и опрокинулась в кастрюлю, на которой громоздилась. Волна кипящей воды смыла ее с плиты, и кошка упала дымящимся комочком. То ли утопленная, то ли обваренная, то ли сожженная — но конец был един: она ударилась об пол мертвой.

Шум заставил миссис Гриффин заторопиться обратно.

«Думаю, мне лучше пойти и поесть снаружи», — сказал Венделл, когда старуха появилась в дверях. Он ухватил пару горячих сосисок и ушел.

«О Боже! — вскричала миссис Гриффин, когда взгляд ее натолкнулся на мертвую кошку. — О... ты, глупышка».

«Это был несчастный случай, — сказал Харви, почувствовавший дурноту от происшедшего. — Она забралась на плиту...»

«Глупышка, глупышка», — казалось, все, что миссис Гриффин была способна вымолвить. Она опустилась на колени и уставилась на печальный маленький комочек опаленного меха. «Никаких больше хлопот с тобой», — наконец пробормотала она.

От картины горя миссис Гриффин глаза Харви стало щипать, но он терпеть не мог, чтобы кто-то видел его плачущим, а потому сдержал изо всех сил слезы.

«Могу ли я помочь вам похоронить ее?», — самым своим грубым голосом спросил он.

Миссис Гриффин оглянулась. «Очень мило с твоей стороны, — мягко сказала она. — Но необходимости нет. Иди и играй».

«Я не хочу оставлять вас в одиночестве», — ответил Харви.

«Ох, посмотри на себя, дитя, — сказала миссис Гриффин. — У тебя на щеках слезы».

Харви вспыхнул и вытер щеки тыльной стороной ладони.

«Не стыдись плакать, — сказала миссис Гриффин. — Это прекрасная вещь. Хотела бы я суметь пролить хоть пару слезинок».

«Вы печальны, — сказал Харви. — Я вижу».

«То, что я чувствую, не совсем печаль, — ответила миссис Гриффин. — А это, боюсь, все же не слишком большое утешение».

«Что такое утешение?» — спросил Харви.

«Нечто, что смягчает, — ответила миссис Гриффин. — Нечто, что лечит боль в твоём сердце».

«А у вас ничего такого нет?»

«Нет, у меня нет, — сказала миссис Гриффин. Она протянула руку и прикоснулась к щеке Харви. — Кроме, может быть, этих твоих слез. Они утешают меня». Она вздохнула, проведя пальцами вдоль мокрых дорожек. «Твои слезы добры, дитя. И ты тоже добр. А теперь иди на свет и радуй себя. На ступенях лестницы солнце. И, поверь мне, оно будет не всегда».

«Вы уверены?»

«Уверена».

«Тогда увидимся попозже», — сказал Харви и направился наружу, в день.

V

Узники

Температура поднялась, пока Харви сидел за вторым завтраком. Дымка зноя колебалась над лужайкой (которая была сочнее и еще богаче цветами, чем он помнил), и это заставляло деревья вокруг Дома мерцать.

Он направился туда, выкликая Венделла по имени, пока шел. Ответа не было. Он оглянулся в сторону Дома, думая, что может увидеть Венделла в одном из окон, но все они отражали нетронутую голубизну. Он перевел взгляд на небеса. Не было ни облачка, куда ни посмотри.

И подозрение подкралось к нему, а потом выросло в уверенность, когда его взгляд перешел обратно к мерцающей рошце деревьев и к цветам под ногами. В течение часа, что провел он в прокладе кухни, время года переменялось. В Дом Каникул мистера Худа пришло лето: лето, такое же волшебное, как и весна, предшествовавшая ему.

Вот почему небо было безукоризненно синим и птицы создавали такую музыку. Увешанные листьями ветки деревьев были не менее довольны, и не менее довольно цветение в траве, не менее благостны пчелы, что жужжали, перелетая от цветка к цветку, собирая щедроты лета. Все блаженствовало.

Это время года не будет долгим, предположил Харви. Если весна кончилась за утро, тогда более чем вероятно, что это идеальное лето не продлится дольше дня.

Мне лучше взять побольше от него, подумал он, и заторопился искать Венделла. В конце концов он обнаружил своего друга сидящим в тени деревьев со стопкой комиксов под боком.

«Хочешь сесть почитать?» — спросил он.

«Может попозже, — сказал Харви. — Сначала мне бы хотелось пойти и взглянуть на озеро, о котором вы говорили. Ты собираешься пойти?»

«К чему? Я говорил тебе, это не интересно».

«Ладно, я пойду один».

«Ты там надолго не останешься», — заметил Венделл и вернулся к своему чтению.

Хотя Харви неплохо представлял, где в общем находится озеро, кусты на этой стороне Дома были густые и колючие, и у него заняло несколько минут, чтобы сквозь них пробраться. К тому времени, как он увидел само озеро, пот на его лице и спине стал липким, а руки были расцарапаны в кровь колючками.

Как и предсказывал Венделл, из-за озера беспокоиться не стоило. Оно было велико — настолько велико, что дальняя сторона его была едва видна, — но унылое и мрачное, и озеро, и темные камни вокруг него покрывала пленка зеленой слизи.

Легион мух жужжал вокруг в поисках чего-нибудь сгнившего, чтобы покормиться, и Харви рассудил, что им не приходится особенно хлопотать, разыскивая еду. Это было место, откуда родом мертвецы.

Он был готов уйти, когда взгляд его уловил движение в тени. Кто-то стоял дальше по берегу, почти заслоненный покровом чащи. Он подошел на несколько шагов ближе к озеру и теперь увидел, что это была Лулу. Она пристроилась на скользких камнях у самого края воды, уставившись в глубину.

Почти шепотом, из-за страха испугать ее, Харви сказал: «Кажется, оно холодное».

Девочка подняла на него глаза, лицо ее окрасилось смущением, и затем, не сказав в ответ ни слова, она бросилась прочь через кусты.

«Погоди!» — окликнул ее Харви, торопясь в сторону озера.

Лулу, однако, уже исчезла, оставив сотрясающуюся чащобу. Он мог бы пуститься за ней в погоню, если бы звук лопающихся пузырей в озере не привлек его взгляда к воде и там он увидел двигавшихся прямо под пленкой пены рыб. Они были почти с него величиной, их серая чешуя испачкана

и покрыта коркой, их выпученные глаза устремлены к поверхности, как глаза заключенных в водяной яме.

Они наблюдали за ним, Харви был уверен в этом, и их испытующие взгляды заставили его содрогнуться. Были ли они голодны, размышлял он, и молились своим рыбьим богам, чтобы он поскользнулся на камнях и свалился в воду? Или они желали, чтобы он пришел с удочкой и леской, так, чтобы можно было их вытянуть из глубин и избавить от жалкого положения?

Что за жизнь, подумал он. Без солнца, согревающего их, без цветов, чтобы нюхать, и без игр, в которые играют. Только глубина, темные воды, чтобы кружить, кружить, кружить, кружить.

Одно только смотрение довело его до головокружения, и он испугался, что если помедлит еще немного, то потеряет равновесие и присоединится к ним. Вздохнув с облегчением, он повернулся спиной к воде и возвратился туда, где сиял солнечный свет, так быстро, как позволяли колючки.

Венделл все еще сидел под деревом. В траве возле него лежали две бутылки холодного как лед лимонада, и когда Харви приблизился, он кинул ему одну.

«Ну?» — спросил он.

«Ты был прав», — ответил Харви.

«Никто в здравом уме никогда не пойдет туда».

«Я видел Лулу».

«Что я тебе говорил? — восторжествовал Венделл. — Никто в здравом уме».

«А эта рыба...»

«Ага, знаю, — сказал Венделл, строя рожи. — Уродливые соплюшки, да?»

«Зачем мистер Худ держит такую рыбу? Я имею в виду, все остальное так великолепно. Лужайки, Дом, фруктовый сад...»

«Какая разница?» — сказал Венделл.

«Мне есть разница. Я хочу знать все, что можно знать об этом месте».

«Зачем?»

«Чтобы я мог рассказать о нем своим Маме и Папе, когда вернусь домой».

«Домой? — сказал Венделл. — Кому это надо? Все, что нам надо, есть здесь».

«Мне бы все-таки хотелось знать, как все это действует. Есть ли здесь какая-нибудь машина, заставляющая времена года меняться?»

Венделл указал сквозь ветки на солнце. «Это тебе кажется механическим? — спросил он. — Не будь остопом, Харви. Это все реально. Это волшебство, но это реально».

«Ты так думаешь?»

«Слишком жарко, чтобы думать, — ответил Венделл. — Теперь садись и заткнись. — Он швырнул несколько комиксов в сторону Харви. — Просмотри эти. Найди себе чудовище для сегодняшней ночи».

«А что произойдет ночью?»

«Хэллоуин, конечно, — ответил Венделл. — Он происходит каждую ночь».

Харви плюхнулся рядом с Венделлом, открыл свою бутылку лимонада и начал листать комиксы, размышляя, пока листал и потягивал лимонад, что может Венделл прав и сейчас слишком жарко, чтобы думать. Как бы это чудесное место ни действовало, оно казалось достаточно реальным. Солнце было жарким, лимонад холодным, небо голубым, трава зеленой. Чего еще он желал знать?

Где-то в середине этих размышлений он, должно быть, задремал, потому что проснулся, вздрогнув, и обнаружил, что солнце больше не расцвечивает землю пятнами вокруг него и Венделл больше не читает рядом.

Он потянулся за лимонадом, но бутылка упала и сладкий запах привлек сотни муравьев. Они заползли на нее, многие утонули из-за своей жадности.

Когда Харви поднялся на ноги, подул первый с полудня настоящий ветер и лист с увядшими краями, кружась, опустился на землю к его ногам.

«Осень...» — пробормотал он себе под нос.

До этого момента, когда он стоял под трещащими ветками и наблюдал, как ветер стрясает листья с деревьев, осень всегда казалась ему печальнейшим из времен года. Это означало, что лето завершилось и ночи будут становиться длиннее и холоднее. Но теперь, когда мелкий дождик листьев стал потоком, стук желудей и каштанов барабанным боем, он рассмеялся, видя и слыша ее приход. К тому времени, как он вышел из-под деревьев, у него в волосах и на спине были

листья, листья лежали и под ногами и он подбрасывал их с каждым торопливым шагом.

Когда он подошел к крыльцу, первые облака, которые он видел за весь день, наплзли на солнце, и их тень делала Дом, который колебался как мираж, неожиданно расплывчатым, темным и солидным.

«Ты реален, — сказал Харви, когда, переводя дыхание, стоял на крыльце. — Ты реален, да?»

Он начал смеяться над глупостью разговора с Домом, но улыбка исчезла с лица, когда голос, столь мягкий, что он едва ли был уверен, что вообще слышал его, сказал:

«О чем ты думаешь, дитя?»

Он поискал говорившего, но на пороге никого не было, и на крыльце тоже, и на ступенях за ним.

«Кто это сказал?» — требовательно спросил Харви.

Ответа не было, что его обрадовало. Это вовсе не было голосом, сказал он себе. Это был треск досок под ногами или шуршание сухих листьев в траве. Но он вступил в Дом с сердцем, бьющимся немного быстрее, вспоминая, пока шел, те вопросы, которые здесь не одобряли.

Какая разница, в любом случае, подумал он, было ли это реальным местом или сном? Оно ощущалось как реальное — и это все, что имеет значение.

Удовлетворенный, он поспешил через Дом на кухню, где миссис Гриффин отягощала стол угощением.

VI

Видимый и невидимый

«Ну, — сказал Венделл, пока они ели, — кем ты собираешься быть сегодня ночью?»

«Не знаю, — ответил Харви. — А кем собираешься быть ты?»

«Палачом, — сказал тот с улыбкой, похожей на спагетти. — Я научился завязывать петли. Теперь все, что я должен сделать, — отыскать, кого бы повесить!» Он пристально посмотрел на миссис Гриффин. «Это быстро, — сказал он. — Ты просто роняешь их и — крак! — шея у них переломана!»

«Это ужасно! — сказала миссис Гриффин. — Почему мальчики всегда любят говорить о призраках, убийствах и повешенных?»

«Потому что это возбуждает», — ответил Венделл.

«Вы чудовища, — произнесла она с намеком на улыбку. — Вот вы кто. Чудовища».

«Харви — чудовище, — сказал Венделл. — Я видел, как он оттачивал зубы».

«Луна полная? — спросил Харви, размазывая кетчуп вокруг рта и судорожно растягивая рот. — Я надеюсь на это, мне нужна кровь... свежая кровь».

«Здорово, — сказал Венделл. — Ты можешь быть вампиром. Я повешу их, а ты можешь высосать у них кровь».

Возможно, Дом услышал, что Харви хотел полнолуние, потому что, когда они с Венделлом потащились наверх и выглянули из окна на лестничной площадке, там — висящая среди голых ветвей — была луна, такая широкая и белая, как улыбка мертвеца.

«Посмотри на нее! — сказал Харви. — Я могу разглядеть каждый кратер. Она безукоризненна».

«О, это только начало», — пообещал Венделл и повел Харви в большую затхлую комнату, которая была наполнена одеждой всевозможного вида. Одежда висела на крючках и плечиках. Одежда лежала в корзинках, как актерские костюмы. Еще больше было навалено кучей в дальнем конце комнаты на пыльном полу. И до тех пор, пока Венделл не расчистил дорогу, полускрытым был вид, который заставил Харви ахнуть: стена, покрытая от пола до потолка масками.

«Откуда они все появились?» — спросил Харви, изумленно раскрыв рот от такого зрелища.

«Мистер Худ собирает их, — объявил Венделл. — А одежда просто тот хлам, который оставляют после себя дети, которые были здесь в гостях».

Харви не интересовался одеждой, его загнипнотизировали маски. Они были как снежинки: ни одной одинаковой. Некоторые из дерева и из пластика, некоторые из соломы, из материи и папье-маше. Некоторые яркие, как попугаи, другие бледные, как пергамент. Некоторые были так нелепы, что он был уверен, что они были вырезаны сумасшедшими, другие столь совершенны, что выглядели как посмертные маски ангелов. Тут были маски клоунов и лис, маски как черепа, украшенные настоящими зубами, а одна — пламенем, вырезанным вместо зубов.

«Давай, выбирай, — сказал Венделл. — Тут где-то обязан быть вампир. Чего бы я ни хотел здесь отыскать, я нашел рано или поздно».

Харви решил оставить удовольствие выбора маски на самый конец и вместо этого сосредоточился на раскапывании чего-то достаточно похожего на летучую мышь, чтобы это надеть. Когда он копался в стопках одежды, он обнаружил, что размышляет о детях, которые оставили ее здесь. Хотя он всегда ненавидел уроки истории, он знал, что некоторые куртки, туфли, рубашки и пояса вышли из моды много-много лет тому назад. Где были их владельцы теперь? Умерли, предположил он, или так стары, что это уже неважно.

Мысль об одеяниях, принадлежавших мертвым детям, вызвала легкий озноб у него на спине. Но как иначе? В конце концов это был Хэллоуин, а что за Хэллоуин без приступа дрожи?

После нескольких минут поиска он обнаружил длинное черное пальто с воротником, который он мог поднять, пальто, названное Венделлом вампирическим. Вполне удовлетворенный своим выбором, он пошел обратно к стене лиц и его взгляд почти немедленно упал на маску, которую он раньше не видел, — с бледностью и глубоко запавшими глазницами души, только что поднявшейся из могилы. Он взял ее и надел. Она подходила идеально.

«На что я похож?» — спросил Харви, поворачивая лицо к Венделлу, отыскивавшему маску палача, которая подошла ему так же хорошо.

«Страшен как смертный грех».

«Порядок».

Когда они вышли наружу, на крыльце выстроилось в линию семейство поблескивающих тыквенных голов и туманный воздух пах древесным дымом.

«Куда мы отправимся играть в «обмани-напугай», — хотел знать Харви. — На улицу?»

«Нет, — сказал Венделл, — в наружном мире Хэллоуина нет, помнишь? Мы собираемся идти вокруг задней части Дома».

«Не слишком далеко», — разочарованно заметил Харви.

«В такое время ночи, — вкрадчиво сказал Венделл, — Дом полон сюрпризов. Увидишь».

Харви посмотрел на Дом через крошечные прорези своей маски. Тот неясно вырисовывался большой, как грозовая туча, со своим флюгером, достаточно острым, чтобы оцарапать звезды.

«Пошли, — сказал Венделл, — у нас впереди долгое путешествие».

Долгое путешествие? Харви подумал, как может быть долгой дорога от передней двери Дома до его задворков. Но вновь Венделл оказался прав: Дом был полон сюрпризов. Путь, при свете дня занявший бы не более двух минут, скоро превратился в петляющую дорогу, и Харви пожалел, что не взял с собой фонарь и карту. Листья шуршали под ногами так, будто в них кишели змеи, деревья, днем дававшие тень, теперь выглядели пугающе в своей голизне, мрачные и голодные.

«Зачем я это делаю? — спрашивал он себя, пока следовал за Венделлом во тьме. — Я замерз и чувствую себя неуютно». (Он мог бы добавить испуган, но оставил эту мысль невысказанной).

Когда он собрался предложить повернуть обратно, Венделл указал наверх и прошипел:

«Смотри!»

Харви посмотрел. Прямо над головой в небе тихо двигалась фигура, как будто только что слетевшая с карниза Дома. Луна крадучись ушла за крышу и не бросала света на ночного летуна, так что Харви мог предположить его форму по звездам, которые тот затемнял, пока парил. Крылья его были широки, но лохматы — слишком лохматы, чтобы нести его, подумал Харви. Он казалось вцеплялся в темноту, пока двигался, как будто полз в самом воздухе.

Видение было мимолетным. Затем оно пропало.

«Что это было?» — прошептал он.

Он не получил ответа. В то мгновение, когда он принялся разглядывать небо, Венделл исчез.

«Венделл, — шепнул Харви. — Где ты?»

Ответа все еще не было. Только скольжение в листьях и стон голодных веток.

«Я знаю, что ты делаешь, — сказал Харви на этот раз громче. — Ты меня просто не испугаешь. Слышишь?»

На этот раз пришел особый ответ. Не слова, а треск откуда-то с деревьев.

Он забирается в дом на дереве, подумал Харви и, решив поймать Венделла и в свою очередь напугать его, направился в сторону, откуда раздался звук.

Несмотря на обнаженность ветвей, их густота почти полностью удерживала мерцание звездного света от падения на рошу. Харви спустил маску на шею, чтобы видеть лучше, но даже тогда он был почти слепым и, чтобы ориентироваться, должен был прислушиваться к тому, как Венделл взбирается на дерево. Он все еще достаточно легко мог слышать треск. И спотыкаясь пошел в ту сторону, вытянув вперед руки, чтобы схватится за лестницу, когда к ней подойдет.

Теперь звук раздавался так громко, что Харви был уверен, что стоит под деревом. Он посмотрел вверх, надеясь хоть мельком увидеть ловкача, но когда он сделал это, что-то

коснулось его лица. Он вцепился в это, но оно исчезло, по крайней мере на мгновение. Затем вновь вернулось, задев его другую бровь. Харви вцепился опять, затем, когда это вновь коснулось его, он это поймал.

«Поймал тебя!» — воскликнул он.

За его победным воплем последовало стремительное движение воздуха и звук чего-то рухнувшего рядом на землю. Он отпрыгнул, но не выпустил то, что держал.

«Венделл?» — позвал он.

В качестве ответа в темноте позади него вспыхнуло пламя, и фейерверк взорвался ливнем зеленых вспышек, и их свет высветил омертвелую рощу.

При мерцающем свете Харви увидел, что держал, и, увидев, издал панический вскрик, подняв ворон с их постелей над его головой.

Он слышал скрип не лестницы, это была веревка. Нет, даже не веревка, петля. И в его руке была нога человека, свисающего с петли. Он выпустил ногу и спотыкаясь двинулся назад, едва подавив второй вскрик, когда глаза его встретили взгляд мертвеца. Судя по всему, он умер ужасно. Язык свисал с покрытых пеной губ, вены были столь раздуты от крови, что голова походила на тыкву.

Или так, или это и была тыква.

Взлетел фонтан нового фейерверка, и Харви понял суть дела. Нога, которую он держал, была набитой штаниной брюк, тело — пальто, откуда сыпалась скомканная одежда, а голова маской из тыквы, с кремом вместо слюны и яйцами вместо глаз.

«Венделл!» — завопил он, поворачиваясь спиной к сцене казни.

Венделл стоял по другую сторону фейерверка, его ухмылка от уха до уха освещалась плюющимися вспышками. Он выглядел как маленький демон, только что из преисподней. Сбоку от него лестница, которая с треском повалилась, чтобы сделать спектакль убедительней.

«Я тебя предупреждал! — сказал Венделл сдирая свою маску. — Ведь я говорил, что собираюсь сегодня ночью быть палачом!»

«Я отквитаюсь! — сказал Харви, сердце его еще билось слишком сильно, чтобы он мог увидеть смешную сторону происшедшего. — Я клянусь... Я отквитаюсь!»

«Можешь попробовать!» — ликовал Венделл. Фейерверк уже выдыхался, тени вокруг них начали вновь углубляться. «Достаточно Хэллоуина на сегодня?» — спросил он.

Харви не слишком любил признавать поражение, но угрюмо кивнул, поклявшись себе, что он в конце концов возьмет реванш.

«Улыбнись, — сказал Венделл, когда фонтан вспыхнул. — Мы в Доме Каникул».

Свет почти потух. И хотя Харви и злился на Венделла (а заодно на себя, за то что оказался таким сосунком), он не мог позволить, чтобы это осталось без примирения.

«Все в порядке, — сказал он, позволив себе тень улыбки. — Будут другие ночи».

«Всегда», — отозвался Венделл. Ответ доставил ему удовольствие. «Вот какое это место, — сказал он, когда свет исчез. — Это Дом Всегда».

VII

Подарок из прошлого

Когда они вернулись обратно в Дом, их ожидал ужин Праздничного Костра.

«Вы выглядите так, будто побывали на войне, — заметила миссис Гриффин, внимательно посмотрев на Харви. — Опять Венделл со своими фокусами?»

Харви честно признал, что попался на все из них, но что один поразил его в особенности.

«Какой? — спросил Венделл с самодовольной улыбкой. — Фокус с упавшей лестницей? Это был маленький удачный штрих, не так ли?»

«Нет, не лестница», — сказал Харви.

«А что тогда?»

«Штука в небе».

«О, это...»

«Что это? Воздушный змей?»

«Это не моих рук дело», — ответил Венделл.

«А что это тогда?»

«Не знаю, — сказал Венделл. Его улыбка исчезла. — Лучше не спрашивать, а?»

«Но я хочу знать, — настаивал Харви, повернувшись к миссис Гриффин. — Я думаю, она слетела с крыши».

«Тогда это была летучая мышь», — сказала миссис Гриффин.

«Нет, в сотни раз больше, чем летучая мышь. — Он раскинул руки. — Огромные темные крылья».

Миссис Гриффин нахмурилась, слушая Харви. «Тебе показалось», — сказала она.

«Нет», — запротестовал Харви.

«Почему бы тебе просто не сесть и не поесть? — спросила миссис Гриффин. — Если это не летучая мышь, тогда этого не было вовсе».

«Но Венделл тоже видел. Разве не так, Венделл?»

Он оглянулся на мальчика, который ковырял в тарелке с дымящейся индюшатиной под клюквенным соусом.

«Какая разница?» — сказал Венделл, жуя.

«Просто скажи ей, что ты видел».

Венделл пожал плечами. «Может, видел, может, нет. Это ночь Хэллоуина. Снаружи и должны быть ряженые».

«Но не настоящие, — сказал Харви. — Обман — это одно. Но если чудовище было настоящим...»

Пока он говорил, он понял, что нарушает правило, которое он сформулировал на крыльце: не важно, было ли крылатое создание настоящим или нет. Это место миражей. Не будет ли он счастливее, если просто прекратит спрашивать, что реально, а что нет.

«Садись и ешь», — повторила миссис Гриффин.

Харви покачал головой. Аппетит у него пропал. Он был зол, хотя не вполне понимал на кого. Может, на Венделла из-за его пожатий плечами, может, на миссис Гриффин из-за того, что она не верит ему, или на себя за то, что боится иллюзий. Может, и на всех троих.

«Я собираюсь в свою комнату переодеться», — сказал он и ушел из кухни.

Он обнаружил Лулу на площадке между этажами. Она смотрела в окно. Ветер ударял в стекло, напоминая Харви о первом визите Риктуса. Однако порывы ветра приносили не дождь, а снежную крупу.

«Скоро Рождество», — сказала она.

«Рождество?».

«Будут подарки для всех. Всегда бывают. Тебе надо пожелать чего-нибудь».

«Ты этим сейчас занимаешься?»

Она покачала головой. «Нет, — сказала она. — Я здесь уже так долго, что у меня есть все, что я когда-либо желала. Хочешь поглядеть?»

Харви сказал, что да, и она повела его наверх в свою замечательную комнату, заполненную сокровищами.

Она явно обожала шкатулки, огромные резные шкатулки. Шкатулка для коллекции стеклянных шариков, шкатулка, играющая мелодию, вызваниваемую колокольчиками, шкатулка, куда входило полсотни других, меньших шкатулок.

Еще у нее было несколько кукольных семей, которые с отсутствующими лицами рядами сидели вдоль стен. Но все же самое большое впечатление производил дом, откуда куклы были изгнаны. Он стоял посередине комнаты, пять футов в высоту от ступеней до верхушки, безукоризненный в каждом кирпиче, подоконнике, черепице.

«Тут я держу своих друзей», — сказала Лулу и открыла переднюю дверь.

Две ярко-зеленые ящерицы вышли поприветствовать ее и поспешно взобрались по рукам на плечи.

«Остальные внутри, — сказала она. — Взгляни».

Харви заглянул в окна и обнаружил, что каждая идеальная комнатка дома была занята. Ящерицы лежали на кроватях, ящерицы подремывали в ваннах, ящерицы раскачивались на люстрах. Он громко засмеялся, глядя на их ужимки.

«Разве не забавные?» — спросила Лулу.

«Изумительно!» — ответил он.

«Ты можешь приходить и играть с ними, когда захочешь».

«Спасибо».

«Они действительно очень дружелюбные. Кусаются только, когда голодные. Вот...»

Она сняла одну со своего плеча и сунула в руки Харви.

Та проворно побежала наверх и устроилась у него на голове, к большой радости Лулу.

Они долго наслаждались обществом ящериц и друг друга, пока Харви не заметил свое отражение в одном из окон и не вспомнил, в каком он виде.

«Мне лучше пойти и умыться, — сказал он. — Увидимся позже».

Она улыбнулась ему. «Ты мне нравишься, Харви Свик», — сказала она.

Ее прямога встретила ответную прямогу. «Ты мне тоже нравишься, — сказал он ей. Затем с омрачившимся лицом он добавил: — Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-нибудь случилось».

Она выглядела озадаченной.

«Я видел тебя у озера», — пояснил он.

«Да? — ответила она. — Я не помню».

«Ну, в любом случае, оно глубокое. Тебе надо быть осторожнее. Ты можешь поскользнуться и упасть в воду».

«Я буду осторожна, — сказала она и открыла дверь. — О, да, Харви...»

«Да?»

«Не забудь пожелать чего-нибудь».

Чего мне попросить, размышлял он, смывая грязь с лица. Может, чего-нибудь невозможного, чтобы посмотреть, насколько сильно волшебство Дома. Белого тигра, например. Цеппелин в натуральную величину? Билет на Луну?

Ответ пришел из глубины его памяти. Он пожелал подарок, который был подарен (и потерян) много лет назад, подарок, который сделал ему отец и который мистер Худ, как бы сильно он ни хотел ублажить своего нового гостя, никогда не будет в силах воспроизвести.

«Ковчег», — прошептал он.

С умытым лицом, с царапинами от колючей изгороди, имеющими вид боевых ран, он направился вниз, чтобы опять обнаружить — Дом претерпел необыкновенное превращение. Рождественская елка — столь высокая, что звезда на ее верхушке вонзалась в потолок, — стояла в холле, свет ее мерцающих огней просачивался в каждую комнату. В воздухе витал аромат шоколада и звуки распеваемых веселых песен. В гостиной возле ревущего очага сидела миссис Гриффин со Стью Кэт на коленях.

«Венделл пошел на улицу, — сказала она Харви. — Шарф и перчатки для тебя у входной двери».

Харви вышел на крыльцо. Ветер был ледяной, но он уже разогнал снежные тучи и дал возможность звездам светить на идеальный белый ковер.

Нет, не совсем идеальный. Цепочка следов уводила от Дома к месту, где Венделл лепил снеговика.

«Вышел погулять?» — закричал он Харви голосом чистым, как колокола, что звенят в хрустящем воздухе.

Харви покачал головой. Он так устал, что даже снег выглядел успокаивающим.

«Может, завтра, — сказал он. — Завтра опять будет, да?»

«Конечно, — завопил Венделл. — И завтрашней ночью, и послезавтрашней...»

Харви пошел обратно в Дом, чтобы посмотреть на елку. Ее ветви были увешаны нитями из воздушной кукурузы. И мишурой. И цветными лампочками. И безделушками. И солдатиками в сверкающих серебром мундирах.

«Тут, под елкой, есть кое-что для тебя, — сказала миссис Гриффин, стоя в дверях гостиной. — Надеюсь, это то, что ты хочешь».

Харви опустился на колени и вытянул из-под дерева сверток со своим именем. Пульс его убыстрился даже до того, как он развернул бумагу, потому что он знал и по форме, и по тому, как сверток гремел, что его желание исполнено. Он потянул за веревочку, вспоминая, насколько меньше были его руки, когда в первый раз он держал свой подарок. Когда обертка была сорвана и отброшена, в руках у него оказался новый и сияющий, выкрашенный краской деревянный ковчег.

Этот был безупречной копией того, который сделал отец. Тот же самый желтый корпус, тот же самый оранжевый нос, та же рубка с отверстиями на красной крыше, чтобы жирафы могли вытягивать свои шеи. Те же оловянные животные, всяких по паре, ютящиеся в трюме или смотрящие через иллюминаторы: две собаки, два слона, два верблюда, две голубки, эти да еще дюжиной больше. И наконец, тот же самый маленький Ной с широкой белой бородой и его толстая жена, обязанная фартуком.

«Как он узнал?» — пробормотал Харви.

Он не имел намерения задавать вопрос вслух (потому что не хотел, чтобы его услышали, тем более, ответили), но миссис Гриффин сказала:

«Мистер Худ знает каждую твою мечту».

«Но он точно как прежний, — в изумлении произнес Харви. — Поглядите, мой Папа израсходовал всю синюю краску, когда заканчивал слонов, поэтому у одного из них синие глаза, а у другого зеленые. У этого тоже. Он тот самый и есть».

«Но все же он тебе нравится?» — спросила миссис Гриффин.

Харви сказал, что да, но это было не совсем правдой. Вновь держать в своих руках ковчег, когда он знал, что

настоящий потерян, было жутко, как будто время повернулось на своих каблуках и он вновь стал малышом.

Он услышал, как Венделл топает у входной двери, отряхивая снег с ботинок, и внезапно застеснялся держать столь детский подарок в руках. Он опять прикрыл его оберткой и заторопился к лестнице, намереваясь отправиться вниз, чтобы чем-нибудь поужинать.

Но кровать его выглядела такой манящей, чтобы ею можно было пренебречь, а желудок достаточно полным, поэтому он остался в комнате, занавесил шторами ветреную ночь за окном и положил голову на подушку.

Рождественские колокола все еще звенели на какой-то отдаленной колокольне, и их трезвон убаюкал его. Ему снилось, что он стоит на ступенях своего дома и заглядывает через открытую дверь в его теплое нутро. Затем ветер подхватил его, развернул от порога и унес в сон без сновидений.

VIII

Голодные воды

Тот первый день в Доме Каникул, со всеми его временами года и представлениями, стал образцом для многих других, которые должны были последовать.

Когда Харви проснулся на следующее утро, солнечные лучи опять просачивались в щель между занавесками, но на этот раз солнце лежало теплым озерцом на подушке возле него. Он сел, выкрикнув и улыбнувшись, веселые возгласы и улыбки (а иногда и то и другое вместе) оставались на его губах до конца дня.

Дел было много. Трудиться над древесным домом весенним утром, затем поесть и бесцельно валяться днем. Игры и часы лени в летний зной — иногда с Венделлом, иногда с Лулу, затем приключения при свете полной луны. И наконец, когда зимний ветер выдувал пламя из тыквенных голов и покрывал землю снегом, зябкие забавы на морозе для всех них и теплое радушие Рождества, когда они заканчивали с делами.

Это были дни Каникул: третий такой же прекрасный, как и второй, и четвертый, такой же прекрасный, как третий. И очень скоро Харви начал забывать, что за стеной находится скучный мир, где огромный серый зверь Февраль все еще спал своим утомительным сном.

Единственным реальным напоминанием об оставленной им жизни — кроме второго телефонного звонка Маме и Папе, только чтобы сказать им, что все прекрасно — был подарок, который он пожелал и получил в то первое Рождество: его ковчег. Харви несколько раз думал об испытаниях на озере, чтобы посмотреть, будет ли ковчег плавать, но собрался сделать это только в полдень седьмого дня.

Венделл за завтраком вел себя как настоящий обжора и заявил, что сегодня слишком жарко, чтобы играть, поэтому Харви с ковчегом под мышкой побрел к озеру самостоятельно. Он ожидал — по-настоящему надеялся — найти там Лулу, которая бы составила ему компанию, но берега озера были пусты.

Как только взгляд его упал на мрачные воды, он почти отбросил мысль об испытаниях, но это означало признаться себе кое в чем, в чем он не желал признаваться, а потому он спустился к берегу, отыскал камень, который выглядел понадежнее, устроился на нем и опустил ковчег на воду.

Тот плавал хорошо, и Харви приятно было это видеть. Он немного потаскал его туда-сюда, затем вытащил и заглянул внутрь, чтобы посмотреть, нет ли течи. Ковчег был водонепроницаем. И Харви пустил его обратно в озеро и подтолкнул.

Когда он делал это, то неожиданно заметил рыбу, поднимающуюся со дна озера с широко открытой пастью, будто намеревавшуюся проглотить его небольшое судно целиком. Харви потянулся вперед, чтобы схватить ковчег, до того как тот либо утонет, либо будет проглочен, но в спешке поскользнулся на гладком, покрытом слизью камне и с криком упал в озеро.

Вода была ледяной и жадной. Она быстро сомкнулась над его головой. Харви неистово барахтался, стараясь не думать о темной глубине внизу. Подняв лицо к поверхности, он поплыл.

Он видел, как его ковчег кружит над ним, подхваченный его падением. Оловянные пассажиры уже тонули. Харви даже не пробовал спасти их, а поднялся к поверхности — хватая ртом воздух — и зашлепал в сторону берега. Расстояние было небольшое. Меньше чем через минуту он вытянул себя на камни и пополз от берега. Вода лилась из его рукавов, из штанов и ботинок. Только когда он оказался на достаточном расстоянии от берега и никакая голодная рыба не могла ухватить его за пятки, только тогда он рухнул на землю.

Хотя была середина лета, и солнце ослепительно сверкало где-то над головой, воздух вокруг озера был холоден и Харви скоро начал дрожать. Прежде чем он ушел прочь, на солнцепек, он все же поискал глазами свой ковчег. Место кораблекрушения было помечено флотилией жалких обломков, которые скоро присоединятся к останкам ковчега на дне.

От рыбы, что, казалось, хотела сожрать его, не осталось и следа. Возможно, она нырнула в глубину, чтобы сжевать потонувший зверинец. Если так, Харви надеялся, что фигурки застрянут у нее в глотке.

До этого он потерял много игрушек. У него был новый, самой лучшей марки велосипед — самая любимая вещь! — его украли от порога дома два года назад. Но нынешняя потеря расстроила его так же сильно. Нет, если говорить по правде, сильнее. Мысль, что озеро владеет чем-то, чем прежде владел он, была почему-то еще мучительнее мысли об угнанном велосипеде. У вора были теплые плоть и кровь, у озера не было. Его собственность ушла в места ночных кошмаров, полные чудовищных тварей, и Харви чувствовал себя так, будто малая часть его канула вместе с ней, вниз, во тьму.

Не оглядываясь, он пошел прочь от озера, но ветерок, что налетал, согревая его лицо, когда он продирался сквозь заросли, и песни птиц, улаживавшие слух, опять возвращали его к мысли, которую он пытался отбросить, уходя от берега. Несмотря на все развлечения, с готовностью предоставляемые Домом Каникул, место это было населено призраками, и как бы сильно он ни старался отогнать свои сомнения и вопросы, на них нельзя было совсем не обращать внимания. Кем бы ни был или чем бы ни был этот призрак, Харви теперь не мог успокоиться, пока не увидит его лица и не узнает его природы.

IX

О чем ты мечтаешь?

Харви не рассказал о том, что произошло у озера, даже Лулу — отчасти потому, что чувствовал себя глупо из-за падения в воду, отчасти потому, что Дом так сильно старался доставить ему удовольствие в последующие дни, и он почти совсем забыл о происшедшем. В ту же самую ночь он обнаружил у основания Рождественской елки цветную нитку с ярлычком, на котором было написано его имя, и держась за нее, он прошел через весь Дом и увидел, что новый велик — даже более роскошный, чем тот, который пропал два года назад, — ожидает его.

Но это был лишь первый из многих сюрпризов, подстроенных Домом Каникул в самом ближайшем будущем. Например, когда однажды утром Венделл и Харви вскарабкались к древесному дому, ветки вокруг него кишели попугаями и обезьянами. На другой день, в середине ужина Прощального Костра, миссис Гриффин позвала их в гостиную, там языки пламени в камине принимали очертания драконов и героев и разыгрывали яростную битву. А в зное одного ленивого полдня Харви был разбужен от дремоты хором громких голосов и обнаружил труппу механических акробатов, совершающих на лужайке невозможные для механических существ подвиги.

Однако величайший сюрприз был связан с появлением одного из ближайших родственников Риктуса.

«Меня зовут Джайв», — сказал он, шагнув из ранних сумерек, сгущавшихся на верхних ступеньках лестницы. Каждый мускул его тела как будто двигался: тик, подергиванье туда-сюда и нервное подрагивание так истончали его, что он

едва ли отбрасывал тень. Даже его волосы, копна засаленных кудрей, казалось, слушают какой-то сумасшедший ритм. Они извивались на голове в спутанном неистовстве.

«Братец Риктус послал меня посмотреть, как у тебя дела», — сказал он сочным голосом.

«Дела превосходно, — ответил Харви. — Ты сказал Братец Риктус?»

«Мы одного вывода, если взглянуть пошире, — сказал Джайв. — Надеюсь, время от времени ты звонишь своим родителям».

«Ага, — подтвердил Харви. — Я звонил им вчера».

«Им тебя не хватает?»

«Мне так не показалось».

«А тебе их не хватает?»

Харви пожал плечами. «Не совсем», — сказал он.

(Это не было, строго говоря, правдой — у него бывали дни тоски по дому, — но он знал, что если вернется домой, то на следующий же день окажется в школе, и желал остаться в Доме Каникул еще ненадолго).

«Значит, ты собираешься использовать наилучшим образом пребывание здесь?» — спросил Джайв, упражняясь в замысловатом коротком танцевальном шажке вниз и вверх по лестнице.

«Ага, — сказал Харви. — Я просто хочу поразвлечься».

«Кто не хочет, — ухмыльнулся Джайв. — Кто не хочет». Он подошел бочком к Харви и шепнул: «Говоря о развлечении...»

«Что?» — переспросил Харви.

«Ты ведь не оплатил Венделлу за его проделку».

«Нет, не оплатил», — сказал Харви.

«Ну и какого дьявола?»

«Я совсем не мог придумать как».

«О, я уверен, вдвоем мы могли бы кое-что сварганить», — с озорством ответил Джайв.

«Это должно быть такое, о чем бы он никогда не догадался», — сказал Харви.

«Это нетрудно, — сказал Джайв. — Скажи мне, какое твое любимое чудовище?»

Харви не нужно было долго размышлять. «Вампир, — сказал он с ухмылкой. — Я нашел тут замечательную маску...»

«Маски — хорошее начало, — согласился Джайв. — Но вампиры должны выныривать из мглы... — он раскинул руки, изгибая свои длинные пальцы словно когти какого-то выцарапывающего глаза зверя, — налетать, хватать свою добычу, затем опять подниматься вверх, вверх, к луне. Теперь я могу представить».

«Я тоже, — ответил Харви. — Но я не летучая мышь».

«Да?»

«Как же мне налетать?»

«О, — сказал Джайв. — Над этим для нас потрудится Марр. Кроме прочего, что за Хэллоуин без пары превращений?» Он сверился с огромными дедовскими часами, стоявшими поблизости. «У нас есть еще время заняться этим сегодня ночью. Ты пойдешь вниз и скажешь Венделлу, что вы встретитесь снаружи. Я поднимусь на крышу и найду Марр. Ты найдешь нас там».

«Я никогда не был на крыше».

«На верхнем этаже есть дверь. Увидимся через несколько минут».

«Я должен надеть свою маску, пальто и разные другие шмотки».

«Сегодня тебе маска не понадобится, — сказал Джайв. — Поверь мне. Теперь поторопись. Время проходит попусту».

У Харви ушло только минута или две на то, чтобы уговорить Венделла пойти вперед. Он был уверен, что Венделл что-то подозревает и даже, возможно, готовит контратаку, но Харви знал, что у него и у Джайва есть в запасе кое-что, чего Венделл — каким бы он ни был специалистом по всяким розыгрышам — не может предвидеть. Разработав первую часть плана, он заторопился вверх по лестнице, нашел упомянутую Джайвом дверь и выбрался на крышу.

Он никогда не боялся высоты: ему нравилось глядеть на мир сверху вниз.

«Сюда!» — позвал Джайв, и Харви поскакал по узким переходам и вверх по крутым скатам крыши туда, где стоял его сотоварищ-заговорщик.

«Хорошо держись на ногах!» — заметил Джайв.

«Никаких проблем».

«Как насчет полетов?» — поинтересовался третий голос, и его обладательница шагнула из тени дымовой трубы.

«Это Марр, — сказал Джайв. — Еще одна из нашего небольшого семейства».

В отличие от Джайва, который выглядел достаточно проворным, чтобы путешествовать по карнизам, если его обует такой каприз, Марр, казалось, имела улиточку крови. Харви почти не удивился, если бы увидел, что пальцы ее оставляют серебристые следы на кирпичках, к которым она прикасалась, или что мягкие рожки возникают из ее лысеющей головы. Она была чрезвычайно жирна, ее плоть едва держалась на костях. Где бы та ни была — вокруг рта и глаз, на шее и на запястьях, — плоть собиралась в липкие складки. Марр потянулась вперед и пихнула Харви.

«Я сказала: как насчет полетов?»

«Насчет — что?» — спросил Харви, отталкивая ее руку.

«Часто летал?»

«Однажды я летал во Флориду».

«Она не имеет в виду самолет», — сказал ему Джайв.

«Ох...»

«Во сне может быть?» — спросила Марр.

«О, да, мне снились полеты».

«Это хорошо», — ответила Марр, довольно ухмыляясь. У нее во рту не было ни единого зуба.

Харви с отвращением уставился на ее пустую челюсть.

«Ты думаешь, куда они делись, да? — спросила Марр. — Ну же. Признайся».

Харви пожал плечами. «Ну, думаю».

«Карна забрал их, вороватая тварь. У меня были отличные зубы. Прекрасные зубы».

«Кто это — Карна?» — хотел знать Харви.

«Неважно, — сказал Джайв, шикнув на Марр прежде, чем она смогла ответить. — Принимайся за дело или он упустит время».

Марр едва слышно пробормотала что-то, затем сказала:

«Подойди ко мне, мальчик». И протянула руку в сторону Харви. Ее прикосновение было ледяным.

«Чувствуешь себя странно, а? — сказал Джайв, когда пальцы Марр поплыли над лицом Харви, прикасаясь к нему тут и там. — Не волнуйся. Она знает, что делает».

«А что это?»

«Превращает тебя».

«Во что?»

«Ты говори ей, — сказал Джайв. — Это долго не продлится, поэтому наслаждайся. Продолжай, говори ей о том, как быть вампиром».

«Это то, что я хотел, чтобы увидел Венделл», — сказал Харви.

«Вампир...» — мягко выговорила Марр, и пальцы ее вдавились сильнее в его кожу.

«Ага, я хочу иметь клыки как у волка, красную глотку и белую кожу, как если бы я был мертвым тысячу лет».

«Две тысячи!» — поправил Джайв.

«Десять тысяч! — выкрикнул Харви, начиная забавляться игрой. — И безумные глаза, которые могут видеть в темноте, и заостренные уши, как у летучей мыши...»

«Погоди, — сказала Марр. — Я должна сделать все правильно».

Пальцы ее теперь работали над ним упорно, как будто плоть его была глиной и она формовала ее. Лицо пощипывало, и Харви хотелось прикоснуться к нему, но он боялся испортить творение ее рук.

«А здесь должен быть мех, — заметил Джайв. — Лоснящийся черный мех на шее...»

Руки Марр слегка притронулись к горлу, и Харви почувствовал, как пробился мех там, где она к нему прикасалась.

«...и крылья! — сказал Харви. — Не забудь о крыльях».

«Никогда!» — успокоил Джайв.

«Раскинь руки, мальчик», — велела Марр.

Он так и сделал, и она, уже улыбаясь, пробежала вдоль них своими ладонями.

«Хорошо, — сказала она. — Хорошо».

Он осмотрел себя. К своему изумлению он обнаружил, что пальцы его скрючились и заострились, а с рук свисают кожистые крылья. Ветер дунул в них, угрожая тотчас же снести его с крыши.

«Ты знаешь, что играешь в опасную игру, правда? — спросила Марр, отойдя, чтобы полюбоваться плодом своих трудов. — Ты или расшибешь себе голову, или до смерти напугаешь своего приятеля Венделла. Или то и другое».

«Он не упадет, женщина! — сказал Джайв. — У него есть в этом сноровка. Могу утверждать, только взглянув на него». Джайв уставился на Харви своими прищуренными глазами.

«Не удивлюсь, мальчик, если в прошлой жизни ты был вампиром», — сказал он.

«У вампиров не бывает другой жизни, — сказал Харви, с трудом выговаривая слова ртом, полным клыков. — Они живут вечно».

«Это правильно, — подтвердил Джайв, щелкая пальцами. Так они и делают! Так они и делают!»

«Ну, я закончила, — сказала Марр. — Ты можешь идти, мальчик».

Ветер дохнул вновь, и если бы Джайв не держал его, когда они шли по краю крыши, Харви точно был бы унесен прочь.

«Вон твой приятель», — шепнул Джайв, тыча пальцем вниз в темноту.

К великому своему изумлению Харви обнаружил, что может видеть Венделла вполне четко, даже несмотря на то, что в зарослях было дегтярно-черно. Он мог и слышать Венделла: каждый тихий вдох, каждый удар его сердца.

«Вон он», — прошипел Джайв, кладя руку на спину Харви.

«Что я должен сделать? — спросил Харви. — Я должен взмахнуть крыльями или что?»

«Прыгай! — ответил Джайв. — Ветер позаботится об остальном. Или ветер, или сила тяжести».

И он столкнул Харви с края крыши в пустой воздух.

Х

Выпадение из приличия

Ветра, который мог бы подхватить его, не было. Он падал, как черепица, соскользнувшая с двухскатной крыши, вопль невыносимого ужаса вырвался у него из горла. Он увидел, как Венделл повернулся, он увидел выражение смертельного страха, возникшее на его лице, затем из ниоткуда взялся ветер, холодный и сильный, и как раз когда его ноги скользнули по кустам, он ощутил, что подымается выше и выше в небо.

Его вопль сделался криком, ужас — радостью. Луна была больше, чем он когда-либо видел, и ее широкий белый лик заслонял обзор, словно лицо матери, наклонившейся, чтобы поцеловать его перед сном.

С той единственной разницей, что никакие сны сегодняшней ночью ему не были нужны и не нужна была мать, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Это было лучше, чем любой сон, — летать по ветру на собственных крыльях, а мир внизу сотрясается в страхе перед его тенью.

Он вновь поискал Венделла и увидел, как тот бежит под защиту Дома.

Нет, не добежит, подумал он, и, развернув крылья словно кожаные паруса, устремился вниз, на свою добычу. Вопль, леденящий кровь, наполнил его уши, и на мгновение Харви подумал, что это ветер. Затем он осознал, что этот нечеловеческий возглас издавало его собственное горло, и пронзительный вопль стал смехом, диким безумным смехом.

«Нет... Пожалуйста... нет! — всхлипывал Венделл, пока бежал. — Помогите мне! Кто-нибудь, помогите мне!»

Харви знал, что уже отомстил: Венделл был перепуган насмерть. Но все это было слишком забавным, чтобы оста-

новиться сейчас. Ему нравилось чувствовать ветер под собой и холодную луну у себя за плечами. Ему нравилась острота собственных глаз и сила когтей. Но более всего ему нравился страх, причиной которого был он сам, нравился вид запрокинутого лица Венделла и слезы отчаяния в его глазах.

Ветер нес Харви в заросли, и когда он приземлился, Венделл бросился на колени, умоляя о пощаде.

«Не убивай меня! Пожалуйста, пожалуйста, прошу тебя — не убивай меня!»

Харви и видел и слышал достаточно. Он отомстил. Пришло время положить конец игре, пока забава не потеряет смысл.

Он открыл рот, чтобы назвать себя, но Венделл — видя красное горло и волчьи клыки, и думая, что это означает смерть — начал опять умолять. Однако на сей раз это были не просто мольбы.

«Я слишком жирный для еды, — захныкал он. — Но где-то здесь поблизости есть другой ребенок...»

Харви зарычал.

«Есть! — хныкал Венделл. — Клянусь. И в нем больше мяса, чем во мне!»

«Послушай ребенка, — раздался голос из кустов поблизости от Харви. Он оглянулся. Там был Джайв, его пружинистая фигурка едва виднелась среди колючек. — Он бы посмотрел на тебя. На тебя мертвого, юный Харви».

Венделл ничего не слышал. Он все еще нахваливал вкусовые качества своего друга, задирая рубашку и тряс своим толстым животом, чтобы доказать, насколько он сам невкусный.

«Ты не хочешь меня... — всхлипывал он. — Возьми Харви! Возьми Харви!»

«Кусай его, — сказал Джайв. — Давай же. Выпей у него немного крови. Почему бы не выпить? Жир нехорош, но кровь горяча, кровь вкусна». Он исполнил короткий танец, пока говорил, притопывая ногами в такт своему песнопению. «А ну-ка, а ну-ка! Мясо — вкусная штука!»

А Венделл все еще подвывал, весь в соплях и слезах. «Ты не хочешь меня. Найди Харви! Найди Харви!»

И чем больше он рыдал, тем больший смысл приобретала для Харви песнь Джайва. Во всяком случае, кем был этот нелепый смехотворный мальчик для Харви? Он чересчур сильно старался сервировать Харви в качестве обеда, чтобы

называться другом. Он был просто лакомым кусочком. Любой вампир, достойный своих крыльев, откусил бы ему голову, только взглянув на него. И все же...

«Чего ты ждешь? — хотел знать Джайв. — Мы вошли в такие хлопоты, чтобы сделать из тебя чудовище...»

«Да, но это игра», — возразил Харви.

«Игра? — переспросил Джайв. — Нет, нет, мальчик. Это больше чем игра. Это учеба».

Харви не знал, что имел в виду Джайв, и вместе с тем не был уверен, что хотел знать.

«Если ты сейчас не набросишься, — прошипел Джайв, — ты упустишь его».

Это было верно. Слезы Венделла пропали, и он смотрел на нападавшего изумленным взглядом.

«Ты... собираешься меня... отпустить?» — прошептал он.

Харви почувствовал на своей спине руку Джайва.

«Кусай!» — подсказал Джайв.

Харви глядел на заплаканное лицо Венделла и на его дрожащие руки. Если бы я оказался в таком положении, подумал он, намного ли я был бы храбрее? Он знал ответ. Нет.

«Теперь или никогда», — заявил Джайв.

«Тогда никогда», — ответил Харви. — Никогда!»

Слово вылетело гортанным ревом, и Венделл побежал впереди него, вопя изо всех сил. Харви не стал преследовать.

«Ты разочаровываешь меня, мальчик, — сказал Джайв. — Я думал, у тебя есть инстинкт убийцы».

«Ну нету», — пробормотал Харви, немного сконфузившись. Он чувствовал себя трусом, даже если и знал, что поступил правильно.

«Зря потратили волшебство», — произнес другой голос, и Марр появилась из кустов, держа в охапке огромные грибы.

«Где ты их нашла?» — спросил Джайв.

«На обычном месте», — ответила Марр. Она с сомнением посмотрела на Харви. «Я полагаю, ты хочешь свое старое тело обратно», — сказала она.

«Да, пожалуйста».

«Мы должны оставить его в таком виде, — сказал Джайв. — Рано или поздно ему придется высасывать кровь».

«Ха, — сказала Марр. — Ты ведь знаешь, как много надо волшебства на это все. Зачем его расходовать на жалкое маленькое ничтожество?»

Она небрежно махнула рукой в сторону Харви, и он ощутил, что могущество, которое наполнило его тело и изменило его лицо, покидает его. Конечно, в том, что волшебство снято, было определенное облегчение, но малая часть его оплакивала потерю. За несколько мгновений он опять стал земным мальчиком, бескрылым и слабым.

Сняв чары, Марр повернулась к нему спиной и пошла вперевалку в темноту. Джайв, однако, помедлил, чтобы последний раз подковырнуть Харви.

«Ты упустил свой шанс, малыш, — сказал он. — Ты мог бы стать одним из великих».

«Это был фокус. Это все, — сказал Харви, утаивая странную грусть, которую он испытывал. — Хэллоуиновский фокус. Это ничего не значит».

«Существуют те, кто не согласится, — загадочно проговорил Джайв. — Те, которые сказали бы, что все внешние силы мира были в глубине души кровопийцами и похитителями душ. И мы должны служить им. Мы все. Служить до конца своих дней».

Он жестко смотрел на Харви во время этой странной маленькой речи, а когда закончил, быстрым шагом удалился в тень и исчез.

Харви нашел Венделла на кухне, с горячей сосиской в одной руке и с пирожным в другой, рассказывающим миссис Гриффин, что он видел. Он выронил еду, когда Харви вошел, и взвизгнул с облегчением:

«Ты живой! Ты живой!»

«Конечно, я живой, — сказал Харви. — Почему бы и нет?»

«Снаружи есть что-то. Ужасный зверь. Он почти съел меня. Я думал, может, он и тебя съел».

Харви поглядел на свои руки и ноги.

«Не-а, — сказал он. — Ни кусочка».

«Я рад! — воскликнул Венделл. — Я так рад, так рад. Ты мой лучший друг, навсегда».

А пять минут назад я был пищей для вампира, подумал Харви, однако ничего не сказал. Может, придет время, когда он расскажет Венделлу о превращении и искушении, но не сейчас. Он просто заявил: «Я голоден». И сел за стол возле своего ненадежного друга, чтобы отправить в желудок нечто более вкусное, чем кровь.

XI

Взгляды меняются

Ни Лулу, ни Венделла на следующий день поблизости не было — миссис Гриффин сказала, что она видела их обоих до завтрака, а затем они исчезли — и Харви был предоставлен самому себе. Он пытался не думать о том, что случилось прошлой ночью, но не мог удержаться.

Вспоминались обрывки разговора, и он размышлял над ними в течение всего дня. К примеру, что имел в виду Джайв, когда сказал Харви, что превращение его в вампира не столько игра, сколько учеба? Что за урок он получил, прыгнув с крыши и испугав Венделла?

А вся та чепуха о похитителях душ и прочем, что значит она? Говорил ли Джайв о мистере Худе, как о той великой силе, которой все они должны служить? Если Худ был где-то в Доме, почему никто — ни Лулу, ни Венделл, ни он сам — не повстречался с ним? Харви расспрашивал своих друзей о Худе и от обоих узнал одно и то же: они не слышали ни звука шагов, ни шепота, ни смеха. Если мистер Худ действительно был здесь, где он прятался и почему?

Так много вопросов и так мало ответов.

И затем, будто загадок недостаточно, пришла еще одна, чтобы обеспокоить его. На склоне дня, развалиясь в тени древесного дома, он услышал крик разочарования и, посмотрев через листья, увидел Венделла, бегущего через лужайку. Венделл был одет в анорак и башмаки, даже несмотря на то, что был зной, и топал повсюду как сумасшедший.

Харви позвал его, но призыв либо не был услышан, либо Венделл не обратил на него внимания, а потому Харви

спустился вниз и последовал за приятелем. Он обнаружил его во фруктовом саду, покрасневшего и вспотевшего.

«Что происходит?» — спросил Харви.

«Я не могу выбраться! — сказал Венделл, растирая ногой полусгнившее яблоко. — Я хочу уйти, Харви. Но отсюда нет выхода!»

«Конечно, есть!»

«Я пытался в течение многих часов, и говорю тебе: туман отсылает обратно тем же путем, которым я пришел».

«Эй, успокойся!»

«Я хочу уйти домой, Харви, — сказал Венделл, чуть не плача. — Прошлая ночь это уж слишком. Тварь приходила за моей кровью. Я знаю, ты мне не веришь...»

«Верю, — сказал Харви. — Честное слово, верю».

«Правда?»

«Конечно».

«Ну тогда, может быть, тебе тоже необходимо уйти, потому что если я уйду, оно придет за тобой».

«Я так не думаю», — сказал Харви.

«Я обманывал себя относительно этого места, — сказал Венделл. — Оно опасное. Да, я знаю, кажется, что вроде все идеально, но...»

Харви прервал его. «Может быть, тебе надо говорить потише, — сказал он. — Нам надо говорить об этом тихо. Наедине».

«Но где? — спросил Венделл с обезумевшими глазами. — Само место наблюдает за нами и слушает нас. Ты это не чувствуешь?»

«Зачем ему это делать?»

«Я не знаю! — рявкнул Венделл. — Но прошлой ночью я подумал, что если я не уйду, я здесь умру. Просто исчезну однажды ночью или сойду с ума, как Лулу». Он понизил голос до шепота. «Мы не первые, ты знаешь. Как насчет всех тех вещей наверху? Насчет всех пальто? И ботинок и шляп? Они принадлежали таким же детям, как мы».

Харви вздрогнул. Играл ли он в «обмани-напугай» в ботинках мертвого мальчика?

«Я хочу выбраться отсюда, — сказал Венделл. Слезы сбегали по его лицу. — Но пути отсюда нет».

«Если есть дорога сюда, должна быть дорога отсюда, — рассудительно сказал Харви. — Мы пойдем к стене».

И он отправился, таща Венделла на буксире, вдоль фасада Дома и вниз по мягкому склону лужайки. Туманная стена выглядела совершенно безвредной, когда они приблизились к ней.

«Будь осторожен... — предупредил Венделл. — У нее припасены разные фокусы».

Харви замедлил шаги, ожидая, что стена дрогнет или даже потянется за ним. Но она ничего не сделала. Теперь, осмелев, он шагнул в туман, уверенный, что появится на другой стороне, но благодаря какому-то фокусу он развернулся, даже не осознавая этого, и вышел из стены перед Домом.

Что происходит, спросил он себя. Озадаченный, он снова шагнул в туман.

Произошло то же самое. Он входил и выходил. Он пытался еще, еще, еще. Но каждый раз срабатывал все тот же фокус. До тех пор, пока Харви не разочаровался, как полчаса раньше разочаровался Венделл.

«Теперь ты мне веришь?» — спросил Венделл.

«Да».

«Так что же нам делать?»

«Ну, во-первых, мы не должны об этом вопить, — прошептал Харви. — Просто продолжим днем. Сделаем вид, что мы больше не собираемся уходить. Я хочу немного осмотреться».

Он начал свои исследования, как только они вернулись в Дом. Он отправился искать Лулу. Харви постучал в дверь спальни, затем позвал. Не услышав, он потянул дверную ручку. Дверь была не заперта.

«Лулу! — позвал он. — Это Харви».

Ее не было. Но он с облегчением увидел, что в ее постели спали и что она недавно играла со своими любимцами. Двери кукольного домика были открыты, и ящерицы сновали повсюду.

Однако была одна странность: звук бегущей воды привел его в ванную комнату, где он обнаружил, что ванна полна почти до краев, а одежда Лулу разбросана на мокром кафеле.

«Вы не видели Лулу?» — спросил он миссис Гриффин, когда сошел вниз.

«Последние несколько часов не видела, — ответила та. — Но девочка держится особняком». Миссис Гриффин угрюмо посмотрела на Харви. «Будь я на твоём месте, я бы не обращала на все слишком много внимания, дитя, — сказала она. — Мистер Худ не любит любопытных гостей».

«Я просто думаю, куда бы она могла пойти», — сказал Харви.

Миссис Гриффин нахмурилась. Губы ее слабо шевелились, как будто она хотела заговорить, но не осмеливалась.

«В любом случае, — продолжал Харви, намеренно подстрекая миссис Гриффин, — я не верю, что мистер Худ существует».

«Тут будь осторожен, — сказала она. Ее голос понизился и хмурость усилилась. — Ты не можешь так говорить о мистере Худе».

«Я здесь уже... много-много дней, — сказал Харви, осознав вдруг, что потерял в Доме счет времени. — И я ни разу не видел его. Где он?»

Теперь миссис Гриффин подошла к Харви с поднятыми руками, и на мгновение он подумал, что она собирается ударить его. Но она взяла его за плечи и встряхнула.

«Пожалуйста, дитя! — сказала она. — Удовлетворись тем, что знаешь. Ты находишься здесь, чтобы радоваться, пусть недолго. И, дитя, это так недолго. Время летит. О боже, как оно летит!»

«Всего несколько недель, — произнес Харви. — Я не собираюсь оставаться здесь вечно». Теперь он уставился на нее. «Или останусь?» — спросил Харви.

«Остановись», — сказала она ему.

«Вы думаете я здесь навечно, да? — спросил он, стряхивая ее руки. — Что это за место, миссис Гриффин? Это что-то вроде тюрьмы?»

Она покачала головой.

«Не лгите мне, — сказал он. — Это глупо. Мы узники. Разве не так?»

Теперь, хотя она тряслась от страха с головы до ног, она осмелилась слабо кивнуть головой.

«Мы все? — спросил он. Она вновь кивнула. — Вы тоже?»

«Да, — шепнула она, — я тоже. И отсюда нет выхода. Поверь мне, если ты снова попытаешься убежать, Карна придет за тобой».

«Карна...» — сказал он, помня имя по разговорам Джайва и Марр.

«Он там, наверху, — прошептала миссис Гриффин. — На крыше. Там они все четверо живут. Риктус, Марр, Карна...»

«И Джайв».

«Ты знаешь».

«Я встречал их всех, кроме Карны».

«Молись, чтобы никогда не встретил, — сказала миссис Гриффин. — А теперь послушай меня, Харви. Я видела многих детей в этом Доме, приходящих и уходящих, — некоторые были глупыми, некоторые эгоистичными, некоторые милыми, некоторые храбрыми — но ты, ты одна из самых ясных душ, из тех, что я когда-либо встречала. Я хочу, чтобы ты взял всю радость, которую ты можешь взять, будучи здесь. Используй эти часы хорошо, потому что их будет меньше, чем ты думаешь».

Харви терпеливо выслушал ее. Затем, когда она закончила, он произнес:

«Все же я хочу встретить мистера Худа».

«Мистер Худ мертв», — сказала миссис Гриффин, раздраженная его настойчивостью.

«Мертв? Вы клянетесь?»

«Клянусь, — ответила она. — Могилой моей бедной Клю Кэт клянусь: мистер Худ мертв. Поэтому никогда больше не спрашивай о нем».

Это был единственный раз, когда миссис Гриффин чуть не дала Харви приказание, и хотя он хотел продолжить расспросы, он не стал. Он заявил, что сожалеет, что поднял этот вопрос, и никогда не сделает этого вновь, а затем оставил миссис Гриффин наедине с ее тайными печальми.

ХП

Что приносит и что отнимает вода

«Ну, — сказал Венделл, когда Харви вошел к нему в комнату, — как дела?»

Харви пожал плечами.

«Все прекрасно, — ответил он. — Почему бы нам просто не забавляться, пока мы можем?»

«Забавляться? — переспросил Венделл. — Как мы можем забавляться, когда мы узники?»

«Здесь лучше, чем в мире снаружи, — заявил Харви. Венделл поглядел на него с изумлением. — Ведь правда, не так ли?»

Говоря так, он схватил Венделла за руку, и Венделл понял, что Харви пытается передать ему бумажный шарик.

«Может быть, тебе следовало найти спокойный уголок и немного почитать», — сказал он и при этом выразительно посмотрел на руки друга.

Венделл уловил мысль. Он забрал скатанную записку из руки Харви и ответил:

«Может, я так и сделаю».

«Хорошо, — сказал Харви. — Я собираюсь выйти погулять и насладиться солнцем, пока есть возможность».

Так он и сделал. Ему нужно было много спланировать до полуночи, когда, как гласила записка Венделлу, они должны встретиться, чтобы совершить побег. Явно, что даже силы, которые охраняют дом, должны иногда спать (поддерживать смену сезонов — не простое занятие), а из всех часов, которые пронесутся, полночь казалась наиболее многообещающей.

Но Харви не предполагал, что побег будет легким. Дом был ловушкой в течение десятилетий, возможно, столетий,

(кто знает, как на самом деле старо его зло?), и даже в полночь он мог бы не быть столь глупым, чтобы оставить выход широко открытым. Им следовало быть быстрыми и умными, не паниковать и не терять головы, когда они окажутся в тумане. Реальный мир находится где-то снаружи. И они должны отыскать его.

Он знал, когда увидел Венделла во время Хэллоуина, что записка прочитана и обдумана. Взгляд Венделла говорил:

«Я готов. Я нервничаю, но я готов».

Остаток вечера прошёл для них обоих, как представление странной пьесы, в которой они были актерами, а Дом (какие бы духи там ни водились) — зрителем. Они отправились развлекаться, словно эта ночь была как всякая другая, играли в «обмани-напугай» с нарочитым громким смехом (даже несмотря на то, что оба они содрогались в своих взятых напрокат ботинках). Затем вернулись в Дом, чтобы поужинать и провести свое — как они надеялись — последнее Рождество в Доме. Они развернули подарки (механическая собака для Венделла, набор фокусника для Харви), сказали доброй ночи миссис Гриффин (прощайте, конечно, а не доброй ночи, но Харви не осмелился даже намекнуть ей) и потом отправились в постель.

Дом становился все тише и тише. Снег больше не вздыхал на карнизе под окном, а ветер в каминной трубе. Это было, подумал Харви, глубочайшее молчание, которое он когда-либо слышал — настолько глубокое, что он мог слышать удары сердца, отдающиеся в ушах. И каждый шорох его тела в простынях звучал как рокот боевых барабанов.

Незадолго перед полуночью Харви встал и оделся, двигаясь медленно и осторожно, так, чтобы производить как можно меньше шума. Затем он — скользя подобно ворю из тени в тень, — заторопился вниз по лестнице и наружу в ночь.

Он ушел не через входную дверь (она была тяжелой и громко скрипела), а через дверь кухонную, которая вывела его сбоку от дома. Хотя ветер утих, воздух был все еще резкий и поверхность снега замерзла. Ледяная корка хрусте-

ла, пока он шел, как бы легко он ни ступал. Но он начинал надеяться, что глаза и уши Дома на самом деле закрыты в этот час (если нет, то почему его не окликнули?) И он смог подойти к задворкам, не привлекая внимания.

Но тогда, когда он собирался повернуть за угол, эта сладкая надежда была подкислена, кто-то во мраке за спиной окликнул его по имени. Харви замер на месте, надеясь, что темнота прикроет его, но голос прилетел вновь и вновь назвал его по имени. Он не узнавал этот голос. Явно не Венделл и не миссис Гриффин. Не Джайв, не Риктус, не Марр. Это был слабый голос; голос кого-то, кто едва знал, как выговаривать звуки его имени.

«Хар... в-в-ви...»

И затем совсем неожиданно он узнал голос, и удары сердца — которое работало убыстренно с тех пор, как он выскользнул из постели, — усилились и стали звучать в ушах настолько громко, что почти заглушили призывы, когда голос послышался вновь.

«Лулу?» — пробормотал он.

«Да...» — сказал голос.

«Где ты?»

«Близко...» — сказала она.

Он поглядел в заросли, надеясь хоть мельком увидеть ее, но все, что он мог видеть, был звездный свет, блестевший на замерзших листьях.

«Ты уходишь...» — сказала она, невнятно произнося слова.

«Да, — шепнул он. — И ты должна пойти с нами».

Он шагнул в ее сторону, и когда сделал это, какой-то блеск, который он считал инеем, удалился от него. Что она надеяла, что блестело таким образом?

«Не бойся», — сказал он.

«Я не хочу, чтоб ты смотрел на меня», — сказала она.

«Что плохого?»

«Пожалуйста... — сказала она. — Просто... держись подальше...»

Она отошла от него еще и, казалось, потеряла равновесие, сделав это. Она упала на землю, и заросли вокруг нее задрожали. Харви шагнул вперед, чтобы помочь ей подняться, но Лулу так всхлипнула, что он замер на месте.

«Я только хотел помочь», — сказал он.

«Ты не можешь помочь мне, — ответила она с болью в каждом слове. — Слишком поздно. Ты просто должен... идти... пока еще можешь. Я только... хотела дать тебе... кое-что, чтоб ты меня вспоминал».

Он увидел ее движение в тени, она тянулась в его сторону.

«Отвернись», — сказала она.

Он отвернул от нее лицо.

«Теперь закрой глаза. И обещай, что не откроешь их».

Он покорно закрыл глаза. «Обещаю», — сказал он.

И теперь он слышал, как она движется к нему, затрудненно дыша.

«Протяни руку», — сказала она.

Ее голос был теперь близко. Он знал, что если откроет глаза, он будет лицом к лицу с ней. Но он дал обещание и был обязан держать его. Он раскрыл ладонь и ощутил сначала один, затем два, затем три тяжелых маленьких предмета, холодные и влажные, опущенные в его сложенную горстью ладонь.

«Это все... что я смогла отыскать... — сказала Лулу. — Мне жаль...»

«Можно взглянуть?» — спросил он.

«Еще нет. Дай мне... сначала... уйти...»

Он обхватил пальцами подарки, которые она ему дала, стараясь понять наощупь, что это такое. Чем они были? Кусочками мерзлого камня? Нет, они были украшены резьбой. На одном из них он чувствовал желобки, голову на другой. И теперь, конечно, он знал, что держал: троих спасшихся с его ковчега, выловленных из глубин озера.

Ответ не успокоил его, совсем наоборот. Он содрогнулся, когда сложил загадку серебристого сияния Лулу вместе со знанием того, что он сейчас держал. Она ныряла вниз, на дно озера, чтобы обнаружить эти фигурки. Такой спуск невозможен для любого обитателя земли.

Не удивительно, что она уходила в тень, приказывая ему не смотреть. Она больше не была человеком. Она становилась или уже стала — сестрой тем странным рыбам, которые кружили в темных водах, с холодной кровью и серебристый кожей.

«О Лулу... — сказал он, — как это случилось?»

«Не трать время со мной, — прошептала она. — Просто уходи, пока у тебя есть возможность».

«Я хочу тебе помочь», — сказал он.

«Ты не можешь... — пришел ответ. — Не можешь помочь мне... я была здесь слишком долго. Моя жизнь окончена...»

«Это неправда, — сказал Харви. — Мы одного возраста».

«Но я была здесь так долго, что даже не помню...» — ее голос отдалился.

«Не помнишь что?»

«Может быть, я просто не хочу помнить, — сказала она. — Это доставляет слишком большую боль...» Она сделала долгий вдох, словно задышалась. «Ты должен идти... — сказала она шепотом, — идти, пока еще можешь»

«Я не боюсь».

«Тогда ты глупец, — сказала она. — Потому что должен бояться».

Он услышал, как заросли зашевелились, когда она начала уходить от него.

«Подожди, — окликнул он. Она не ответила. — Лулу!»

Шум стал еще громче. Судя по звуку, она почти бежала, чтобы он не мог догнать ее. Нарушив свое обещание, Харви открыл глаза и мельком увидел ее, пока она удалялась. Тень в тенях, не больше. Он пустился за ней, не зная, что скажет или сделает, когда догонит, но зная, что никогда не простит себе, если как-нибудь ей не поможет.

Может быть, если он уговорит ее пойти вместе с ним, из окрестностей Дома, злобное колдовство будет снято. Или может быть, он отыщет какого-нибудь доктора в наружном мире, доктора, который излечит ее от безобразия. Все что угодно, но только не дать ей возвратиться в озеро.

Поверхность воды была теперь видна, темно поблескивала между ветками деревьев и кустов. Лулу достигла берега, и на мгновение скудный звездный свет отыскал ее. Все, чего боялся Харви, оказалось правдой. И более того. Плавник вырос из ее согнутой и чешуйчатой спины, а ноги почти слились. Руки ее стали короткими и похожими на обрубки, пальцы соединились перепонками.

Но именно ее лицо мелькнуло, когда она повернулась, чтобы взглянуть на Харви, и это было величайшим потрясением.

Волосы ее выпали, а нос исчез. Рот утратил губы, голубые глаза превратились во вращающиеся серебряные шары без век и без ресниц. И все же, невзирая на ее

уродство, в тех глазах было человеческое чувство, а в очертаниях рта ужасная печаль, которая — Харви знал — никогда больше не уйдет из его сердца, даже если он проживет тысячелетия.

«Ты был моим другом, — сказала она, пошатываясь на берегу. — Спасибо тебе за это».

Затем она бросилась в воду.

Он стремительно подошел к кромке воды, но к тому времени, как он достиг места, откуда она нырнула, рябь исчезла и пузыри лопнули. Он смотрел на ледяную воду минуту или больше, надеясь, что Лулу увидит его и поднимется к поверхности, но она ушла туда, куда он не мог последовать за ней, и это, казалось, был конец.

Сжимая ее дары как талисманы, он поплелся прочь от озера. На лужайку, чтобы встретиться с Венделлом.

XIII

Четвертая часть тьмы

«Что с тобой случилось? — шепнул Венделл, когда Харви достиг нижней части лужайки. — Я думал, мы встречаемся в полночь».

«Меня... перехватили», — ответил Харви.

Он намеревался рассказать Венделлу, что только что обнаружил, но его приятель явно нервничал, даже не зная о судьбе Лулу. Харви сунул троих спасшихся с ковчега в карман и решил рассказать о неожиданной встрече только тогда, когда он и Венделл будут на безопасном расстоянии от ужасного места.

Только одно препятствие стояло между ними и этой целью: стена тумана. Теперь, как и обычно, стена казалась вполне безобидной. Но то была иллюзия, подобно многому в царстве мистера Худа.

«Нам следует все очень хорошо организовать, — сказал Харви Венделлу. — Как только мы оказываемся в стене, мы теряем чувство направления. Таким образом, мы должны быть уверены, что продолжаем идти по прямой, и не позволять туману разворачивать нас».

«А как нам это сделать?» — спросил Венделл.

«Я думаю, один из нас должен шагать впереди, а другой держаться за его руку».

«Я, — сказал Венделл с готовностью. — Я хочу быть первым».

«Без проблем. Тогда я буду держаться спиной к дому и направлять тебя. Кто знает, может, стена такая тонкая, что ты просто протащишь меня через нее».

«Будем надеяться», — вздохнул Венделл.

«Ты готов?» — спросил Харви, протягивая руку.

Венделл взял ее. «Настолько, насколько ты», — ответил он.

«Тогда пошли отсюда».

Венделл кивнул и шагнул в туман. Мгновенно Харви почувствовал, что хватка его усилилась.

«Не... позволяет... пройти...» — произнес Венделл голосом уже далеким, хотя был только на шаг впереди.

«Просто продолжай идти, — сказал Харви, когда они оказались на расстояние вытянутой руки друг от друга. — Любой знак...»

Прежде чем он смог закончить свой вопрос, шум из Дома, оставшегося за спиной, запечатал ему губы. Он оглянулся. Входная дверь была открыта, а свет в зале зажжен, превращая в силуэт фигуру, торопливо сбегающую по ступеням крыльца. Это была миссис Гриффин.

Шум, который он слышал, однако, издавала не она. Человек не мог бы произвести подобный гул. Он увидел, что миссис Гриффин, пока торопилась вниз по лужайке, смотрела на крышу Дома, и, следуя за ее взглядом, он увидел, как на фоне звезд поднимается производитель шума.

Он знал его имя, даже несмотря на то, что не мог видеть его лица. У Худа было четверо слуг и он встречал только троих: Риктуса, Джайва и Марр. Здесь был четвертый: Карна-похититель зубов, Карна-пожиратель, Карна-зверь, которого, как надеялась миссис Гриффин, Харви никогда не встретит.

«Возвращайся в дом, дитя! — завопила миссис Гриффин, когда шорох огромных крыльев заполнил воздух. — Быстро! Быстро!»

Харви дернул Венделла за руку, крича ему, но Венделл уже почуял дуновение свободы и не собирался отступать.

«Чего ты ждешь? — кричала миссис Гриффин. — Убейся отсюда, или он снесет тебе голову!»

Харви посмотрел вверх, на летящего зверя, и понял, что это не ложь. Челюсти Карны были достаточно широки, чтобы одним укусом откусить от него половину. Но Харви не мог оставить Венделла в тумане. Они вместе начали рискованное дело и так же должны завершить его, мертвые или живые. У него не было выбора, кроме как самому шагнуть в туман и надеяться, что Венделл хоть мельком разглядел наружный мир и сможет протащить Харви через стену на улицу.

Сделав этот шаг, он услышал, как миссис Гриффин говорит что-то насчет дороги, но он был ослеплен холодным туманом, и звук ее голоса исказился до шепота.

Однако пронзительные выкрики Карны были не так приглушены. Они разрывали мрак, протыкая мысли Харви так же, как зубы Карны могли бы пронзить его голову, если бы зверь поймал его.

«Венделл! — завопил Харви. — Оно гонится за нами!»

Харви разглядел впереди себя фигуру. Затем лицо Венделла, размытое туманом, повернулось, чтобы сказать:

«Пути наружу нет!»

«Но он должен быть!»

«Я не могу отыскать!» — сказал Венделл. И его ответ почти потонул за громом выкриков Карны.

Харви оглянулся на дорогу, которой пришел, больше боясь не понять, насколько близко тварь, чем увидеть ее, сколь бы ни было устрашающим зрелище. Пелена тумана клубилась перед ним, но он уловил очертания Карны, когда зверь спускался. Этот был самым чудовищным из всего вывода: гнилая кожа растягивалась на колючих и гладких костях, глотка была гнездом змеиных языков, челюсти усажены сотнями зубов.

Вот и конец, подумал Харви. Я прожил только десять лет и пять месяцев, и скоро мне откусят голову.

Затем краем глаза он увидел странное зрелище. Руки миссис Гриффин, протягивающиеся в туман и бросающие Блю Кэт на землю.

«У нее хорошее чувство направления! — услышал Харви слова миссис Гриффин. — Иди за ней! Иди за ней!»

В повторном приглашении он не нуждался. Блю Кэт тоже. Задрав хвост, она пошла, мягко ступая. И Харви потащил за руку Венделла, чтобы последовать в погоню. Кошка была быстра, но Харви был столь же быстр. Он не отрывал глаз от этого яркого хвоста, даже когда шорох крыльев позади возвестил, что Карна погрузился в туман и находится почти над ними.

Два шага, три шага, четыре. Казалось, теперь туман разряжался. Харви услышал радостные вопли Венделла. «Улица! — орал он. — Я ее вижу!» В следующее мгновение Харви тоже увидел ее, с тротуарами, влажными от дождя и сияющими в свете ламп. Теперь он осмелился взглянуть

назад. Там находился Карна, челюсти его были на расстоянии ярда от них.

Он отпустил руку Венделла и толкнул своего друга в сторону улицы, одновременно пригибаясь. Нижняя челюсть Карны оцарапала его спину, но тварь двигалась слишком быстро, чтобы контролировать себя. И вместо того чтобы, развернувшись, схватить свою добычу, Карна влетел в реальный мир.

Венделл был уже там, Харви присоединился к нему мгновением позже.

«Нам удалось! — вопил Венделл. — Нам удалось!»

«Карне тоже!» — сказал Харви, показывая на зверя, когда тот поднимался в облачное небо и поворачивал, чтобы опять пойти за ними.

«Он хочет загнать нас обратно!» — сказал Харви.

«Я не собираюсь! — заплакал Венделл. — Никогда! Я никогда не вернусь обратно!»

Карна услышал этот вызов, его полыхающие глаза уставились на Венделла, и он полетел вниз как молния. Крик его эхом раздавался в полночных улицах.

«Бежим!» — скомандовал Харви.

Но взгляд Карны пригвоздил Венделла к месту. Харви схватил Венделла и был готов бежать, когда услышал, что крик зверя изменился. Триумф превратился в сомнение, сомнение превратилось в боль, и внезапно Карна стал не налетать, а падать, в крыльях его образовались дыры, будто полчища или рои невидимой моли поедали ткань.

Карна с трудом пытался подняться опять в воздух, но израненные крылья отказывались служить. И несколько мгновений спустя он ударился об улицу столь крепко, что откусил себе дюжину языков и разбросал полсотни зубов под ногами мальчиков. Однако падение не убило его. Хотя Карна мучительно страдал от ран, он с трудом приподнялся на шипастых костылях крыльев и начал подтаскивать свое тело обратно к стене. Даже теперь в поврежденном состоянии он был ужасен. И щелкая зубами направо и налево, отгонял Харви и Венделла со своего пути.

«Здесь ему не выжить... — размышлял вслух Венделл. — Он умирает».

Харви желал, чтобы у него было какое-нибудь оружие, чтобы удержать тварь от возвращения в безопасное место,

но ему пришлось удовольствоваться лишь зрелищем отступления. Если бы Карна не желал их плоти столь сильно, подумал Харви, то не погнался бы за ними с такой скоростью и не причинил бы себе ни боли, ни повреждений. Это был урок, и если бы Карна мог запомнить его! Зло, каким бы сильным оно ни казалось, может быть побеждено своим собственным аппетитом.

Когда тварь исчезла, занавес тумана задернулся.

Единственным напоминанием о тайнах, что лежали по другую сторону стены, была мордочка Блю Кэт, глядящая на мир, который она, подобно другим обитателям Дома, никогда не могла бы исследовать. Лазурный взгляд на мгновение встретился со взглядом Харви, затем Блю Кэт оглянулась на свою тюрьму, словно услышав призывы миссис Гриффин, и с печальным вздохом повернулась и потащилась прочь.

«Странно, — сказал Венделл, когда поглядел на дождливые улицы. — Как будто бы я никогда и не уходил отсюда».

«Так ли?» — сказал Харви. Он не был уверен. Он чувствовал разницу, отмеченную этим приключением.

«Я думаю, вспомним ли мы уже через неделю, что мы жили там?»

«О, я вспомню, — сказал Харви. — У меня есть несколько сувениров».

Он сунул руку в карман, ища фигурки с ковчега. Даже когда он вытаскивал их, он ощутил, что они крошатся, будто реальный мир взимал с них дань.

«Иллюзии...» — прошептал он, когда фигурки превратились в пыль и просыпались между пальцев.

«Какая разница? — заявил Венделл. — Время отправляться домой. И это не иллюзия».

XIV

Время ушло

Мальчики потратили два часа на то, чтобы добраться до центра города, и там — поскольку их дома находились в разных сторонах, — они расстались. Но еще до этого они обменялись адресами и договорились связаться в следующие день-два, для того, чтобы подтвердить рассказы друг друга о Доме Каникул. Заставить людей поверить во все, что произошло с ними, трудно и все-таки возможно. Им будет проще, если оба расскажут одинаковую историю.

«Я знал, что ты действительно вернешься сюда, — сказал Венделл перед тем, как они расстались. — Ты спас мне жизнь».

«Ты сделал для меня то же», — ответил Харви.

Венделл выглядел озадаченным. «Возможно, мне и хотелось бы, — сказал он как-то сконфуженно, — но я никогда не был особенно смелым».

«Мы убежали вместе, — сказал Харви. — Без тебя я не смог бы этого сделать».

«На самом деле?»

«На самом деле».

Венделл просветлел, услышав это. «Ага, — сказал он. — Думаю, это правда. Ну... увидимся».

И каждый пошел своей дорогой.

До рассвета оставалось еще несколько часов, и улицы были совершенно безлюдны, а потому для Харви путь домой был долгим, одиноким и трудным. Он утомился и был немного опечален прощанием с Венделлом, но мысли о радушии, которое он встретит, когда достигнет собственного порога, подгоняли его вперед.

Несколько раз он боялся заблудиться, потому что улиц, которыми он проходил, он не знал. Одна, по соседству, была необычайно изукрашенной, дома и припаркованные возле них машины были замечательнее, чем все, что он прежде видел. Другая улица выглядела настоящим пустырем, дома наполовину разрушены, повсюду валялся мусор. Но чувство направления служило ему хорошо. Когда восток стал бледнеть, а птицы принялись щебетать, он повернул на свою улицу. Усталые ноги рванулись от радости и принесли его к ступеням, запыхавшегося и готового упасть на руки родителей.

Он постучал в дверь. Сначала из дома не доносилось ни звука, что не удивило его, если иметь в виду, который час. Он постучал еще раз, и еще. Наконец свет зажегся и Харви услышал шаги.

«Кто там? — спросил его Папа из-за закрытой двери. — Вы знаете, сколько времени?»

«Это я», — сказал Харви.

Затем послышался звук засовов, отодвигаемых изнутри, и дверь со скрипом отворилась.

«Кто я?» — спросил мужчина в халате, рассматривая его.

Выглядит вполне доброжелательным, подумал Харви, но это не его отец. Это был гораздо более пожилой человек с почти белыми волосами и исхудалым лицом. У него были усы, которые давно не подстригали, и борозды морщин на лбу.

«Чего тебе надо?» — спросил он.

Прежде чем Харви смог ответить, раздался женский голос: «Уходите от двери».

Харви еще не мог видеть, кому принадлежит второй голос, но разглядел тень в гостиной. С облегчением он понял, что это вовсе не его дом. Очевидно, он просто ошибся и постучал не в ту дверь.

«Простите, — сказал он, попятившись. — Я не хотел вас будить».

«Кого ты ищешь? — желал знать мужчина, теперь открывая дверь немного пошире. — Не детишек Смитов?»

Мужчина принялся шарить в кармане и вытащил очки.

Он не может меня видеть отчетливо, подумал Харви, бедный старик.

Но до того, как очки достигли переносицы мужчины, за спиной его появилась женщина, и ноги Харви почти подогнулись, когда он ее увидел.

Она была стара, эта женщина, волосы почти такие же бесцветные, как и у ее мужа, а лицо даже еще более морщинистое и печальное. И все-таки Харви знал это лицо лучше, чем любое другое на свете. Это было самое любимое из лиц, какие он когда-нибудь любил. Это была его Мама.

«Мам?» — прошептал он.

Женщина посмотрела через открытую дверь на мальчика, стоящего у порога, и глаза ее наполнились слезами. Она едва смогла выдохнуть слово, которое произнесла затем.

«Харви?»

«Мам?.. Мам, это ты, да?»

Теперь мужчина надел свои очки и уставился сквозь стекла широко раскрытыми глазами.

«Это невозможно, — ровным голосом сказал он. — Это не может быть Харви».

«Это он, — ответила его жена. — Это наш Харви. Он пришел домой».

Мужчина покачал головой. «После стольких лет? — сказал он. — Теперь он должен быть мужчиной. Взрослым мужчиной. А это просто мальчик».

«Это он, говорю тебе».

«Нет! — ответил мужчина уже сердито. — Глупый розыгрыш. Кто-то опять хочет разбить наши сердца. Будто они и так не разбиты».

Он стал закрывать дверь, но Мама Харви удержала его.

«Посмотри, — сказала она. — Посмотри на одежду. В ней он был в ту ночь, когда нас покинул».

«Откуда ты знаешь?»

«Думаешь, я не помню?»

«Это было тридцать один год назад, — сказал Папа Харви, все еще глядя на мальчика у порога. — Этого не может быть... не может быть...» Он запнулся, узнавание медленно распространилось по его лицу. «О, Боже... — сказал он упавшим до хриплого шепота голосом, — это он, да?»

«Я говорила тебе», — ответила жена.

«Ты что-то вроде привидения?» — спросил он Харви.

«О, ради Бога, — сказала Мама. — Он не привидение!» И проскользнула мимо мужа на крыльцо. «Я не знаю, как такое возможно, но не беспокоюсь, — сказала она, раскрывая Харви объятия. — Я знаю только то, что наш маленький мальчик вернулся домой».

Харви не мог говорить. В его горле были слезы. Слезы были и в глазах. Все, что он смог сделать, — упасть в объятия матери. Чудесно было ощущать, как ее руки гладят его волосы и ее пальцы вытирают его щеки.

«О Харви, Харви, Харви, — всхлипывала она. — Мы думали, что никогда больше не увидим тебя». Она целовала его снова и снова. «Мы думали, ты ушел навсегда».

«Как такое возможно?» — все еще хотел знать Папа.

«Я молилась», — сказала Мама.

У Харви был другой ответ, хотя он и не высказал его. В тот момент, когда он увидел свою мать — столь изменившуюся и такую печальную, — ему мгновенно стало ясно, какой ужасный фокус сыграл со всеми ними Дом Худа. Ибо каждый день, проведенный там, был в реальном мире ушедшим годом. За одно утро, пока он играл в весеннем тепле, проходили месяцы. В полдень, пока он нежился на летнем солнце, то же самое. И те полные призраков сумерки, которые казались столь краткими, были еще одним поворотом месяцев, так же как и Рождественские ночи, полные снега и подарков.

Все они проскользнули столь беспечно. И хотя он повзрослел только на месяц, его Мама и Папа жили в печали тридцать один год, думая, что их маленький мальчик ушел навсегда.

Тому было подтверждение. Если бы он остался в Доме Иллюзий, привлеченный милыми удовольствиями, вся жизнь прошла бы здесь в реальном мире, и его душа стала бы собственностью Худа. Он присоединился бы к рыбам, кружащим, кружащим, кружащим в озере. Он содрогнулся от такой мысли.

«Ты замерз, золотко, — сказала Мама. — Заходи в дом».

Он громко шмыгнул носом и отер слезы тыльной стороной ладони.

«Я так устал», — произнес он.

«Я тотчас же постелю тебе постель».

«Нет, я хочу рассказать вам, что произошло, до того как пойду спать, — ответил Харви. — Это долгая история. Длинной в тридцать один год».

XV

Новые кошмары

Оказалось, рассказать историю труднее, чем он ожидал. Хотя некоторые детали были ясны в его голове — первое появление Риктуса, потонувший ковчег, его с Венделлом побег, — было много больше, чего он не мог четко вспомнить. Как будто бы туман, через который он прошел, просочился в мысли и набросил покров на Дом и на то, что он содержал.

«Я помню, что разговаривал с тобой по телефону два или три раза», — сказал Харви.

«Ты не говорил с нами, дорогой», — ответила Мама.

«Значит это был просто еще один трюк, — сказал Харви. — Я должен был догадаться».

«Но кто подстраивал все эти трюки? — требовательно спросил Папа. — Если Дом существует — я говорю если, — тогда тот, кто им владеет, похитил тебя и каким-то образом удержал от взросления. Может быть, он заморозил тебя...»

«Нет, — сказал Харви. — Там было тепло. Конечно, кроме тех моментов, когда падал снег».

«Но должно же быть какое-то здоровое объяснение».

«Оно есть, — ответил Харви. — Это волшебство».

Папа покачал головой. «Детский ответ, — сказал он. — А я больше не ребенок».

«Я знаю то, что знаю», — твердо сказал Харви.

«Это, дорогой, не очень много», — возразил Папа.

«Хотел бы я помнить больше».

Мама обняла его за плечи, успокаивая. «Не беспокойся, — сказала она, — мы поговорим об этом, когда ты отдохнешь».

«Ты бы смог отыскать этот Дом снова?» — спросил его Папа.

«Да, — ответил Харви, хотя по спине его пробежали мурашки при мысли о возвращении обратно. — Думаю, да». «Тогда мы так и сделаем».

«Я не хочу, чтобы он возвращался туда», — сказала Мама.

«Мы должны знать, что Дом существует, прежде чем сообщим о нем в полицию. Ты же понимаешь, сын?»

Харви кивнул. «Звучит так, будто я все выдумал, я понимаю. Но это не так, я клянусь, не так».

«Давай же, радость моя, — сказала Мама. — Боюсь, твоя комната немного изменилась. Но она еще уютнее. Я хранила ее в таком виде, как ты оставил ее много-много лет назад. Я надеялась, что ты отыщешь дорогу домой. Потом я поняла, что если ты когда-нибудь действительно вернешься обратно, ты будешь взрослым мужчиной и не захочешь, чтобы она была украшена ракетами и попугаями. Поэтому мы пригласили дизайнеров. Теперь она совершенно другая».

«Не важно, — сказал Харви. — Это мой дом. И это все, что мне нужно».

Пока он днем спал в своей старой комнате, шел дождь, тяжелый мартовский дождь, который бил в окна и шлепал по подоконнику. Этот звук разбудил его. Он сел на кровати, со вздыбившимися на затылке волосами, и понял, что ему снилась Лулу. Бедная, пропавшая Лулу, тащившая свое изуродованное тело сквозь кусты, рукой-плавником стискивающая животных с ковчега, которых она выловила из грязи.

Мысль о ее несчастье была непереносимой. Как он мог когда-либо надеяться жить в мире, куда вернулся, зная, что она остается узницей Худа?

«Я отыщу тебя, — пробормотал он. — Отыщу, я клянусь...»

Затем он опять лег на холодную подушку и слушал звуки дождя до тех пор, пока сон не подкрался к нему.

Вымотанный путешествиями и потерями, он не проснулся до следующего утра. Дождь прошел, настало время строить планы.

«Я принес карту всего Миллсэпа, — сказал Папа, кладя покупку на кухонный стол и разворачивая ее. — Вот наш

дом. — Он уже отметил это место крестом. — Ты помнишь название какой-нибудь улицы вокруг владений Худа?»

Харви покачал головой. «Я был слишком занят, когда убегал», — ответил он.

«А ты видел там какие-нибудь необычные здания?»

«Было темно и шел дождь».

«Значит, мы просто должны довериться счастливому случаю».

«Мы найдем, — сказал Харви. — Даже если поиски займут всю неделю».

Сказать было легче, чем сделать. Более тридцати лет прошло с тех пор, как он впервые прошел через город с Риктусом. Изменилось бесчисленное количество вещей. Новые площади и новые трущобы, новые машины на улицах и новые самолеты над головой. Так много всего, что сбивало Харви со следа.

«Я не знаю, где какая дорога, — признался Харви после того, как они искали полдня. — Ничего от той дороги, которую я помню».

«Продолжим поиски, — сказал Папа. — Все станет ясным».

Не стало. Они потратили остаток дня, бессмысленно бродя, надеясь, что какой-нибудь вид всколыхнет память. Но только испытали разочарование. Снова и снова на какой-нибудь площади или улице Харви говорил:

«Может, это».

И они направлялись в ту или другую сторону лишь для того, чтобы обнаружить: след уже остыл.

Тем вечером Папа расспрашивал его опять.

«Если бы ты мог вспомнить, на что похож Дом, — заявил он. — Я мог бы описать его людям».

«Он большой, это я помню. И старый. Я уверен, что очень старый».

«А ты можешь нарисовать его?»

«Могу попытаться».

Именно так он и поступил. И хотя был не слишком силен в рисовании, рука его, казалось, помнила больше, чем его голова, потому что через полчаса он изобразил Дом во множестве деталей. Папе это понравилось.

«Завтра возьмем рисунок с собой, — сказал он. — Может, кто-нибудь узнает».

Но следующий день разочаровал точно так же, как и предыдущий. Никто не знал Дома, нарисованного Харви, и не знал ничего даже отдаленно похожего на него. К концу дня Папа потерял терпение.

«Это бесполезно! — сказал он — Я опросил чуть ли не пятьсот человек, и ни один из них — ни один — даже смутно не узнал этого места».

«Ничего удивительного, — ответил Харви. — Не думаю, что кто-нибудь из тех, кто видел Дом, кроме меня и Венделла, сбежал».

«Мы должны просто все сообщить полиции, — сказала Мама. — И пусть они этим занимаются».

«И что мы скажем? — спросил Папа, повышая голос. — Что мы думаем, будто где-то здесь существует Дом, который прячется в тумане и волшебством похищает детей? Нелепость!»

«Успокойся, успокойся, — сказала Мама. — Поговорим после, когда поедим».

Они потащились домой, поели и вновь обсудили проблему, но не пришли ни к какому решению. Мистер Худ в течение долгих лет тщательно расставлял ловушки, защищая себя от законов реального мира. Находясь в безопасности, за туманами своих иллюзий, он, возможно, уже нашел двух новых, ни о чем не ведающих узников, чтобы заменить Харви и Венделла. Казалось, зло будет длиться, не раскрытое и не наказанное.

На следующий день Папа заявил:

«Поиск завел нас в никуда. Надо его прекратить».

«Ты собираешься в полицию?» — спросила его жена.

«Да. И они захотят, чтобы Харви рассказал все, что он знает. Это будет трудно, сын».

«Они не поверят мне», — сказал Харви.

«Вот почему я сначала хочу с ними поговорить, — сказал Папа. — Я найду кого-нибудь, кто выслушает».

Он ушел вскоре после завтрака с выражением беспокойства на лице.

«Это я виноват, — сказал Харви Маме. — Мы потеряли все это время, которое могли бы провести вместе, просто потому что я скучал».

«Не вини себя, — ответила она. — Нас всех охватывает искушение делать вещи, о которых рано или поздно мы сожалеем. Иногда из-за неправильного выбора мы совершаем ошибки».

«Я только хочу знать, как переделать это», — объяснил Харви.

Потом Мама отправилась по магазинам и оставила Харви с его навязчивой идеей. Существовал ли какой-нибудь способ исправить нанесенный вред? Вернуть обратно похищенные годы и прожить их здесь, с людьми, которые любят его и которых он в свою очередь горячо любит?

Он сидел у окна своей спальни, пытаясь разрешить проблему, когда увидел жалкую фигурку на углу улицы. Он рывком распахнул окно и завопил:

«Венделл! Венделл, я здесь!»

Затем он опустился вниз по лестнице. Когда он отворил дверь, его друг был на ступеньках с красным и мокрым от слез и пота лицом.

«Что происходит? — спросил он — Все изменилось». Его слова перемежались всхлипами. «Мой папа развелся с моей мамой и моя мама такая старая, Харви, и толстая, как дом». Он вытер текущие сопли тыльной стороной ладони и громко шмыгнул носом. «Кто знал, что так будет? — сказал он. — Да?»

Харви изо всех сил попытался объяснить, как Дом обманул их, но Венделл не был расположен к теоретизированию. Он просто хотел, чтобы кошмар закончился.

«Пусть все будет таким, как было», — заскулил он.

«Мой Папа пошел в полицию, — сказал Харви. — Он собирается рассказать им все».

«Ничего они не сделают, — безнадежно промямлил Венделл. — Они никогда не найдут Дом».

«Ты прав, — согласился Харви. — Я ходил искать его с Мамой и Папой. Все бесполезно. Дом прячется».

«Да он и обязан прятаться от них, тупица, — завопил Венделл. — Ему не нужны взрослые».

«Ты прав, — опять согласился Харви. — Дом хочет детей, и, клянусь, он хочет тебя и меня больше, чем когда-либо».

«Почему ты так считаешь?»

«Он уже владел нами. Он почти съел нас живьем».

«Значит, ты считаешь, он вошел во вкус?»

«Я в этом уверен».

Венделл какое-то время разглядывал свои ноги. «Ты думаешь, мы должны вернуться, да?»

«Я думаю, что взрослые — мой Папа, моя Мама или даже полиция — никогда не смогут отыскать Дом. Если мы хотим вернуть все эти годы, мы должны вернуть их сами».

«Мне не слишком нравится эта мысль», — признался Венделл.

«И мне тоже», — сказал Харви, думая, пока тот говорил, что должен оставить записку Маме и Папе, чтобы они не считали его возвращение обыкновенным сном. «Мы должны идти, — сказал он. — У нас нет выбора».

«Итак, когда отправляемся?»

«Сейчас! — угрюмо заявил Харви. — Мы уже и так потеряли слишком много времени».

XVI

Обратно в счастливую землю

Это было так, как будто Дом знал, что они возвращаются, и звал их. Лишь только они ступили на улицу, их ноги, казалось, узнали дорогу. Все, что они должны были делать, — позволять вести себя.

«А что мы сделаем, когда попадем туда? — хотел знать Венделл. — Я имею в виду, что мы едва спаслись в прошлый раз...».

«Миссис Гриффин нам поможет», — сказал Харви.

Дыхание Венделла участилось. «А если Карна откусил ей голову?» — спросил он.

«Тогда мы должны все сделать сами».

«Что сделать?»

«Найти Худа».

«Но ты сказал, что он мертв».

«Не думаю, что быть мертвым много значит для такого создания! Он где-то в доме, Венделл, и мы должны его выследить, хочется нам или нет. Он тот, кто похитил все эти годы. И мы не получим их обратно, пока с ним не встретимся».

«Просто у тебя все получается», — сказал Венделл.

«Дом — ящик с фокусами, — напомнил ему Харви. — Времена года, подарки. Сплошные иллюзии. Мы должны быть упорными».

«Харви, погляди».

Венделл указывал пальцем. Харви с первого взгляда узнал улицу. Тридцать три дня назад он стоял здесь с Риктусом и прислушивался к искусителю, говорившему, что за прекрасное место находится по другую сторону туманной стены.

«Значит, это она», — сказал Харви.

Странно, но Харви не чувствовал страха, даже несмотря на то, что они шли прямо в руки врага. Лучше встретиться с Худом и его иллюзиями лицом к лицу теперь, чем провести остаток жизни, размышляя о Лулу и оплакивая годы, которые потерял.

«Ты готов?» — спросил он Венделла.

«Прежде чем мы пойдем, — ответил его друг, — не можем ли мы прояснить всего одну вещь? Если Дом только иллюзия, тогда как же так было, что мы ощущали холод? И как получилось, что я растолстел, поедая пироги миссис Гриффин, и...»

«Не знаю, — отрезал Харви. Сомнение провело холодным пальцем вдоль его позвоночника. — Я не могу объяснить, как действует волшебство Худа. Все, что я знаю, — он забрал эти годы, чтобы прокормить себя».

«Прокормить?»

«Ага. Как... как... как вампир».

Именно сейчас Харви впервые подумал так о Худе, но это было инстинктивно верно. Кровь это жизнь, а жизнь то, чем кормился Худ. Он был вампиром, совершенно точно. Возможно, королем среди вампиров.

«Значит, нам не надо иметь кола, или святой воды, или чего-то такого?»

«Это только в сказках», — сказал Харви.

«Но если он погонится за нами...»

«Мы будем бороться».

«Бороться с чем?»

Харви пожал плечами. Правда состояла в том, что он не знал. Но он был уверен, что кресты и молитвы будут бесполезны в битве, которая ждала впереди.

«Больше никаких разговоров, — прервал он Венделла. — Если не хочешь идти, не ходи».

«Я так не говорил».

«Отлично», — сказал Харви и шагнул в туман.

Венделл следовал за ним по пятам, и как только Харви шагнул в стену, ухватился за его рукав, следовательно, они вошли, как и вышли, — вместе.

Туман сомкнулся вокруг них, будто пропитанное водой одеяло, тяжело давя на их лица, и Харви уже решил, что туман намерен раздавить их. Но на самом деле туман только

хотел, чтобы не изменились их намерения. Через мгновение дрожь прошла по его складкам, и они очутились на другой стороне.

В царстве Худа был разгар лета: ленивый сезон. Солнце, по другую сторону тумана спрятавшееся за дождевыми тучами, здесь светило на Дом и на то, что цвело вокруг него. Деревья раскачивались под ароматным ветерком, двери и окна Дома, крыльцо и дымовые трубы — все блестело, словно свежеекрашенное.

Карнизы приветственно гремели, радушные гостеприимные запахи доносились из кухни, приветливый смех летел из раскрытой двери. Добро пожаловать, добро пожаловать слышалось повсюду.

«Я забыл...» — прошептал Венделл.

«Что забыл?»

«Как... он прекрасен».

«Не верь ему, — сказал Харви. — Это только иллюзия, помнишь? Все это».

Венделл не ответил, но побрел к деревьям. Льстивый ветерок овеивал его, словно бы подталкивая. Венделл не противился, а шел туда, куда вел ветерок, в испещренную пятнами тень.

«Венделл, — напомнил Харви, следуя за ним через лужайку. — Мы должны держаться друг друга».

«Я забыл о доме на дереве, — мечтательно произнес Венделл, глядя вверх. — Нам было так здорово здесь, правда?»

«Нет, — сказал Харви, который поклялся себе, что не позволит прошлому отвлечь его от его цели. — Я не помню».

«Да, помнишь, — сказал Венделл, улыбаясь от уха до уха. — Мы так много потрудились там, наверху. Я собираюсь подняться и взглянуть, как он выглядит».

Харви схватил его за руку.

«Нет, не поднимешься».

«Нет, поднимусь, — огрызнулся Венделл, выкручивая свою руку из захвата Харви. — Я могу делать все, что пожелаю. Ты мне не хозяин»

По его остекленевшим глазам Харви увидел, что Дом уже включил свое соблазнительное волшебство. Он знал, что все только дело времени и его собственное сопротивление может истощиться. А что потом? Совсем ли он забудет о своем деле

здесь и станет пустоголовым мальчиком, гогочущим как гусь, пока его душу будут высасывать?

«Нет! — сказал он вслух. — Я не позволю тебе сделать это!»

«Что сделать?» — спросил Венделл.

«У нас есть дело, ради которого мы пришли!» — сказал ему Харви.

«Какая разница?» — ответил Венделл.

«Для меня есть. И для тебя разница была пять минут назад. Вспомни, что он сделал с нами, Венделл».

Ветер в деревьях, казалось, при этом вздохнул.

«Ааахх...» — произнес он, будто теперь поняв цель Харви и отправившись донести свою догадку до ушей мистера Худа.

Харви не боялся. Это даже доставляло ему удовольствие.

«Давай, — сказал он, когда порывы ветра полетели в сторону Дома. — Скажи ему! Скажи ему!» Он повернулся к Венделлу. «Ты идешь? — спросил он. — Или мне идти одному?»

«Я ничего не имею против того, чтобы зайти, — радостно сказал Венделл. — Я голоден».

Харви мрачно уставился на Венделла. «Разве ты не помнишь ничего, о чем мы говорили снаружи?» — потребовал он.

«Конечно, помню, — ответил Венделл. — Мы говорили, что собираемся... — Он замолк, нахмурившись. — ...собираемся... собираемся...»

«Это место похитило время, принадлежавшее нам, Венделл».

«Как оно это сделало? — сказал Венделл все еще сильно хмурясь. — Это просто... просто... — Он вновь запнулся, подыскивая слова. — Просто такой чудесный день». Хмурость стала опять исчезать и ее сменила широкая улыбка. «Какая разница? — сказал Венделл. — Я имею в виду, в такой день, какая разница? Давай просто развлекаться!..»

Харви покачал головой. Он терял здесь драгоценное время, а это было именно тем, чего хотели Худ и Дом. Вместо того, чтобы расходовать слова на Венделла, он повернулся на каблуках и направился к входной двери.

«Подожди меня! — завопил Венделл — Ты чувствуешь запах пирога?»

Венделл чувствовал и хотел бы набить живот какой-нибудь едой до того, как начнет свое рискованное мероприятие. Но Харви знал, что все эти вкусные запахи были частью репертуара Худа, и этого знания было достаточно, чтобы рот его прекратил увлажняться, а желудок ныть.

Он только подумал о пыли, в которую превратились животные с ковчега. Пирог на кухонном столе, возможно, был сделан из того же противного вещества, скрывающегося под поддельной свежестью. Харви изо всех сил держался за эту мысль, зная, что Дом, куда он готов ступить, будет полон подобных уговоров.

С Венделлом, вновь плетущимся сзади на расстоянии шага, он забрался на ступени крыльца и зашел в Дом. В тот момент, когда оба были внутри, дверь за ними захлопнулась. Харви повернулся, по коже его побежали мурашки. Это не ветер рывком закрыл дверь.

Это был Риктус.

XVII

Повариха, кошка и гроб

«Великолепно, что вы вернулись обратно, мальчик, — сказал Риктус с такой же, как обычно, широкой улыбкой. — Я всем говорил, что ты не сможешь находиться вдалеке. Никто мне не верил. Он ушел, убеждали меня, он ушел. Но мне было лучше известно. — Он начал передвигаться в сторону Харви. — Я знал, что ты не удовлетворишься коротким визитом... нет, ведь впереди еще так много развлечений».

«Я голоден», — проскулил Венделл.

«Помоги себе сам!», — ухмыльнулся Риктус.

Венделл по-спринтерски рванулся на кухню.

«Ого-го, ого-го, ого-го! — закричал он. — Погляди на всю эту еду».

Харви не отвечал.

«Ты не голоден? — спросил Риктус, поднимая брови выше очков. Он приложил сложенную лодочкой ладонь к уху. — Слышу звук пустого желудка».

«Где миссис Гриффин?» — спросил Харви.

«О... она поблизости, — с озорством сказал Риктус. — Но она стареет. В эти дни она подолгу находится в постели, поэтому мы положили ее кое-куда в целости и сохранности».

Пока он говорил, из гостиной послышалось мяуканье и у двери оказалась Стью Кэт. Риктус нахмурился. «Убирайся отсюда, киска! — выплюнул он. — Разве ты не видишь, что у нас разговор?»

Но Стью Кэт не испугалась. Она прошествовала к Харви и потерлась о его ноги.

«Чего ты хочешь?» — спросил Харви, присаживаясь на корточки, чтобы ее погладить. Она громко замурлыкала.

«Хорошо. Превосходно. Первоклассно, — сказал Риктус, меняя гнев на свежестполированную улыбку. — Тебе нравится кошка. Кошке нравишься ты. Все счастливы».

«Я не счастлив», — сказал Харви.

«Это почему?»

«Я оставил здесь все мои подарки и не знаю где».

«Нет проблем, — сказал Риктус. — Я их отыщу».

«Ты это сделаешь?» — спросил Харви.

«Будь уверен, малыш, — заявил Риктус, убежденный в том, что его обаяние вновь сработало. — Вот для чего мы здесь: давать все, что пожелает твое сердце».

«Я думаю, может, я оставил их наверху, в моей спальне», — предположил Харви.

«Знаешь, кажется, я их там видел, — ответил Риктус. — Оставайся прямо здесь. Я скоро вернусь».

Он побежал, перепрыгивая через две-три ступеньки и немзыкально насвистывая сквозь зубы. Харви подождал, когда тот исчезнет из виду, затем отправился проводить Венделла, давая возможность Стью Кэт ускользнуть.

«Ах ну, посмотрите же!» — раздался голос, когда он появился в дверях кухни.

Это был Джайв. Он стоял у плиты, такой же живой, как обычно, рукой жонглируя яйцами, а другой подбрасывая печенье в кастрюле.

«О чем ты мечтаешь? — поинтересовался он. — О сладком или о соленом?»

«Ни о том, ни о другом», — ответил Харви.

«Все отлично, — просвистел Венделл. Он был почти скрыт стеной наполненных тарелок. — Попробуй пирожки. Они великолепны!»

Харви испытывал жестокое искушение. Буфет выглядел изумительно. Буфет искушал. Но ведь он должен помнить — это всего лишь пыль.

«Может, попозже», — сказал он, отводя глаза от груд пропитанных сиропом вафель и кубков мороженого.

«Ты куда?» — хотел знать Джайв.

«Мистер Риктус ищет для меня несколько подарков», — сказал Харви.

Джайв довольно улыбнулся. «Значит, малышок, все по-старому идет, а совсем не наоборот! — воскликнул он. — Хорошо тебе!»

«Мне хотелось сюда», — ответил Харви.

Он не стал медлить, иначе бы Джайв увидел по его глазам, что он лжет. Нет, Харви быстро повернулся и направился обратно в коридор. Стю Кэт все еще была там и глядела на него.

«Что такое?» — спросил он.

Кошка двинулась к лестнице, затем остановилась и взглянула назад.

«Хочешь что-то показать мне?» — прошептал Харви.

При этом кошка опять пошла вперед. Харви последовал за ней, ожидая, что она поведет его наверх. Но прежде чем она достигла низа лестницы, она повернула налево и провела Харви по узкому проходу к двери, о которой он прежде не знал.

Харви подергал ручку, но дверь была заперта. Повернувшись, чтобы поискать Стю Кэт, Харви обнаружил, что она трется своей изогнутой спиной о ножку маленького стола, стоявшего поблизости. На столе находился резной деревянный ящик. В ящике был ключ.

Харви пошел обратно к двери, отпер ее и распахнул. Перед ним находился лестничный пролет. Деревянные ступени вели вниз, во тьму, откуда поднимался кислый сыроватый запах. Харви не решился бы спуститься, если бы Стю Кэт не продолжала манить его во мрак.

Касаясь пальцами сырых стен слева и справа от себя, он следовал за Стю Кэт вниз, считая ступени, пока шел. Их было пятьдесят две, и к тому времени, как он спустился, глаза почти привыкли к темноте. Погреб был пещеристый, но пустой, за исключением беспорядочно разбросанных камней и большого деревянного ящика, который стоял в пыли примерно в дюжине ярдов от Харви.

«Что это?» — шепотом спросил он у Стю Кэт, понимая, что кошка не может ответить, и тем не менее надеясь на какой-нибудь знак.

Единственным ответом Стю Кэт было то, что она побежала к ящику, мягко вспрыгнула на него и принялась царапать дерево.

Любопытство Харви оказалось сильнее страха и все-таки не настолько сильным, чтобы он бросился открывать крышку. Он подошел так, словно ящик был каким-то спящим зверем, которым, Харви знал в точности, тот и был. Чем

ближе он подходил к ящику, тем больше тот напоминал грубо обструганный гроб. Но разве гроб запирают на всякий замок? Не туда ли положили Карну после того, как зверь притащил свое раненое тело домой? Может, теперь он прислушивается к тому, как Стю Кэт царапает крышку, и ждет освобождения?

Когда же Харви приблизился к гробу, в глаза ему бросилась завязка фартука, свисавшая из ящика и оставленная так тем, кто ящик запер. Харви знал только одного человека в Доме, который носил фартук.

«Миссис Гриффин! — шепнул он, просовывая ногти под крышку. — Миссис Гриффин! Вы там?»

Изнутри раздался глухой стук.

«Я вас выпущу», — пообещал он, дергая крышку во всю мочь.

У него не хватало сил сломать замок. В отчаянье он начал обыскивать погреб, ища какой-нибудь инструмент, нашел два подходящих по размеру камня, поднял и вернулся к гробу.

«Придется пошуметь», — предупредил он миссис Гриффин.

Затем используя один камень как зубило, второй как молоток, он ударил по замку. Голубые искры летели, когда он бил по металлу, но, казалось, без всякого успеха, и вдруг совершенно неожиданно замок затрещал и упал на землю.

Харви на минуту замер, опять вернулись прежние сомнения. А может, это был гроб Карны? Затем он отшвырнул камни и поднял крышку.

XVIII

Горькая правда

Харви почти вскрикнул, увидев, в каком ужасном состоянии была бедная миссис Гриффин. Она смотрела на него обезумевшими глазами, волосы выдраны клочьями, лицо фиолетовое от синяков. Рот забит вонючей тряпкой, которую Харви осторожно убрал. Тогда миссис Гриффин смогла говорить хриплым шепотом.

«Спасибо, мой дорогой, спасибо, — сказала она. — Но... ты не должен был возвращаться. Здесь слишком опасно».

«Кто это с вами сделал?»

«Джайв и Риктус».

«А приказ отдал он, не так ли? — спросил Харви, помогая ей подняться. — Не говорите мне, что он мертв, я ведь знаю, что это неважно. Худ здесь, в Доме, правда?»

«Да, — сказала она, держась за Харви, пока вылезала из ящика. — Да, он здесь. Но не так, как ты думаешь...» Она начала всхлипывать, слезы мешали словам.

«Все в порядке, — утешил ее Харви. — Все будет хорошо».

Она подняла руки и прикоснулась к лицу, мокрому от слез. «Я думала... Я думала, я никогда больше не заплачу, — сказала она. — Погляди, что ты наделал!»

«Простите», — ответил Харви.

«О, нет, моя радость, не извиняйся. Это изумительно. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Ты разрушил проклятие, висевшее надо мной».

«Какое проклятие?»

«О, это долгая история».

«Расскажите».

«Я была самым первым ребенком, пришедшим в Дом Худа, — сказала она. — Это случилось много-много лет назад. Мне было девять, когда я впервые переступила этот порог. Видишь ли, я убежала из дома».

«Почему?»

«Моя кошка умерла, а мой отец отказался купить мне другую. И что, по-твоему, дал мне Риктус в тот самый день, когда я прибыла?»

«Трех кошек?» — спросил Харви.

«Ты же знаешь, как действует этот Дом, не так ли?»

Харви кивнул. «Он дает все, чего ни пожелаешь».

«Я хотела иметь кошек, дом и...»

«Что?»

«Другого отца. — Она содрогнулась от страха, вспоминая. — Той ночью я встретила Худа. По крайней мере услышала его голос».

Стью Кэт подошла к ее ногам, и миссис Гриффин прервала рассказ, чтобы наклониться и взять кошку на руки.

«Где вы слышали его?» — спросил Харви.

«На чердаке, наверху Дома. И он сказал мне: «Если ты останешься здесь навеки, ты никогда не умрешь. Ты станешь старой, но будешь жить до скончания времен и никогда не заплачешь снова».

«И это то, чего вы хотели?»

«Это глупо, но так. Да, я хотела. Я боялась, видишь ли. Боялась быть положенной в землю, как моя кошка. — Наклынула новая волна слез, они покатались по ее бледным щекам. — Я бежала от смерти...»

«Прямо в ее Дом», — добавил Харви.

«О нет, дитя, — сказала миссис Гриффин. — Худ это не Смерть. — Она вытерла слезы, будто для того, чтобы яснее видеть Харви. — Смерть вещь естественная. А Худ нет. Теперь бы я с радостью пригласила Смерть как друга, которого я прогнала от своей двери. Я слишком многое видела, мой хороший. Слишком много времен года, слишком много детей...»

«Почему вы не попытались остановить его?»

«Я перед ним бессильна. Все, что я могла сделать, — дать детям, которые приходили сюда, как можно больше счастья».

«Сколько вам лет?» — спросил ее Харви.

«Кто знает? — ответила она, прижимаясь щекой к меху Стью Кэт. — Я старею и старею по прошествии дней, но течение времени, кажется, потеряло надо мною власть. Иногда мне бы хотелось спросить какого-нибудь ребенка: «Какой год в мире за стеной?»

«Я могу сказать вам».

«Не надо, — ответила она, прижимая палец к губам. — Я не хочу знать. Это будет слишком больно».

«Так чего же тогда вы хотите?»

«Умереть, — сказала она со слабой улыбкой. — Выскользнуть из этой оболочки и отправиться к звездам».

«Это происходит так?»

«Я в это верю, — сказала она. — Но Худ не позволит мне умереть. Никогда. Это будет его мстью мне за то, что я помогла вам бежать. Худ уже убил Блю Кэт, потому что она показала дорогу наружу».

«Худ выпустит вас, — произнес Харви. — Обещаю. Я собираюсь заставить его».

Она покачала головой. «Ты так храбр, моя радость, — сказала она. — Но он не даст уйти никому из нас. Внутри него такая ужасная пустота. Он хочет заполнить ее душами, но это провал. Бездонный провал...»

«...и вы оба направляетесь туда, — раздался маслянистый голос. Говорила Марр. Она ползла вниз по лестнице. — Мы искали тебя и тут и там, — сказала она Харви. — Тебе лучше пойти со мною, детка».

Она протянула руки к Харви. Он слишком хорошо помнил о ее превращающем прикосновении. «Пойдем! Пойдем! — сказала она. — Я все еще могу избавить тебя от неприятностей, если ты позволишь сделать из тебя нечто покорное. Он любит покорных, он, мистер Худ. Блох, червей, паршивых собачонок. Иди ко мне, детка! Живо».

Харви оглядел подвал. Другого выхода не было. Для того чтобы вывести миссис Гриффин на солнце, ее надо было провести по лестнице, но на пути стояла Марр.

Харви сделал шаг в ее сторону. Она улыбнулась беззубой улыбкой.

«Хорошо, детка, хорошо», — сказала она.

«Не надо, — попросила миссис Гриффин. — Она сделает тебе больно».

«Цыц, женщина! — сказала Марр. — Мы считаем, что в следующий раз придется эту крышку забить гвоздями!» Ее салыные зеленые глаза устремились опять на Харви. «Он знает, что для него хорошо. Не так ли, мальчик?»

Харви не ответил. Он просто продолжал наступать на Марр, чьи пальцы росли, словно рога улитки, вытягивались, чтобы вцепиться ему в лицо.

«Ты был таким послушным мальчиком, — продолжала Марр. — Может, я, в конечном счете, и не превращу тебя в червяка. Кем бы тебе хотелось стать? Скажи мне. Скажи, что у тебя на сердце...»

«Не беспокойся о моем сердце, — ответил Харви, двигаясь к Марр. — Как насчет твоего?»

На лице Марр отразилось изумление. «Моего?» — переспросила она.

«Да, — сказал Харви. — Чем ты мечтаешь быть?»

«Я никогда не мечтаю», — заявила она с вызовом.

«Ты должна постараться, — сказал ей Харви. — Если ты можешь превратить меня в червяка или в летучую мышь, что ты можешь сделать для себя?»

Вызов на ее лице стал озадаченностью, а озадаченность превратилась в панику. Ее вытянутые пальцы стали втягиваться обратно. Однако Харви кинулся с быстротой молнии и переплел свои пальцы с ее.

«Чем ты хочешь быть? — спросил он ее. — Думай».

Она начала бороться, и он ощутил, что ее волшебство хлынуло из ее пальцев в его, пытаясь его изменить. Но он больше не хотел стать летучей мышью-вампиrom и явно не желал стать червяком. Он был вполне счастлив, будучи собой. Волшебство, следовательно, не имело над ним власти, вместо этого оно потекло обратно в Марр, которая начала дрожать словно погружалась в ледяную воду.

«Что... ты... делаешь?» — произнесла она.

«Скажи мне, что в твоем сердце», — сказал он, возвращая ей ее приглашение.

«Я не разговариваю с тобой!» — ответила она, все еще сисяясь высвободить свои пальцы.

Но она не привыкла к тому, чтобы ее жертвы сопротивлялись подобным образом. Мускулы ее были дряблыми и слабыми. Она тянула и тянула пальцы, но не могла освободиться.

«Оставь меня в покое! — потребовала она. — Если ты сделаешь мне плохо, мистер Худ снимет с тебя голову».

«Я не причиню тебе вреда, — сказал Харви. — Я просто хочу дать тебе почувствовать твои мечты, как ты даешь мне чувствовать мои».

«Я не хочу!» — завопила она, борясь более отчаянно, чем прежде.

Он не отпустил ее. Вместо этого он все ближе и ближе придвигался к ней, будто для того, чтобы охватить ее руками. Она начала плевать — огромными слизистыми плевками — но он утирал лицо и продолжал приближаться.

«Нет... — начала бормотать она, — нет...»

Но не смогла сдержать приготовленное волшебство и оно заработало над ее собственными кожей и костями. Ее жирное лицо начало размягчаться и побежало как плавящийся воск, тело принялось оседать в своей рваной одежде — по полу потекла зеленоватая каша.

«О... — всхлипнула Марр, — ты проклятый ребенок...»

Что за мечта была такая, удивился Харви, что превращала Марр в студень? Она становилась все меньше и меньше, одежда соскальзывала, пока тело сжималось, голос утончился. До полного ее исчезновения оставались считанные секунды.

«О чем же ты мечтаешь?» — спросил Харви, когда пальцы Марр начали сбегать меж его пальцев подсоленной водичкой.

«Я мечтала ни о чем... — ответила Марр, глядя проваливающимся в расплывающийся череп глазами, — и это... то... чем... я... становлюсь...» Она почти затерялась в складках собственной одежды. «Ни о чем... — повторила Марр. Она теперь была не более, чем грязной лужицей, лужицей с исчезающим голосом. — Ни о чем...»

Затем она исчезла, пожранная собственным волшебством.

«У тебя получилось! — сказала миссис Гриффин. — Дитя, у тебя получилось!»

«Одна исчезла, трое осталось», — ответил Харви.

«Трое?»

«Риктус, Джайв и сам Худ».

«Ты забыл о Карне».

«Он все еще жив?»

Миссис Гриффин кивнула. «Боюсь, его крики я слышу каждую ночь. Он жаждет возмездия».

«А я хочу обратно свою жизнь, — сказал Харви, беря миссис Гриффин за руку и провожая ее (все еще несущую Стью Кэт) к подножию лестницы. — Я собираюсь ее забрать, миссис Гриффин. Чего бы это ни стоило, я собираюсь ее получить».

Миссис Гриффин посмотрела на грудку одежды, которая отмечала то место, где Марр ушла в ничто.

«Может, тебе удастся, — сказала она с удивлением в голосе. — Из всех детей, какие только приходили сюда, ты, возможно, единственный, кому под силу одолеть Худа в его собственной игре».

XIX

Пыль в пыль

Риктус поджидал на вершине лестницы. Его улыбка была сладкой. Слова нет.

«Теперь ты — убийца, мой маленький, — сказал он. — Тебе нравится чувствовать кровь Марр на своих руках?»

«Он ее не убивал, — сказала миссис Гриффин. — Она никогда не жила. Ни один из вас никогда не жил».

«Тогда что мы такое?» — спросил Риктус.

«Иллюзии, — заявил Харви, подталкивая миссис Гриффин с кошкой на руках мимо Риктуса к парадной двери. — Это все иллюзии».

Риктус следовал за ними, безумно подхихикивая.

«Чего такого забавного?» — спросил Харви, открывая дверь, чтобы выпустить миссис Гриффин на солнце.

«Ты! — ответил Риктус. — Ты думаешь, что знаешь все, но ты не знаешь мистера Худа».

«Узнаю немного позже, — сказал Харви. — Идите, погрейтесь, — обратился он к миссис Гриффин. — Я вернусь».

«Будь осторожен, дитя», — попросила она.

«Буду», — пообещал он ей и закрыл дверь.

«Ты странный», — сказал Риктус с немного угасшей улыбкой. Его лицо, когда не ослепляли зубы, походило на маску из теста. Две проковыранные пальцами дыры вместо глаз и катышек вместо носа.

«Я могу высосать твой мозг через уши», — сказал он, вся музыкальность ушла из его голоса.

«Наверное, можешь, — ответил Харви. — Но не соби-
раешься».

«Почему ты так думаешь?»

«Потому что я приглашен твоим хозяином».

Он направился к лестнице, но до того как ее достиг, к нему метнулась темная фигура. Это был Джайв, и он нес блюдо с яблочным пирогом и мороженым.

«Идти долго, — сказал он. — Сначала закинь что-нибудь в желудок».

Харви посмотрел на блюдо. Золотисто-коричневый пирог был присыпан сахаром, мороженое подтаяло и лежало в сладком белом озерке. Вид очень заманчивый.

«Давай, — сказал Джайв. — Ты заслужил угощение».

«Нет, спасибо», — ответил ему Харви.

«Почему нет? — хотел знать Джайв, повернувшись на каблуке вокруг своей оси. — Он легче, чем я».

«А из чего сделан этот пирог?» — спросил Харви.

«Из яблок, корицы и...»

«Нет, — возразил Харви. — Я знаю, из чего он сделан на самом деле».

Он опять взглянул на пирог, и на миг ему показалось, что он увидел самую суть — увидел серую пыль и прах, из которых была сотворена иллюзия.

«Ты думаешь, он отравлен? — спросил Джайв. — Так?»

«Возможно», — ответил Харви, все еще глядя на пирог.

«А вот и нет! — сказал Джайв. — Я тебе докажу!»

Харви услышал за спиной предупреждение Риктуса, которое не услышал Джайв. Он окунул пальцы в пирог и мороженое, а затем опустил их в рот одним быстрым движением. Когда он закрыл рот, Риктус сказал:

«Не глотай!»

И снова слишком поздно. Джайв сглотнул. Через мгновение Джайв выронил тарелку и начал бить себя кулаками по животу, словно собираясь выгнать еду обратно. Но вместо полупережеванного пирога изо рта его вырвалась туча пыли. Затем еще одна, затем еще одна.

Почти ослепленный, Джайв вцепился в горло Харви.

«Что... ты... сделал?» — прокашлял он.

Харви не представляло труда сбросить его с себя.

«Это все пыль, — сказал он. — Грязь, пыль и прах! Вся еда! Все подарки! Все!»

«Помогите мне! — пробормотал Джайв, царапая ногтями щеки и губы. — Кто-нибудь, помогите мне!»

«Теперь тебе не помочь!» — раздался торжественный голос.

Харви оглянулся. Говорил Риктус. Он пятился по коридору с руками, прижатыми к лицу. Он глядел сквозь пальцы на Джайва, и зубы его клацали, когда он объявил ужасную правду. «Тебе не следовало есть этого пирога, — сказал он. — Пирог напомнил твоему животу, из чего ты сделан».

«Из чего?» — спросил Джайв.

«Из того, из чего сказал мальчик! Из грязи и праха!»

Джайв откинул голову назад при этом завывая: «Нееет!» Но даже тогда, когда он раскрыл рот, чтобы отрицать очевидное, правда вышла наружу. Сухая пыль потоком бежала из его глотки и текла ему на пальцы. Это было подобно роковому сообщению, отправленному одной частью тела другой. Прикоснувшись к пыли, пальцы его тоже начали крошиться, а когда они упали, шорох разложения распространился на его бедра, колени и ступни.

Джайв стал падать на землю, но в финальном пируэте повернулся кругом и схватился за перила.

«Спасите меня! — вопил он, глядя на верх лестницы. — Мистер Худ, вы меня слышите? Пожалуйста! Пожалуйста, спасите меня!»

Теперь под ним крошились ноги, но он не собирался сдаваться. Он потащил свое тело вверх по ступенькам, все еще вопя, чтобы мистер Худ исцелил его. Однако с высот Дома не было ответа, не долетало теперь ни звука и от Риктуса. Только мольбы и хриплое дыхание Джайва, и шорох пыли, когда она сбегала вниз по ступеням из опустошающегося мешка его тела.

«Что происходит?» — спросил Венделл, появляясь из кухни с кетчупом, размазанным вокруг рта.

Он уставился на облако пыли, висевшее над ступенями, не имея возможности разглядеть создание в ее сердцевине. Харви, однако, находился ближе к облаку и потому был свидетелем последних ужасных мгновений Джайва. Умиряющее создание потянулось к верху лестницы рукой с почти отсутствующими пальцами, все еще надеясь — даже когда его жизнь медленно уплывала прочь, — что его создатель придет его спасти. Затем Джайв опустился на ступени и его последние жалкие кусочки рассыпались.

«Кто-нибудь выбивал ковры?» — спросил Венделл, когда пыль осела.

«Двумя меньше», — пробормотал себе под нос Харви.

«Что ты говоришь?» — хотел знать Венделл.

Прежде чем ответить, Харви оглянулся на коридор, ища Риктуса. Но третий слуга Худа исчез. «Не важно, — сказал Харви. — Ты закончил есть?»

«Ага».

«Еда была хорошей?»

Венделл ухмыльнулся. «Ага».

Харви покачал головой. «Что это значит?» — хотел знать Венделл.

Харви готов был сказать: это значит, что ты не можешь помочь мне, это значит, что я должен пойти наверх и сам встретить Худа. Но какая в том была польза? Дом совершенно поглотил Венделла. Он будет скорее помехой, чем помощью в предстоящей битве. И вместо всего этого Харви сказал:

«Миссис Гриффин снаружи!»

«Значит, мы найдем ее?»

«Мы ее нашли».

«Я пойду и поздороваюсь», — произнес Венделл с радостной улыбкой.

«Хорошая мысль».

Венделл взялся за ручку двери, потом повернулся и спросил:

«А где будешь ты?»

Но Харви не ответил. Он уже перешагнул кучу пыли, которая отмечала место кончины Джайва, и приближался к вершине первого на своем пути лестничного пролета, чтобы встретить силу, которая поджидала во тьме чердака.

XX

Встреча воров

На ходу вглядываться в пыльную правду, притворяющуюся пирогом и мороженым, — одно, но совсем иное — процарапать внешний лоск, которым покрыл себя Дом и который он отполировал до такого совершенства. Когда Харви взбирался по ступеням лестницы, он продолжал надеяться, что отыщет какую-нибудь деталь в стенах или в коврах, которая позволила бы ему засунуть пальцы разума под крышку иллюзий и приподнять ее, чтобы увидеть, какая неприглядная штука лежит внутри. Если Марр была сделана из засохшей грязи и слюны, а Джайв из пыли, то из чего сделан сам Дом? Однако, как Харви ни глядел, он не мог пробиться сквозь ложь. Дом восхищал чувства теплом, красками и запахами лета, он мягко нашептывал в ухо и ласкал своими нежными ветерками лицо.

Даже тогда, когда он достиг темной площадки в конце последнего лестничного пролета, Дом продолжал делать вид, что это просто еще одна невинная игра в прятки, подобно бесчисленным играм, которые он видел под своей сенью.

Впереди было пять дверей, каждая из них приоткрыта на несколько дюймов, будто бы говоря:

Здесь нет секретов от мальчика, который хочет правды. Зайди и посмотри! Зайди и посмотри! Если осмелишься.

Он осмелился, но не так, как планировал Дом. Потратив несколько мгновений на разглядывание дверей, Харви в конце концов проигнорировал их все, а вместо этого спустился на пролет ниже, выбрал в одной из спален крепкое

кресло, принес наверх, встал на него и выбил вентиляционную дверь, ведущую на чердак.

Втащить себя было тяжело, но он знал, когда вполз и лежал запыхавшись на полу чердака, что преследование Худа почти завершено. Король Вампиров был рядом. Кто еще, кроме владыки иллюзий, стал бы жить в месте, настолько лишенном их? Чердак был таким, каким не был Дом: грязным, темным и затянутым паутиной.

«Где ты?» — спросил он. Бесполезно было думать, что он может удивить врага. Худ наблюдал за его восхождением от самого первого этажа. «Выходи, — заорал Харви. — Я хочу видеть, как выглядит вор».

Сначала ответа не было, затем — откуда-то с другого конца чердака — Харви услышал низкое гортанное ворчание. Не дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте, он пошел туда, откуда раздавался звук, и пока он шел доски скрипели у него под ногами.

Дважды он останавливался, чтобы посмотреть наверх, потому что шум откуда-то из тьмы над головой привлекал его внимание. Была ли это пойманная птица, в панике мечущаяся вслепую туда-сюда? Или, может быть, тараканы, собравшиеся кучей на балках над ним?

Он приказал себе выбросить подобные фантазии из головы и сконцентрироваться на поисках Худа. Здесь хватало подлинных причин для испуга, чтобы выдумывать новые. В отличие от пространства вокруг вентиляционной двери этот конец чердака служил чем-то вроде кладовой, и его враг определенно тайлся в лабиринте истлевающих картин и покрытой плесенью мебели.

Действительно, не он ли источник этого порхающего движения, которое Харви заметил краем глаза?

«Худ? — спросил он, сощурившись, чтобы попытаться получше разглядеть фигуру в темноте. — Зачем ты здесь прячешься?»

Он шагнул вперед и, сделав это, понял свою ошибку. Это был не таинственный мистер Худ. Он узнал эту фигуру, как исковеркана она ни была: полусгнившие крылья, крохотные черные глаза, зубы, бесчисленные зубы.

Это был Карна!

Тварь приподнялась в своем грязном гнезде, одновременно огрызаясь на Харви. Он отступил, спотыкаясь, и Карна мог бы

схватить его, сделав всего три шага, если бы так не хромал из-за своих ран и если бы ему не мешал окружающий хаос.

Он ударялся о груды хлама слева и справа от себя, раскидывал кресла и переворачивал ящики, отправившись в болезненную погоню за своей добычей. Пятясь, Харви не спускал глаз со зверя, а в голове у него копошились вопросы. Где был Худ? Это оставалось главной тайной. Миссис Гриффин уверена, что он где-то наверху, но Харви прошел чердак из конца в конец, а единственным здешним обитателем было создание, которое гнало его к выходу.

Отходя, Харви еще раз внимательно посмотрел в темноту, на случай, если не разглядел кого-то, прячущегося здесь. Но глаза его обнаружили не человеческую фигуру, а шар размером с теннисный мяч, блестящий так, будто был заполнен светом звезд, — он появился из досок, словно пузырь, и поднимался к крыше. Мгновенно забыв об опасности, Харви наблюдал, как шар поднимается, затем к шару присоединился второй, третий и четвертый.

Изумленный этим зрелищем, Харви мало заботился о том, где шел. Он споткнулся, упал и теперь лежал, растянувшись на жестких досках. Сквозь красную дымку боли он глядел на крышу.

А там, над ним, находился Худ во всем своем величии.

Его лицо простиралось по всей крыше, черты его были ужасающе искажены. Глаза его были темными ямами, выдолбленными в балках, нос его выступал наружу и нелепо уплощался, как нос огромной летучей мыши, рот был безгубой щелью не меньше десяти футов шириной, из которой раздавался голос, подобный скрипу дверей, завыванию каминов и грохотанию окон.

«Дитя! — произнес он. — Ты принес боль в мой рай. Стыдись!»

«Какую боль? — закричал в ответ Харви. Его до мозга костей пронзала дрожь, но он знал, что не время показывать свой страх. Он поучаствует в иллюзии, станет действовать тем же способом, что и его враг, изобразит отвагу, даже когда не чувствует ее. — Я пришел забрать свое, вот и все».

Худ всосал одну из сияющих сфер в рот. Свет ее мгновенно потух.

«Марр мертва, — сказал он. — Джайв мертв. Превратился в грязь и пыль из-за тебя!»

«Они никогда не были живыми», — ответил Харви.

«Ты слышал их всхлипы и жалобы? — спросил Худ, жилы у него на лбу вспухли. — Тебе их не жалко?»

«Нет», — заявил Харви.

«Тогда я не пожалею тебя, — пришел режущий ухо ответ. — Я погляжу, как мой бедный Карна сожрет тебя от пяток до макушки и получит от этого удовольствия».

Харви взглянул в сторону Карны. Зверь приостановил движение, но был готов ударить, его сочащиеся челюсти находились в нескольких дюймах от ног Харви. Теперь, когда зверь стоял неподвижно, Харви мог ясно разглядеть, насколько сильно тот изранен, тело его было столь излохмачено, что походило на заплесневелую тряпку, огромная голова свисала, будто каждый вдох был бременем.

Когда Харви поглядел на него, он вспомнил нечто, что говорила ему миссис Гриффин.

«Сейчас я бы призвала Смерть, — сказала она, — как друга, которого я прогнала от своей двери».

Может, то, что ожидало Карну, и не было путешествием к звездам, может, это было просто возвращением в ничто, из которого Худ вызвал его. Но создание тем не менее желало этого дара. Оно было изношенное и израненное и оставалось в живых не из-за собственного желания, а потому что Худ требовал его службы.

«Такая жалость...» — прошептал голос с крыши.

«Что?» — спросил Харви, поглядев опять на Худа, у которого на губах стало на два шара больше. «Терять тебя таким образом, — продолжал тот. — Может, попробовать убедить тебя подумать еще раз? Кроме того, я не причинил тебе вреда. Почему бы не вернуться обратно и не жить здесь в мире?»

«Ты похитил тридцать лет моего времени с Мамой и Папой, — сказал Харви. — Если я останусь здесь, ты украдешь много больше».

«Я только взял дни, которые не хотел ты, — запротестовал Худ. — Дождливые дни. Серые дни. Дни, когда ты желал быть далеко. Где здесь преступление?»

«Я не знал, что теряю», — запротестовал Харви.

«А, — мягко сказал Худ, — но разве это не обычное дело? Вещи ускользают из твоих пальцев, а когда они исчезают, ты сожалеешь о них. Но что ушло, то ушло, Харви Свик!»

«Нет! — воскликнул Харви. — То, что ты украл, я могу украсть обратно».

При этом в двойных ямах глаз Худа возникло свечение.

«Но ты горишь ярко, Харви Свик, — сказал он. — Я никогда не встречал души, которая горела бы так ярко, как твоя». Он нахмурился, изучая мальчика внизу. «Теперь я понимаю», — сказал он.

«Что понимаешь?»

«Почему ты вернулся обратно?»

Харви начал говорить: «Я пришел за тем, что ты забрал...», но Худ поправил его до того, как он выговорил два слова.

«Ты пришел потому, что знал: найдешь здесь дом, — сказал Худ. — Мы оба воры, Харви Свик. Я забираю время. Ты забираешь жизни. Но в конечном счете мы одинаковы: оба Вечные Похитители».

Как ни отвратительно было думать о себе нечто подобное, Харви испугался, ибо в нем тайлся страх, вдруг слова чудовища — правда. Эта мысль заставила его замолчать.

«Возможно, нам нет необходимости быть врагами, — сказал Худ. — Возможно, мне следует взять тебя под свое крыло». Он без радости улыбнулся собственной шутке. «Я могу воспитать тебя. Помочь тебе лучше понимать Темные Пути»

«Значит, я закончу, кормясь детьми, как ты? — спросил Харви. — Нет, спасибо».

«Я думаю, тебе бы это понравилось, Харви Свик, — сказал Худ. — В тебе есть задатки вампира».

Отрицать было невозможно. Само слово вампир напомнило ему полет в Хэллоуин, парение под полной луной — с горящими красными глазами и зубами, острыми как лезвия.

«Я вижу, ты вспоминаешь», — сказал Худ, уловив отблеск удовольствия на лице Харви.

Харви мгновенно сменил удовольствие хмуростью. «Я не хочу оставаться здесь, — сказал он. — Я только хочу получить свое и уйти».

Худ вздохнул. «Печально, — произнес он. — Даже очень печально. Но если ты желаешь того, что принадлежит тебе, бери смерть. Карна! — Зверь поднял свою жалкую голову. — Сожри мальчишку!»

Прежде чем изувеченный зверь смог двинуться с места, Харви вскочил на ноги. По дороге к вентиляционной двери

он понял, что шансы перегнуть Карну малы, но вдруг существует другой способ уложить зверя? Если он был Вечным Похитителем, как сказал Худ, возможно, пришло время доказать это. Не пылью, не похищенными заклинаниями, а силой собственных мускулов.

Карна сделал в его сторону угрожающий шаг, но вместо того, чтобы отойти, Харви протянул руку к твари, будто для того, чтобы погладить его по разлагающейся голове. Зверь заколебался, в нем созревало сомнение.

«Сожри его...» — зарычал Король Вампиров.

Зверь опустил голову, ожидая наказания свыше. Но именно Харви положил на него руку и мягкое прикосновение повергло в дрожь тело зверя. Он поднял морду, чтобы прижаться к ладони Харви, и, сделав так, он издал долгий низкий стон.

В этом звуке не было ни боли, ни жалобы. В нем слышалась благодарность за то, что единственный раз его не встретили ударами и воплями ужаса. Он уставился глазами в лицо Харви, и дрожь удовольствия прошла по его телу. Казалось, он знал, чем все кончится, потому что мгновением позже он отошел от утешителя, и когда сделал это, дрожь усилилась и тело его внезапно разлетелось на тысячу кусочков.

Его зубы, которые мгновением прежде выглядели столь устрашающими, откатились во тьму, массивный череп вдребезги разбился, позвоночник скрючился. За несколько секунд он стал лишь грудой костей, столь сухих и столь старых, что даже самый отчаявшийся пес пробежал бы мимо них.

Харви взглянул на лицо на крыше. Выражение лица Худа было выражением совершеннейшего замешательства. Челюсть отвисла, глаза вылезли из своих ям.

Харви не стал ждать, пока тот нарушит молчание. Он просто повернулся спиной к останкам Карны и устремился к вентиляционной двери, почти ожидая, что создание на крыше захлопнет ее. Однако ответа от Худа не было до тех пор, пока Харви не опустился в кресло, стоявшее на площадке. Только затем, когда Харви бросил последний взгляд на чердак, Худ заговорил.

«О мой маленький вор... — прошептал он. — Что нам теперь делать?»

XXI

Фокусы и соблазны

«Ты хорошо сделал», — сказала с улыбкой личность, ожидающая его у верха лестницы.

«А я думал, куда ты делся», — ответил Харви Риктусу.

«Всегда готов служить», — раздался елейный ответ.

«На самом деле?» — поинтересовался Харви, поднимаясь с кресла и подходя поближе.

«Конечно, — сказал Риктус. — Всегда».

Теперь, когда он был рядом, Харви заметил трещины во внешнем лоске Риктуса. Тот загипсовал улыбку и умащивал свои слова маслом и медом, но через его болезненную кожу просачивался кислый запах страха.

«Ты боишься меня, не так ли?» — спросил Харви.

«Нет, нет, — настаивал Риктус. — Я полон уважения, вот и все. Мистер Худ считает, что ты смывленный мальчик. Он уполномочил меня предложить тебе все, чего бы ты ни пожелал, чтобы заставить тебя остаться. — Он развел руки. — Предел — небо».

«Ты знаешь, чего я хочу».

«Все, что угодно, вор, кроме лет. Ты не можешь обладать ими. Тебе они даже не понадобятся, если ты останешься и станешь подмастерьем мистера Худа. Ты будешь жить вечно, так же как он». Риктус пошлепал по капелькам пота на своей верхней губе пожелтевшим платком. «Подумай об этом, — сказал он. — Ты, может быть, и способен убить подобных Карне... или мне, но ты никогда не сможешь причинить вреда Худу. Он слишком стар, слишком мудр, слишком мертв».

«Если я останусь...» — сказал Харви.

Ухмылка Риктуса стала шире. «Да?» — промурлыкал он.

«Дети в озере станут свободны?»

«К чему беспокоиться о них?»

«Один из них мой друг», — напомнил ему Харви.

«Ты думаешь о маленькой Лулу, не так ли? — сказал Риктус. — Так вот, позволь мне сказать тебе, она очень счастлива там внизу. Все они счастливы».

«Нет, не счастливы! — разъярился Харви. — Озеро отвратительно и ты это знаешь». Он шагнул к Риктусу, который отступил будто бы в страхе за свою жизнь. По всей вероятности так и было. «Тебе бы это понравилось? — спросил Харви, тыча пальцем в сторону Риктуса. — Жить в холоде и темноте?»

«Ты прав, — сказал Риктус, сдаваясь и поднимая руки. — Что бы ты ни говорил».

«Я говорю, сейчас же освободи их! — ответил Харви. — И если не освободишь ты, тогда освобожу я!»

Он оттолкнул Риктуса в сторону и побежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он и понятия не имел, что собирается делать, когда спустится к озеру, — рыбы в конечном счете были рыбами, пусть даже некогда они и были детьми, если он попытается вытащить их из озера, они явно погибнут на воздухе. Но он решил спасти их каким-нибудь образом от Худа.

Риктус шел за ним по лестнице, болтая как заводной.

«Чего тебе хочется? — говорил он. — Только представь, и это твое! Как насчет собственного мотоцикла?» Он еще не закончил фразу, а что-то уже заблестело на площадке нижнего этажа и вкатился самый превосходный мотоцикл, который когда-либо предстал перед человеческими глазами. «Он твой, мой мальчик!» — сказал Риктус.

«Нет, спасибо», — ответил Харви.

«Я не виню тебя! — сказал Риктус, пиная мотоцикл, когда тот проплывал мимо него. — Как насчет книг? Ты любишь книги?»

Прежде чем Харви смог ответить, стена поднялась перед ним, словно огромный коричневый занавес, являя громоздившиеся полка на полке переплетенные в кожу тома.

«Мировые шедевры! — воскликнул Риктус. — От Аристотеля до Золя! Нет?»

«Нет!» — отверг Харви, продолжая торопиться.

«Здесь должно быть нечто, чего ты хочешь», — сказал Риктус.

Они теперь направлялись к последнему пролету лестницы, и Риктус знал, что через короткое время его добыча будет на открытом воздухе.

«Ты любишь собак? — спросил Риктус, когда свора твояющих щенков быстро побежала вверх по ступеням. — Выбирай одного! Ах, черт, бери их всех!»

Харви подвергался искушению, но он перешагнул через щенков и продолжил путь.

«Может быть, чего-то поэкзотичнее?» — спросил Риктус, и стая попугаев в блистающем оперении спустилась с потолка. Харви взмахом руки отогнал их.

«Слишком шумно, уф? — вздохнул Риктус. — Ты хочешь чего-то спокойного и мощного? Тигры! Вот чего ты хочешь! Тигры!»

Не успел он это сказать, как те мягко ступали по коридору вниз, два белых тигра, с глазами цвета полированного золота.

«Негде их держать!» — сказал Харви.

«Это практично! — признал Риктус. — Мне нравятся практичные дети».

Когда тигры удалились, телефон на столе возле кухонной двери начал звонить. Риктус в два прыжка преодолел лестничный пролет и еще в два прыжка оказался у стола.

«Послушай! — позвал он. — Это Президент Соединенных Штатов. Он хочет дать тебе медаль!»

«Ничего он не хочет», — сказал Харви, уставший от болтовни. Он находился на нижней площадке лестницы и двигался к передней двери.

«Ты прав, — отозвался Риктус, опять прислушиваясь к телефонному бормотанию. — Он хочет дать тебе месторождение нефти на Аляске».

«Слишком холодно».

«Он говорит — как насчет Флориды?»

«Слишком жарко».

«Мальчик! Ты человек, которому трудно угодить!»

Харви проигнорировал его замечание и нажал ручку входной двери. Риктус бросил трубку и устремился к нему.

«Погоди! — кричал он. — Породи! Мы еще не закончили».

«У тебя нет ничего, что я хочу, — сказал Харви, распахивая входную дверь. — Это все подделки».

«А что, если и так? — спросил Риктус, внезапно притихнув. — Вот солнце снаружи. Ты все еще можешь наслаждаться им. И позволь мне заметить, требуется много волшебства, чтобы наколдовать все эти подделки и мистификации. Мистер Худ крепко попотел, отыскивая то, что тебе понравится».

Не обращая на него внимания, Харви вышел на крыльцо. Миссис Гриффин стояла посреди лужайки со Стью Кэт на руках и прищурившись глядела на Дом. Она улыбнулась, когда увидела Харви.

«Я слышала весь этот шум, — сказала она. — Что случилось?»

«Я расскажу вам позже, — ответил Харви. — Где Венделл?»

«Он куда-то ушел», — сказала она.

Харви сложил ладони рупором, приставил ко рту и завопил:

«Венделл! Венделл!»

Голос его вернулся обратно, отраженный фасадом Дома. Но ответа от Венделла не было.

«Теплый полдень, — промурлыкал Риктус, развалившись на крыльце. — Может, Венделл отправился... поплавать».

«О, нет, — прошептал Харви. — Нет. Только не Венделл. Пожалуйста, только не Венделл...»

Риктус пожал плечами. «В любом случае этот твой Венделл жирноват для малыша, — сказал он. — Возможно, ребенок будет лучше выглядеть в виде рыбы!»

«Нет! — закричал Харви Дому. — Это нечестно! Ты не можешь этого сделать! Не можешь!»

Слезы затуманили его глаза. Он вытер их кулаками. Все было бесполезно — и слезы, и кулаки. Он не мог смягчить сердца Дома всхлипами и не мог повергнуть Дом ударами. У него не было другого оружия против врага, кроме смекалки, да и та почти истощилась.

XXII

Аппетит

О, стать бы опять вампиром, подумал Харви. Заиметь бы когти, клыки и жажду крови, подобную той, которой он обладал в тот далекий Хэллоуин, жажда, от которой он с отвращением отказался. Теперь бы не отказался. О, нет. Он позволил бы ей превратить его в зверя, так, чтобы он мог полететь в лицо Худу с ненавистью, острой как бритва.

Но он не был зверем, он был мальчиком. Сила была у Короля Вампиров, не у него.

И тут, когда он поглядел на Дом, он вспомнил нечто, что Риктус говорил возле двери:

«Требуется много волшебства, чтобы наколдовать все эти подделки и мистификации, — сказал он. — Мистер Худ крепко попотел, отыскивая то, что тебе понравится».

Может мне не нужны клыки, чтобы высосать его насухо, подумал Харви, может, все, что мне нужно, — желания.

«Я хочу поговорить с Худом», — сказал он Риктусу.

«Зачем?»

«Ну... может, и есть какие-то вещи, которые мне понравятся. Только я хочу поговорить с ним лично».

«Он слушает», — заявил Риктус, оглядываясь на Дом.

Харви внимательно изучил и окна, и карнизы, и крыльцо, но не заметил и следа какого-то присутствия. «Я его не вижу», — сказал он.

«Видишь», — ответил Риктус.

«Он в Доме?» — спросил Харви, вглядываясь в открытую дверь.

«Ты еще не понял? — сказал Риктус. — Он и есть Дом».

Пока он говорил на солнце набежало облако. Крыша и стены потемнели, и весь Дом, казалось, раздулся как чудовищный гриб. Он был живой! От карнизов до фундамента — живой!

«Давай же! — подбодрил Риктус. — Говори с ним. Он слушает».

Харви сделал шаг к Дому. «Ты меня слышишь?» — спросил он.

Передняя дверь раскрылась чуточку шире и вздох вынес со ступеней на крыльцо облако пыли, оставшейся от Джайва.

«Он слышит тебя», — сказал Риктус.

«Если я останусь...» — начал Харви.

«Дааа...» — откликнулся Дом, составляя слово из скрипов и треска.

«...ты мне дашь все, чего я пожелаю?»

«Для такого смышленного мальчика, как ты... — раздалось в ответ, — что угодно».

«Ты клянешься? Своим волшебством?»

«Я клянусь. Клянусь. Только скажи слово...»

«Ну, для начала...»

«Дааа».

«Я потерял свой ковчег».

«Значит, ты должен иметь другой, моя Полярная звезда, — сказал Худ. — Больше. Лучше». И доски крыльца прогнулись, когда возник ковчег в три раза больший, чем первый.

«Я не хочу деревянных животных», — сказал Харви, направляясь к крыльцу.

«А каких? — спросил Худ. — Свинцовых? Серебряных? Золотых?»

«Из плоти и крови, — ответил Харви. — Настоящих маленьких животных».

«Мне нравится твой вызов», — сказал Худ, и пока он говорил, слабые мычание и рев донеслись с ковчега, маленькие окна распахнулись настежь, двери широко раскрылись и появилось несколько десятков животных, идеальные миниатюрные копии: слоны, жирафы, гиены, муравьеды и голуби.

«Доволен?» — спросил Худ.

Харви пожал плечами. «Нормально, мне кажется», — сказал он.

«Нормально? — переспросил Худ. — Это маленькое чудо».

«Так сделай и другое».

«Другой ковчег?»

«Другое чудо!»

«Чего бы тебе хотелось?»

Харви повернулся спиной к Худу-Дому и обозрел лужайку. Вид миссис Гриффин, которая с изумлением смотрела на происходящее, вдохновил на новое требование. «Я хочу цветы, — сказал он. — Повсюду! И чтобы не было двух похожих».

«Зачем?» — спросил Худ-Дом.

«Ты говорил, что я получу все, чего пожелаю, — ответил Харви. — И ты не говорил, что я должен буду объяснять тебе причины. Если я должен буду это делать, все удовольствие пропадет».

«О, я понял свою ошибку, — сказал Худ-Дом. — Ты должен получать удовольствие, чего бы это ни стоило».

«Значит, дай мне цветы», — настаивал Харви.

Лужайка начала дрожать, как будто под нею происходило небольшое землетрясение, и в следующий миг бесчисленные побеги раздвинули зелень травы. Миссис Гриффин засмеялась от восторга.

«Погляди на них! — сказала она. — Только погляди!»

Это было достойное зрелище, десятки тысяч цветов одновременно взорвались цветением. Харви смог бы назвать некоторые из них, если бы попробовали провести экзамен: тюльпаны, нарциссы, розы. Но большая часть их была ему неизвестна: сорта, которые распускались ночью в Верхних Гималаях или на продуваемых ветрами плато Терра дель Фуего, цветы с бутоном таким большим, как его голова, или таким маленьким, как ноготь его большого пальца, цветы, производившие зловоние, напоминающее запах тухлого мяса, и пахнувшие, как ветерок из самого Рая.

Даже зная, что все это лишь иллюзия, он был поражен и заявил об этом.

«Выглядит неплохо», — сказал он Худу-Дому.

«Доволен?» — хотел знать тот.

Был ли голос его немного слабее чем прежде, размышлял Харви. Он подозревал, что да. Однако он ни единым знаком не выдал своего подозрения. Он просто сказал:

«Мы направляемся туда...»

«Направляемся куда?» — спросил Худ-Дом.

«Ну, — сказал Харви, — думаю, мы узнаем, когда придем на место».

Негромкое раздраженное ворчание долетело со стороны Дома. Окна задребезжали. Одна или две черепицы соскользнули с крыши и разбились вдребезги о землю.

Мне надо быть осторожным, подумал Харви, Худ начнет сердиться. Риктус эхом отозвался на эту мысль.

«Я надеюсь, ты не играешь с мистером Худом, — предупредил он, — потому что он не любит таких игр».

«Он хочет, чтобы я был счастлив, не так ли?» — спросил Харви.

«Конечно».

«А как насчет того, чтобы что-нибудь поесть?»

«Кухня полна», — сказал Риктус.

«Я не хочу пирогов и горячих сосисок. Я хочу... — он замолк, тщательно роясь в своей памяти и вспоминая названия деликатесов, о которых он когда-либо слышал. — жареного лебеда и устриц и эти маленькие черные яйца...»

«Икру?» — спросил Риктус.

«Ага! Я хочу икру!»

«На самом деле? Она омерзительна».

«И все же я ее хочу! — сказал Харви. — И лягушачьи ножки с хреном и гранатовым соком».

Еда уже появилась в коридоре, одна дымящаяся тарелка на другой. Запахи сначала изводили танталовыми муками, но чем больше блюд добавлял к списку Харви, тем более тошнотворной становилась смесь. Однако его меню, состоящее из настоящей еды, быстро подошло к концу, поэтому вместо того, чтобы давать Дому простые рецепты вроде фрикаделек и пиццы, он начал изобретать блюда.

«Я хочу омаров, приготовленных в лимонаде, и бифштексы из конины с соусом — желе, и сыр из прессованного творога, и суп — пепперони...»

«Погоди! Погоди! — воскликнул Риктус. — Ты слишком спешишь».

Но Харви не останавливался.

«...и жаркое из брюссельской капусты с улиточьей помадой и со свиными ножками...»

«Погоди!» — взывал Дом.

На этот раз Харви остановился.

В пылу своего открытия он даже не глянул, продолжает ли Худ снабжать его всем этим съестным, но теперь он увидел, что блюда, которые он потребовал, громоздились в коридоре столь высокими грудами, что угрожали снести ковчег и отправить его в плавание по омерзительному морю сластей и жаркого.

«Я знаю, что ты делаешь», — сказал Худ-Дом.

Ое-ей, подумал Харви, он разгадал меня.

Он перевел взгляд с еды у двери на фасад и увидел, что его план истощить волшебство Дома и вправду действует. Теперь многие окна треснули или разбились, двери облупились и свисали с петель, доски крыльца, покрытые плесенью, вспучились.

«Ты испытываешь меня, да?» — сказал Худ. Его голос никогда не был мелодичным, но теперь он был еще безобразнее, чем обычно: как бурчание в животе у Дьявола. «Признайся, вор!» — сказал он.

Харви глубоко вздохнул, затем сказал:

«Если я собираюсь стать твоим подмастерьем, мне необходимо знать, насколько ты силен».

«Ты удовлетворен?» — требовательно спросил разрушающийся Дом.

«Почти», — сказал Харви.

«Чего же еще ты хочешь?» — спросил Дом.

Действительно, чего же еще, подумал Харви. Его мысли крутились среди нелепых перечислений, у него мало что оставалось по части требований.

«Ты можешь получить последний подарок, — сказал Худ-Дом, — одно, последнее, доказательство моей мощи. Потом ты должен навеки веков признать меня своим Повелителем. Согласен?»

Харви почувствовал, как струйка холодного пота сбегает по спине вдоль позвоночника. Он уставился на пошатывающийся Дом, и мысли у него в голове завертелись. Чего еще потребовать?

«Согласен?» — прогудел Дом.

«Согласен», — ответил Харви.

«Итак, говори, — продолжал Дом, — чего же ты хочешь?»

Харви посмотрел на крошечных животных вокруг ковчег и на цветы, и на еду, выползавшую через дверь, подобно

блевоте. Что же он должен потребовать? Одно, последнее требование, чтобы сломать Худу хребет. Но что? Что?

Порыв ледяного ветра прилетел со стороны озера. Осень была неподалеку. Пора умирания.

«Знаю!» — внезапно воскликнул он.

«Скажи мне, — ответил Дом. — Скажи, и закончим эту игру раз и навсегда. Я хочу, чтобы твоя смышленная душа была под моим крылом, маленький вор».

«И я хочу... Хочу разные времена года, — сказал Харви. — Все времена года одновременно».

«Одновременно?»

«Да, одновременно!»

«Это бессмысленно!»

«Это то, чего я хочу».

«Глупость! Идиотизм!»

«Но это то, чего я хочу! Ты говорил еще об одном желании. Вот оно!»

«Что же, ладно, — сказал Дом. — Я даю это тебе. И когда ты это получишь, маленький вор, твоя душа будет моей!»

XXIII

Война времен года

Худ не терял больше времени. Как только он сделал Харви свое последнее предложение, душистый ветер стал порывистым, унес облака ягнячьей шерсти, проплывавшие по летнему небу. Их место занял джагтернаут: дождевая туча величиной с гору, которая нависла над Домом как тень, отбрасываемая на Небеса.

В ее темной сердцевине была не просто молния. В ней были светлые дожди, которые приходят рано утром, чтобы уговорить проклюнуться семена еще одной весны, в ней были нависающие осенние туманы и кружащиеся снега, что приносили в Дом так много полуночных Рождеств. Теперь все они явились одновременно — дожди, снега и туманы — в виде ледящего дождя со снегом, почти скрывшего солнце. Он бы погубил холодом цветы на холме, если бы ветер не достиг их первым и не стал обрывать с такой жестокостью, что каждый лепесток или лист взлетал в воздух.

Находясь между благоуханным приливом и нависшей пеленой льда и туч, Харви едва был в силах стоять прямо. Но он широко расставил ноги и сопротивлялся любому удару или порыву, решив не уходить в укрытие. Возможно, перед ним разыгрывался последний спектакль, на котором он мог присутствовать как свободная душа. Да, как живая душа. И Харви намеревался насладиться им.

Это достойное зрелище, битва, подобную которой планета никогда не видела.

Слева от него лучи солнца пронизывали облака во имя Лета, и только для того, чтобы быть смазанными туманами Осени, а справа от него Весна выстраивала свои легионы

ветвей, затем он видел почки, убитые морозами Зимы до того, как показались листья.

Атака за атакой приходили и были отбиты, побудка и отбой звучали сотни раз, но ни одно время года не могло одержать верх. Скоро стало уже невозможно отличить поражение от победы. Сборы и ложные атаки, отвлекающие маневры и окружения стали единым целым. Снега во время своего падения превращались в дожди, дожди перекипали в пар, новые побеги с трудом пробивались сквозь гниль своих собратьев.

И где-то посреди хаоса сила, которая вызвала все это, в ярости подняла голос, требуя, чтобы это прекратилось.

«Довольно! — вопил Худ-Дом. — Довольно!»

Но его голос — который некогда имел столь ужасную власть — стал слабым. Его приказы проходили незамеченными, а если и замечались, то их не выполняли.

На стены, которые стали пошатываться, когда уменьшилось могущество Худа, набрасывался разъяренный ветер. Каминные трубы были изуродованы и повалены, по громотводам молния ударила столько раз, что они расплавились и упали сквозь крышу с ободранной черепицей пылающим дождем, поджигая доски, перила и мебель — любой предмет, оказавшийся поблизости. Крыльцо, иссеченное градом, было разбито в щепки. Лестница, раскачанная у основания волной прихлынувшей грязи, рухнула словно картонный домик.

Сошурив глаза перед лицом бури, Харви был всему этому свидетелем и он был в восторге. Он пришел в Дом, надеясь похитить обратно годы, которые Худ выманил у него, но никогда бы он не осмелился поверить, что сможет повергнуть все сооружение. Тем не менее оно падало прямо на глазах. Каким бы сильным ни был шум ветра и грома, он не мог заглушить вопль Дома, пока тот погибал и превращался в пыль. Каждый гвоздь, каждый брус и кирпич, казалось, одновременно пронзительно вскрикнули от боли, которую могло утолить только забвение.

Харви не смог увидеть последние мгновения Худа. Облако грязи поднялось и пеленой закрыло обзор. Но он понял, в какой момент завершилась его битва с Королем Вампиров, потому что война времен года внезапно перешла в мир. Грозовая туча смягчила свою ярость и рассеялась, ветер сник до ленивого ветерка, свирепое солнце подернулось дымкой тумана и побледнело.

Конечно, в воздухе летали обломки, лепестки и листья, пыль и пепел. Они падали как фантастический дождь, хотя их падение отмечало конец сна.

«О, дитя...» — сказала миссис Гриффин.

Харви повернулся к ней. Миссис Гриффин стояла всего в нескольких ярдах от него, глядя на небо. Над их головами был небольшой голубой клочок, первое явление настоящего неба над этими несколькими акрами земли видели с тех пор, когда Худ основал свою империю иллюзий. Но миссис Гриффин смотрела не на голубой лоскут, а на скопление парящих огней — тех самых, которыми, как видел Харви, кормился Худ на чердаке: они были освобождены разрушением Дома. Теперь они двигались непреклонным потоком в сторону озера.

«Души детей, — сказала миссис Гриффин, ее голос становился тоньше, пока она выговаривала слова. — Превосходно».

Тело ее больше не было плотным, увидел Харви, она исчезала на глазах.

«О, нет», — прошептал он.

Миссис Гриффин оторвала взгляд от неба и поглядела на свои руки и на кошку, которую держала в них. Та тоже становилась бесплотной.

«Посмотри на нас, — сказала миссис Гриффин с улыбкой на усталом лице. — Какое изумительное ощущение».

«Но вы исчезаете».

«Я задержалась здесь слишком надолго, милый мальчик, — сказала она. На лице ее блеснули слезы, но это были слезы радости, а не печали. — Время уходить...» Миссис Гриффин продолжала поглаживать Стью Кэт, пока обе они исчезали. «Ты самая светлая душа, какую я когда-либо встречала, Харви Свик, — сказала она. — Продолжай светить. Будешь?»

Харви хотел подыскать какие-нибудь слова, чтобы убедить миссис Гриффин остаться еще ненадолго. Но даже если бы у него были подобные слова, он знал, что произнести их будет слишком эгоистично. У миссис Гриффин была другая жизнь, в которую она направлялась, — там каждая душа сияет.

«Прощай, дитя, — сказала она. — Куда бы я ни ушла, я буду говорить о тебе с любовью».

Затем ее призрачная фигура перестала мерцать, оставив Харви одного среди руин.

XXIV

Неопытный вор

Он не долго оставался в одиночестве. Как только миссис Гриффин со Стью Кэт исчезли, Харви слышал голос, выкликающий его имя. Воздух был все еще густым от пыли, и ему пришлось долго искать взглядом говорившего. Но немного погодя он увидел девочку, идущую спотыкаясь в его сторону.

«Лулу?»

«А кто же?» — сказала она с легким вздохом.

Темная вода озера все еще пропитывала ее с головы до ног, но когда сбегала с ее тела на землю, последние серебряные чешуйки уходили с нею. Когда Лулу раскрыла ему свои руки, это были человеческие руки.

«Ты свободна! — воскликнул он, подбегая к ней и крепко ее обнимая. — Не могу поверить, что ты свободна!»

«Мы все свободны», — ответила она и посмотрела в сторону озера.

Необычайное зрелище предстало глазам Харви: шествие смеющихся детей, идущих к нему через туман. Ближайшие к нему почти полностью возвратились к своему человеческому виду, те, что были позади, все еще стряхивали свою рыбообразность, шаг за шагом.

«Мы все должны выбираться отсюда, — сказал Харви, глядя на стену. — Я не думаю, что у нас теперь будут какие-либо сложности с прохождением через туман».

Один из детей позади Лулу увидел ящик с одеждой в развалинах Дома и оповестил о своей находке остальных, которые спотыкались среди руин, пытаясь отыскать что-нибудь из вещей. Лулу отошла от Харви, чтобы присоединиться к поискам, но прежде она оставила поцелуй на его щеке.

«Не жди, что я начну тебя целовать!» — раздался из пыли голос, и Венделл шагнул в поле зрения, улыбаясь от уха до уха. «Что ты сделал, Харви? — захотел он узнать, когда обозрел хаос. — Ты разнес Дом по кирпичику?»

«Что-то вроде того», — сказал Харви, не в силах скрыть своей гордости.

Со стороны озера раздался рев.

«Что это?» — спросил Харви.

«Вода исчезает», — ответил Венделл.

«Куда?»

Венделл пожал плечами. «Какая разница? — сказал он. — Может, отсасывается в Ад!»

Страстно желая стать тому свидетелем, Харви пошел к озеру и сквозь тучи грязи, плавающие в воздухе, увидел, что озеро действительно стало водоворотом, его некогда безмятежные воды теперь превратились в бушующую воронку.

«Кстати, что случилось с Худом?» — хотел знать Венделл.

«Он исчез, — сказал Харви, почти загипнотизированный видом воронки. — Все они исчезли».

Как только слова слетели с его губ, голос сказал:

«Не совсем».

Харви отвернулся от воды и увидел — среди развалин стоял Риктус. Его прекрасный пиджак был разорван, а лицо белело от пыли. Он выглядел, как клоун. Смеющийся клоун.

«И почему мне надо было убираться? — спросил он. — Мы вовсе не прощались».

Харви глядел на него озадаченный. Худ исчез, его волшебство тоже. Как мог пережить Риктус исчезновение своего Повелителя?

«Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Риктус, засовывая руку в карман. — Ты размышляешь, почему я не умер и не исчез. Хорошо, я скажу тебе. Я кое-что спланировал наперед». Он вытащил из кармана стеклянный шар, который мерцал так, будто в нем содержался огонь дюжины свечек. «Я украл маленький кусочек волшебства у старика, как раз на тот случай, если он когда-нибудь устанет от меня и попытается повергнуть меня в прах». Риктус поднес шар к своему злобному лицу. «У меня есть сила, чтобы поддерживать себя многие-многие годы, — сказал он. — Достаточно

долго, чтобы построить новый Дом и занять место, покинутое Худом. Ох, не надо так отчаиваться, малыш. У меня есть место для тебя, прямо здесь...» Он шлепнул себя по бедру. «Ты можешь стать моей посыльной птичкой. Я буду посылать тебя отыскивать малышей-глупышей, чтобы доставить их в дом Дядюшки Риктуса». Он шлепнул себя по бедру второй раз. «Что ж! — сказал он. — Теперь не будем терять мое время! Я не...»

Тут он остановился, взгляд его упал на щебень у ног.

Испуганный шепот раздался из его горла. «О нет... — прошептал он. — Я умоляю...»

Прежде чем он смог завершить свою жалобу, рука с пальцами в фут длиной вытянулась из развалин, схватила его за горло и утащила в грязь одним резким движением.

«Мое! — сказал голос из-под земли. — Мое!»

Харви знал, это был Худ. На земле не было другого такого же низкого голоса.

Риктус боролся с хваткой своего создателя, шаря среди развалин в поисках какого-нибудь оружия. Но под руку ничего не попадалось. Все, что у него было, — это его искусство убеждения.

«Волшебство ваше, — прохрипел он. — Я хранил его для вас!»

«Лжец!» — сказал подымающийся из руин голос.

«Для вас! Я клянусь!»

«Тогда отдай его мне!» — потребовал Худ.

«Куда же я положил его?» — пробормотал Риктус, голос его был сдавленным кваканьем.

Рука Худа немного ослабила хватку, и Риктус попытался подняться на колени.

«Прямо здесь... — сказал Худ, мизинцем держа Риктуса за воротник, одновременно упираясь указательным пальцем в развалины, — лей его в землю».

«Но...»

«В землю!»

Риктус сжал шар ладонями, тот внезапно хрустнул, и его яркое содержимое заструилось между пальцев на землю.

Это был момент молчания, затем по развалинам пробежала дрожь.

Палец Худа позволил захваченному ускользнуть, и Риктус торопливо вскочил на ноги. Однако у него не было

возможности сбежать. Обломки дерева и камня мгновенно помчались к тому месту, где он пролил волшебство, некоторые поднялись высоко в воздух. Все, что мог сделать Риктус, — прикрыть себе голову, когда град усилился.

Харви держался в стороне от летающих обломков, возможно, на эти несколько мгновений лучше было вообще удалиться. Но он был мудрее. Он знал, что если убежать сейчас, его дела с Худом никогда не закончатся. Это стало бы кошмаром, который не вытрясти из головы в течение всей жизни. Что бы ни случилось затем и как бы странно ни выглядело, лучше увидеть и понять это, чем повернуться спиной — иначе видения будут посещать его до самого смертного часа.

Ему не пришлось долго ждать следующего движения Худа. Рука, державшая горло Риктуса внезапно убралась с глаз долой. В следующий момент земля разверзлась, и из своей могилы в развалинах появилась скрючившаяся фигура.

Риктус издал вопль ужаса, но вопль был коротким. Прежде чем Риктус смог отойти хоть на шаг, фигура потянулась к нему и, повернувшись лицом к Харви, высоко подняла своего слугу-предателя.

Наконец зло, которое выстроило Дом Каникул, приняло более или менее человеческие формы. Однако Худ не был сотворен из плоти, крови и костей. Он использовал волшебство, которым его невольно снабдил Риктус, чтобы создать другое тело.

В лучшие времена своего зла Худ был Домом. Теперь предстоял другой путь. Дом, вернее, то, что осталось от него, стало мистером Худом.

XXV

Вихрь

Глаза его были сделаны из разбитых зеркал, а лицо из щербатого камня. Грива его была из щепок, а конечности из балок. Вместо зубов торчала битая черепица, и ржавые болты вместо когтей, а мантия из сгнивших портьер едва прикрывала черноту его сердца.

«Итак, вор... — сказал он, игнорируя жалкие усилия Риктуса, — ты видишь меня настолько человеком, насколько я им являюсь. Или скорее копией этого человека. То ли это, чего ты ожидал увидеть?»

«Да, — ответил Харви. — Это в точности то, чего я ждал».

«О?»

«Ты — грязь и мерзость, куски и обломки, — произнес Харви. — Ты ничто!»

«Я — ничто? — сказал Худ. — Ничто? Ха! Я покажу тебе, вор! Я покажу тебе, что я такое».

«Позвольте мне убить его за вас, — ухитрился разинуть рот Риктус. — Вам нет необходимости беспокоиться. Я это сделаю!»

«Ты привел его сюда, — сказал Худ, поворачивая потресканные глаза на своего слугу. — С тебя и нужно спрашивать!»

«Он просто мальчик. Я могу сторговаться с ним. Просто позвольте мне это! Позвольте...»

Прежде чем Риктус сумел закончить, Худ схватил голову своего слуги и одним коротким движением попросту отвинтил ее. Желтоватое облако зловонного воздуха поднялось из едкого горла, и Риктус — последний из отвратительного худовского

квартета — погиб в мгновение ока. Худ выпустил голову из рук. Она взлетела в воздух, будто незавязанный воздушный шар, испуская громкий треск выходящих газов, пока выписывала петли, и наконец упала опустошенная на землю.

Худ небрежно отбросил тело, которое в итоге сморщилось до полного исчезновения, и направил свой зеркальный взор опять на Харви.

«Теперь, вор, — сказал он, — *ты увидишь силу!*»

Его грива из щепок встала дыбом, словно каждая из них была готова пронзить сердце Харви. Его рот стал широким как тоннель, и порыв кислого ледяного ветра поднялся из его живота.

«Подойди поближе!» — проревел он, раскрывая объятия.

Лохмотья, что прежде прилипали, теперь развевались. Они раскинулись как крылья какого-то древнего вампира, вампира, который питался кровью птеродактилей и *Tyrannosaurus Rex*.

«Подойди! — повторил он. — Или я должен подойти к тебе?»

Харви не стал тратить дыхания на ответ. Он нуждался в каждом глотке воздуха, так, словно должен был опередить этот ужас. Не будучи даже уверен, правильное ли направление он выбрал, он повернулся на каблуках и побежал, словно еще один порыв ледящего душу воздуха ударил в него. Почва была предательски скользкой и усеянной щебнем. Он упал через шесть шагов и, оглянувшись, увидел, что Худ мчится за ним с мстительным криком. Он с трудом поднялся на ноги проржавевшие когти Худа просвистели, промахнувшись на дюйм, и Харви, спотыкаясь, удалился еще на три шага от тени Худа, когда услышал голос Лулу, звавший его по имени.

Он повернул в сторону этого голоса, но Худ схватил его за воротник куртки.

«Поймал тебя, маленький вор!» — проревел он, таща Харви обратно в свои разломанные объятия.

Однако прежде чем Худ смог вцепиться покрепче, Харви отбросил его руки и рванулся вперед. Куртка слетела, и он сделал третий рывок к свободе, взгляд его был устремлен на Лулу, которая звала его к себе.

Она стояла на берегу озера, осознал он, в считанных дюймах от кружащейся воды. Не считала же она на самом

деле, что они смогут убежать в озеро? Водоворот разорвал бы их на куски.

«Мы не можем...» — проорал он Лулу.

«Мы должны! — крикнула она в ответ. — Это единственный путь!»

Теперь Харви был в трех шагах от нее. Он видел, как ее босые ноги скользят и срываются на скользких камнях, хотя она старается сохранить равновесие. Харви потянулся к ней, надеясь увести ее с этого шаткого места, до того как она упадет, но Лулу смотрела не на него. Она смотрела на чудовище за его спиной.

«Лулу! — кричал он ей. — Не гляди!»

Однако взгляд ее точно прирос к Худу, рот открылся, и Харви не смог удержаться, чтобы не взглянуть назад, пытаясь увидеть, что же ее так заворожило.

Погоня привела облачение Худа, состоящее из лохмотьев, в беспорядок, и между складками Харви увидел нечто более темное, чем ночное небо или неосвещенный погреб. Что это было? Суть его волшебства, возможно, охраняющее его безлюбое сердце?

«Ты передумал? — спросил Худ, оттаскивая Харви обратно на камни рядом с Лулу. — Ты же ведь не предпочел этот водоворот мне?»

«Пошли...» — прошептал Харви Лулу, не сводя глаз с тайны под одеянием Худа.

Он только мгновение ощущал пожатие ее руки. «Это единственный путь», — сказала она. Затем ее пальцы исчезли, и он один стоял на камнях.

«Если бы ты выбрал поток, ты бы умер ужасно, — произнес Худ. — Он бы разорвал тебя на части, завертев. В то время, как я...» Он протянул Харви свою приглашающую руку, одновременно ступая на камень. «...Я предлагаю тебе легкую смерть — быть убаюканным на ложе иллюзий». Он изобразил улыбку, и это было мерзейшим зрелищем, какое когда-либо видел Харви. «Выбирай», — сказал он.

Краем глаза Харви увидел Лулу. Она не убежала, как думал он, она просто пошла отыскивать оружие. И нашла: кусок балки, найденный среди щебня. Харви знал, что в борьбе против гнусности Худа от всего этого мало проку, но он радовался, что не одинок в свои последние мгновения.

Он посмотрел в лицо Худу.

«Может, мне и надо бы уснуть...» — сказал он.

Король Вампиров улыбнулся. «Мудрый маленький вор», — ответил он, раскрывая объятия, чтобы пригласить мальчика в свою тень.

Харви ступил на камень, двигаясь в сторону Худа и поднимая при этом руку. Лицо его отразилось в расколотых зеркалах глаз вампира: два вора в одной голове.

«Спи», — сказал Худ.

Но Харви не обратил внимания на его слова. Прежде чем Худ смог остановить его, он ухватился за одеяние твари и дернул. Лоскутки упали с мокрым звуком рвущейся материи, и Худ издал вопль ярости, когда предстал неприкрытый.

В его сердце не было огромного волшебства. На самом деле там вовсе и не было сердца. Там была только пустота — не холодная и не горячая, не живая и не мертвая, — сделанная не из тайны, а из пустоты. Иллюзия иллюзиониста.

Взбешенный этим разоблачением, Худ издал еще один яростный рык и потянулся вниз, пытаясь забрать лохмотья своего одеяния из рук вора. Однако Харви сделал быстрый шаг назад, чтобы благодаря маневру спастись от пальцев врага. Худ в бешенстве побежал за ним, причем его подошвы визжали на камнях. Он не оставлял Харви ничего иного, как отступить еще на один шаг, и так до тех пор, пока Харви стало некуда идти, кроме как в поток.

И вновь Худ вцепился в украденные лохмотья и схватил бы и пальто, и вора одной роковой хваткой, если бы Лулу не подбежала к нему сзади, размахивая своей деревяшкой словно бейсбольной битой. Она так сильно ударила по обратной стороне колена Худа, что ее оружие треснуло, а столкновение отбросило ее на землю.

Однако удар не прошел даром. Равновесие Худа было нарушено, и он неистово замолотил руками, громыхание водоворота сотрясало камень, на котором Худ и Харви громоздились, и угрожало сбросить их обоих в водоворот. Даже теперь Худ намеревался заполучить свои лохмотья обратно и прикрыть пустоту внутри себя.

«Отдай мне мое пальто, вор!» — завывал он.

«Оно целиком твое!» — завопил Харви и швырнул украденные лохмотья в воду.

Худ устремился за ними, и когда он это сделал, Харви бросился обратно в сторону твердой почвы. Он услышал за

спиной пронзительный вопль Худа и обернулся, чтобы увидеть, как Король Вампиров, с лохмотьями, зажатыми в кулаке, кинулся головой вперед в неистовствующие воды.

Гривастая голова мгновением позже поднялась над поверхностью, и Худ энергично поплыл к берегу, но как ни был он силен, водоворот был сильнее. Он сносил его от камней, таща обратно к центру, где вода спиралью уходила в землю.

В ужасе он начал умолять о помощи, его жалкие уговоры были слышны только тогда, когда водоворот подносил его к берегу, где теперь стояли Харви и Лулу.

«Вор! — вопил он. — Помоги мне, и... я дам тебе... мир! На... веки... веков...»

Затем свирепая вода начала раздирать его временное тело, выбивая ему зубы, смывая его гриву из щепок и разрывая связи, на которых держались конечности. Превращенный в живой мусор, схожий с обломками кораблекрушения, он был унесен в белые воды в центре водоворота и, пронзительно крича от бешенства, отправился туда, куда в конечном счете должно отправляться все зло: в никуда.

На берегу Харви обнял Лулу, смеясь и всхлипывая одновременно.

«Получилось...» — сказал он.

«Что случилось?» — спросил кто-то сзади. Они обернулись и увидели, что к ним бредет Венделл, жизнерадостный, как всегда. Каждый предмет одежды, который он отыскал в развалинах, был либо слишком большим, либо слишком маленьким.

«Что происходит? — хотел знать он. — Над чем вы смеетесь? Из-за чего вы плачете?» Он взглянул через плечо Харви как раз вовремя, чтобы увидеть, как последние частицы тела Худа исчезают с затихающим завыванием. «Так что это такое?» — требовательно спросил он.

Харви вытер слезы со щек и поднялся на ноги. Наконец у него была возможность ответить обычным венделловским ответом.

«Какая разница?» — сказал он.

XXVI

Живое доказательство

Стена тумана все еще нависала над краем владения Худа, и именно там выжившие собрались, чтобы попрощаться. Конечно, ни один не знал в точности, какие приключения лежат по другую сторону тумана. Все дети пришли в Дом в разные годы. Найдет ли каждый, что его век — плюс-минус месяц или два — поджидает их на другой стороне?

«Даже если мы не получим обратно похищенные у нас годы, — сказала Лулу, когда они приготовились шагнуть в туман, — мы освободились благодаря тебе, Харви».

Был шепот благодарности от маленькой толпы и немного благодарных слез.

«Скажи что-нибудь», — прошепел Венделл Харви.

«Зачем?»

«Потому что ты герой».

«Я себя таким не чувствую».

«Так и скажи им это».

Харви поднял руки, чтобы прекратить шепот. «Я просто хочу сказать... все мы, возможно, скоро позабудем о том, что были здесь...» Послышалось что-то вроде: нет, не забудем; или: мы всегда будем помнить тебя. Но Харви настаивал. «Забудем, — сказал он. — Мы вырастем и забудем. Если не...»

«Если — что?» — спросила Лулу.

«Если не будем напоминать себе каждое утро. Или делаем из этого рассказ и расскажем каждому, кого встретим».

«Нам не поверят», — сказал один из детей.

«Это неважно, — сказал Харви. — Мы будем знать, что это правда и это идет в счет».

Слова его встретили одобрение со всех сторон.

«А теперь пойдем домой, — сказал Харви. — Мы уже и так потеряли слишком много времени».

Венделл легонько пихнул его в ребра, когда группа рассыпалась. «А как насчет того, чтобы сказать им, что ты не герой?» — спросил он.

«О, да, — ответил Харви с озорной улыбкой. — Я и забыл».

Первые дети уже штурмовали стену тумана, стремясь как можно скорее оставить ужасы худовской тюрьмы позади. Харви наблюдал, как с каждым последующим шагом они становятся видны все хуже, и хотел, чтобы у него нашлось мгновение поговорить с ними, чтобы узнать, кем они были и почему попали в объятия Худа. Были ли они сиротами, у которых нет иного места, чтобы назвать его домом, или беглецами, как Венделл и Лулу, или им просто наскучила их жизнь, как однажды заскучал и Харви, и они были соблазнены иллюзиями?

Он никогда не узнает. Дети исчезали один за другим, пока перед стеной не остались только Лулу, Венделл и он сам.

«Ну, — сказал Венделл Харви, — если снаружи время по-настоящему восстановлено в своих правах, тогда я вернусь на несколько лет раньше, чем ты».

«Это правда».

«Если мы встретимся снова, я буду намного старше. Может быть, ты даже не узнаешь меня».

«Я тебя узнаю», — ответил Харви.

«Обещаешь?» — спросил Венделл.

«Обещаю».

Они пожали друг другу руки, и Венделл удалился в туман. Венделл ушел всего в три шага.

Лулу тяжело вздохнула. «Ты когда-нибудь хотел две вещи одновременно, — спросила она Харви, — но при этом знал, что одновременно иметь их не можешь?».

«Раз или два, — сказал Харви. — А в чем дело?»

«Потому что мне бы хотелось вырасти с тобой и быть твоим другом, — ответила она. — Но я также хочу пойти домой. И я думаю, что в год, который ожидает меня по другую сторону этой стены, ты даже еще не родился».

Харви печально кивнул, бросив взгляд на руины. «Я полагаю, что у нас действительно есть одна вещь, за которую мы можем благодарить Худа».

«Что?»

«Здесь мы были детьми вместе, — сказал он, взяв ее за руку. — Хоть и недолго».

Лулу пыталась улыбнуться, но ее глаза были полны слез.

«Давай пойдем вместе столько, сколько сможем», — сказал Харви.

«Да, мне бы этого хотелось», — ответила Лулу, и рука об руку они пошли к стене. В последний момент, прежде чем туман закрыл их, они посмотрели друг на друга, и Харви сказал:

«Домой...»

Затем они шагнули в стену. Пока длился первый шаг, он чувствовал руку Лулу в своей, но в следующую секунду она стала слабоощутима, а к третьему шагу — когда он вышел на улицу — Лулу исчезла совсем, очутившись во времени, из которого она пришла, все эти времена года тому назад.

Харви посмотрел на небо. Солнце садилось, но его розоватый свет все еще доставал до края облака, лежавшего высоко вверх. Ветер был порывистым и высушивал пот страха и усилий на лице и спине.

С клацающими зубами Харви отправился домой темнеющими улицами, не уверенный в том, что поджидало его.

Было странным, что после столь многих побед простое дело ходьбы домой смогло нанести ему поражение, но оно действительно нанесло ему поражение. После часа странствований рассудок и сила — которые предохраняли Харви от любого ужаса, который Худ мог наслать — изменили ему. Голова начала кружиться, ноги под ним подогнулись, и он в изнеможении упал на тротуар.

К счастью двое прохожих пожалели его и мягко расспросили, где он живет. Он смутно припомнил, что опасно доверять свою жизнь абсолютно незнакомым людям, но у него не было выбора.

Он мог только поручить себя их заботам и надеяться, что мир, в который он возвратился, все еще содержит капельку доброты.

Он пробудился во тьме и одно мгновение между ударами сердца думал, что черное озеро в конце концов заполучило его и он находится в его глубинах узником.

Вскрикнув от ужаса, он сел и к своему бесконечному облегчению увидел в ногах кровати окно со слегка раздвинутыми занавесками и услышал легкое постукивание дождя о подоконник. Он был дома.

Он спустил ноги с кровати и встал. Все его тело ныло, как будто он провел десять раундов с боксером-тяжеловесом, но он оказался достаточно силен, чтобы доковылять до двери и распахнуть ее.

Звучание двух знакомых голосов донеслось с нижней площадки лестницы.

«Я счастлива просто оттого, что он дома», — услышал он, как говорила его Мама.

«Я тоже, — сказал его Папа. — Но нам нужны хоть какие-то объяснения».

«Мы их получим, — продолжала Мама. — Но мы не должны слишком сильно давить на него».

Цепляясь за перила, Харви начал спускаться по лестнице, а Мама и Папа продолжали разговор.

«Нам необходимо побыстрее узнать правду, — сказал Папа. — Я имею в виду, вдруг он вовлечен во что-нибудь преступное».

«Харви? Нет».

«Да, Харви. Ты видела, в каком он состоянии. Весь в грязи и в крови. Он явно не розы рвал».

У подножия лестницы Харви замер, немного опасаясь встретиться лицом к лицу с правдой. Изменилось ли что-нибудь, или эти двое невидимых сейчас людей все еще стары и болезненны?

Он подошел к двери и толкнул ее. Его Мама и Папа стояли у окна спиной к нему, глядя на дождь.

«Привет», — сказал он.

Они оба одновременно повернулись, и Харви испустил восторженный вопль, увидев, что преодолевал печали и ужасы Дома не напрасно. Его вознаграждение смотрело на него: Мама и Папа, выглядящие так, как выглядели до того, как за ним пришел Риктус. Похищенные годы вернулись обратно к тому, кому они принадлежали, в его собственность.

«Я славный вор», — заявил он сам себе.

«О, мой дорогой», — сказала Мама, подходя к нему с раскрытыми объятиями.

Он обнял сначала ее, затем Папу.

«Чему ты радуешься, сынок?» — хотел знать Папа.

Харви вспомнил, как трудно было объяснить все в последний раз, поэтому вместо того, чтобы даже попытаться это сделать, он сказал:

«Я просто бродил по окрестностям и заблудился. Я не предполагал, что вы так расстроитесь».

«Ты что-то сказал насчет вора».

«Разве?»

«Ты знаешь, что сказал», — сурово произнес Папа.

«Ну... являешься ли ты вором, если забираешь то, что принадлежало тебе первому?» — спросил его Харви.

Мама и Папа обменялись озадаченными взглядами.

«Нет, дорогой, — сказала Мама. — Конечно, нет».

«Тогда я не вор», — ответил Харви.

«Я думаю ты нам обоим должен рассказать правду, Харви, — попросила Мама. — Мы хотим знать все».

«Все?»

«Все», — сказал Папа.

И он рассказал им всю историю прямо так, как они просили, с самого начала, и если в предыдущий раз, когда он рассказывал о своих приключениях, их лица были полны сомнений, в этот раз они не поверили.

«Ты на самом деле ждешь, что мы поверим во все это?» — выпалил Папа, когда Харви рассказывал о том, как встретил Худа на чердаке.

«Я могу взять вас к Дому, — предложил Харви. — Или к тому, что от него осталось. В прошлый раз я не мог отыскать его, потому что он прятался от взрослых. Но Худ погиб, следовательно, не осталось волшебства, чтобы его прикрывать».

И вновь Мама с Папой обменялись озадаченными взглядами.

«Если ты можешь отыскать этот Дом Худа, — сказал Папа, — нам обоим хотелось бы взглянуть на него».

На следующий день они вышли рано. И теперь — прямо как и ожидал Харви — дорога к дому не была скрыта волшебством. Он довольно легко отыскал улицы, вдоль которых вел его Риктус, и очень скоро покатым холм, где некогда стоял Дом, возник перед глазами.

«Вот, — сказал он Маме и Папе. — Дом стоял здесь».

«Это же просто холм, Харви, — возразил Папа. — Холм, покрытый травой».

Действительно, было неожиданным увидеть, что земля на которой было совершено столь много ужасных деяний, так быстро покрылась зеленью.

«Выглядит довольно мило», — сказала Мама, когда они подошли к месту, где прежде возвышалась стена из тумана.

«Руины находятся под ним, клянусь, — сказал Харви, бросаясь к склону. — Я покажу вам. Пойдемте!»

Сегодня они были не единственными посетителями. Над вершиной холма виднелось несколько воздушных змеев, планирующих по ветру, дюжина или даже больше собак шумно возились поблизости, дети со смехом скатывались по склону, была даже пара влюбленных, шепчущихся между собой.

Харви возмущало присутствие всех этих людей. Как они осмеливаются возиться здесь и смеяться, и запускать воздушных змеев, думал он, как будто это обыкновенный холм? Он хотел сказать им всем, что они прыгают по руинам дома вампира, и посмотреть, как быстро исчезнут улыбки с их лиц.

Но затем он подумал, что, может быть, лучше, что о холме не ходят слухи и легенды. Имя Худа, возможно, никогда не срывалось с губ тех влюбленных и любителей воздушных змеев, а должно ли оно срываться? Его злу нет места в счастливых сердцах.

«Ну? — сказал Папа, когда они трое вскарабкались по склону. — Этот твой Дом хорошенько схоронен».

Харви присел на корточки и стал копать землю руками. Земля была мягкой и источала сладкий запах плодородия.

«Странно, не так ли?» — произнес голос.

Он поднял глаза от своей работы, оба кулака его были в грязи. Мужчина, немного старше, чем его Папа, улыбаясь, стоял в нескольких ярдах от него.

«О чем вы говорите?» — спросил Харви.

«О цветах. О земле, — ответил он. — Может, у земли есть свое волшебство — доброе волшебство, считаю я, — и оно навечно похоронило память о Худе».

«Вы знаете о Худе?» — сказал Харви.

Мужчина кивнул. «О, да».

«Что в точности вы знаете? — спросила Мама. — Наш сын рассказал нам такие странные истории...»

«Все они правда», — подтвердил мужчина.

«Вы даже не слышали их», — ответил Папа.

«Вы должны поверить вашему мальчику, — сказал мужчина. — Я имею самые лучшие свидетельства, что он герой».

Папа Харви посмотрел на сына с дергающейся улыбкой на лице. «На самом деле? — спросил он. — Вы один из узников Худа?»

«Не я», — ответил мужчина.

«Тогда откуда вы знаете?»

Человек глянул через плечо и там, у подножия холма, стояла женщина в белом платье.

Харви изучал эту незнакомку, пытаясь разглядеть ее лицо, но шляпа с широкими полями затеняла ее черты. Он поднялся на ноги, намереваясь подойти поближе, но мужчина сказал:

«Не надо... пожалуйста. Она послала меня вместо себя, просто чтобы тебя поприветствовать. Она помнит тебя таким, как ты был — юным — и она хочет, чтобы ты ее помнил такой же».

«Лулу...» — прошептал Харви.

Мужчина не подтверждал и не отрицал этого. Он только сказал Харви:

«Я многим обязан вам, молодой человек. Я надеюсь быть ей таким же прекрасным мужем, каким вы были другом».

«Мужем?» — произнес Харви.

«Как летит время, — сказал мужчина, сверяясь со своими часами. — Мы опаздываем к завтраку. Могу ли я позвать вашу руку, юный сэр?»

«Она в грязи», — предупредил Харви, позволяя земле сбежать между пальцев правой руки.

«Что может быть лучше, — сказал мужчина с улыбкой, — чем эта... исцеляющая земля?»

Он взял руку Харви, пожал ее и, кивнув Папе и Маме Харви, заторопился вниз по склону.

Харви видел, как он разговаривает с женщиной в белом платье, видел ее кивок, видел ее улыбку в его сторону. Затем они оба ушли. На улицу и прочь.

«Ну... — произнес Папа, — кажется все-таки твой мистер Худ существовал».

«Значит, вы верите мне?» — спросил Харви.

«Здесь что-то произошло, — раздалось в ответ, — и ты был героем. Я верю».

«Этого достаточно, — сказала Мама. — Тебе не нужно продолжать копать, золотко. Что бы ни находилось под этой землей, оно должно оставаться там».

Харви был готов освободить левую руку от грязи, когда Папа сказал:

«Дай мне это», — и раскрыл свою руку.

«На самом деле?» — сказал Харви.

«Я слышал, что немного доброго волшебства всегда полезно, — ответил Папа. — Разве не так?»

Харви улыбнулся и насыпал полную горсть земли в папину ладонь.

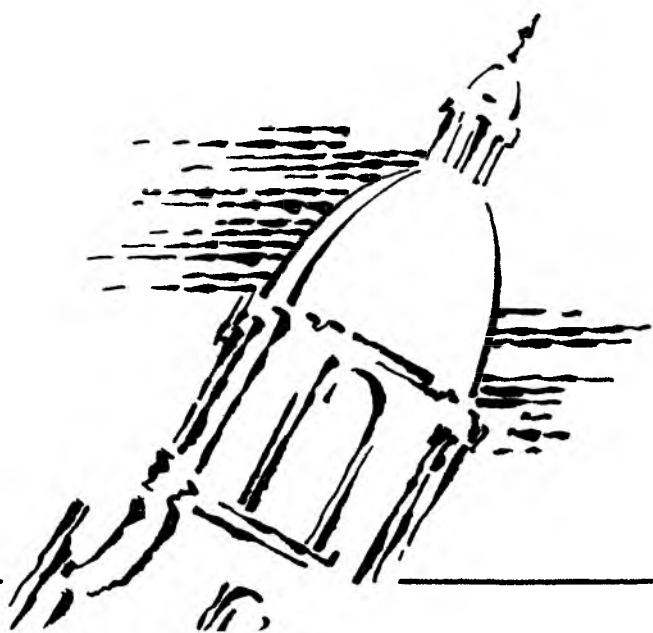
«Всегда», — сказал он.

Дни, которые последовали затем, были не похожи ни на один день, который Харви видел прежде. Хотя больше не было разговоров ни о Худе, ни о Доме, ни о зеленом холме, где Дом некогда стоял, этот предмет был составной частью каждого взгляда и любой улыбки Харви и его родителей.

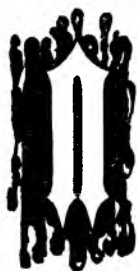
Харви понимал, что они имеют самое смутное представление о том, что случилось с ним, но все трое были согласны в одном: прекрасно быть опять вместе.

С этого момента время станет драгоценным. Оно будет вытикивать так же, как и всегда, но Харви решил, что не станет расходовать его на вздохи и жалобы. Он наполнит свое сердце временами года, которые отыщет в своем сердце. Надежды, как птицы на весенней ветке, счастье подобно летнему солнцу, волшебство похоже на поднимающиеся осенние туманы. И лучше всего любовь, любовь, достаточная для тысячи Рождеств.

ДЕТИ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

очему Ванесса никогда не могла устоять перед дорогой, не имеющей никаких указателей, перед проселочной дорогой, которая вела, куда одному богу известно? Ее восторженное следование куда глаза глядят в прошлом часто оканчивалось неприятностями. Роковая ночь, которую она провела, заблудившись в Альпах, тот случай в Марракеше, который чуть не закончился изнасилованием, приключения с учеником шпагоглотателя в дебрях Нижнего Манхэттена. И тем не менее, несмотря на то что горький опыт должен был ее кое-чему научить, когда приходилось выбирать между известным маршрутом и неизвестным, она всегда, не задумываясь, выбирала последний.

Вот, к примеру, эта дорога, что извивалась по направлению к побережью Кинтоса, что она могла сулить кроме бедной на приключения поездки через здешнюю землю, поросшую кустарником, возможности столкнуться по пути с козой, и вида со скал на голубое Эгейское море. Она могла бы наслаждаться таким видом из окна своего номера в отеле на побережье Мерика, и для этого не надо было даже вставать с постели. Но другие дороги, что уводили от этого перекрестка, были так четко обозначены: одна в Лутру, с его разрушенными венецианскими укреплениями, другая к Дриопису. Она не посетила ни одну из названных деревень, хотя слышала, что они прелестны, но тот факт, что деревни были столь ясно обозначены, серьезно портил их привлекательность, по крайней мере для Ванессы. Зато эта дорога, пусть даже и в самом деле вела *в никуда*, по крайней мере, вела в

неназванное никуда. Довольно веская рекомендация. Таким образом, почувствовав прилив своенравия, она отправилась по дороге.

Ландшафт по обеим сторонам дороги — или *проселочной дороги*, в которую она вскоре превратилась, — был в лучшем случае непримечательным. Даже козы, которых ожидала увидеть Ванесса, и то отсутствовали, даже редкая растительность выглядела несъедобной. Нет, остров не был райским местом. В отличие от Санторини с его живописным вулканом или Микноса — Содома Циклад — с его роскошными пляжами и еще более роскошными отелями, Кинтос не мог похвалиться ничем, что могло бы привлечь туриста. Короче говоря, потому она и здесь: ей хотелось забраться как можно дальше от толпы. Эта дорога, несомненно, поможет ей.

Крик, что донесся до нее слева, от холмов, вовсе не предназначался для того, чтобы привлечь внимание. Это был крик, явно окрашенный страхом, и легко перекрыл ворчание взятой напрокат машины. Ванесса остановила допотопное средство передвижения и выключила мотор. Крик долетел снова, но на этот раз он сопровождался выстрелом. Потом пауза, и второй выстрел. Не раздумывая, она распахнула дверцу машины и шагнула на дорогу. Воздух благоухал песчаными лилиями и диким тимьяном — ароматами, которые бензиновое зловоние внутри машины успешно перебивало. Когда она поглубже вдохнула аромат, она услышала третий выстрел и на этот раз увидела фигуру — слишком далеко от того места, где стояла Ванесса, чтобы можно было на таком расстоянии различить даже собственного мужа. Фигура взобралась на макушку одного из холмов только для того, чтобы опять исчезнуть в котловине. Три или четыре мгновения позже появились и преследователи. Выстрелили еще раз, но, как она с облегчением увидела, скорее в воздух, чем в человека. Они будто предупреждали его, а не пытались убить. Подробности облика преследователей были так же неразличимы, как и подробности облика преследуемого, кроме одного зловещего штриха: одеты они были в развевающиеся черные одеяния.

Стоя возле машины, она колебалась — стоит ли сесть за руль и уехать прочь, или пойти и разобраться, что значит эта игра в прятки. Звук выстрелов вещь не особенно приятная, а потому можно было повернуться спиной к этой

загадке. Люди в черном исчезли вслед за своей добычей, но Ванесса, впившись глазами в то место, которое они покинули, направилась туда, изо всех сил стараясь не высовываться.

В такой малопримечательной местности расстояния были обманчивы, один песчаный холмик походил на другой. Она выбирала дорогу среди каких-то растений целых десять минут, прежде чем уверилась, что потеряла из виду место, откуда преследуемый и преследующие исчезли, и к тому времени она сама заплутала среди травянистых холмов. Крики давно прекратились, выстрелы тоже, она осталась только с криками чашек и дребезжащими пререканиями цикад у ног.

«Проклятье, — выругалась она. — Зачем я все это делаю?»

Она выбрала самый большой холм поблизости и потащилась вверх по его склону, ноги скользили на песчаной почве, пока Ванесса размышляла, даст ли выбранная позиция возможность разглядеть потерянную дорогу или хотя бы море. Если бы ей удалось отыскать скалы, она смогла бы сориентироваться относительно того места, где оставила машину, и отправиться примерно в том направлении, зная, что рано или поздно обязательно достигнет дороги. Но холмик был слишком незначительный, все, что открылось отсюда, только подчеркивало степень ее изоляции. В любом направлении, куда ни глянь, те же неотличимые друг от друга холмы, горящие спины под полуденным солнцем. Отчаясь, она лизнула палец и подставила его ветру, рассудив, что ветер будет скорее всего со стороны моря и что она могла бы использовать эту незначительную информацию, чтобы вычертить в уме карту местности. Бриз был слишком слабым, но он был единственным ее советчиком, и потому Ванесса отправилась в том направлении, где, как она надеялась, лежала дорога.

После пяти минут ходьбы, когда одышка все возрастала, а путь лежал то вверх, то вниз по холмам, она поднялась на один из склонов и обнаружила, что видит не свою машину, а скопище зданий, выбеленных известкой, над которыми возвышалась квадратная башня, здания обнесены, словно гарнизон, высокой стеной, — все это с предыдущего возвышения не было видно даже отчасти. До нее дошло, что бегущий человек и его чересчур заботливые поклонники возникли отсюда и что здравый смысл, пожалуй, советует не

приближаться к этому месту. И все же без указаний от кого-нибудь она могла бы вечно бродить по этой пустоши и никогда не найти дорогу к своей машине. Кроме того, здания выглядят скромно и успокаивающе. Был даже намек на растительность, проглядывающую над блестящими стенами, что предполагало уединенный сад внутри, где, по крайней мере, она могла бы обрести какую-то тень. Изменив направление, она отправилась к входу.

Она добралась до ворот из кованой стали совсем измотанная. Только тогда, предвкушая отдых, она призналась сама себе, насколько устала: тяжелый путь через холмы так утомил ее ноги, что бедра и щиколотки мелко подрагивали, о том, чтобы идти куда-то, и думать нечего.

Одни из больших ворот находились поблизости, и она шагнула в них. Двор внутри был вымощен камнями и испещрен голубиными каплями: несколько подозреваемых сидели на миртовом дереве и заворковали при ее появлении. Со двора крытые переходы уводили в лабиринт зданий. Риск не умерил ее своенравия, и потому она выбрала один, выглядевший менее опасным, и последовала им. Переход увел ее от солнца и проводил через благоухающий коридор, уставленный простыми скамьями, в замкнутое пространство поменьше. Здесь солнце падало на одну из стен, в нише которой стояла статуя Девы Марии, — ее широкоизвестный сын, воздев пальцы в благословении, громоздился у нее на руках. И теперь, при взгляде на эту статую, кусочки тайны выстроились в определенном порядке: уединенное местоположение, тишина, простота дворов и переходов. Явно религиозное заведение.

Она была безбожницей с ранней юности и редко переступала порог церкви на протяжении двадцати пяти лет. Теперь, в сорок один год, ее уже не переделать, и потому она ощущала себя здесь вдвойне человеком, вторгшимся в чужие владения. И все-таки она не искала святылища, так ведь, а только направление? Она сможет спросить и уйти.

Когда она продвинулась к освещенному солнцем камню, то ощутила странное чувство неловкости, которое объяснила тем, что за ней наблюдают. Это была ее врожденная восприимчивость, которую совместная жизнь с Рональдом усложнила до шестого чувства. Его нелепая ревность, три месяца назад прикончившая их брак, довела его до шпионажа такого

класса, что позавидовали бы службы Уайтхолла или Вашингтона. Теперь Ванесса чувствовала, что она не одна, а за ней смотрят несколько пар глаз. Хотя она украдкой взглянула на узкие окна, выходящие во двор, и, казалось, заметила движение в одном из них, однако никто не предпринял даже попытки окликнуть ее. Возможно, предписание сохранять тишину, а то и данный обет молчания, соблюдаются так неукоснительно, что ей придется объясняться на языке жестов. Что ж, если и так.

Где-то за собой она услышала шорох бегущих ног, нескольких пар, спешащих к ней. И — с дальнего конца прохода — клацанье закрывающихся железных дверей. Почему-то сердце ее оборвалось, а кровь побежала быстрее и бросилась ей в лицо. Ослабевшие ноги снова стали дрожать.

Она повернулась, чтобы рассмотреть источник этих упорных шагов, и когда сделала это, уловила, как каменная голова Девы чуть-чуть сдвинулась. Ее голубые глаза следили за Ванессой через двор и теперь, без всякой ошибки, были направлены в ее спину. Ванесса стояла тихо, как неживая. Лучше не бежать, думала она, с Нашей Госпожой за спиной. Ничего хорошего не будет, если понесешься куда бы то ни было, потому что даже сейчас три монашки в развевающихся одеяниях появились из тени крытой аркады. Только их бороды и блестящие автоматические винтовки, что они несли, развеивали иллюзию того, что они Христовы невесты. Ванесса могла бы посмеяться такому несоответствию, но они наставили оружие прямо ей в сердце.

Не было ни слова объяснений, но в месте, что давало приют вооруженным мужчинам, обряженным как монашки, представление о добротных доводах было, без сомнения, столь же редкостно, как пернатые лягушки.

Она была препровождена со двора тремя святыми сестрами, которые обращались с ней так, будто она только что сравнила с землей Ватикан, — ее без промедления обыскали с головы до ног. Она приняла это посягательство без каких-либо возражений. Они ни на мгновение не спускали ее с мушки, и в подобных обстоятельствах повиновение казалось самым разумным. Обыск завершился, один из них пригласил ее переодеться, и ее проводили к небольшую комнату, где заперли. Немного погодя одна из монашек принесла бутылку вкусного греческого вина и, чтобы довершить этот перечень несообразностей,

большую пиццу, лучшую из тех, что она пробовала где бы то ни было, начиная от Чикаго. Алиса, затерянная в Стране Чудес, не подумала бы, что может быть страннее.

«Тут могла быть ошибка», — заключил после нескольких часов допроса человек с нафабранными усами. Она с облегчением обнаружила, что у него нет намерения сойти за Аббатису, несмотря на наряд его гарнизона. Его кабинет — если являлся таковым — содержал мало мебели, единственным украшением был человеческий череп с потерянной нижней челюстью, который стоял на столе и пусто пялился на нее. Человек был одет куда лучше: галстук-бабочка безупречно завязан, на брюках сохранялась смертоносная складка. Под его размеренным английским произношением Ванесса, казалось, распознала скрытый акцент. Французский? Немецкий? И только когда человек угостил ее шоколадом со своего стола, она решила, что он швед. Он назвался мистером Клейном.

«Ошибка? — сказала она. — Вы чертовски правы, это ошибка!»

«Мы нашли вашу машину. Также мы поинтересовались вашим отелем. Таким образом, рассказ ваш подтверждается».

«Я не лгунья», — сказала она. Она перешагнула пределы любезности с мистером Клейном, невзирая на его подкуп в виде сладостей. Теперь уже должно быть поздняя ночь, рассудила она, хотя с уверенностью сказать было трудно, — она не надела часов, а убогая комнатка находилась в центре одного из зданий, а потому не имела окон. Время сложилось, словно телескоп, и только мистер Клейн с его недокормленным Номером Вторым удерживали ее утомленное внимание.

«Ну, я рада, что вы удовлетворены, — сказала она. — Теперь вы дадите мне вернуться в отель? Я устала».

Клейн покачал головой. «Нет, — ответил он. — Боюсь, это невозможно».

Ванесса резко встала, и от ее стремительного движения кресло опрокинулось. Не прошло и секунды, даже звук падения еще не затих, как дверь отворилась и появилась одна из бородатых сестер, держа наготове пистолет.

«Все в порядке, Станислав, — промурлыкал мистер Клейн. — Миссис Джейн не перерезала мне горло».

Сестра Станислав убралась и закрыла за собой дверь.

«Зачем?» — спросила Ванесса, ее раздражение поутихло с появлением стражи.

«Зачем — что?» — переспросил мистер Клейн.

«Монашки».

Клейн тяжело вздохнул и положил руку на кофейник, который принесли час назад, он хотел проверить, не совсем ли остыл кофе. Он налил себе полчашки, прежде чем ответить.

«По моему мнению, многое из этого излишне, миссис Джейн, и даю вам свое *личное* обещание, что увижу вас свободной так скоро, как только в человеческих силах. Покуда прошу вашего снисхождения. Думайте об этом, как об игре... — Лицо его чуть омрачилось. — Они не любят игры».

«Кто?»

Клейн нахмурился. «Неважно, — сказал он. — Чем меньше вы знаете, тем меньше нам придется заставлять вас забыть».

Ванесса тупо посмотрела на череп. «Ничего из этого ничуть не ясно», — сказала она.

«И не должно, — ответил мистер Клейн. — Придя сюда вы допустили достойную сожаления ошибку, миссис Джейн. А на самом деле мы допустили ошибку, впустив вас сюда. Обычно наша охрана строже, чем вы убедились на своем опыте. Но вы застали нас врасплох... и затем мы узнали...»

«Секунду, — сказала Ванесса. — Я не знаю, что здесь происходит. И *не хочу* знать. Все, чего я хочу, — это чтобы мне позволили вернуться в отель и закончить отдых спокойно».

Судя по выражению лица ее следователя, призыв не оказался особенно убедительным.

«Неужели это так много, что надо выпрашивать? — спросила она. — Я ничего *не сделала*, я ничего *не видела*. В чем сложность?»

Клейн встал.

«В чем сложность? — повторил он негромко, как бы рассуждая сам с собой. — Ну и вопрос». Он не пытался ответить, лишь позвал: «Станислав!»

Дверь распахнулась и появилась монашка.

«Проводи миссис Джейн в ее комнату, хорошо?»

«Я заявлю протест через свое посольство! — сказала Ванесса, негодование ее вспыхнуло. — У меня есть права!»

«Пожалуйста, — сказал мистер Клейн, глядя страдальчески. — Крики никому из нас не помогут».

Монашка ухватила Ванессу за руку, и Ванесса почувствовала близость пистолета.

«Пойдем?» — вежливо спросили ее.

«У меня есть какой-нибудь выбор?» — поинтересовалась она.

«Нет».

Успех хорошего фарса, когда-то объяснял ей сводный брат, бывший актер, в том, что играют с убийственной серьезностью. Не должно быть и намеков на подмигивание галерке, извещающих о намерении комиковать у играющих фарс, ничего, что могло бы разрушить реальность сцены. Согласно этим жестким стандартам она была теперь окружена составом опытных исполнителей: несмотря на облачения, платки на головах монахинь и подглядывающую Мадонну, все желали играть так, будто эта нелепая ситуация не отличается от обычной. Как ни старалась Ванесса, она не могла подчеркнуть обман, не могла поймать ни единого взгляда смущения. Чем скорее они поймут свою ошибку и освободят ее от своего общества, тем лучше для нее.

Спала она хорошо, полбутылки виски, некой заботливой личностью оставленные в ее комнатке до ее возвращения, помогли уснуть. Она редко пила так много за такой короткий промежуток времени, и когда — перед самым рассветом — ее разбудили слабым стуком в дверь, голова ее, казалось, распухла, а язык был наподобие замшевой перчатки. Мгновение она не могла понять, где находится, но слабые удары повторились, и с другой стороны двери открылось маленькое окошечко. К нему прижалось лицо пожилого мужчины — бородатое, с безумными глазами и выражением настойчивости.

«Миссис Джейн, — прошипел он. — Миссис Джейн! Мы можем поговорить?»

Она подошла к двери и выглянула в окошко. В дыхании старика смешивались чистый воздух и запах перегара от анисового ликера. Это удержало ее от того, чтобы прижаться слишком плотно к окошку, хотя он и поманил ее.

«Кто вы?» — спросила Ванесса, не просто из абстрактного любопытства, но потому, что опаленные солнцем жесткие черты кого-то ей напоминали.

Человек бросил на нее взволнованный взгляд. «Обожатель», — сказал он.

«Я вас знаю?»

Он покачал головой. «Вы слишком уж молоды, — ответил он, — но я вас *знаю*. Я видел, как вы вошли. Я хотел предупредить вас, но у меня не было времени».

«Вы тоже заключенный?»

«В некотором роде. Скажите... Вы видели Флойда?»

«Кого?»

«Он убежал. Позавчера».

«А, — сказала Ванесса, начиная из разрозненных кусочков составлять целое. — Флойд — человек, за которым они гнались?»

«Точно. Он выскользнул наружу, вы видели. Они пошли за ним — олухи — и оставили ворота открытыми. Охрана в эти дни *отвратительная!* — голос его звучал так, будто он искренне оскорблен сложившейся ситуацией. — Не то, чтобы мне неприятно видеть вас здесь». В его глазах какое-то отчаяние, подумала она, какая-то печаль, которую он старается сдерживать.

«Мы слышали выстрелы, — сказал он. — Они его не поймали, правда?»

«Я не видела, — ответила Ванесса. — Я пошла поглядеть, но ни следа не осталось».

«Ха! — просиял старик. — Тогда, может, он действительно убежал».

До Ванессы уже дошло, что разговор может быть ловушкой, что старик является жертвой обмана тех, кто ее захватил, и это еще один способ выдавить из нее информацию. Но инстинкт подсказывал другое. Он глядел на нее так любовно, и лицо его, лицо маэстро клоунов, казалось не способным на поддельные чувства. К лучшему или к худшему, она *поверила* ему. У нее был небольшой выбор.

«Помогите мне выбраться, — попросила она. — Я должна выбраться».

Он будто пал духом. «Так скоро? — спросил он. — Вы только что прибыли».

«Я не *воровка*. Мне не нравится быть в заключении».

Он кивнул. «Конечно нет, — ответил он, упрекая себя за свой эгоизм. — Виноват. Это оттого, что прекрасная женщина...» Он прервал себя, затем начал заново. «Я никогда не был особенно ловок в словах...»

«Вы *уверены*, что я не знаю вас? — спросила Ванесса. — Ваше лицо почему-то мне знакомо».

«Действительно? — сказал он. — Это очень здорово. Все мы здесь думаем, что нас, видите ли, позабыли».

«Все?»

«Нас сорвали так давно. Многие только начинали исследования. Вот почему Флloyd сбежал. Он хотел проделать работу нескольких месяцев, до того как наступит конец. Я иногда чувствую то же самое. — Поток уныния иссяк, и человек вернулся к ее вопросу. — Меня зовут Харви Гомм. Профессор Харви Гомм. Хотя к настоящему времени я не помню, профессором чего я был».

Гомм. Это было странное имя, и оно звенело колокольчиками, но сейчас она не могла отыскать, в какой тональности этот перезвон.

«Вы не помните, да?» — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Она бы хотела солгать, но это могло отпугнуть человека, единственный здравый голос, услышанный ею здесь.

«Нет... Точно не помню. Может, подскажите?»

Но прежде чем он смог предложить следующий кусочек тайны, он услышал голоса.

«Сейчас нельзя говорить, миссис Джейн».

«Зовите меня Ванесса».

«Можно? — Лицо его расцвело от тепла ее благодеяния. — Ванесса».

«Вы можете мне?» — спросила она.

«Настолько, насколько смогу, — ответил он. — Но если вы увидите меня в компании...»

«Мы никогда не встречались».

«Точно так. *Au revoir*». Он закрыл окошко, и она услышала, как его шаги удаляются по коридору. Когда ее страж, дружелюбный головорез по имени Джиллемо, прибыл несколько минут спустя и принес ей поднос с чаем, она превратилась в сплошную улыбку.

Казалось, ее вспышка принесла плоды. Тем утром, после завтрака, мистер Клейн ненадолго посетил ее и сказал, что ей позволено выходить в сад — в сопровождении Джиллемо, — так что она может наслаждаться солнцем. Ее опять снабдили новым комплектом одежды, немного великоватой, но она испытала приятное облегчение, освободившись от пропитанных потом тряпок, которые были на ней больше

суток. Эта последняя уступка, сделанная для ее удобства, однако, ровным счетом ничего не означала. Как ни приятно было надеть чистое нижнее белье, факт предоставления новой одежды подчеркивал, что мистер Клейн не предвидит скорого освобождения.

Она пыталась подсчитать, как долго это все продлится, прежде чем туповатый управляющий крохотного отеля, где она остановилась, не поймет, что она уже не вернется. И что же он тогда предпримет? Возможно, управляющий уже забил тревогу и обратился к властям, вполне может быть, они отыщут брошенную машину и проследят ее путь до этой странной крепости. Последний пункт разбился вдребезги тем самым утром, во время прогулки. Машина оказалась припаркованной в закрытом дворике с лавровым деревом, возле ворот, и если судить по многочисленным каплям голубинового помета, стояла там всю ночь. Поймавшие ее дураками не были. Значит, надо ждать до тех пор, пока кто-нибудь в Англии не обеспокоится и не попытается узнать, где она, но за это время она может умереть от скуки.

Другие придумали себе развлечения, удерживающие их у черты безумия. Когда она и Джиллемо прогуливались по саду тем утром, она слышала отчетливые голоса из соседнего двора, один голос принадлежал Гомму. Голоса были возбужденные.

«Что там происходит?»

«Они играют в игры», — ответил Джиллемо.

«Может, мы пойдем и посмотрим?» — небрежно спросила она.

«Нет».

«Я люблю игры».

«Да? — переспросил Джиллемо. — Поиграем, а?»

Она хотела не такого ответа, но настойчивость могла возбудить подозрения.

«Почему бы и нет?» — ответила она. Заслужить его доверие было бы только на пользу.

«Покер?» — спросил Джиллемо.

«Никогда не играла».

«Я вас научу», — ответил он. Мысль его явно прельщала. В соседнем дворе игроки разразились теперь яростными криками. Это звучало так, будто там происходило что-то вроде скачек, конечно, если судить по громким подбадрива-

ющим возгласам, затихавшим, когда финишная черта пересечена. Джиллемо прервал ее размышления.

«Лягушки, — пояснил он. — Они устраивают лягушачьи скачки».

«Неужели?»

Джиллемо посмотрел на нее почти с нежностью и сказал: «Даже не сомневайтесь».

Несмотря на слова Джиллемо, раз сконцентрировав внимание на шуме, она уже не могла выбросить это из головы. Шум продолжался в течение дня, то усиливаясь, то спадая. Иногда раздавались взрывы смеха, частенько слышался спор. Они были похожи на детей, Гомм и его друзья, серьезно отдаваясь такому незначительному занятию, как скачки лягушек. Но удаленных от иных развлечений, как она могла обвинять их? Когда поздним вечером лицо Гомма возникло у двери, чуть ли не первое, что она сказала, были слова: «Я слышала вас нынешним утром, в одном из дворов. И днем тоже. Кажется, вы здорово забавлялись».

«О, игры! — ответил Гомм. — Занятный выдался денек. Столь многое пришлось рассортировать».

«Как вы думаете, вам удастся убедить их, чтобы мне разрешили присоединиться к вам? Я здесь так скучаю».

«Бедная Ванесса. Хотел бы я помочь. Но это практически невозможно. Мы так перегружены в настоящее время работой, особенно из-за побега Флойда».

Перегружены работой, подумала она. И это гоняя лягушек? Боясь нанести оскорбление, она не высказала сомнения вслух.

«Что здесь происходит? — спросила она. — Вы не преступники? Нет?»

Гомм выглядел оскорбленным. «Преступники?»

«Простите...»

«Нет. Понимаю, почему вы спросили. Должно быть, это поражает вас, как нечто странное... то, что мы заперты здесь. Но нет, мы не преступники».

«Что же тогда? Что это за большой секрет?»

Гомм глубоко вздохнул, прежде чем ответить. «Если я скажу вам, — начал он, — вы поможете нам отсюда выбраться?»

«Как?»

«Ваша машина. Она у входа».

«Да, я видела...»

«Если мы сможем до нее добраться, вы нас повезете?»

«Сколько вас?»

«Четверо. Я, Ирения, Моттерсхед и Гольдберг. Конечно, и Флойд может находиться где-то снаружи, но ему следует самому побеспокоиться о себе, ведь так?»

«Это маленькая машина» — предостерегла она.

«Мы маленькие люди, — сказал в ответ Гомм. — С возрастом съеживаешься, знаете ли, словно высушенный фрукт. А мы *стары*. Считаю с Флойдом, нам 398 лет на всех. Это горький опыт, — добавил он, — а никто из нас *не мудр*».

Во дворе, рядом с комнатой Ванессы, внезапно раздались крики. Гомм скользнул от двери, потом опять появился на краткий миг, чтобы шепнуть: «Они нашли его. Бог мой, они нашли его». Затем он скрылся.

Ванесса подошла к окну и выглянула. Она видела лишь кусочек двора, расположенного внизу, но то, что она смогла разглядеть, было преисполнено бешеной активности: сестры сновали туда-сюда. В центре этого смятения она увидела маленькую фигурку — беглеца Флойда, без сомнения, — бьющегося в руках двух охранников. Он выглядел плохо из-за дней и ночей, проведенных в лишениях, изможденные черты лица в грязи, плешивая макушка шелушилась от избытка солнца. Ванесса услышала голос мистера Клейна, перекрывший болтовню, и затем он сам шагнул на сцену. Он подошел к Флойду и принялся его безжалостно ругать. Ванесса не могла уловить больше одного из каждого десятка слов, но оскорбления быстро довели старика до слез. Она отвернулась от окна, про себя молясь, чтобы Клейн подавился очередным куском шоколада.

Итак, время, проведенное здесь, принесло странную коллекцию наблюдений: в одни моменты приятных (улыбка Гомма, пицца, шум игр, в которые играют на соседнем дворе), в другие — неприятных — допрос, ругань, чему она только что стала свидетелем. И все-таки она не приблизилась к разгадке того, каково назначение этой тюрьмы: почему здесь только пять заключенных (или шесть, если считать ее саму), и все такие старые, высохшие от возраста, как сказал Гомм. Но после ругани Клейна, обращенной на Флойда, она уверилась, что никакой секрет, сколь бы ни был он сомнителен, не удержит ее, она поможет Гомму в его стремлении к свободе.

Профессор не вернулся тем вечером, это ее разочаровало. Возможно, поимка беглеца Флойда означала ужесточение распорядка, решила она, хотя к ней это едва ли относится. Казалось, ее совершенно забыли. Хотя Джиллемо принес еду и питье, он не стал обучать ее покеру, как договорились, и ее не сопровождали подышать воздухом. Оставшись в душной комнате, без общества, с не занятой ничем головой, она быстро почувствовала вялость и сонливость.

И на самом деле, она продремала до середины дня, когда что-то ударило снаружи в стену возле окна. Она поднялась и подошла взглянуть, что за звук, когда в окно с силой бросили какой-то предмет. Со звоном тот упал на пол. Она попыталась разглядеть, кто его бросил, но человек исчез.

На полу лежал ключ, завернутый в бумажку. «Ванесса, — говорилось в записке, — *будьте наготове*, Ваш in saecula saeculorum Х.Г.»

Латынь не была ее сильной стороной, Ванесса надеялась, что заключительные слова являются выражением нежности, а не инструкцией к действию. Она примерила ключ к двери своей камеры, он подошел. Но Гомм явно не имел в виду, что она использует ключ *сейчас*. Она должна ждать сигнала. *Будьте наготове*, написал он. Легче сказать, чем сделать. Как искушает, когда дверь открыта и свободен проход к солнцу, позабыть Гомма и других, порвать с этим. Но Х.Г. без сомнения пошел на определенный риск, добывая ключ. Она должна отплатить ему преданностью.

После этого дрема больше не приходила. Каждый раз, когда она слышала шаги, раздающиеся в крытых аркадах, или крик во дворе, она поднималась, готовая. Но призыв Гомма не приходил. День перетек в вечер, Джиллемо появился еще с одной пиццей и с бутылкой кока-колы на обед, и до того как Ванесса успела это осознать, пала ночь и кончился очередной день.

Может быть, они придут под покровом темноты, подумала она, но они не пришли. Поднялась луна и ухмылялась в небе, а знака от Х.Г. все не было, и не было обещанного исхода. Она стала подозревать худшее — их план раскрыт и все они наказаны. Если так, не значит ли это, что мистер Клейн рано или поздно раскопает и ее причастность? Пусть ее участие было минимальным, какие санкции примет шоколадный

человек? В какой-то момент, уже после полуночи, она решила, что сидеть и ждать, когда обрушится топор, вовсе не в ее стиле, для нее будет благоразумнее поступить так, как поступил Флойд, — убежать.

Она выпустила сама себя из камеры и закрыла за собой дверь, затем заторопилась вдоль крытой аркады, прикикая к теням настолько, насколько могла. Не было и следа человеческого присутствия, но она помнила о зоркой Деве, которая первой подглядывала за ней. Здесь ничему нельзя верить. Крадучись и при благоприятнейшем стечении обстоятельств, она в конце концов отыскала дорогу во двор, где Флойд предстал перед Клейном. Тут она замерла, пытаясь понять, какой выход ведет отсюда. Но по лицу луны проплывали облака, и в темноте ее судорожное чувство направления вовсе покинуло ее. Доверившись удаче, которая покуда оберегала ее, она выбрала один из выходов со двора и скользнула туда, следуя в потемках по крытому переходу, изгибавшемуся и поворачивавшему до тех пор, пока не привел ее все же в другой двор, больший, чем первый. Легкий ветерок трепал листву двух сплетенных лавровых деревьев в центре двора, ночные насекомые гудели на стенах. Но сколь картина ни выглядела умиротворяюще, дороги, сулящей надежду, не было. Ванесса собралась отправиться обратно тем путем, каким и пришла, когда луна освободилась от покровов и осветила двор от стены до стены.

Он был пуст, стояли лишь лавровые деревья, и тень от них падала на замысловатый узор, покрывавший камни, которыми двор был вымощен. Она прошла вдоль одного края, пытаясь вникнуть в значение линий. Затем ее осенило — она видит все вверх ногами. Она двинулась к противоположной стороне двора, и тогда чертеж стал ясен. Это была карта мира, воспроизведенная до самого незначительного островка. Все большие города отмечены, и океаны, и континенты, пересеченные сотнями тонких линий, обозначающих широту, долготу, и много что еще. Хотя большинство символов было своеобразно, легко понять, что карта изобилует политическими деталями... Спорные границы, территориальные воды, зоны отчуждения. Многое начерчено и исчеркано мелом, как бы в ответ на ежедневные размышления. В некоторых регионах, где события развивались особенно остро, земная масса почти затерялась под каракулями.

Очарование заслонило от нее безопасность. Она не слышала шагов у Северного полюса, прежде чем человек не шагнул из укромного места в пятно лунного света. Она собралась бежать, но узнала Гомма.

«Не двигайтесь», — шепнул он ей с другого конца мира.

Она сделала так, как сказали. Быстро оглядываясь по сторонам, как загнанный кролик, пока не убедился, что двор пуст, Х.Г. подошел к тому месту, где стояла Ванесса.

«Что вы здесь делаете?» — требовательно спросил он.

«Вы не пришли, — с укоризной ответила она. — Я думала, вы меня забыли».

«Дело становится трудным. Они все время сторожат нас».

«Я не могу больше ждать, Харви. Это не то место, чтобы проводить здесь отпуск».

«Конечно, вы правы, — с удрученным видом сказал он. — Это безнадежно. *Безнадежно*. Вы сами должны осуществить свой побег отсюда, а о нас забыть. Они никогда нас не выпустят. Правда слишком ужасна».

«Что за правда?»

Он покачал головой. «Забудьте об этом. Забудьте, что мы когда-либо встречались».

Ванесса взяла его длинную и тонкую руку. «Я не забуду, — сказала она. — Я должна знать, что здесь происходит».

Гомм пожал плечами: «Возможно, вам надо знать. Возможно, узнать должен весь мир». Он потянул ее за собой, и они скрылись в относительной безопасности арочных проходов.

«Для чего эта карта?» — был ее первый вопрос.

«Тут мы играем, — ответил он, уставившись на мешанину каракуль. Затем вздохнул. — Конечно, не всегда это было игрой. Но системы распадаются, знаете ли. Неопровержимое условие, общее как для дела, так и для идеи. Вы начинаете с прекрасных намерений, а через два десятилетия... *два десятилетия*... — повторил он, как если бы факт ужаснул его, — мы играем с лягушками».

«Вы не должны так сильно переживать, Харви, — сказала Ванесса. — Вы прикидываетесь бестолковым, или это старость?»

Он почувствовал укол, но уловка сработала. Все еще уставив взгляд на карту мира, он выдал следующие слова так четко, словно отрепетировал свое признание.

«Это был день здравого смысла, я говорю о 1962 годе, когда до самодержцев земных дошло, что они перед гранью разрушения мира. Даже самодержцев мысль о земле только для тараканов радовала мало. Если уничтожение надо предотвратить, решили они, наши лучшие инстинкты должны взять верх. Могущественные собрались за закрытыми дверями на симпозиуме в Женеве. Никогда не было такой встречи умов. Лидеры Парламентов и Политбюро, Конгрессов и Сенатов — Хозяева Земли — на одном общем обсуждении. И было решено, что дела будущего мира должны контролироваться особым Комитетом, созданным из великих и влиятельных умов, подобных моему собственному, — из мужчин и женщин, которые не подвержены прихотям политических пристрастий, которые могли предложить какие-то руководящие принципы, чтобы удержать виды от массового самоубийства. Этот Комитет предполагалось создать из людей, работающих в разных областях человеческой культуры, — объединить лучших из лучших, интеллектуальную и духовную элиту, чья коллективная мудрость принесла бы новый золотой век. Во всяком случае, такова была теория...»

Ванесса слушала, не задавая ни одного из десятков вопросов, которые роились у нее в голове после этой короткой речи. Гомм продолжал:

«...и до сих пор она функционирует. Действительно, функционирует. Нас было только тринадцать, — чтобы сохранить некий консенсус. Русский, несколько Европейцев, — дорогая Йонийоко, конечно, — Новозеландец, пара Американцев... мы были очень мощной группой. Два лауреата Нобелевской премии, включая и меня самого...»

Теперь она вспомнила Гомма или, по крайней мере, вспомнила, где видела это лицо. Оба они были тогда много моложе. Она, еще школьницей, учила *его* теории наизусть.

«...наши советы были необходимы, чтобы поддерживать взаимопонимание между будущими властителями, они могли помочь в образовании благотворительных экономических структур, в развитии культурной индивидуальности разных наций. Все это банальности, конечно, однако в свое время они звучали превосходно. Так получилось, что почти с самого начала все наши заботы были *территориальными*.

«Территориальными?»

Гомм сделал широкий жест, указывая на карту перед собой. «Помогая разделять мир, — сказал он, — регулируя маленькие войны так, чтобы они не могли стать большими, удерживая диктатуры от переполненности самими собой, мы стали домашней прислугой мира, вычищая грязь всюду, где она слишком густела. Это была огромная ответственность, но мы с радостью взвалили ее на себя. Вначале нам это даже нравилось, ведь нам казалось, что мы — тринадцать человек — формируем мир и что никто, кроме представителей самых высоких эшелонов власти, не знает о нашем существовании».

Явно выраженный наполеоновский синдром, подумала Ванесса. Гомм, безусловно, безумен, но что за величественное безумие! И по сути безвредное. Зачем нужно его запереть? Он определенно не способен причинить вред.

«Кажется нечестным, — сказала она, — что вы заперты здесь».

«Ну, это, конечно, для нашей собственной безопасности, — ответил Гомм. — Вообразите хаос в том случае, если какая-нибудь анархистская группа обнаружит, откуда мы управляем, и прикончит нас. *Мы движем мир*. Это не значит, что все так и идет, я же сказал — системы разваливаются. Время идет, властители, зная, что у них есть мы для решения самых острых вопросов, беспокоят себя все больше удовольствиями и все меньше *думаньем*. На протяжении пяти лет мы были не столько советниками, сколько замещали сверхправителей, жонглирующих нациями».

«Как забавно», — сказала Ванесса.

«До определенной степени, — ответил Гомм. — Но слава меркнет очень быстро. И после десятилетия — или что-то около того — начинает сказываться нагрузка. Половина Комитета уже мертва. Голованенко выбросился из окна. Бучанян — новозеландец — болел сифилисом и не знал о том. Возраст прикончил дорогую Йонийоко. И Бернгеймера, и Сорбутта. Рано или поздно это постигнет нас всех, а Клейн продолжает снабжать людьми, чтобы перехватить дело, но они *не беспокоятся*. Им наплевать! Мы функционеры, вот и все. — Он довольно сильно разволновался. — Покуда мы снабжаем их решениями, они счастливы. Ну... — голос его упал до шепота, — мы со всем этим заканчиваем».

Было ли это мигом самоосознания, размышляла Ванесса. Был ли это здравомыслящий человек, пытающийся выборо-

силь из головы фантазии о господстве над миром? Если так, возможно она в силах чем-то поспособствовать.

«Вы хотите выбраться отсюда?» — спросила она.

Гомм кивнул. «Я бы хотел повидать свой дом еще раз, до того как умру. Я порвал со столь многим, Ванесса, ради Комитета, это почти довело меня до сумасшествия...»

«О, — подумала она, — *он знает*».

«...Прозвучит ли это слишком эгоистично, если я скажу — моя жизнь кажется чересчур большой жертвой, чтобы отдавать ее за глобальный мир?»

Она улыбнулась его притязаниям на могущество, однако ничего не сказала.

«Если так — то так! Я не раскаиваюсь. Я хочу удалиться отсюда! Я хочу...»

«Говорите потише», — посоветовала она.

Гомм опомнился и кивнул.

«Я хочу немного свободы, прежде чем умру. Мы все хотим. И, верите ли, нам кажется, вы можете нам помочь. — Он посмотрел на нее. — Что-то не так?» — спросил он.

«Не так?»

«Почему вы так на меня смотрите?»

«Вы не в порядке, Харви. Не думаю, что вы опасны, но...»

«Подождите минутку, — попросил Гомм. — Что, по-вашему, я вам рассказал?...»

«Харви. Это прекрасная история...»

«История? Что вы подразумеваете под *историей*? — произнес он обидчиво. — О... понимаю. Вы мне не верите, да? Так и есть! Я только что рассказал вам величайшую мировую тайну, а вы мне не верите!»

«Я не утверждаю, что вы лжете...»

«Да? Вы думаете, я безумен!» — взорвался Гомм. Голос его раскатывался эхом вокруг прямоугольного мира. Почти сразу же раздались голоса из нескольких построек и вскоре — грохот шагов.

«Вот, смотрите, что вы наделали», — сказал Гомм.

«Я наделала?»

«Мы в беде».

«Осторожнее, Х.Г., это не значит...»

«Слишком поздно для сокращений. Вы останетесь там, где есть, а я собираюсь направиться к ним. И отвлечь».

Собираясь уйти, он поймал ее руку и поднес к губам.

«Если я сумасшедший, — сказал он, — таким меня сделали вы!»

Затем он удалился, его короткие ноги несли его через двор с солидной скоростью. Однако он не успел дойти до лавровых деревьев, как прибыла охрана. Они приказали ему остановиться. Поскольку он этого не сделал, кто-то выстрелил. Пули избородили камень у ног Гомма.

«Все в порядке, — завопил Гомм, замирая и вытягивая в пространство руки. — *Mea culpa!*»

Выстрелы прекратились. Охрана расступилась, когда вышел начальник.

«А, это вы, Сидней», — обратился Х.Г. к Капитану. Тот заметно дернулся, когда к нему обратились при подчиненных подобным образом.

«Что вы здесь делаете в ночное время?» — требовательно спросил Сидней.

«Смотрю на звезды», — ответил Гомм.

«Вы были здесь не один», — сказал Капитан. Сердце Ванессы рухнуло. Пути обратно в ее комнату, не пересекая двор, не было, и уже теперь, когда объявлена тревога, Джиллемо, вероятно, проводит проверку.

«Правда, — сказал Гомм. — Я был не один». Не оскорбила ли она старика настолько, что теперь он собирается выдать ее? «Я видел женщину, которую вы взяли».

«Где?»

«Перелезала через стену», — сказал он.

«Иисус скорбящий!» — воскликнул Капитан и повернулся кругом, чтобы отдать приказ пуститься в погоню.

«Я сказал ей, — выдумывал Гомм, — я сказал: вы свернете себе шею, перелезая через стену. Лучше подождать, пока откроют ворота...»

Откроют ворота. Он вовсе не был безумным. «Филиппенко, — сказал Капитан, — проводи Харви обратно в его спальню».

Гомм запротестовал. «Мне не нужны сказки на сон грядущий, спасибо».

«Иди с ним».

Охранник подошел к Х.Г. и повел его прочь. Капитан помедлил только затем, чтобы пробормотать едва слышно: «Ну, кто умница, Сидней?» А затем последовал за ними. Двор опять был пуст. Оставались лишь лунный свет и карта мира.

Ванесса подождала, пока замер самый последний звук, и затем, выскользнув из укрытия, отправилась тем же путем, что и удалившаяся охрана. В конечном счете она оказалась в том месте, которое смутно помнила по прогулке с Джиллемо. Воодушевленная, она заторопилась по проходу, и тот вывел ее во двор, где находилась Наша Леди с Электрическими Глазами. Ванесса прокралась вдоль стены, нырнула, чтобы не попасть в поле зрения статуи, и в конце концов вынырнула перед воротами. Они действительно были открыты. Как утверждал старик во время их первой встречи, охрана *не была* хоть сколько-нибудь надежной. И она поблагодарила за это Бога.

Когда Ванесса побежала к воротам, то услышала скрип ботинок по гравию и, оглянувшись через плечо, увидела Капитана, шагнувшего из-за дерева с винтовкой в руке.

«Немного шоколада, миссис Джейн?» — спросил мистер Клейн.

«Это психушка, — сказала она после того, как ее проводили в комнату для допросов. — Психушка, ни больше и не меньше. У вас нет никакого права держать меня здесь».

Он не обратил внимания на ее жалобы.

«Вы говорили с Гоммом, — произнес Клейн, — а тот — с вами».

«А если и так?»

«Что он вам сказал?»

«Я спрашиваю — ну и что, если так?»

«А я спрашиваю: *что он вам сказал?* — взревел Клейн. Она и не предполагала, что он на такое способен. — Я хочу знать, миссис Джейн».

Она вдруг обнаружила, что, вопреки собственному желанию, дрожит из-за его вспышки.

«Он молот всякую чепуху, — ответила Ванесса. — Он безумен. Думаю, вы *все* безумны».

«Какую чепуху он вам рассказывал?»

«Всякий вздор».

«Мне бы хотелось знать, миссис Джейн, — сказал Клейн. Ярость его поубавилась. — Посмешите и меня».

«Сказал, что здесь работает что-то вроде комитета, который решает вопросы мировой политики. Что он один из членов этого комитета. Вот так. Никакого смысла».

«И...»

«И я предложила ему выбросить все это из головы».

Мистер Клейн выдавил улыбку. «Конечно, совершеннейшая фантастика», — сказал он.

«Разумеется, — ответила Ванесса. — Господи, не обращайтесь со мной так, будто я слабоумная, мистер Клейн. Я взрослая женщина...»

«Мистер Гомм...»

«Он сказал, что был профессором».

«Еще одна галлюцинация. *Мистер* Гомм — параноидальный шизофреник. Он может оказаться чрезвычайно опасным, если такая возможность представится. Вам сильно повезло».

«А другие?»

«Другие?»

«Он не один. Я их слышала. Они все шизофреники?»

Клейн вздохнул. «Они все сошли с ума, хотя состояние их различно. И в свое время, несмотря на нынешнее благоприятное впечатление от них, они все были убийцами. — Он остановился, чтобы дать впитаться информации. — Некоторые из них убивали многократно. Вот почему существует это уединенное местечко. Вот почему служащие вооружены...»

Ванесса открыла рот, чтобы спросить, почему надо переодеваться в монашек, но Клейн не собирался дать ей такой возможности.

«Поверьте, насколько вас раздражает то, что вас здесь удерживают, настолько и мне это неудобно», — сказал он.

«Тогда отпустите меня».

«Когда мое расследование будет завершено, — ответил он. — А пока ваше содействие будет оценено. Если мистер Гомм, либо кто-то иной из пациентов попытаются втянуть вас в то или другое предприятие, пожалуйста, сообщите мне немедленно. Вы сделаете это?»

«Я полагаю...»

«И, пожалуйста, воздержитесь от попыток бежать. Следующая может оказаться роковой».

«Я бы хотела спросить...»

«Завтра. Может быть, завтра, — сказал мистер Клейн и, вставая, посмотрел на часы. — Теперь — спать».

* * *

Сон отказался прийти к ней, и она рассуждала сама с собой какой из всех путей правды, лежащих перед ней, *самый маловероятный*. Дано было несколько — Гоммом, Клейном, ее собственным разумом. Соблазнительно неправдоподобны были все. Все, словно тропа, по которой она сюда пришла, не объясняли, куда ведут. Конечно, она страдала от последствий своего своеволия, проследовав этой дорогой — здесь она оказалась утомленная, разгромленная, запертая, с минимальной надеждой на побег. Но своеволие было ее натурой, возможно, как сказал однажды Рональд, единственным бесспорным фактом, ее характеризующим. Если теперь она отринет этот инстинкт, несмотря на все, к чему тот привел, она пропала. Ванесса лежала без сна, взвешивая в уме разные варианты. К утру она решилась.

Она ждала весь день, надеясь, что придет Гомм, но и не удивилась, когда тот не появился. Вполне вероятно, события предыдущего вечера ввергли его в такие неприятности, что он никак не мог высвободиться. Однако она не была представлена самой себе. Джиллемо приходил и уходил — с едой, питьем, а в середине дня и с игральными картами. Она довольно быстро поняла, в чем суть покера с пятью картами, и они провели час или два, играя, пока воздух не наполнился криками, доносящимися со двора, где обитатели бедлама устраивали скачки лягушек.

«Как по-вашему, можно устроить мне ванну или по крайней мере душ? — спросила она, когда Джиллемо принес вечером обед на подносе. — Мне уже неприятно собственное общество».

Он искренне улыбнулся, отвечая: «Для вас постараюсь».

«Постараетесь? — излила она чувства. — Очень мило».

Он вернулся часом позже, чтобы оповестить — особая милость оказана, не хотела бы она отправиться с ним в душевую.

«Вы собираетесь потерять мне спину?» — небрежно поинтересовалась она.

Глаза Джиллемо при таком замечании панически блеснули, а уши налились свекольно-красным. «Пожалуйста, следуйте за мной», — сказал он. Она покорно последовала, пытаясь запечатлеть в памяти подробности маршрута, если придется возвращаться позднее без своего стража.

Удобства комнаты, куда он привел Ванессу, были далеки от примитивных, и она пожалела, зайдя в облицованную зеркалами ванную, что мытье на самом деле в списке ее привязанностей находилось не на первом месте. Неважно, чистота придется на другой день.

«Я буду снаружи», — сказал Джиллемо.

«Это утешает», — ответила Ванесса, посылая ему взгляд, который, по ее мнению, можно было истолковать как обещающий, и закрыла дверь. Затем она включила душ настолько горячий, насколько было можно. Пар начал клубиться по комнате, а она, стоя на четвереньках, принялась намыливать пол. Когда ванная достаточно затуманилась, а пол стал достаточно скользким, она позвала Джиллемо. Ванессе могло польстить, с какой быстротой он откликнулся, но она была слишком занята: когда он на ощупь вошел, она шагнула ему за спину и сильно ударила кулаком. Джиллемо поскользнулся, потом попал под душ и завопил, горячая вода ошпарила ему голову. Автоматическая винтовка загремела на кафельной плитке, и к тому времени, как Джиллемо выпрямился, была уже в руках Ванессы, наставленная ему в грудь. Хотя Ванесса была и не сильна в стрельбе и руки у нее тряслись, она и слепая не могла бы промахнуться на таком расстоянии. Ванесса понимала это. Это понимал и Джиллемо. Он поднял руки вверх.

«Не стреляйте».

«Если шевельнешь хоть пальцем...»

«Пожалуйста... не стреляйте».

«Теперь... Ты поведешь меня к мистеру Гомму и остальным. Быстро. И тихо».

«Зачем?»

«Просто веди, — сказала она, делая жест винтовкой, означающий, что он должен проводить ее из ванной комнаты. — И если ты попытаешься сделать что-нибудь этакое, я выстрелю тебе в спину, — предупредила она. — Я знаю, это не слишком мужественно, но я не мужчина. Поэтому старайся быть со мной поосторожнее».

«...да».

Он сделал так, как ему велели, смущенно провел ее по зданию и через несколько переходов, которые вели — или так рассудила она — к колокольне и строениям вокруг нее. Ванесса всегда считала, что это сердце крепости. Сильнее трудно было ошибиться. Снаружи могли быть черепичная крыша и белен-

ные известью стены, но это было только фасадом. Они шагнули через порог в бетонный лабиринт, скорее напоминающий бункер, чем прибежище культа. До Ванессы быстро дошло — строение может выдержать ядерную атаку, впечатление усиливалось тем, что коридоры вели *вниз*. Если это психушка, то построенная для каких-то редкостных психов.

«Что это за место?» — спросила она Джиллемо.

«Мы называем его Будуар, — ответил он. — Это где все происходит».

В настоящий момент мало что происходило, большинство кабинетов, куда устремлялись коридоры, были погружены в темноту. В одной из комнат компьютер, предоставленный самому себе, подсчитывал свои шансы на независимое мышление, в другой телекс сам себе сочинял любовные письма. Они спустились еще глубже, никто их не окликнул, и так продолжалось до тех пор, пока, завернув за угол, они не встретили женщину, на четвереньках скользящую линолеум. Встреча изумила обе стороны, и Джиллемо живо перехватил инициативу. Ударом он отбросил Ванессу к стене и побежал. Прежде чем она смогла поймать его на мушку, он исчез.

Ванесса проклинала себя. Пройдет несколько мгновений, зазвонит тревога, и прибежит охрана. Она пропала, если останется здесь. Все три выхода из холла выглядели одинаково безнадежно, поэтому она просто направилась к ближайшему, оставив уборщицу глазеть вслед. Маршрут, выбранный ею, обещал очередное рискованное приключение. Он вел через комнаты, одна из которых была увешана дюжиной часов, все показывали разное время, следующая таила полсотни черных телефонов, третья, и самая большая, была уставлена по всем стенам телевизионными экранами. Они поднимались один над другим от пола до потолка. Все, кроме единственного, выключены. То, что сначала она приняла за состязание по борьбе в грязи, на самом деле оказалось порнографическим фильмом — развалившись в кресле, с банкой пива, балансирующей на животе, его смотрела усатая монахиня. Пойманный с поличным, он встал, когда Ванесса вошла. Она наставила винтовку.

«Я намерена пристрелить тебя», — сказала Ванесса.

«Дерьмо».

«Где Гомм и другие?»

«Что?»

«Где они? — потребовала Ванесса. — Живо!»

«Через зал. Поверните налево, потом опять налево, — ответил он. Затем добавил. — Я не хочу умирать».

«Тогда сядь и заткнись», — ответила она.

«Благодарю Господа», — сказал он.

«Почему бы и не поблагодарить?» — согласилась Ванесса.

Когда она попятилась из комнаты, он упал на колени, а борцы в грязи скакали за его спиной.

Налево и опять налево. Указание плодотворное, и привело к череде комнат. Ванесса уже собиралась постучаться в дверь, когда прозвучала тревога. Отбросив все предосторожности, Ванесса толчком распахнула двери. Голоса внутри принялись жаловаться на то, что их разбудили, и спрашивали — почему звенит сигнал тревоги. В третьей комнате она отыскала Гомма, тот улыбнулся ей.

«Ванесса, — сказал он, выскакивая в коридор. Гомм был наряжен в длинную нательную фуфайку, больше ничего на нем не было. — Вы пришли, правда? *Вы пришли!*»

Другие появлялись из комнат, затуманенные со сна. Иренция, Флойд, Моттерсхед, Гольдберг. Она поверила, глядя на их лица, покрытые старческим румянцем, что им и вправду четыре сотни лет на всех.

«Проснитесь, старые пидоры», — сказал Гомм. Он отыскал пару брюк и теперь напяливал их.

«Звенит тревога...» — заметил один. Его ярко-белые волосы свисали почти до плеч.

«Скоро они будут здесь...» — сказала Иренция.

«Неважно», — ответил Гомм.

Флойд уже оделся. «Я готов», — возвестил он.

«Но нас слишком много, — запротестовала Ванесса. — Мы никогда не выберемся живыми».

«Она права, — сказал кто-то, глядя на нее прищурившись. — Бесполезно».

«Заткнись, Гольдберг, — оборвал его Гомм. — У нее есть ружье, верно?»

«Одно, — сказала личность с белыми волосами. Должно быть, это и был Моттерсхед. — Одно ружье против всех них».

«Я возвращаюсь в постель», — сказал Гольдберг.

«Есть возможность бежать, — возразил Гомм. — Может быть, единственный случай, который нам когда-либо представится».

«Он прав», — сказала женщина.

«А как насчет игр?» — напомнил Гольдберг.

«Забудем об играх, — ответил ему Флойд, — пусть они немного поволнуются».

«Слишком поздно, — заявила Ванесса. — Они идут». С обоих концов коридора доносились крики. «Мы в западне».

«Отлично», — сказал Гомм.

«Вы безумны», — откровенно заявила она ему.

«У вас все еще есть возможность нас пристрелить», — ответил он, улыбаясь.

Флойд хмыкнул. «Не хочу выбираться отсюда *такой* ценой», — сказал он.

«Угрожайте этим! Угрожайте этим! — сказал Гомм. — Скажите им — если они что-нибудь попытаются сделать, вы всех нас пристрелите!»

Ирения улыбнулась. Она оставила свои челюсти в спальне. «Ты не просто симпатичная мордашка», — заявила она Гомму.

«Он прав, — подтвердил Флойд, просяв. — Они не осмелятся рисковать нами. Они должны будут нас выпустить».

«Вы с ума сошли, — забормотал Гольдберг. — Снаружи ничего хорошего для нас нет...» Он вернулся в свою комнату и хлопнул дверью. Как только он это сделал, коридор с двух сторон блокировала многочисленная охрана. Гомм ухватил винтовку Ванессы и приподнял, чтобы направить себе в сердце.

«Будьте нежной», — прошипел он и послал ей поцелуй.

«Опустите оружие, миссис Джейн, — сказал знакомый голос: мистер Клейн возник из массы охранников. — Говорю вам, вы полностью окружены».

«Я убью их всех, — слегка взволнованно произнесла Ванесса. А затем добавила с большим чувством: — Предупреждаю вас. Я отчаялась. Я убью их *всех*, прежде чем вы пристрелите меня».

«Вижу... — спокойно ответил мистер Клейн. — А почему вы полагаете, что мне не все равно, убьете вы их или нет? Они сумасшедшие. Говорю вам — все чокнутые, убийцы...»

«Мы оба знаем — это неправда, — сказала Ванесса, приобретая самоуверенность от беспокойства, которое отразилось на лице Клейна. — Я хочу, чтобы фасадные ворота открыли, а ключ зажигания был в машине. Если вы замыс-

лите что-нибудь глупое, мистер Клейн, я методично перестреляю заложников. Теперь отпустите ваших крепких мальчиков и делайте, как я сказала».

Мистер Клейн колебался, затем просигналил общий отход.

Глаза у Гомма заблестели. «Прекрасно сделано», — прошептал он.

«Почему бы вам не показать дорогу?» — предложила Ванесса. Гомм поступил, как было сказано, и маленький отряд зазмеился среди нагромождения часов, телевизоров и видеоэкранов. С каждым шагом, предпринятым ими, Ванесса ждала, что ее настигнет пуля, но мистер Клейн явно был слишком обеспокоен сохранностью стариков, чтобы рисковать. Они добрались до открытого пространства без инцидентов.

Охрана виднелась снаружи, хотя и пыталась остаться незамеченной. Ванесса держала винтовку, направив ее на четырех заложников, пока они шли через дворы к тому месту, где была припаркована ее машина. Ворота были открыты.

«Гомм, — шепнула она. — Распахните дверцы машины».

Гомм сделал, что требовалось. Он говорил, что года иссушили их всех и, возможно, это было правдой, но их было пятеро и маленькая машина была плотно забита. Ванессе пришлось залезать последней. Когда она нырнула, чтобы сесть на водительское сиденье, прогремел выстрел и она ощутила удар в плечо. Она уронила винтовку.

«Ублюдки», — сказал Гомм.

«Оставьте ее», — пропищал кто-то за спиной, но Гомм был уже вне машины, он запихнул Ванессу назад, рядом с Флойдом, затем скользнул на водительское сиденье и завел мотор.

«Ты можешь управлять?» — требовательно спросила Иреня.

«Конечно, я чертовски могу управлять!» — парировал он, и машина дернулась вперед, через ворота, причем в коробке передач резко заскрежетало.

Ванесса никогда раньше не была ранена пулей и надеялась, что если выживет сейчас, — избегать этого впредь. Рана на плече сильно кровоточила. Флойд изо всех сил старался остановить кровь, но езда Гомма делала любую конструктивную помощь практически невозможной.

«Здесь дорога, — начала говорить Ванесса, — отходит от той дороги».

«От какой дороги та дорога?» — вопил Гомм.

«Направо! Направо!» — вопила она в ответ.

Гомм снял обе руки с руля и посмотрел на них.

«Которая правая?»

«Ради Христа...»

Ирения, сидя рядом с ним, прижала руки Гомма к рулю. Машина выплясывала тарантеллу. Ванесса стонала на каждом ухабе.

«Вижу ее! — сказал Гомм. — Я вижу дорогу!» Он прибавил скорость, а ногу поставил на акселератор.

Одна из задних дверей, которая была плохо закрыта, распахнулась, и Ванесса чуть не выпала наружу. Моттерсхед, потянувшись через Флойда, втащил ее обратно, но прежде чем они смогли закрыться, дверца столкнулась с валуном, поставленным на том месте, где две дороги сливались. Машина встала на дыбы, когда дверца сорвалась с петель.

«Нам здесь необходимо побольше воздуха», — сказал Гомм, продолжая вести машину.

Шум их мотора тревожил эгейскую ночь, но не только он. За ними светились фары и слышался звук лихорадочной погони. Винтовка Джиллемо осталась в монастыре, у них не было ничего, чтобы защититься, и Клейн знал это.

«Поторапливайся! — сказал Флойд, ухмыляясь от уха до уха. — Они следуют за нами».

«Я еду так быстро, как могу», — настаивал Гомм.

«Выключи фары, — посоветовала Ирения. — Будем меньше походить на мишень».

«Тогда я не увижу дорогу», — пожаловался Гомм, перекивая рев мотора.

«Ну и что? В любом случае ты едешь не по ней».

Моттерсхед засмеялся, засмеялась — вопреки своим привычкам — и Ванесса. Может, потеря крови сделала ее неконтролируемой, но она не могла удержаться. Четыре Мафусаила и она в машине с тремя дверцами, пробирающейся во тьме — только сумасшедший мог воспринимать такое серьезно. И это было последним и несомненным доказательством того, что люди рядом с ней не чокнутые, как охарактеризовал их Клейн, ведь они тоже видели в этом смешное. Гомм даже принялся

напевать, пока вел машину, — отрывки из Верди и фальцетом выводил «*Через радугу*».

И если — крутилось в ее идущей кругом голове — эти создания разумны, как она сама, то как же тогда со сказкой, рассказанной Гоммом? Или и это правда? Может ли быть, что Армагеддон сдерживался несколькими хихикающими старцами?

«Они догоняют нас!» — заявил Флойд. Он встал коленями на заднее сиденье и устался в стекло.

«А мы не позволим, — заметил Моттерсхед, смех его едва ли стал тише. — Мы все собираемся умереть».

«Вот! — закричала Ирения. — Вот другая дорога! Попробуй по ней! Попробуй по ней!»

Гомм крутанул руль, и машина почти опрокинулась, сворачивая с главного пути, а потом поехала по новому маршруту. При выключенных фарах ничего нельзя было увидеть, кроме слабого мерцания дороги впереди, но Гомм не собирался испытывать стеснение от таких вещей. Он прибавлял газу до тех пор, пока мотор по-настоящему не завизжал. Пыль свободно носилась повсюду, впархивая в пролом, оставшийся на месте дверцы, и выпархивая снова, коза несколько мгновений бежала у самых колес, прежде чем погибла.

«Куда мы едем?» — завопила Ванесса.

«Понятия не имею, — ответил Гомм. — А вы?»

Куда бы они ни направлялись, они двигались со значительной скоростью. Эта дорога была более гладкая, чем та, которую они оставили, и Гомм использовал такое преимущество. Он снова принялся напевать.

Моттерсхед высунулся из окна в дальнем углу машины, он наблюдал за преследователями, волосы его струились.

«Они отстают от нас! — взвыл он, торжествуя. — Они отстают!»

Радостное возбуждение охватило теперь всех путешественников, и они начали петь вместе с Х.Г. Пели они так громко, что Гомм не расслышал сообщение Моттерсхеда о том, что дорога впереди, кажется, исчезает. Действительно, Х.Г. не знал, что направляет машину со скалы, не знал до тех пор, пока та не нырнула носом вниз и море не поднялось, чтобы встретить их.

* * *

«Миссис Джейн! Миссис Джейн!»

Ванесса неохотно пробудилась. Голова болела, болела рука. Недавно произошло что-то такое ужасное... хотя у нее и ушло некоторое время, чтобы припомнить в чем суть. Затем воспоминания вернулись. Машина, падающая со скалы, холодное море, хлынувшее через провал вместо дверцы, безумные крики рядом с ней, когда тонула машина. Она выбиралась на свободу практически в полубреду, едва ли сознавая, что Флойд плавает возле нее. Она позвала его по имени, но он не ответил. Она повторила.

«Мертв, — сказал мистер Клейн. — Все они мертвы».

«О Боже», — прошептала она. Она смотрела не на лицо Клейна, а на шоколадное пятно на его пиджаке.

«Забудьте о них теперь», — настаивал он.

«Забудь?»

«Есть более важное дело, миссис Джейн. Вы должны подняться, и быстро».

Настойчивость, которая звучала в голосе Клейна, поставила Ванессу на ноги. «Сейчас утро?» — спросила она. В комнате, где они находились, не было окон. Если судить по бетонным стенам, это был Будуар.

«Да, утро, — нетерпеливо ответил Клейн. — Теперь вы пойдете со мной? Я хочу вам кое-что показать». Он распахнул дверь, и они вступили в мрачный коридор. Немного впереди их слышался такой звук, будто идет важный спор, — дюжина повышенных голосов, проклетия и мольбы.

«Что происходит?»

«Они готовят Апокалипсис», — ответил Клейн и провел ее в комнату, где Ванесса так недавно видела на экране «борцовские состязания». Теперь гудели все видеозэкраны, и каждый показывал различные интерьеры. Тут были казармы и президентские апартаменты, Правительственный Кабинет и Зал Конгресса. И везде кричали.

«Вы были без сознания целых два дня», — сказал ей Клейн, словно это каким-то образом объясняло весь кавардак. Голова у нее уже не болела. Ванесса переводила взгляд с экрана на экран. От Вашингтона до Гамбурга, от Сиднея до Рио-де-Жанейро — везде, по всему земному шару власти ожидали новостей. Но оракулы были мертвы.

«Они простые исполнители, — сказал Клейн, показывая на кричащие экраны. — Скачек на трех ногах, даже при всех

благоприятных условиях, не бывает. Они впали в истерику, и они — зудящие пальцы, занесенные над кнопками».

«А что по-вашему могу сделать я? — спросила Ванесса. Этот осмотр Вавилонской Башни подавил ее. — Я не стратег».

«Гомм и остальные тоже не были стратегами. К тому моменту, когда я сюда прибыл, половина Комитета уже умерла. А другие потеряли интерес к своим обязанностям...»

«Но они все еще давали советы, по словам Х.Г.?»

«О, да».

«Они правили миром?»

«В своем роде», — ответил Клейн.

«В своем роде? Что вы имеете в виду?»

Клейн посмотрел на экраны. Из глаз его, казалось, вот-вот хлынут слезы.

«Гомм не объяснил? Они играли в *игры*, миссис Джейн. Когда им наскучивали разумные обоснования и звуки собственного голоса, они прерывали дебаты и бросали монетку».

«Нет».

«И разумеется, устраивали скачки лягушек. Это всегда было предпочтительнее всего».

«Но правительства, — запротестовала Ванесса, — они ведь не просто принимали...»

«Думаете, это их беспокоило? — спросил Клейн. — Поскольку они на виду у публики, имеет ли значение, какое пустословие извергается из их уст или что-то подобное?»

Голова у нее закружилась. «Все — *случайность*?» — спросила она.

«Почему бы и нет? И здесь имеется достойная уважения традиция. Нации следовали предсказаниям, прочитанным по внутренностям овец».

«Это нелепо».

«Согласен. Но я спрашиваю вас, ответьте со всей честностью, ужаснее ли это, чем оставить власть в *их* руках?» — Он указал на множество разгневанных лиц. Демократы волновались, утро застало их без какой-либо идеи, которую надо поддерживать или которой следует рукоплескать, депоты испытывали ужас, что, не получая должных инструкций, они не будут жестокими, потеряют собственное лицо и их свергнут. Один премьер будто страдал от приступа бронхита, его поддерживали два помощника, другой, стискивая револьвер, целился в экран и требовал сатисфакции, третий

жевал собственный чуб. Неужели это прекраснейшие плоды с политического древа? Бормочущие, задирающиеся, лстящие идиоты, доведенные до апоплексических приступов, потому что никто не указывает им, каким образом прыгнуть. Не было среди них ни мужчины, ни женщины, кому бы Ванесса доверила перевести себя через дорогу.

«Лучше лягушки», — прошептала она, какой бы горькой ни была эта мысль.

Свет во дворе после мертвенного освещения бункера казался ошеломительно ярким, но Ванессе было приятно находиться вдалеке от громких и отвратительных звуков, царивших в помещении. Скоро подышут другой Комитет, сказал ей Клейн, когда они выбрались на свежий воздух. Равновесие восстановится — это дело нескольких недель. А покуда Землю могут разнести в черепки отчаянные создания, которых они видели. Им нужны *решения*. И быстро.

«Жив Гольдберг, — сказал Клейн. — И он будет продолжать игру, но чтобы играть, нужны двое».

«А почему не вы?»

«Потому что он ненавидит меня. Ненавидит всех нас. Он говорит, что станет играть только с вами».

Гольдберг сидел под лавровыми деревьями и раскладывал пасьянс. Это было долгим занятием. Близорукость требовала, чтобы он подносил каждую карту на расстояние трех дюймов к носу, пытаясь разглядеть ее, и к тому моменту, когда ряд заканчивался, Гольдберг забывал те карты, что были в начале.

«Она согласна, — сказал Клейн. Гольдберг не оторвал взгляда от игры. — Я сказал: *она согласна*».

«Я не слепой и не глухой», — ответил Гольдберг Клейну, все еще внимательно рассматривая карты. Затем, в конце концов, он взглянул вверх и, увидев Ванессу, прищурился. «Я говорил им, что это плохо кончится...» — по мягкому тону Ванесса поняла — изображая фатализм, он все-таки остро переживает потерю товарищей. «...Я говорил с самого начала — мы должны оставаться здесь. Бежать бесполезно». Он пожал плечами и вновь обратился к картам. «*К чему бежать?* Мир изменился. Я знаю. Мы изменили его».

«Это было не так плохо», — сказала Ванесса.

«Мир?»

«То, как они умерли».

«О!»

«Мы веселились до последней минуты».

«Гомм был таким сентиментальным, — сказал Гольдберг. — Мы никогда особенно не любили друг друга».

Большая лягушка прыгнула на дорогу перед Ванессой. Глаза Гольдберга уловили движение.

«Кто это?» — спросил он.

Создание со злобой рассматривало ногу Ванессы. «Просто лягушка», — ответила она.

«Как выглядит?»

«Толстая, — сказала Ванесса. — С тремя красными точками на спине».

«Это — Израиль, — произнес Гольдберг. — Не наступите на него».

«Будут ли к полудню какие-нибудь решения? — вмешался Клейн. — Особенно в связи с положением в Проливе, с Мексиканским спором и...»

«Да-да-да, — сказал Гольдберг. — А теперь уходите».

«...может получиться еще один Залив Свиной...»

«Вы не сказали ничего, чего бы я не знал. Идите! От вашего присутствия нации волнуются. — Он уставился на Ванессу. — Ну, вы собираетесь сесть или нет».

Она села.

«Я оставляю вас», — произнес Клейн и удалился.

Гольдберг начал издавать горлом звук «кек-кек-кек», подражая голосу лягушки. В ответ раздалось кваканье из всех закоулков двора. Слыша этот звук, Ванесса сдержала улыбку. Фарс, некогда говорила она себе, надо играть с искренним выражением лица, так, будто ты веришь каждому сказанному слову. Только трагедия требует смеха, а ее — с помощью лягушек — они, возможно, еще смогут предотвратить.

ВРЕМЯ ЖЕЛАНИЙ

орящий человек скатился по ступеням лаборатории Хьюма, как раз когда полицейский автомобиль — вызванный, как он предполагал, Веллесом или Данс, которые наверху подняли тревогу, — ворвался в ворота и промчался по подъездной дороге. Как только он выбежал из дверей, автомобиль затормозил у лестницы и вывалил свой человеческий груз. Он ждал в тени, охваченный ужасом настолько, что не мог бежать дальше, и зная, что они все равно его заметят. Но они пронеслись сквозь вращающуюся дверь, даже не взглянув на его мучения. Да горю я или нет? — подивился он. Не были ли этот ужасающий спектакль — когда плоть его была крещена огнем, который жег, но не сжигал, — всего лишь галлюцинацией, рассчитанной на то, чтобы поразить его, лишь его одного? Если это так, то, возможно, все, что он перенес в лаборатории, тоже было порождением воспаленного бреда. Может, он в действительности не совершил тех преступлений, от которых бежал, пока его плоть трепетала от экстатического жара?

Он оглядел себя. На его коже все еще светились очаги пламени, но один за другим они гасли. Он выскочил оттуда, подумалось ему, что костер, который небрежно залили водой. Охватившие его чувства — такие сильные, такие властные, что напоминали равно наслаждение и боль, — окончательно расстроили чувствительность его нервных окончаний, сделав их полностью невосприимчивыми, за что сейчас он был безумно благодарен. Его тело, которое возникло, когда покровы огня были сорваны, находилось в жалком

состоянии. Царапины превратили кожу в путаную географическую карту, одежда сделалась лохмотьями, руки покрылись засохшей коркой крови — крови, которая, он знал, ему не принадлежала. Невозможно избежать горькой правды. Он действительно сделал то, что, как ему казалось, он лишь вообразил. Даже полицейские наверху сейчас ошеломленно взирают на чудовищные зверства, которые были делом его рук.

Еле передвигая ноги, он вышел из своего укрытия за дверь и спустился по наклонному пандусу, постоянно оглядываясь в ожидании возвращения двух полицейских. Никто не появился. Улица за воротами была пустынной. Он побежал. Он пробежал лишь несколько метров, когда вой сирены в здании за его спиной резко смолк. Еще несколько секунд гул в ушах продолжался из солидарности к умолкнувшему звуку. Потом, постепенно, он начал различать звук пожара — скрытый шорох горящих углей, который был достаточно далеко, чтобы его страшиться, и все же близко, как сердцебиение.

Он продолжал бежать, пытаясь набрать как можно большее расстояние собой и деяниями рук своих, прежде чем они хоть что-то выяснят; но как бы быстро он ни бежал, пламя мчалось вместе с ним, жар, затаившийся в его внутренностях, угрожал с каждым шагом разгореться снова.

У Дули ушло несколько секунд, чтобы определить, что за какофония раздается с верхнего этажа теперь, когда Макбрайд вырубил сигнал тревоги. Это было возбужденное щебетание обезьян, и доносилось оно из одной из многочисленных комнат, выходящих в коридор направо.

— Вирджил, — крикнул он в пролет, — поднимись сюда.

Не дожидаясь, пока его напарник присоединится к нему, Дули поспешил по направлению к переполоху. Уже на полпути по коридору он почувствовал, что запах пластика и нового коврового покрытия мешается с более сложной гаммой — запахами дезинфекции, мочи и гниющих фруктов. Дули замедлил ход: запах ему не нравился, не больше, чем истерические нотки, которые явно слышались в визге обезьян. Но Макбрайд медлил, и после некоторого колебания любопытство Дули взяло верх. Положив руку на дубинку,

он приблизился к отворенной двери и зашел внутрь. Его появление вызвало еще одну возбужденную волну щебета у обезьян — примерно дюжины макак-резусов. Они бросались на решетки, кувыркались, пронзительно кричали и трясли проволочную сетку. Их возбуждение было таким заразительным, что Дули почувствовал, как из пор у него начал сочиться пот.

— Тут есть кто-нибудь? — позвал он.

Единственным ответом были вопли пленников — еще более истеричные — и звон сотрясаемых решеток. Он устался на них через всю комнату. Они уставились на него, зубы их были оскалены то ли в приветствии, то ли в страхе, Дули не знал, да и проверять ему не хотелось. Он старался держаться подальше от скамьи, на которой были расставлены клетки, и начал методично осматривать лабораторию.

— Черт возьми, откуда такая вонь? — Макбрайд появился в дверях.

— Всего лишь животные, — ответил Дули.

— Они что, никогда не моются? Вот грязнули.

— Может, что-то внизу?

— Да нет, — ответил Макбрайд, подходя к клеткам. Обезьяны приветствовали его появление, подняв визг еще громче. — Просто сигнал тревоги.

— Наверху тоже ничего, — ответил Дули. Он уже собирался добавить: «Не делай этого», чтобы помешать своему напарнику просунуть палец сквозь решетку, но прежде чем он успел сказать это, одно из животных радостно воспользовалось предоставленной возможностью и укусило палец. Макбрайд отдернул палец и в отместку ударил по решетке. Вопя от гнева, обитатель клетки отскочил, выплясывая безумное фанданго, и так раскачал клетку, что она угрожала свалиться на пол.

— Тебе нужно сделать прививку от столбняка, — прокомментировал Дули.

— Вот дерьмо! — сказал Макбрайд. — Да что случилось с этими маленькими ублюдками?

— Может, они не любят незнакомых?

— Они потеряли остатки рассудка, — Макбрайд целеустремленно сосал палец, потом сплюнул. — Я имею в виду, ты только погляди на них.

Дули не ответил.

— Я сказал, погляди! — повторил Макбрайд.

Дули очень спокойно сказал:

— Иди сюда.

— Что стряслось?

— Просто подойди сюда.

Макбрайд перевел взгляд с рядов клеток на лабораторные столы и потом туда, где стоял Дули, лицо которого внезапно изменилось. Макбрайд оставил в покое свой многострадальный палец и прошел мимо скамеек с клетками и столов туда, где стоял его напарник.

— На полу, — прошептал Дули.

На истертом полу у ног Дули лежала бежевая женская туфля. Сама же владелица туфли распростерлась под скамьей. Судя по скрюченной позе, ее или затащил туда убийца, или же она залезла сама, пытаясь спрятаться, и так и умерла там в укрытии.

— Она мертвая? — спросил Макбрайд.

— Да погляди же на нее, Христа ради! — ответил Дули. — У нее же все вспорото.

— Мы все равно должны проверить, есть ли признаки жизни, — напомнил ему Макбрайд. Дули не двинулся, чтобы выполнить эту обязанность, так что Макбрайд сам склонился над жертвой, пытаясь нащупать пульс на изуродованной шее. Никакого пульса не было. Кожа ее была еще теплой под его пальцами. Струйка слюны, стекавшая по щеке, еще не засохла.

Дули, комментируя свои действия, оглядел погибшую. Худшая из ран в верхней части туловища была плохо видна, поскольку сидящий на корточках Макбрайд заслонял обзор. Все, что он мог видеть, — это копна каштановых волос и торчащие из укрытия ноги, одна из которых была босой. Красивые ноги, подумал он, — когда-то он свистел при виде таких.

— Она доктор или лаборант, — сказал Макбрайд. — На ней лабораторный халат. — Вернее, был лабораторный халат, потому что в действительности он был разорван на клочки, так же как одежда под халатом и, для дополнения картины, кожа и мышечные слои. Макбрайд поглядел на грудную клетку женщины — грудина была разворочена, а сердце сорвано с места, словно убийца хотел забрать его в качестве сувенира, но что-то помешало ему. Он глядел на

нее, не испытывая позывов дурноты, поскольку всегда гордился своим крепким желудком.

— Ты доволен? Она действительно мертва?

— Мертвее не бывает.

— Сюда спускается Карнеги, — сказал Дули, подойдя к одной из раковин. Не думая ни о каких отпечатках пальцев, он отвернул кран и плеснул себе в лицо пригоршню воды. Оторвавшись от своего омовения, он поглядел на Макбрайда, который прервал свой тет-а-тет с трупом, пересек лабораторию и подошел к уставленным приборами столам.

— Да что они тут делали, Боже милостивый? — заметил он. — Ты только погляди на все эти штуки!

— Какой-то исследовательский факультет, — сказал Дули.

— И что же они исследовали?

— Я-то откуда знаю? — фыркнул Дули. Бесконечные вопли обезьянок и близость мертвой женщины побуждали его как можно скорее покинуть это помещение. — Оставь все как есть, а?

Макбрайд не обратил внимания на просьбу Дули — оборудование зачаровало его. Он пораженно уставился на энцефалограф и электрокардиограф, на самописцы, из которых все еще выползали рулоны пустой бумаги, на мониторы видеокамер, укрепленные на консолях. На ум ему пришло описание «Марии Целесты». Этот опустевший корабль науки, — все еще держащийся на плаву под неразборчивое пение механизмов, остался без капитана и своей команды.

За стеной оборудования было окно — не более метра в поперечнике. Сначала Макбрайд решил, что оно выходит наружу, но потом, когда пригляделся поближе, понял, что за ним лежит какое-то экспериментальное помещение вроде бокса.

— Дули?.. — сказал он, обернувшись. Однако тот исчез, вероятно, пошел встречать Карнеги. Довольный, что никто не мешает его изысканиям, Макбрайд вновь обратился к окну. Никакого света внутри бокса он не увидел. Заинтересовавшись, он обошел стену, уставленную полками с оборудованием, в поисках входной двери в бокс. Она была распахнута. Без колебаний он вошел внутрь.

Приборы, нагроможденные по ту сторону окна, почти не пропускали света, так что в помещении было темно. Однако

через несколько секунд глаза Макбрайда привыкли к темноте и он увидел, что в комнате царил настоящий хаос. Стол был перевернут, кресло разнесено в щепки, кабели спутаны, оборудование уничтожено — камеры, мониторы которых, вероятно, были выведены в соседнюю комнату, осветительные приборы, — все было разбито. Это был тщательно выполненный разгром, которым мог бы гордиться любой профессиональный вандал.

В воздухе стоял запах, который Макбрайд узнал, но происхождение которого определить не мог. Макбрайд какое-то время стоял неподвижно, приносясь, пока не услышал звук сирен в наружном коридоре — Карнеги вот-вот будет здесь. Внезапно он понял, где раньше слышал этот запах. Тот же самый запах ударял ему в ноздри, когда он после занятий любовью с Джессикой шел в душ — это был его ритуал, — а потом возвращался в спальню. Это был запах секса. Макбрайд улыбнулся.

На лице его все еще отражалось удовольствие, когда тяжелый предмет рассек воздух и ударил Макбрайда в нос. Он почувствовал, как хрустнул хрящ и хлынули потоки крови. Он сделал два или три неуверенных шага назад, чтобы избежать нового удара, но запнулся о наваленный на пол хлам. Он упал в осколки стекла и поглядел наверх. Его убийца надвигался на него, заноса металлическую балку. Лицо человека напомнило ему лица обезьян в клетках — те же оскаленные желтоватые зубы, те же глаза, горящие безумной яростью. Нет! — прокричал человек, опуская свою импровизированную дубинку. Каким-то образом Макбрайд ухитрился заслониться от удара рукой, одновременно пытаясь достать оружие. Атака была неожиданной, но теперь, когда его разможенный нос болел, а это прибавляло ему ярости, он готов был дать достойный отпор агрессору. Он легко выдернул дубинку у мужчины и, постанывая, поднялся на ноги. Все правила касательно процедуры ареста вылетели у него из головы. Он обрушил град ударов на голову и плечи мужчины, заставив того попятиться через всю комнату. Мужчина заслонялся от нападения руками, уклонялся и, наконец, ударился о противоположную стену. Только теперь, когда противник был на грани потери сознания, ярость Макбрайда поутихла. Он стоял посередине комнаты, тяжело дыша, и наблюдал за избитым мужчиной, который сползал

вниз по стене. Он сделал серьезную ошибку. Теперь он увидел, что нападающий был одет в белый лабораторный халат и был, следовательно, как любил напыщенно выражаться Дули, на стороне ангелов.

— Ах, черт тебя побери! — сказал Макбрайд. — Вот дерьмо-то.

Веки мужчины затрепетали, и он уставился на Макбрайда. Было ясно, что он с трудом ухватывает суть происходящего, но, наконец, на его густобровом, угрюмом лице появилось осмысленное выражение. Он явно понял, что такой Макбрайд, или, скорее, понял, кем он не является.

— Вы — не он, — прошептал он.

— Кто? — спросил Макбрайд, понимая, что он может еще спасти свою репутацию, вытянув у свидетеля важные показания. — Кто, вы думали, я такой?

Мужчина открыл рот, но ничего не сказал. Макбрайд наклонился над ним и пытался:

— На кого, по-вашему, вы нападали?

Рот вновь приоткрылся, и вновь оттуда не донеслось ни звука. Макбрайд настаивал:

— Это очень важно, — сказал он. — Просто скажите мне, кто это был?

Мужчина что-то прошептал. Макбрайд прижал ухо к его дрожащим губам.

— Легаш вонючий, — сказал мужчина и вырубился, оставив Макбрайда и дальше проклинать его за то, что потеря контроля над собой вполне могла принести неприятности, которых хватит на всю жизнь. Но что ему еще оставалось?

Инспектор Карнеги привык к рутине. За исключением редких моментов профессиональных озарений вся его работа состояла из долгих часов ожидания. Он ждал, пока тела будут сфотографированы и осмотрены экспертами, пока законники придут к соглашению и пока будут собраны свидетельские показания. Он уже давным-давно оставил попытки бороться с этой скукой и научился искусству не сопротивляясь плыть по течению. Следствие нельзя торопить; умудренный человек, он позволял медэкспертам и законникам делать свое нудное дело. В конце концов, когда

придет время, нужен будет лишь перст указующий и преступник содрогнется.

Теперь, когда лабораторные часы на стенке показывали двенадцать пятьдесят три ночи и даже обезьяны затихли в своих клетках, он сидел на одной из скамеек и ждал, когда Хендрикс закончит свои исследования. Хирург ознакомился с показаниями термометра, потом стянул перчатки, облегающие руки, точно вторая кожа, и отбросил их на простыню, где лежала покойница.

— Это всегда сложно, — сказал врач, — определить время смерти. Она остыла по меньшей мере на три градуса. Я бы сказал, что она мертва уже около двух часов.

— Полиция прибыла сюда без четверти двенадцать, — сказал Карнеги. — Так что она умерла примерно за полчаса до этого?

— Где-то в этих пределах.

— Ее туда затащили? — спросил он, указывая на скамью.

— О, разумеется! Сама она не могла туда спрятаться. Не с такими ранами. Они — это нечто, как по-твоему?

Карнеги уставился на Хендрикса. Полицейский хирург, вероятно, видел сотни трупов в любом мыслимом состоянии, но сейчас на его заостренном лице явно читался интерес. Карнеги подумал, что эта тайна по-своему была не менее увлекательна, чем тайна мертвой женщины и ее убийцы. Как может человек наслаждаться определением ректальной температуры трупа? — дивился Карнеги. Но в глазах хирурга совершенно очевидно светилось удовольствие.

— А мотив? — спросил Карнеги.

— Вполне ясно, разве нет? Изнасилование. Он изрядно к ней приставал: обширные повреждения влагалища, следы спермы. Тут есть с чем повозиться.

— А раны на туловище?

— Рваные. На разрезы не похоже.

— Оружие?

— Не знаю. — Хендрикс опустил уголки губ книзу. — Я хочу сказать, ткани *истерзаны*. Если бы не было таких очевидных свидетельств изнасилования, я бы сказал, что это, скорее, животное.

— Ты хочешь сказать, собака?

— Ну, скорее, тигр, — ответил Хендрикс.

Карнеги нахмурился.

— Тигр?

— Шутка, — ответил Хендрикс. — Это я пошутил, Карнеги. Господи, у тебя вообще есть чувство юмора?

— Это не смешно, — сказал Карнеги.

— Да я и не смеялся, — ответил Хендрикс с мрачным видом.

— Тот человек, которого Макбрайд нашел в боксе.

— А что насчет него?

— Подозреваемый?

— Да никогда в жизни. Мы ищем маньяка, Карнеги. Большого, сильного. Дикого.

— А когда ее ранили? До или после?

Хендрикс нахмурился.

— Не знаю. После вскрытия станет известно больше. Но я бы сказал, что наш парень был в исступлении. Скорее всего, эти раны были нанесены одновременно с изнасилованием.

Обычно флегматичные черты Карнеги исказились в удивлении:

— Одновременно?

Хендрикс пожал плечами.

— Вождеделение — забавная штука, — сказал он.

— Жутко забавная, — последовал испуганный ответ.

Карнеги велел водителю высадить его за полмили от дома, чтобы немного пройтись пешком и поразмыслить перед тем, как прийти домой, где его ждут горячий шоколад и дремота. Этот ритуал соблюдался чуть ли не с религиозным рвением, даже когда инспектор был уставшим как собака. Он привык выбрасывать из головы все служебные заботы до того, как переступит порог дома, — давний опыт показал, что если дома он будет продолжать думать о расследовании, это не поможет ни расследованию, ни его семейной жизни. Он узнал об этом слишком поздно, чтобы помешать жене уйти, а детям — отдалиться, но тем не менее, этого принципа он придерживался твердо.

Сегодня он шел медленно, чтобы развеялось тяжелое ощущение, которое принес этот вечер. Путь его проходил мимо маленького кинотеатра, который, как он прочел в местной газете, скоро будет снесен. Он не удивился. Он не был святошей, но раздражение, вызванное кинематографом,

усиливалось у него с каждым годом. Репертуар на неделю только подтверждал это: сплошные фильмы ужасов. Зловещие и примитивные, если судить по рекламным плакатам с их бесстыдной гиперболизацией и утрированной жестокостью. «Ты можешь больше не уснуть!» — гласило одно из названий, а под ним — женщина, вполне бодрствующая, пятилась от надвигающейся на нее тени двухголового мужчины. Эти банальные образы деятели массового искусства до сих пор использовали, чтобы напугать бесхитростных зрителей. Блуждающие мертвецы; буйство природы, мстящей цивилизованному миру; вампиры, знамения, огнепроходцы, чудовищные бури — вся эта чушь, которая и раньше нравилась публике. Они были до смешного нелепы — среди всего этого набора опереточных ужасов ничто не могло сравниться с обыденными человеческими преступлениями, с ужасом (или его последствиями), который встречал Карнеги чуть ли не ежедневно, выполняя свои профессиональные обязанности. Перед его мысленным взором проплывали картины: мертвецы, освещенные вспышками полицейских фотоаппаратов, лежащие вниз лицом, точно ненужный хлам, и живые, чей взгляд ясно представлялся ему — голодный взгляд, жаждущий секса, наркотиков, чужой боли. Что было бы, если бы именно ЭТО они рисовали на своих афишах?

Когда он добрался до дома, в тени за гаражом закричал ребенок. Карнеги вздрогнул и остановился. Крик повторился, и на этот раз Карнеги понял, что это было. Не ребенок, нет, — кот или коты, которые обменивались любовными призывами в темном проулке. Он направился туда, чтобы шугануть их. Весь проулок провонял острым запахом секреторных желез. Ему не было нужды кричать — шаги распугали животных. Они прыснули во все стороны — не парочка, а полдюжины; он явно прервал уютную оргию. Однако он все равно опоздал — с царящим вокруг запахом уже нельзя было справиться.

Карнеги невыразительно смотрел на выставку видеоманитофонов и мониторов, которая расположилась у него в конторе.

— Господи помилуй, что это такое? — произнес он.

— Видеозаписи, — сказал Бойл, его помощник. — Из лаборатории. Я думаю, вам нужно просмотреть их, сэр.

Хоть они и работали вместе уже семь месяцев, Карнеги не слишком-то любил Бойла. Под лощеной оболочкой таилось бешеное честолюбие. Будь Бойл вполонину моложе, это казалось бы естественным, но ему было уже далеко за тридцать и амбиции его были почти маниакальными. Эта сегодняшняя выставка оборудования, на которую Карнеги наткнулся, едва войдя в контору, была как раз в стиле Бойла — показательная сверх меры.

— Для чего столько экранов? — кисло спросил Карнеги. — Что, мне нужен стереопоказ?

— У них там было три камеры, которые снимали одновременно, сэр. Фиксировали эксперимент одновременно с нескольких точек.

— Какой эксперимент?

Бойл жестом указал своему начальнику на стул. Подобострастен до предела, подумал Карнеги, не много же тебе будет от этого толку.

— Все в порядке, — говорил Бойл лаборанту у видеоустройства. — Начинайте.

Карнеги потягивал горячий шоколад, который притащил с собой. Этот напиток был одной из его немногих слабостей. Если машинка, которая его готовит, когда-нибудь сломается, он будет несчастным человеком. Он поглядел на три экрана. Неожиданно на них появились титры. «Проект Слепой Мальчик, — гласила надпись. — Секретно».

— Слепой мальчик? — спросил Карнеги. — Что это? Или, вернее, кто?

— Очевидно, это какое-то кодовое слово, — ответил Бойл.

— Слепой мальчик, слепой мальчик, — повторял Карнеги, словно пытаясь вбить эти слова себе в подсознание, но прежде чем он как-то осознал их, все три экрана начали показывать разное. Хоть на них был изображен один и тот же объект — мужчина в очках с двойными линзами, лет под тридцать, сидящий в кресле, — но каждый монитор показывал эту сцену под различным углом. Один из них показывал объект в полный рост и профиль, другой — на три четверти и под углом сверху, а третий — спереди, и на мониторе были лишь голова и плечи мужчины, отснятые через стекло бокса спереди. Все эти три изображения были черно-белые, и ни одно из них не было нормально отцентрировано и сфокуси-

ровано. И действительно, уже когда пленки начали прокручиваться, кто-то все еще улаживал эти неурядицы. Объект о чем-то доброжелательно болтал с женщиной — в ней с первого взгляда можно было опознать погибшую, — прилаживающей ему на лоб электроды. О чем они говорили, уловить было трудно, потому что акустика камеры плохо действовала как на аппаратуру, так и на слушателей.

— Женщина — это доктор Данс, — услужливо подсказал Бойл. — Жертва.

— Да, — сказал Карнеги, внимательно наблюдая за экранами. — И сколько идут все эти приготовления?

— Довольно долго. Большая часть разговоров не несет никакой информации.

— Ну, давайте поглядим на то, что несет информацию.

— Прокручивайте быстрее, — сказал Бойл. Лаборант подчинился, и фигуры на трех экранах задержались и завизжали, точно комедианты.

— Погодите, — велел Бойл. — Немного вернитесь обратно! — Лаборант вновь сделал так, как он велел. — Вот! — сказал Бойл. — Остановитесь тут! А теперь пускайте с нормальной скоростью. — Действие возобновилось в нормальном темпе. — Вот где оно по-настоящему начинается, сэр.

Карнеги уже прикончил свой горячий шоколад и опустил палец в густую массу на дне чашки, чтобы сбросить на язык последние капли. На экране доктор Данс приближалась к тому типу со шприцем, потом оттянула кожу у локтя и ввела что-то. Не в первый раз с тех пор, как он зашел в лабораторию Хьюма, Карнеги пытался угадать, чем они там на самом деле занимались. Было ли то, что отображалось на экранах, фармакологическим исследованием? Но сверхсекретность эксперимента, проводимого поздней ночью в опустевшем здании, заставляла предположить, что это было что-то иное. Да и эта надпись на экране — «Секретно!». То, что они сейчас наблюдали, было явно не предназначено для посторонних глаз.

— Вам удобно? — спросил какой-то мужчина вне поля зрения камер. Человек в кресле кивнул. Очки с него сняли, и без них он выглядел слегка растерянным. Ничем не примечательное лицо, подумал Карнеги, этот тип, имени которого он до сих пор не знал, не был ни Адонисом, ни

Квазимодо. Он слегка откинулся в кресле, и его жидкие, бесцветные волосы коснулись плеч.

— Я в порядке, доктор Веллес, — ответил он тому, кто стоял вне поля зрения камер.

— Вам не жарко? Вы не потеете?

— Да нет, вообще-то, — слегка извиняясь, ответила морская свинка. — Я чувствую себя, как обычно.

Похоже на то, подумал Карнеги и обратился к Бойлу:

— Вы просмотрели эти ленты до конца?

— Нет, сэр, — ответил Бойл. — Я подумал, что вы захотите проглядеть их первым. Я только дошел до инъекции.

— Что-нибудь известно в больнице от доктора Веллеса?

— Когда я звонил туда в последний раз, он все еще был в коматозном состоянии.

Карнеги хмыкнул и вновь перенес внимание на экраны. Вслед за суматохой после инъекции, деятельность на экранах затихла. Камеры продолжали фиксировать близорукого субъекта, иногда ступор прерывался вопросами доктора Веллеса о самочувствии испытуемого. Он чувствовал себя все так же. После трех или четырех минут такого затишья, даже то, что испытуемый случайно мигнул, приобретало чуть ли не драматическое значение.

— Сценарий-то скучноват, по-моему, — заметил лаборант. Карнеги рассмеялся. Бойл выглядел неловко. Еще две или три минуты прошли точно так же.

— Все это не слишком обнадеживает, — сказал Карнеги. — Прокрутим побыстрее, а?

Лаборант уже собирался подчиниться, когда Бойл сказал:

— Подождите!

Карнеги поглядел на своего помощника, раздраженный его вмешательством, а потом — опять на экраны. Там действительно что-то происходило: невыразительные черты испытуемого едва заметно изменились. Он начал улыбаться сам себе и утонул в кресле, словно погружал тело в теплую ванну. Его глаза, которые до этого выражали вежливое безразличие, начали медленно закрываться, а потом, вдруг, внезапно открылись. Когда это случилось, в них появилось выражение, которого до этого не было: голод, который, казалось, изливался с экрана в спокойствие кабинета инспектора.

Карнеги отставил свой шоколад и приблизился к экранам. Когда он сделал это, испытуемый также встал и приблизился к стеклу бокса, оставив две камеры снимать пустое кресло. Однако третья все еще снимала — лицо, прижатое к оконному стеклу, и какой-то миг два человека смотрели друг на друга через преграду стекла и времени, казалось, взгляды их встретились.

Теперь выражение лица у человека было раздраженным, и голод, казалось, вышел из-под контроля рассудка. Глаза его горели, он приблизил губы к окну и поцеловал его, язык коснулся стекла.

— Что там происходит, во имя Господа? — спросил Карнеги.

На звуковой дорожке появились голоса — доктор Веллесттенно просил подопытного описать, что он чувствует, а Данс в это время громко называла показания различных считывающих приборов. Стало трудно расслышать, что там делается, поскольку неразбериха усилилась внезапным взрывом писка и щебета сидящих в клетках обезьян, но было ясно, что интенсивность процессов в теле подопытного повышается. Лицо его покраснело, на коже выступил пот. Он напоминал мученика на костре, когда под ним запылали хворост, — обезумевший от смертельного экстаза. Он прекратил французские поцелуи с оконным стеклом и сорвал электроды с висков и датчики с груди и запястий. Данс, теперь в ее голосе слышалась тревога, уговаривала его прекратить. Затем она пересекла помещение и вышла из поля зрения камер, как полагал Карнеги, к двери бокса.

— Лучше не надо, — сказал он, словно вся эта драма разыгрывалась по его повелению и он приказом мог остановить трагедию. Но женщина не послушала его. Минуту спустя она появилась на дальних обзорах, поскольку вошла в комнату. Мужчина двинулся к ней навстречу, расшвыривая по пути оборудование. Она окликнула его — возможно, по имени. Если и так, то имя нельзя было разобрать сквозь щебет обезьян. — Вот дерьмо, — сказал Карнеги, когда рука испытуемого с размаху ударила сначала по той камере, которая вела съемку сбоку, потом — по той, что со среднего расстояния. Два монитора сразу ослепли. Лишь одна камера, установленная на уровне головы, в безопасности снаружи бокса, продолжала фиксировать события, но из-за близкого

обзора нельзя было увидеть почти ничего — лишь случайные очертания движущихся тел. Вместо этого единственная камера почти насмешливо фиксировала, как по стеклу обзорного окошка бокса потекла слюна, заслонив убийство, которое происходило в недостижимой близости.

— Да что же они ему дали, Господи Боже! — сказал Карнеги, слушая, как где-то вне действия камеры пронзительные женские крики перекрыли визг обезьянок.

Джером проснулся рано утром и чувствовал себя голодным и уставшим. Когда он отбросил простыню, то с изумлением уставился на себя: все тело было покрыто царапинами, а пах — ярко-красного цвета. Постанывая, он перекатился к краю кровати и какое-то время сидел там, пытаясь восстановить события вчерашнего вечера. Он помнил, как входил в лабораторию, но почти ничего — после этого. Несколько месяцев он был платной морской свинкой, жертвуя своей кровью, удобствами и терпением, чтобы добавить немного денег к своей более чем умеренной зарплате переводчика. Этот приработок ему устроил друг, который и сам занимался подобной работой, но если Фигли принимал участие в основной исследовательской программе, то Джером через неделю после своего зачисления, поступил в распоряжение докторов Веллеса и Данс, которые пригласили его — подвергнув предварительно серии психологических тестов — работать исключительно с ними. По некоторым признакам было ясно (хотя ему никогда специально об этом не говорили), что проект этот был секретным и требовал с его стороны полной преданности и сохранения тайны. Ему нужны были деньги, а то, что ему предложили, было гораздо больше чем суммы, выплачиваемые по основной программе Лаборатории, так что он согласился, хотя требуемое ими время посещения было неудобным. На протяжении нескольких недель он должен был посещать Исследовательский факультет поздним вечером и часто работал до утра, подвергаясь дотошным расспросам Веллеса по поводу его интимной жизни и чувствуя на себе сквозь стеклянную преграду внимательный взгляд Данс.

Думая о ее холодном взоре, он почувствовал, как в нем что-то дрогнуло. Может, это потому, что он обманывал сам себя, поскольку ему казалось, что она смотрит на него с

большей симпатией, чем это требуется от врача? Такие самоутверждения, внушал он себе, выглядят жалко. Он вовсе не был предметом женских мечтаний, и каждый день, когда он проходил по людным улицам, это убеждение лишь усиливалось. Он не мог вспомнить в своей взрослой жизни ни одного случая, когда женщина взглянула бы на него с интересом и не отвела взгляда, случая, когда она ответила бы на его восхищенный взгляд. Почему это так беспокоит его, он не знал, поскольку такая жизнь без любви, насколько ему известно, встречалась сплошь и рядом. И Природа была добра к нему, казалось, что, поскольку его обошел дар привлекательности, она свела к минимуму его половое влечение. Случалось, он неделями не вспоминал о своем вынужденном целомудрии.

Иногда, слыша, как гудят трубы в ванной, он представлял себе, как может выглядеть его квартирная хозяйка, миссис Моррисси, когда она принимает ванну; пытался вообразить ее крепкие, покрытые мыльной пеной груди, темную линию, разделяющую ягодицы, когда она наклонялась, чтобы пересыпать тальком пальцы ног. Но такие попытки, к счастью, были нечасты. А когда он подсоберет денежек, он купит приятное времяпрепровождение с женщиной, которую звали Анжела (он так и не узнал ее фамилии), с Греческой улицы.

Теперь должно пройти несколько недель, прежде чем он сможет сделать это снова, подумал он. Что бы он там ни делал прошлой ночью, он еле мог двигаться из-за жутких синяков. Единственное приемлемое объяснение — хоть он ничего не мог вспомнить по этому поводу, — что его избили по пути из Лаборатории либо он зашел в бар и там с кем-нибудь подрался. Это и раньше иногда случалось. У него было одно из тех лиц, которые пробуждают в пьяницах агрессивное возбуждение.

Он поднялся и побрел в маленькую ванную, примыкающую к его комнате. Очков не было на их обычном месте рядом с зеркальцем для бритья, и отражение в зеркале было странно размытым, но он мог видеть, что его лицо было так же расписано царапинами, как и остальные детали анатомии. Более того, над левым ухом был вырван клочок волос, и на шее засохла кровь. Морщась от боли, он приступил к залечиванию своих ран и промыл их вонючим антисептическим раствором. Сделав это, он вернулся в свою спальню,

которая одновременно служила гостиной, и пустился на поиски очков. Но обыскав все, он так и не смог их найти. Проклиная собственную глупость, он раскапывал свои вещи в поисках старой пары и наконец нашел их. У них было устаревшее увеличение — его глаза значительно ухудшились с тех пор, как он их носил, — но, по крайней мере, он начал различать окружающий мир, хотя и довольно смутно.

На него нахлынула жуткая тоска, усиленная болью от царапин и мыслями о миссис Моррисси. Чтобы разогнать ее, он включил радио. Послышался сладкий голос, предлагавший давно надоевший репертуар. Джером всегда презирал популярную музыку и ее поклонников, но теперь, когда он бродил по своей маленькой комнате, не желая натягивать жесткую одежду, поскольку царапины все еще болели, доносящиеся из радио песни вызвали у него нечто большее, нежели презрение. Словно он в первый раз услышал слова и музыку, словно всю жизнь он оставался глухим к вызываемым ими чувствам. Увлечшись, он забыл про свою боль и слушал. В песнях рассказывалась одна и та же бесконечная и захватывающая история — о любви, потерянной и обретенной, и потом потерянной уже навеки. Лирики заполняли радиоволны своими метафорами — большая часть их была банальной, но от этого трогала не меньше. О рае, о горящих сердцах, о птицах, колоколах, странствиях, закате, о страсти, похожей на безумие, на полет, на неописуемое сокровище. Песни не успокоили его своими нехитрыми чувствами, напротив, они пробудили его, зажгли, невзирая на бедную мелодию и банальный ритм, открыв перед ним целый мир, охваченный желанием. Он начал дрожать. Глаза из-за непривычных очков начали подводить его. Казалось, что на его коже сверкают огненные вспышки, а с кончиков пальцев сыплются искры.

Он уставился на свои руки, но иллюзия лишь возросла. Он видел яркие полосы, точно ручьи огня, которые поднимались вверх по венам и умножались, пока он их разглядывал. Странно, но он не чувствовал беспокойства. Этот ветвистый огонь лишь отражал ту страсть, о которой рассказывали песни, — любовь, говорили они, носится в воздухе, скрывается за каждым углом и лишь ожидает, чтобы ее нашли. Он вновь подумал о вдове Моррисси, которая жила в квартире под ним, как она занимается своими делами и

вздыхает, без сомнения, как и он сам, ожидая своего героя. Чем больше он о ней думал, тем сильнее пламя охватывало его. Она не откажет ему — в этом убеждали его песни, либо же он должен настаивать, пока (в этом тоже убеждали его песни) она не уступит ему. И внезапно, когда он подумал об этом, огонь охватил его полностью. Смеясь, он оставил за спиной поющее радио и спустился вниз.

Лучшая часть утра ушла на то, чтобы ознакомиться со списком испытателей, которых нанимала лаборатория. Карнеги ощущал ту неохоту, с которой сотрудники предоставляли перечень своих исследовательских тем, невзирая на весь ужас произошедших в лаборатории событий. В конце концов, вскоре после полудня они снабдили его поспешно составленным списком «Кто есть кто», в целом включавшем в себя пятьдесят четыре человека и их адреса. Ни один из них, как убедилась полиция, не отвечал описанию подопытного в эксперименте Веллеса. Доктор Веллес, как ему объяснили, совершенно очевидно, использовал средства лаборатории для работы над каким-то частным проектом. Хоть это не слишком поощрялось, но он и доктор Данс были старшими научными сотрудниками и могли сами распоряжаться как временем, так и оборудованием. Так что, похоже было, что человек, которого разыскивал Карнеги, вообще не входил ни в какие регистрационные списки лаборатории. Однако Карнеги не хотел сдаваться и велел размножить сделанные на основании видеозаписи фотографии и раздать их — вместе со списком имен и адресов — полицейским службам. Теперь от них требовалась лишь работа ногами да изрядная доля терпения.

Лео Бойл пробежал пальцем по списку имен, который ему вручили только что.

— Еще четырнадцать, — сказал он. Его водитель хмыкнул, и Бойл взглянул на него. — Вы ведь были напарником Макбрайда, верно? — спросил он.

— Верно, — сказал Дули. — Его отстранили.

— Почему?

Дули нахмурился.

— Ему всегда недоставало любезности, Вирджилю. Никак не мог освоить технику ареста.

— Он резко остановил машину.

— Это здесь? — спросил Бойл.

— Вы же сказали номер восемьдесят. Это и есть восемьдесят. Вон там, на двери. Восемь. Ноль.

— Сам вижу.

Бойл вылез из машины и пошел по дорожке. Дом был довольно внушительным и делился на квартиры: звонков было несколько. Он нажал на звонок, рядом с которым была табличка «Дж. Тредголд» — фамилия из списка, — и ждал. Из пяти домов, которые они уже навестили, в двух никого не было, а обитатели остальных трех никак не напоминали преступника. Бойл несколько секунд подождал на ступеньках, затем вновь нажал на кнопку звонка. На этот раз он звонил дольше.

— Никого нет, — сказал Дули с крыльца.

— Похоже на то. — Но, когда он это говорил, Бойл заметил, как в прихожей мелькнула фигура. Ее очертания были размыты, поскольку просвечивали сквозь матовое стекло входной двери. — погоди минутку, — сказал он.

— Что там?

— В доме кто-то есть, и он не отвечает. — Он вновь нажал на первый звонок, потом на остальные. Дули приблизился к двери, отмахиваясь от чересчур надоедливой осы.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я заметил там кого-то.

— Нажмите на другие кнопки, — предложил Дули.

— Уже нажимал. Там кто-то есть, и он не хочет подходить к двери. — Он постучал по стеклу. — Откройте, — провозгласил он. — Полиция!

Разумно, подумал Дули, хотя почему бы не воспользоваться громкоговорителем? Когда дверь, как и ожидалось, не отворилась, Бойл повернулся к Дули.

— Там есть боковая калитка?

— Да, сэр.

— Тогда беги туда, да побыстрее, прежде чем он смоется.

— Может, нужно связаться...

— Давай! А я останусь тут. Если ты сможешь попасть через заднюю дверь внутрь, пройди сюда и отвори мне переднюю.

Дули ушел, и Бойл остался у передней двери один. Он вновь начал названивать в звонки, а потом, поднеся ладони козырьком ко лбу, приблизил лицо к стеклу. В передней не было никаких признаков движения, так что, может, пташка уже улетела? Он вновь спустился с крыльца на дорожку и стал разглядывать окна, которые равнодушно взирали на него. Время, через которое Дули должен был появиться, уже истекло, но Дули не вернулся назад и не появился на крыльце. Не в силах больше оставаться на месте и нервничая, что благодаря выбранной ими тактике они потеряют подозреваемого, Бойл решил, следуя своему чутью, отправиться к задней двери дома.

Боковая калитка была отворена Дули. Бойл прошел туда и, заглянув в окно, увидел пустую гостиную. Убедившись, что там никого нет, Бойл поспешил к задней двери. Она была открыта. Дули, однако, нигде не было видно. Бойл спрятал в карман список и фотографии и шагнул внутрь. Он боялся позвать Дули, потому что не хотел вспугнуть преступника, но тем не менее тишина выводила его из себя. Осторожно, точно кошка, он рыскал по квартире, но все комнаты были пусты. Около двери, ведущей из квартиры в прихожую, где он впервые увидел мелькнувшую тень, он остановился. Куда делся Дули? Он точно растворился в воздухе.

Затем из-за двери раздался стон.

— Дули? — осторожно спросил Бойл. Еще один стон. Он шагнул в прихожую. Туда выходили еще три двери, все они были закрыты. Вероятно, они вели в другие квартиры или в холл. На плетеной циновке у входной двери лежала полицейская дубинка Дули, словно владелец обронил ее в спешке. Бойл с трудом преодолел страх и ступил в прихожую. Стон раздался снова — на этот раз ближе. Он огляделся и увидел, что на ступенях ведущей на второй этаж лестницы лежал Дули. Он едва ли был в сознании. С него пытались сорвать одежду, и нижняя часть его дряблого тела была обнажена.

— Да что тут происходит, Дули? — спросил Бойл, подходя к лестнице. Полицейский услышал его голос и попытался отодвинуться. Его затуманенные глаза в ужасе открылись.

— Все в порядке, — заверил его Бойл. — Это всего лишь я.

Бойл слишком поздно сообразил, что взгляд Дули уставился вовсе не на него, а на что-то скрытое за его плечом. И, когда он наклонился, чтобы поглядеть на то, что сотворили с Дули, кто-то прыгнул на него. Пошатнувшись и сыпля проклятиями, Бойл не удержался на ногах и упал. Он несколько секунд скребся по полу, когда его противник ухватил Бойла за пиджак и волосы и с силой поднял на ноги. Бойл сразу узнал уставившееся на него безумное лицо — залысины, слабый рот, *го-лод*, — но тут было и то, чего он не заметил раньше. Во-первых, мужчина был гол, точно младенец, хоть и более щедро наделен природой. Во-вторых, он был точно охвачен лихорадкой. Если даже воспаленный пах и явная эрекция не говорили сами за себя, то руки преступника, срывающие с Бойла одежду, достаточно ясно свидетельствовали о его намерениях.

— Дули! — взвизгнул Бойл, когда его швырнули на пол прихожей. — Бога ради! Дули!

Он замолчал, когда его ударили о стенку. Обезумевший мужчина тут же оказался за спиной Бойла, прижимая его лицо к обоям на стенке. Переплетения птиц и цветов замелькали в глазах у Бойла. В отчаянии, Бойл попытался отбиваться, но страсть придала мужчине силу безумца. Удерживая полицейского за голову одной рукой, он другой содрал с Бойла штаны и нижнее белье, обнажив ягодицы.

— О, Боже... — бормотал Бойл, уткнувшись лицом в оборванный клочок обоев, — Господи, помогите же мне что-нибудь...

Но молитвы принесли не больше пользы, чем попытка сопротивляться. Его распяли у стенки, точно бабочку, пригвожденную булавками к дереву. Он закрыл глаза, по щекам его бежали слезы бессильного гнева. Насильник отпустил голову Бойла и изо всех сил прижался к его ягодицам. Бойл старался не кричать. Боль, которую он испытывал, не шла ни в какое сравнение с позором. Может, лучше, что Дули был без сознания и что испытанное им унижение он перенес без свидетелей.

— Прекрати, — прошептал он, уткнувшись в стенку, но не напавшему на него, а своему телу, стараясь не искать в этом насилии удовольствия. Но его нервные окончания отозвались по-своему, точно заразившись лихорадкой, которой пылал напавший на него. И, невзирая на боль, какая-то постыдная часть в нем отозвалась на это насилие.

На ступеньках пытался подняться на ноги Дули. Его поясница, которая была слабовата после автомобильной катастрофы на прошлое Рождество, сдала тут же, как только безумец швырнул его на ступеньки. Теперь же, когда он спускался, каждое движение отзывалось острой болью. Согнувшись, он добрался до основания лестницы, и с интересом уставился через прихожую. Неужели это Бойл, такой важный, такой высокомерный, а его отделявают, точно уличного мальчишку в поисках денег на дозу? Это зрелище на несколько секунд полностью поглотило Дули, пока он наконец не опустил вниз глаза и не увидел лежащую на коврике дубинку. Он старался двигаться осторожно, но безумец был слишком занят своим актом, чтобы обращать внимание на что-нибудь еще.

Джером слушал, как колотилось сердце Бойла. Оно стучало громко, обольстительно и, казалось, все громче с каждым проникающим в Бойла толчком. Ему нужно было это сердце: его жар, его жизнь. Рука его схватила грудь Бойла и начала терзать плоть.

— Отдай мне свое сердце, — сказал он. Это было похоже на строчку одной из песен. Бойл заорал в стенку, когда его насильник вгрызся ему в грудь. Он видел фотографию женщины в лаборатории, открытая рана в ее теле явственно предстала перед его мысленным взором. Теперь этот маньяк вновь собирается совершить то же самое зверство. «Отдай мне свое сердце». Страх на грани рассудка придал ему новые силы, и он снова начал бороться, вывертываясь и отбиваясь от противника, которого, однако, несмотря на то что Бойл вцепился ему в волосы и выдрал клоч, никак нельзя было сбить с ритма. В отчаянии Бойл попытался просунуть руку между стеной и своим телом и запустить ее между ног, чтобы прищемить ублюдка. Пока он пытался это проделать, на насильника напал Дули, обрушив ему на голову град ударов своей дубинки. Это нападение дало Бойлу некоторую свободу. Он изо всех сил прижался к стенке, мужчина, чья рука была скользкой от крови, ослабил хватку. Бойл вновь дернулся, и на этот раз ему удалось полностью освободиться. Тела распались — Бойл обернулся, раны его кровоточили, но были неопасными, и наблюдал, как Дули гнался за насильником, лупя его дубинкой по голове, покрытой жирными, белокурыми волосами. Тот не слишком оборонялся —

его горящие глаза (до этого мига Бойл слабо воспринимал эту метафору) по-прежнему были устремлены на объект страсти.

— Убей его! — сказал Бойл тихо, когда мужчина под градом ударов начал усмехаться. — Переломай ему все кости.

Даже если бы у прихрамывающего Дули хватило духу исполнить это приказание, то возможности у него все равно не было. Его труды были прерваны голосом, донесшимся из коридора. Из квартиры, которую оглядывал Бойл, появилась женщина. Она тоже оказалась жертвой этого мародера, если судить по ее состоянию, но было явно, что появление Дули в квартире помешало намерениям насильника, прежде чем он успел причинить ей серьезный вред.

— Арестуйте его, — сказала она, показывая на усмехающегося мужчину, — он пытался меня изнасиловать.

Дули приблизился, чтобы схватить пленника, но у того были совсем иные намерения. Он уперся ладонью в лицо Дули и толкнул его к входной двери. Плетеный коврик под ногами полицейского поехал, и тот чуть не упал. Когда ему удалось восстановить равновесие, Джером был уже далеко. Бойл сделал слабую попытку остановить его, но спущенные штаны помешали ему, и Джером вскоре уже поднимался по лестнице.

— Вызови помощь, — приказал Бойл Дули. — И побыстрее.

Дули кивнул и открыл переднюю дверь.

— Наверху есть выход наружу? — спросил Бойл у миссис Моррисси. Та покачала головой. — Ну, тогда мы, кажется, загнали этого ублюдка в ловушку, — сказал он. — Давай, Дули!

Дули похромал вниз по дорожке.

— А вы, — сказал он женщине, — прихватите что-нибудь, что может служить оружием. Что-нибудь понадежней. — Женщина кивнула и вернулась туда, откуда пришла, оставив Бойла около открытой двери. Мягкий ветерок высушил пот на его лице. В машине около дома Дули вызывал подкрепление.

Слишком скоро, подумал Бойл, скоро сюда приедут полицейские автомобили, человека наверху поймают и поведут давать показания. А когда он будет в тюрьме, то Бойл

лишится возможности взять реванш — закон нетороплив, а он, жертва, будет лишь наблюдателем. Если он, Бойл, хочет сохранить хоть остатки мужского достоинства, то как раз сейчас для этого было время. Если же он промедлит, если он застрянет тут, внизу, пока его ягодицы печет огнем, он никогда не избавится от того ужаса, который почувствовал, когда его собственное тело предало его. Он должен действовать сейчас — он выбьет усмешку с этой омерзительной хари раз и навсегда, — или омерзение к самому себе будет сопровождать его всю жизнь, пока не подведет память.

Выбора у него не было. Без дальнейшего промедления он поднялся с корточек и начал подниматься по ступеням. Уже когда он достиг промежуточной площадки, он сообразил, что не взял с собой оружия, однако он знал, что если спустится, то момент будет упущен. Так что, приготовившись умереть, если это понадобится, он продолжал свой путь.

В верхнем коридоре была открыта лишь одна дверь, и из нее доносились звуки радио. Внизу, в безопасности, раздавался голос Дули — тот сообщал, что он вызвал подкрепление. Не обращая внимания на эту помеху, Бойл шагнул в квартиру.

Там никого не было. За несколько секунд Бойл проверил кухню, крохотную ванную и жилую комнату — все они были пусты. Он вернулся в ванную, окошко которой было открыто, и высунул голову. Оттуда вполне можно было соскочить в траву, на которой и виднелся отпечаток человеческого тела. Насильник выпрыгнул. И исчез.

Бойл проклинал свою медлительность и вконец опечалился. По внутренней поверхности бедра побежала теплая струйка. В комнате рядом радио распевало любовные песни.

На этот раз Джером ничего не забыл. Он помнил свою встречу с миссис Моррисси, которой помешал Дули, потом последующий эпизод с Бойлом, и все это лишь служило пищей тому огню, который пылал в нем. Теперь, в свете этого пламени он ясно отдавал себе отчет в совершенных им преступлениях. Он помнил с чудовищной ясностью лабораторию, инъекцию, обезьян, кровь. Он вспоминал свои действия, однако они не пробудили в нем никакого ощущения вины. Все моральные последствия, все угрызения совести

перегорели в огне, который с новым пылом сейчас лизал его плоть.

Он укрылся в тихом тупике и привел себя в порядок. Одежда, которую он ухитрился прихватить с собой, сбегаая из квартиры, была наспех подобранной, но, по крайней мере, он не будет в ней привлекать излишнего внимания. Пока он застегивал пуговицы, все тело его, казалось, протестовало против этой внешней оболочки и он пытался совладать с той бурей, которая гудела у него в голове. Однако пламя, которое пылало в нем, не утихло. Каждая его жилка, казалось, трепетала и отзывалась окружающему миру. Деревья вдоль дороги, стена за спиной, даже выщербленные камни под его босыми ногами — все вызывало в нем возбуждение и, казалось, тоже воспламенялось тем же огнем. Он усмехнулся этому разгорающемуся пожару, и охваченный огнем мир усмехнулся ему в ответ.

Возбужденный сверх меры, он обернулся к стене, к которой до этого прислонился. Солнце светило прямо на нее и камень нагрелся, а от кирпичей шел одуряющий аромат. Он целовал их грязные лица, руки его ласкали каждую трещину и выбоину. Бормоча нежную чушь, он расстегнул молнию, нашел удобную выемку и наполнил ее. В мозгу его пробегали живые картинки: запутанная анатомия, мужчины и женщины в неразделимом единстве. Даже облака над его головой пылали огнем и дыхание его прервалось. Но экстаз... Он будет длиться вечно.

Неожиданно болезненный спазм охватил его позвоночник от коры головного мозга до мошонки и вновь вверх, заставив его скрючиться в конвульсиях. Руки его сорвались с каменной кладки, и он кончил в воздух, падая на землю. Несколько секунд он лежал, скорчившись, а эхо первоначальной судороги металось взад и вперед по его позвоночнику, стихая с каждым разом. Он ощущал вкус крови — должно быть, он прокусил губу или язык, но он не был в этом уверен. Над его головой кружили птицы, лениво поднимаясь в теплом воздухе. Он смотрел, как угасает облачный огонь.

Он поднялся на ноги и поглядел вниз, на брызги семени на асфальте. На какую-то минуту он вновь вообразил себе чудесное действо: брак его семени с выщербленным камнем. Что за дети могли явиться миру, подумал он, если бы он мог и в самом деле спариваться с камнем или с деревом; он с

радостью претерпел бы последующую агонию, если бы такие чудеса были возможны. Но камень остался равнодушен к оплодотворению, и это видение, как и огонь, пылающий у него над головой, остыло и потеряло свое величие.

Он спрятал свой кровотокающий член и опять прислонился к стенке, вновь и вновь проигрывая в голове недавние события. Что-то очень важное изменилось в нем, в этом он не сомневался, им овладело безумие (и, вероятно, овладеет еще не раз), равного которому он никогда в жизни не испытывал. И что бы они там в лаборатории ему ни вприснули, оно не выводилось естественным путем — о, нет! Он все еще ощущал в себе этот жар, как тогда, когда покинул лабораторию, но сейчас это чувство было еще сильнее.

Теперь он жил совершенно иной жизнью и эта мысль, хоть и пугающая, возбудила его. Однако в его воспаленном, пышущем эротикой мозгу не возникло догадки о том, что в свое время эта новая жизнь приведет его к совершенно необычной смерти.

Карнеги, которого постоянно дергало начальство, требуя результатов расследования, в свою очередь давал взбучку своим подчиненным. Это был обычный порядок вещей, когда сильные насакивали на нижестоящего, а тот, в свою очередь, на тех, кто стоит еще ниже на служебной лестнице. Карнеги иногда гадал, на ком срывает свою злость самый мелкий служащий — наверное, на своей собаке.

— Этот негодяй все еще на свободе, господа, несмотря на то что его фотография есть почти во всех утренних газетах и на наши оперативные действия, которые оказались, мягко говоря, несостоятельными. Разумеется, мы поймаем его, но давайте сделаем это до того, как у нас на руках окажется еще одно убийство.

Зазвонил телефон. Замещающий Бойла Миган поднял трубку, тогда как Карнеги продолжал вещать собравшимся вокруг полицейским:

— Я хочу, чтобы мы его взяли за двадцать четыре часа, господа. Мне дали именно этот срок, так что это все, что мы имеем. Двадцать четыре часа.

Миган прервал его.

— Сэр. Это Йоханссон. Он говорит, что у него есть для вас кое-что и что это очень срочно.

— Хорошо. — Инспектор взял трубку. — Карнеги слушает.

Голос на другом конце провода был тихим, почти неслышимым.

— Карнеги, — сказал Йоханссон. — Мы тут копались в лаборатории в поисках информации по работе Данс и Веллеса... Мы также проанализировали остатки того вещества, которое они вводили подозреваемому. Мне кажется, что мы нашли «Мальчика», Карнеги.

— Какого мальчика? — спросил Карнеги, которого раздражало, что Йоханссон ходит вокруг да около.

— «Слепоего мальчика», Карнеги.

— И?

По какой-то необъяснимой причине Карнеги был уверен, что полицейский улыбнулся в трубку, прежде чем ответить.

— Думаю, вам лучше приехать и поглядеть самому. Где-нибудь около полудня — подойдет?

Йоханссон мог бы быть одним из величайших отравителей в истории человечества — для этого у него были все необходимые данные. Методичный ум (все отравители, исходя из опыта Карнеги, были идеальными в быту), запас терпения (яд требует времени) и, что самое важное, энциклопедические знания в области токсикологии. Карнеги уже два раза работал с ним, и зрелище этого болезненного человека, возящегося со своим хрупким оборудованием, вызывало у Карнеги невольный озноб.

Йоханссон устроился наверху в лаборатории, где была убита доктор Данс, потому что, как он объяснил Карнеги, тут было оборудование, которое нигде больше раздобыть было невозможно. Однако его властью (на него работали два ассистента) тот хаос, который застала здесь полиция, превратился в образцовый порядок. Только обезьяны остались теми же — призвать их к дисциплине не удалось и Йоханссону.

— Выяснить, что за препарат они использовали на вашем подопечном, труда не составило, — сказал Йоханссон. — Мы попросту исследовали его остатки в найденном в помещении шприце. Вообще-то, видимо, они уже какое-то время производили это вещество или его разновидности. Конечно, люди, работающие здесь, уверяют, что ни о чем

подобном они понятия не имели. Я склонен им верить. Что бы эти два ученых тут ни делали, это был их личный эксперимент.

— Что за эксперимент?

Йоханссон снял очки и протер их уголком своего красного галстука.

— Сначала мы думали, что они тут разработали какой-то новый галлюциноген, — сказал он. — В некотором отношении препарат, который они применили к подопытному, напоминал наркотик. Но на самом деле они, я думаю, сделали абсолютно новое открытие. Их разработки ведут в совершенно новую область.

— Так это не наркотик?

— О, это, конечно, наркотик, — сказал Йоханссон, вновь надевая очки, — но созданный с одной, весьма специфической целью. Поглядите сами.

Йоханссон пошел впереди, показывая дорогу, мимо рядов обезьяньих клеток. До этого животные сидели по отдельности, но токсиколог убрал промежуточные перегородки между клетками, чтобы животные могли свободно собираться в группу. Результат был однозначным — непрерывная череда половых актов. Почему, думал Карнеги, обезьяны постоянно оскорбляют чувства людей? То же самое происходило, когда он брал своих детей, тогда еще малолеток, в зоопарк. После посещения обезьянника один неудобный вопрос следовал за другим, так что спустя какое-то время он вообще перестал водить туда детей. Уж слишком утомительно было подыскивать вразумительные ответы.

— Им что, больше делать нечего? — спросил он Йоханссона, отворачиваясь, потом глядя на трех обезьян, чье совокупление было настолько тесным, что он не мог определить, какой обезьяне что принадлежит.

— Поверьте мне, — усмехнулся Йоханссон, — что это еще ерунда. С тех пор как мы ввели им немного препарата, они вели себя и похлеще. После инъекции они пренебрегают всеми обычными ритуалами поведения, не реагируют на сигналы угрозы, на ритуалы приветствия. Они больше не интересуются едой. Они не спят. Они стали сексуальными маньяками. Все остальные стимулы забыты. Если только препарат не выведется естественным путем, полагаю, они затрахаются до смерти.

Карнеги поглядел на остальные клетки: в каждой разыгрывались те же порнографические сцены. Групповые изнасилования, гомосексуальные контакты, торопливая и экстазическая мастурбация.

— Неудивительно, что эти ученые так засекретили свой проект, — продолжал Йоханссон. — То, на что они набрали, принесло бы им целое состояние. Афродизиак, любовное снадобье, и действительно эффективное.

— Афродизиак?

— Большой частью, они бесполезны, разумеется. Рог носорога, живые угри в сливочном соусе, всякие амулеты. В основном они призваны вызывать соответствующие ассоциации.

Карнеги вспомнил голод в глазах Джерома. Это именно тот самый голод, на который сейчас эхом отзывались обезьяны. Голод и то отчаяние, которое голод приносит с собой.

— И все притирания тоже бесполезны. *Cantharis vesticatora*...

— Это еще что?

— Может, вам это известно как шпанская мушка. Это — мазь, которую готовят из определенного жучка. И вновь — никакого эффекта. В лучшем случае все эти препараты безвредны. Но это... — Он потряс колбой с бесцветной жидкостью. — Это чертовски близко к гениальности.

— По мне, так они не выглядят слишком счастливо.

— О, оно еще очень грубо работает, — сказал Йоханссон. — Я думаю, исследователей подвела алчность и они приступили к опытам на живых организмах года на два раньше чем следовало бы. Это вещество почти смертельно, в этом сомнения нет. Но если бы они потратили на него побольше времени, оно могло бы быть эффективным. Видите ли, они обошли проблемы физиологии — этот препарат действует непосредственно на сексуальное воображение, на либидо. А если вы пробуждаете мозг, то тело само следует за ним — вот в чем тут хитрость.

Решетка одной из клеток затряслась, и это отвлекло внимание Карнеги от бледного, невыразительного лица Йоханссона. Одна из самок, явно не удовлетворенная вниманием нескольких самцов, распростерлась по наружной решетке. Ее крохотные пальчики тянулись к Карнеги, в то время как ее ягодицы продолжали подвергаться обработке.

— Слепой мальчик? — спросил Карнеги. — Это что, — Джером?

— Это Купидон, верно? — сказал Йоханссон. — Предмет любви мы зрим не взглядом, но душой... Крылатый бог любви — и тот слепой. Это из «Сна в летнюю ночь».

— Шекспира я всегда знал неважно, — ответил Карнеги. Он вновь уставился на самку. — А Джером? — спросил он.

— Ему ввели этот препарат. Довольно внушительную дозу.

— Так он теперь вроде этих мартышек!

— Я бы сказал, поскольку его интеллектуальный потенциал все-таки выше, может быть, препарат действует на него не так уж *раскованно*. Но уж если на то пошло, секс превращает в мартышек и лучших из нас, а? — При этом замечании Йоханссон позволил себе слегка улыбнуться. — И все так называемые личные соображения отходят на второй план. На короткое время секс делает из всех нас одержимых, мы делаем, или по крайней мере, думаем, что можем делать то, что на взгляд постороннего наблюдателя выглядело бы довольно странно.

— Не думаю, что в изнасиловании есть что-то уж такое экстраординарное, — отозвался Карнеги, пытаясь прервать эту рапсодию.

Но его собеседника было не так уж легко сбить с толку.

— Секс без предела, без компромиссов, без чувства вины, — сказал он. — Представьте себе это. Мечта Казановы.

В мире уже было столько эпох: век Просвещения, век Реформации, век Разума. Теперь, наконец, наступил век Желания. А после этого — конец всем эпохам и, возможно, всему остальному. Потому что были запалены огни, которых не знал раньше простодушный мир. Чудовищные огни, без конца, без предела, огни, которые, слившись, в последний раз яростным светом озарят мир.

Так думал Веллес, лежа на больничной койке. Он уже несколько часов как пришел в сознание, но решил не выказывать этого. Как только в палату к нему заходила сиделка, он закрывал глаза и замедлял ритм дыхания. Он знал, что долго дурачить их ему не удастся, но за эти часы он мог обдумать, что ему следует делать дальше. Первым его побуждением было вернуться в лабораторию — там были

бумаги, которые нужно было уничтожить, и пленки, которые необходимо было стереть. С тех пор он мог быть в уверенности, что все детали проекта «Слепой мальчик» существуют только в его памяти. Таким образом он сохранит над работой полный контроль и никто не сможет отобрать ее.

Он никогда особенно не интересовался тем, как извлечь из своего открытия побольше денег, хотя он был отлично осведомлен, какие золотые горы сулил новый афродизиак. Его никогда не интересовало материальное благополучие. Первоначальной мотивацией разработки препарата — на который они набрали совершенно случайно, проверяя ряд препаратов, призванных помочь лечению шизофрении, — было чистое научное любопытство. Но после месяцев тайной работы его мотивы изменились. Он начал думать о себе, как о человеке, который принесет миру вечное блаженство. Он не позволит никому отобрать эту священную роль.

Так думал он, лежа на больничной койке и выжидая момент, чтобы ускользнуть.

Если бы Джером знал о мыслях Веллеса, то он бы с удовольствием расписался под ними. Он шел по улице и везде видел признаки наступления новой эпохи — века Желания. На досках объявлений и рекламы кинотеатров, в витринах магазинов, на экранах телевизоров — везде, где тело так или иначе служило объектом рекламы или купли-продажи. А там, где творения рук человеческих — творения из камня или металла — не нуждались в посредничестве человеческой плоти, они сами перенимали ее качества. Автомобили, проносящиеся мимо него, обладали всеми атрибутами жизни: их гладкие, женственные обводы сияли, их нутро приглашающе распахивалось; здания вызывали целый поток сексуальных ассоциаций — затененные проходы, площадки с пенящимися фонтанчиками воды. Он ощущал, что все его тело отзывается на каждый новый вид, открывающийся ему с улиц и площадей.

Это зрелище питало огонь, крившийся в его теле, и он с трудом старался не слишком присматриваться к каждому встречному. Лишь некоторые чувствовали этот жар и изда-лека обходили его. Собаки тоже это ощущали и следовали за ним, возбужденные его возбуждением. Мухи эскадронами кружили вокруг его головы. Но остатки здравого смысла в

нем помогали контролировать поведение. Он знал, что если он выявит пылавшую в нем страсть, это привлечет внимание закона и все его приключения на этом закончатся. Очень скоро тот огонь, который впервые запылал именно в нем, перекинется и на других, и тогда он появится из своего укрытия и свободно выплеснет пламя наружу. А пока этого не случилось, лучше проявлять осторожность.

Раньше он иногда покупал общество одной из женщин Сохо и теперь отправился на ее поиски. День был удушливо жарким, однако усталости он не чувствовал. Он не ел с предыдущего вечера, однако голода не чувствовал тоже. И в самом деле, взбираясь по узенькой лестнице в комнату на втором этаже, где раньше жила Анжела, он чувствовал себя, точно пышущий здоровьем атлет. Мужеподобной, пустоглазой сводницы, которая обычно сидела на верхней площадке лестницы, сейчас не было. Джером просто подошел к двери, ведущей в комнату девушки, и постучал. Ответа не было. Он постучал вновь, более настойчиво. На шум из двери на дальнем конце площадки вышла женщина средних лет.

— Что вам нужно?

— Женщину, — просто ответил он.

— Анжелы нет. И вам лучше бы убраться отсюда в этом состоянии. Тут не бардак.

— Когда она вернется? — спросил он, стараясь по возможности сдерживать свои желания.

Женщина, почти такая же высокая, как Джером, и чуть не вдвое толще, раздраженно поглядела на него.

— Она не вернется, — сказала она. — И вам лучше убраться отсюда, да поскорее, пока я не позвала Исайю.

Джером поглядел на женщину. Несомненно, хотя у нее не было молодости и красоты Анжелы, но профессия была та же. Он улыбнулся ей.

— Я слышу, как стучит ваше сердце, — сказал он.

— Я же вам сказала...

Прежде чем она закончила фразу, Джером уже направлялся к ней через площадку. При его приближении она не испугалась, а лишь с отвращением отпрянула.

— Если я позову Исайю, вы пожалеете, — предупредила она. Ритм ее сердцебиения участился, он отчетливо это слышал.

— Я горю, — сказал он.

Она нахмурилась, поскольку явно проигрывала эту схватку сил.

— Держитесь от меня подальше, — сказала она. — Я вас предупреждаю.

Ее сердце забилося еще быстрее. Этот ритм, скрытый глубоко в ее теле, возбудил его. Все оттуда — вся жизнь, весь огонь.

— Отдай мне свое сердце, — сказал он.

— Исайя!

Однако на ее крик никто не пришел. Джером не дал ей возможности крикнуть во второй раз, он прыгнул на нее и зажал ей рот рукой. Она обрушила на него град ударов, но боль лишь напитала пылающий в нем огонь. Он пылал все жарче, и каждая пора тела Джерома служила выходом для пламени, горящего у него во внутренностях, в голове, в мошонке. Внушительные размеры женщины ничего не значили для охватившей его лихорадки. Он прижал ее к стене — удары ее сердца громом отдавались у него в ушах — и начал осыпать поцелуями шею, одновременно срывая одежду, чтобы высвободить грудь.

— Не кричи, — сказал он, стараясь говорить убедительно. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

Она покачала головой и сказала ему в ладонь: «Не буду». Он отнял ладонь от губ женщины, и она несколько раз отчаянно глотнула воздух. Где же Исайя, подумала она. Наверняка, где-то поблизости. Она опасалась за свою жизнь, если будет сопротивляться этому насильнику — так горели у него глаза! — так что она оставила всякие попытки к сопротивлению и позволила ему делать, что он хочет. Страсть мужчины, это она знала по собственному богатому опыту, легко истощалась. Сначала они клянутся перевернуть небо и землю, а полчаса спустя становятся вялыми, как тряпка. Если уж происходит то, что происходит, она сможет вынести его воспаленную страсть — у нее бывали посетители и похуже. Что же касается его прибора, который он вводил в нее все глубже, то ни в размерах, ни в обращении не было ничего, что бы поразило ее.

Джером хотел добраться до ее сердца, хотел, чтобы оно выплеснулось ему в лицо, хотел купаться в теплой крови. Он просунул руку ей под груди и почувствовал, как оно колотится под его ладонью.

— Понравилось, а? — спросила она, когда он прижался к ее груди. — Не тебе одному.

Он впился пальцами ей в кожу.

— Осторожней, золотко, — сказала она, заглядывая ему через плечо в надежде увидеть Исайю. — Помягче. У меня нет другого тела.

Он не ответил. Ногти его окрасились кровью.

— Не делай этого, — сказала она.

— Ему нужно наружу, — ответил он, зарываясь все глубже, и тут до нее внезапно дошло, что это вовсе не любовная игра.

— *Прекрати!* — сказала она, когда он начал терзать ее. На этот раз она закричала.

Внизу, неподалеку от дома, Исайя уронил кусок французского кекса, который он купил только что, и побежал к двери. Это был не первый раз, когда его пристрастия сладкоежки увели его с поста, но — если он не поторопится — будет последний. С лестничной площадки доносились ужасные звуки. Он взбежал по ступенькам. Сцена, которая предстала перед его глазами, была гораздо хуже, чем он мог вообразить. Какой-то тип прижал Симону к стенке, откуда-то из-под них текла кровь, но он не мог увидеть, откуда.

Исайя заорал. Джером с окровавленными руками оторвался от своих трудов и увидел гиганта в униформе. Джерому понадобилось несколько секунд, чтобы оторваться от женщины, и за это время гигант был уже рядом. Исайя схватил его и оттащил прочь. Она, всхлипывая, скрылась в своей комнате.

— Проклятый ублюдок, — сказал Исайя, награждая пришельца градом ударов. Джером слабо отбивался. Но он пылал и ничего не боялся. Опомнившись, он накинута на парня, точно разъяренный бабуин. Исайя, застигнутый врасплох, потерял равновесие и упал на одну из дверей, которая под его весом отворилась внутрь. Он повалился в тесный туалет и, падая, ударился головой о край унитаза. Все это совершенно сбilo его с толку, и он лежал на окрашенном линолеуме и слабо постанывал, ноги его были широко раздвинуты. Джером слышал, как кровь пульсирует в венах мужчины, и ощущал запах сахара в его дыхании — все это понуждало его остаться. Но инстинкт самосохранения требовал иного — Исайя уже делал попытки подняться. Прежде

чем он смог сделать это, Джером повернулся и сбежал по ступенькам.

Когда он вышел, уже наступили сумерки, и он улыбнулся. Улица желала его больше, чем та женщина на площадке, и он готов был подчиниться этому желанию. Он устался на булыжник под ногами, восставшая плоть все еще распирала его штаны. Он слышал, как за его спиной топает по ступенькам гигант. Огонь все еще горел в нем, он охватил ноги, и Джером побежал по улице, не заботясь о том, преследует ли его этот человек со сладким дыханием. Прохожие, привыкшие ко всему в этот бесстрастный век, не слишком удивлялись, когда мимо них пробежал заляпанный кровью сатир. Некоторые показывали на него, полагая, что это какой-то актер, но большинство — вовсе не обращали внимания. Он свернул в путаницу боковых переулков, и ему не нужно было оглядываться, чтобы знать, что Исайя все еще преследует его.

Возможно, он набрел на уличный рынок случайно, но, что более вероятно, слабый ветерок донес до него смешанные запахи мяса и фруктов, запахи, в которых так приятно было купаться. Узкий пролет был весь заставлен прилавками, забит покупателями и продавцами. Он радостно углубился в толпу, терся о чьи-то бедра и ягодицы, и везде, куда ни кинь взгляд, была человечья плоть! Он и его прибор едва могли поверить в такую удачу.

Он услышал, как за его спиной закричал Исайя. Он ускорил шаги, направившись туда, где толпа людей была еще плотнее, где он мог затеряться в жаркой массе людей. Каждый контакт вызывал болезненный экстаз. Каждый оргазм — а они наступали один за другим, когда он проталкивался сквозь толпу, — был сухим спазмом боли. Болела его спина, болела мошонка, но что сейчас его тело — всего лишь постамент для одного-единственного монумента — пениса. Голова — ничто, разум — ничто. Руки существовали лишь для того, чтобы притянуть к себе любовь; ноги — для того, чтобы нести требовательный член туда, где он мог найти удовлетворение. Он сам себе рисовался ходячей эрекцией — мир жаждал его. Плоть, камень, сталь — ему все равно, его влекло все.

Неожиданно, против его желания, толпа поредела и он прошел через калитку рынка и оказался на узкой улочке.

Солнце пронизывало лучами проемы между домами, и это усилило его жар. Он уже хотел вновь вернуться к толпе, когда почувствовал запах и увидел нечто, что заинтересовало его. Неподалеку от пышущей жаром улицы три молодых человека, все без рубашек, стояли посреди контейнеров с фруктами, в каждом ящике была дюжина корзиночек с клубникой. Год в этот раз выдался урожайным на фрукты, а на такой жаре они быстро начинали портиться и гнить. Трое рабочих ходили вдоль этой груды корзинок, выбирая хорошие фрукты и кидая гнилье в сточную канаву. Запах в таком узком проулке был чрезвычайно сильным, в нем стоял такой сладкий дух, что любому прохожему, кроме Джерома, стало бы плохо, но Джером потерял способность к брезгливости и отвращению. Мир — это мир, каков он есть, и он принимает его, как при венчании, к добру или к худу. Он зачарованно наблюдал это зрелище: потные сортировщики фруктов, залитые лучами солнца, их руки, ноги, тела заляпаны алым соком, воздух гудит от насекомых, снующих повсюду в поисках нектара, а в сточной канаве вырос целый курган из гниющих фруктов. Погруженные в свою малопривлекательную работу сортировщики поначалу не заметили его. Потом один из троих поднял голову и увидел странное существо, наблюдавшее за ними. Он усмехнулся, но усмешка сошла с его лица, когда он увидел глаза Джерома.

— Какого черта?

Остальные двое тоже оторвались от работы.

— До чего же сладко, — сказал Джером. Он чувствовал, как стучат их сердца.

— Погляди-ка на него, — сказал самый младший, показывая на ширинку Джерома. — У него трахалка торчит.

Они неподвижно стояли в солнечном свете, и он тоже, а осы гудели над грудой фруктов, и в голубом небесном проеме между домами пролетали птицы. Джером хотел, чтобы этот миг длился вечно, и то, что осталось у него от разума, считало это место Раем.

И затем прекрасный сон кончился. Он почувствовал, как за его спиной появилась тень. Один из сортировщиков уронил корзинку, которую перебирал, гнилые фрукты рассыпались по гравию. Джером нахмурился и полуобернулся. Исайя нашел эту улицу, в руке у него сияло оружие. В одну короткую секунду оно пронеслось между ним и Дже-

ромом, и Джером почувствовал боль в боку, куда ударил нож.

— О, Боже! — сказал молодой человек и побежал, его два брата, не желая быть свидетелями ножевой расправы, поколебались лишь миг и потом последовали за ним.

Боль заставила Джерома вскрикнуть, но никто на рынке этого не слышал. Исайя вытащил лезвие, и вместе с лезвием вышел жар. Он вновь замахнулся для удара, но Джером для этого был слишком быстр — он отодвинулся и миг спустя уже пересек улицу. Предполагаемый убийца, боясь, что крики Джерома привлекут нежелательное внимание, быстро пустился в погоню, чтобы закончить свою работу. Но асфальт был скользким от гнилых фруктов, а его чудные замшевые туфли удерживали его хуже, чем Джерома — босые ноги. Пропасть между ними все увеличивалась.

— Ну, нет! — сказал Исайя, не намереваясь упустить унизившего его человека. Он перевернул башню ящиков с фруктами — корзиночки опрокинулись, и их содержимое перекрыло дорогу Джерому. Тот заколебался, прежде чем ступить в это месиво, и промедление чуть не убило его. Исайя приблизился, уже держа нож наготове. Джером, чьи чувства обострились от боли до крайности, увидел лезвие ножа готовое распороть ему живот. Мозг его осознал опасность этой раны, но тело жаждало ее — жар выплеснется из него вместе с кровью, присоединяясь к грудам клубники, разбросанной в сточной канаве. Искушение было таким сильным, что он чуть не поддался ему.

Исайя уже дважды убивал до этого. Он знал безмолвный язык этого действия и знал, что означает приглашение, горящее в глазах жертвы. Он счастлив был подчиниться этому приглашению и занес нож. В последний момент Джером опомнился и, вместо того чтобы подставиться под нож, ударил гиганта. Исайя отклонился, и его подошвы поскользнулись на фруктовом месиве. Нож выпал у него из руки и упал в россыпь фруктов и корзиночек. Джером дернулся прочь, тогда как его преследователь, потеряв преимущество, принялся отыскивать свое оружие. Но жертва уже ускользнула и, прежде чем огромная рука взялась за рукоятку, затерялась на людных улицах. Он даже не успел спрятать нож, когда человек в полицейском мундире заступил ему дорогу.

— Что тут происходит? — требовательно спросил полицейский, глядя на нож. Исайя поглядел туда же. Окровавленное лезвие было черно от облепивших его мух.

В своем кабинете Карнеги потягивал горячий шоколад из чашки, третьей за последний час, и глядел, как сгущаются за окном сумерки. Он всегда хотел быть детективом, сколько себя помнил, и в этих воспоминаниях работа представлялась ему увлекательной и захватывающей. Ночь опускалась на город, и зло, облачившись в свои одеяния, выходило на улицы. Это было время противостоять злу, время боевой готовности.

Но он не мог предвидеть, будучи ребенком, той усталости, которую неизбежно приносят с собой сумерки. Он устал до костей, и если он не ляжет в постель, то заснет тут, в кресле, забросив ноги на стол, среди пластиковых чашек из-под шоколада.

Зазвонил телефон. Говорил Йоханссон.

— Все еще за работой? — спросил Карнеги, пораженный преданностью Йоханссона делу. Было уже далеко за девять. Может, у Йоханссона не было дома, в который стоило бы возвращаться?

— Слышал, у нашего парня был занятой день? — сказал Йоханссон.

— Верно. Проститутка в Сохо, потом позволил пырнуть себя ножом.

— Он прорвался через ограждение, полагаю.

— Такое иногда случается, — сказал Карнеги, слишком усталый, чтобы оправдываться. — Что вам от меня нужно?

— Я просто подумал, что вам будет интересно: обезьяны начали гибнуть.

Эти слова вывели Карнеги из ступора усталости.

— Сколько? — спросил он.

— Пока что три из четырнадцати, но остальные, полагаю, умрут до рассвета.

— Что их убило? перевозбуждение? — спросил Карнеги, вспомнив бешеные сатурналии, которые он наблюдал в клетках. Какое животное — в том числе и человек — удержится на таком уровне возбуждения не сломавшись?

— Это не связано с физическим истощением, — ответил Йоханссон. — Или, по крайней мере, связано не так, как вы

думаете. Нам нужно подождать результатов вскрытия, прежде чем мы получим более или менее подробное объяснение.

— А сами вы как думаете?

— Ну, если так... — сказал Йоханссон. — Я думаю, что они теряют голову.

— Что?

— Мозговая перегрузка какого-то рода. У них мозги просто-напросто сдают. Этот препарат не выводится, видите ли, он подпитывает сам себя. Чем больше они распаляются, тем больше препарата производит их мозг, а чем больше он его производит, тем больше они распаляются. Такой порочный круг. Все жарче и жарче, яростней и яростней. Наконец, организм больше не может вынести этого, и — оп! Я стою по колено в дохлых мартышках. — В холодном, сухом голосе вновь послышалась улыбка. — Остальные не позволяют себе расстраиваться по этому поводу. Сейчас у них в моде некрофилия.

Карнеги глотнул остывшего шоколаду. На поверхности жидкости собралась маслянистая кожица, которая треснула, когда он качнул чашку.

— Так это просто дело времени? — спросил он.

— Что наш парень свалится? Да, думаю, что так.

— Ладно. Спасибо за сведения. Держите меня и дальше в курсе.

— Не хотите спуститься и поглядеть на останки?

— Обойдусь без обезьяньих трупов, благодарю вас.

Йоханссон рассмеялся. Карнеги положил трубку. Когда он вновь повернулся к окну, на город уже спустилась ночь.

В лаборатории Йоханссон подошел к двери, чтобы повернуть выключатель — пока он говорил с Карнеги, последний дневной свет угас и стало совсем темно. Он увидел занесенную для удара руку лишь на секунду раньше, чем она опустилась, удар пришелся на основание шеи. Один из позвонков треснул, ноги подкосились. Он упал, так и не дотянувшись до выключателя. К тому времени, когда он ударился о пол, разница между ночью и днем была чисто академической.

Веллес не потрудился остановиться и проверить, был ли этот удар смертельным — для этого у него было слишком мало времени. Он перешагнул через тело и поспешил к

столу, за которым работал Йоханссон. Там в кругу света от лампы, точно в финальной сцене какой-то обезьяньей трагедии, лежала мертвая мартышка. Она была безумно истощена — опухшее лицо, оскаленный рот, глаза, закаченные от смертной тревоги. Шерсть животного была выдернута пучками во время многочисленных половых актов, распростертое тельце — все в синяках. У Веллеса ушло секунд тридцать, чтобы определить причину смерти этого животного и двух других, которые лежали на соседнем лабораторном столе.

— Любовь убивает, — прошептал он философски — и начал методичную деятельность по уничтожению всех материалов проекта «Слепой мальчик».

— Я умираю, — подумал Джером. — Я умираю от бесконечного счастья. Эта мысль понравилась ему. Это была единственная осмысленная фраза, возникшая у него в мозгу. Со времени столкновения с Исайей и последующего побега из полиции он с трудом мог восстановить дальнейшие события. Те часы, когда он просидел в укрытии, залечивая свою рану и чувствуя, как жар растет в нем и высвобождается, слились в один сплошной сон в летнюю ночь, от которого, он знал, его пробудит лишь одна смерть. Жар полностью пожрал его, выел все внутренности. И если его вскроют после смерти, что они найдут? Лишь пепел и золу.

Однако его одноглазый приятель все еще требовал *большего*, и он направился назад, в лабораторию — куда еще мог вернуться агонизирующий безумец, если не туда, где его впервые захлестнуло жаром? Мошонка его все еще пылала огнем, и каждая трещина в стене настойчиво предлагала ему себя.

Ночь была тихой и теплой: ночь для серенад и страсти. В сомнительной интимности парковочной площадки за несколько кварталов от цели его путешествия он увидел двоих, занимающихся любовью на заднем сиденье машины, чьи дверцы были распахнуты, чтобы любовники могли устроиться поудобнее. Джером остановился, чтобы понаблюдать действие, как всегда возбуждаясь при виде сплетенных тел и от звука — такого громкого — двух сердец, бьющихся в одном убыстряющемся ритме. Он наблюдал, и желание все сильнее охватывало его.

Женщина заметила его первой и призвала своего партнера прогнать это создание, которое наблюдало за ними с таким детским удовольствием. Мужчина приподнялся над ней, чтобы взглянуть на Джерома. «Горю ли я? — подумал Джером. — Мои волосы наверняка пылают... А может, иллюзия обретает плоть».

Если судить по их лицам, то можно было ответить отрицательно. Они не были ни удивлены, ни напуганы — лишь раздражены.

— Я горю, — объяснил он им.

Мужчина поднялся на ноги и направился к Джерому, чтобы плюнуть в него. Он почти ожидал, что слюна зашипит, как на горячей сковородке, но вместо этого она была прохладной, точно освежающий душ.

— Иди к черту, — сказала женщина, — оставь нас в покое.

Джером покачал головой. Мужчина предупредил его, что, если он не уберется, ему свернут шею. Но Джерома это несколько не испугало: ни удары, ни слова ничего не значили перед требовательным зовом пола.

Их сердца, подумал он, когда придвигался к ним ближе, больше не бились в унисон.

Карнеги разглядывал карту, которая уже на пять лет устарела, пытаясь определить по ней место нападения, о котором ему доложили только что. Ни одна из жертв не получила серьезных повреждений. На парковочную стоянку прибыла целая группа весельчаков, и они спугнули Джерома (а это, без сомнения, был он). Теперь весь район был оцеплен полицией, большинство полицейских были вооружены, и все улицы неподалеку от места нападения вот-вот будут перекрыты. В отличие от перенаселенного Сохо, в этом районе беглецу будет трудно найти себе укрытие.

Карнеги отметил булавкой с флажком место нападения и понял, что оно неподалеку от лаборатории. Наверняка это не было случайностью. Парень возвращался на место первого преступления. Раненый и, без сомнения, на грани срыва — любовники описали его как человека, скорее, полумертвого, — Джером будет легкой добычей для полиции, прежде чем доберется туда. Но всегда существовал определенный риск, что он ускользнет из сетей и все же проберется в

лабораторию. Там до сих пор работал Йоханссон, а охрана была незначительна.

Карнеги подошел к телефону и начал дозваниваться до Йоханссона. Телефон на другом конце провода звонил и звонил, но трубку никто не брал. Он уже ушел, подумал Карнеги, подтвердил все свои предположения и пошел отдыхать — уже ночь, а свой отдых он заработал. Но, когда он уже собрался положить трубку, кто-то поднял ее в лаборатории.

— Йоханссон?

Никто не ответил.

— Йоханссон? Это Карнеги. — Опять молчание. — Ответь мне, черт возьми. Кто это?

В лаборатории трубку не положили на рычаг, а просто бросили на стол. Карнеги слышал лишь голоса обезьянок, пронзительные и визгливые.

— Йоханссон? — повторял Карнеги. — Это ты? Йоханссон?

Отвечали лишь обезьяны.

Веллес устроил в двух раковинах костры из материалов по проекту «Слепой мальчик» и запалил их. Они радостно вспыхнули. Дым, жар, копоть заполнили большое помещение, сгустились в воздухе. Когда огонь как следует разгорелся, он засунул туда все пленки, которые смог отыскать. Некоторые ленты, он отметил, исчезли, однако все, что предполагаемый вор мог на них увидеть — это несколько путанных сцен превращения подопытного, а суть дела останется неясна. Теперь, когда все дневники и формулы были сожжены, осталось только смыть в раковину остатки препарата и уничтожить животных.

Он приготовил серию шприцев, наполненных смертельной дозой яда, и методично принялся за дело. Эта разрушительная работа его успокоила. Он не жалел о том, как все повернулось. Начиная с первого мига паники, когда он беспомощно наблюдал, как сыворотка «Слепой мальчик» оказывает на Джерома свое чудовищное воздействие, и до этого последнего акта разрушения, все складывалось в один закономерный процесс. Запалив эти огни, он уничтожил все, что было связано с научными изысканиями, — теперь он был апостолом Века Желания, его Иоганом-пустынником. Эта

мысль полностью овладела им. Не обращая внимания на протестующие крики обезьян, он вынимал их одну за другой из клетки, чтобы ввести смертельную дозу. Он уже расправился с тремя и открыл клетку, чтобы вынуть четвертую, когда в проеме двери, ведущей в лабораторию, появилась фигура. Воздух был так наполнен дымом, что невозможно было понять, кто это. Однако оставшиеся в живых обезьяны, казалось, узнали его, они прекратили спариваться и приветственно завизжали.

Веллес стоял неподвижно и ждал, когда вошедший подойдет к нему.

— Я умираю, — сказал Джером.

Этого Веллес не ожидал. Из всех людей, которые могли тут оказаться, Джером был на последнем месте.

— Вы слышите меня? — требовательно спросил Джером. Веллес кивнул.

— Мы все умираем, Джером. Жизнь — это хроническое заболевание, ни больше ни меньше. Но так умирать легче, а?

— Ты знал, что это случится, — сказал Джером. — Знал, что этот огонь выжжет меня.

— Нет, — серьезно ответил Веллес. — Я не знал. Правда.

Джером вышел из дверного проема на смутный свет. Он еле волочил ноги, вид у него был растерзанный — кровь на одежде, в глазах огонь. Но Веллес хорошо знал, что скрывается за этой видимой слабостью. Препарат в его организме придавал Джерому нечеловеческую силу, и Веллес сам наблюдал, как тот голыми руками вскрыл грудную клетку Данс. Тут нужно быть осторожным. Джером был явно на грани смерти, но все еще был опасен.

— Это не входило в мои намерения, Джером, — сказал Веллес, пытаясь подавить дрожь в голосе. — По-своему, может, я этого и хотел. Но не настолько уж я был дальновиден. Для того чтобы узнать, что случится, нужно время и страдание.

Человек напротив не сводил с него горящих глаз.

— Такие огни, Джером, их нужно было зажечь.

— Я знаю... — сказал Джером. — Поверьте... я знаю.

— Ты и я... мы — конец этого мира.

Бедное чудовище какое-то время раздумывало над этими словами, потом медленно кивнуло. Веллес осторожно вздохнул: эта предсмертная дипломатия, кажется, сработала. Но

у него не так уж много времени, чтобы тратить его на разговоры. Если Джером пришел сюда, может, власти следуют за ним по пятам?

— Приятель, мне нужно доделать срочную работу, — сказал он спокойно. — Не покажусь ли я невежливым, если займусь этим сейчас?

Не ожидая ответа, он открыл еще одну клетку и выволок обреченную обезьянку, опытным движением введя инъекцию в ее тело. Животное дернулось у него в руках, потом погибло. Веллес оторвал от своей рубашки скрюченные пальчики, кинул тело и пустой шприц на лабораторный стол и экономным движением палача повернулся к следующей жертве.

— Зачем? — спросил Джером, глядя в открытые глаза животного.

— Акт милосердия, — ответил Веллес, беря очередной заполненный шприц. — Ты же видишь, как они страдают. — Он потянулся к замку следующей клетки.

— Не надо, — сказал Джером.

— Не время для сантиментов, — сказал Веллес, — прошу тебя, давай покончим с этим.

Сантименты, подумал Джером, смутно припоминая песни по радио, которые вновь пробудили в нем пламя. Разве Веллес не понимает, что процессы, происходящие в голове, сердце и мошонке неразделимы? Что чувства, какими бы примитивными они ни были, могут привести в новые неоткрытые дали? Он хотел рассказать это доктору, описать то, что он видел, и все, что полюбил в эти отчаянные часы. Но объяснения потерялись где-то на пути от мозга к языку. Все, что он мог сказать в этом состоянии сочувствия ко всему страдающему миру, было:

— Не надо, — когда Веллес открыл следующую клетку. Доктор не обращал на него внимания, и сунул руку за проволочную сетку. Там было трое животных. Он ухватил ближайшего и потащил его, протестующего, прочь от напарников. Без сомнения, животное чувствовало, какая судьба его ожидает: оно пронзительно визжало, охваченное ужасом.

Этого Джером вынести не мог. Он двинулся, хоть рана в боку мучительно болела, чтобы помешать этому убийству. Веллес, обеспокоенный приближением Джерома, выпустил свою жертву, и обезьянка, крича, побежала по поверхности

стола. Когда он бросился ее ловить, пленники в клетке у него за спиной воспользовались случаем и выскочили наружу.

— Черт тебя поberi! — заорал Веллес на Джерома. — Неужели ты не видишь, что у нас не осталось времени? Ты что, понять не можешь?

Джером все понимал и все же не понимал ничего. Он понимал ту лихорадку, которую делил с животными, и стремление переделать этот мир он понимал тоже. Но почему все должно кончиться таким образом? Эта радость, это озарение? Почему все это должно кончиться этой жуткой комнатой, наполненной дымом, страхом и отчаянием — вот этого он понять не мог. Да и Веллес тоже, хоть и был творцом всех этих противоречий.

Поскольку доктор ухитрился схватить одну из сбежавших обезьянок, Джером быстро подошел к оставшимся клеткам и открыл их — все животные вырвались на свободу. Веллес добился успеха и, держа протестующую обезьянку, потянулся за шприцем. Джером подбежал к нему.

— Оставь ты ее! — заорал он.

Веллес ввел иглу в тело обезьянки, но прежде чем он успел нажать на поршень, Джером ухватил его за запястье. Шприц выплеснул яд в воздух, потом упал на пол, за ним последовала и освободившаяся обезьянка.

Джером еще ближе подошел к Веллесу.

— Я же сказал тебе, оставь ее, — сказал он.

В ответ Веллес ударил Джерома кулаком в раненый бок. У того из глаз от боли потекли слезы, но доктора он не выпустил. Этот стимул, каким бы он ни был неприятным, не смог заставить Джерома оторваться от чужого сердца, бьющегося так близко. Он хотел запалить Веллеса, точно факел, хотел, чтобы плоть творца и творения слились в одном очищающем пламени. Но плоть его была всего лишь плотью, кость — костью. Какие бы чудеса он ни видел — это его личное откровение, и он не успеет объяснить другим ничего ни о радостях своих, ни о печалях. То, что он увидел, умрет вместе с ним, чтобы быть потом вновь созданным (возможно) в ближайшем будущем, и вновь умрет, и вновь возникнет. Как та история любви, про которую толковало радио, о любви потерянной и обретенной, и вновь потерянной. Он глядел на Веллеса в новом озарении, все еще ощущая, как бьется перепуганное сердце ученого. Доктор

был *неправ*. Если он оставит этого человека в живых, тот, возможно, поймет свою ошибку. Они не являлись провозвестниками эры вечного блаженства. Это были только грезы, и грезили они оба.

— Не убивай меня, — молил Веллес. — Я не хочу умирать.

Ну и дурак же ты, подумал Джером, и отпустил Веллеса.

Намерения Веллеса было легко угадать: он не мог поверить, что его мольбы были услышаны. С каждым шагом ожидая удара, он пятился от Джерома, который просто повернулся к доктору спиной и вышел.

Снизу раздался крик, потом еще голоса. Полиция, подумал Веллес. Вероятно, они обнаружили тело полицейского, который караулил у двери. Через какое-то мгновение они будут здесь, наверху. У него не осталось времени, чтобы закончить то, что он запланировал. Ему нужно убираться прочь, прежде чем они появятся здесь.

На первом этаже Карнеги смотрел, как вооруженные полицейские поднимаются по лестнице. В воздухе ощущался запах гари, и он опасался худшего.

Я — человек, который всегда приходит, когда уже все свершилось. Я выхожу на сцену, когда действие уже заканчивается. Как всегда привычный к ожиданию, терпеливый, точно обученная собака, на этот раз он не мог совладать со своим беспокойством, пока остальные продвигались наверх. Не обращая внимания на голоса, которые советовали ему подождать, он начал подниматься по ступеням.

Лаборатория на втором этаже была пуста, если не считать обезьян и трупа Йоханссона. Токсиколог лежал вниз лицом, шея его была сломана. Запасный выход на пожарную лестницу был открыт, и сквозь него просачивался дымный воздух. Когда Карнеги отошел от трупа Йоханссона, несколько полицейских уже стояли на пожарной лестнице и кричали своим напарникам внизу, призывая их на поиски беглеца.

— Сэр?

Карнеги поглядел на приближающегося к нему усатого мужчину.

— Что?

Полицейский показал на дальний конец комнаты: на бокс. Там, в окне, был кто-то.

Карнеги узнал его лицо, хотя оно и сильно изменилось. Это был Джером. Поначалу он подумал, что Джером наблюдает за ним, но, приглядевшись, убедился, что это не так. Джером со слезами на глазах глядел на собственное отражение в мутном стекле. Пока Карнеги смотрел на него, лицо исчезло в глубине камеры.

Остальные полицейские тоже заметили парня. Они продвигались цепью по лаборатории, занимая позицию за лабораторными столами, их оружие было наготове. Карнеги уже присутствовал при таких ситуациях, там были свои ужасные моменты. Если он не вмешается, прольется кровь.

— Нет, — сказал он, — пока не стреляйте.

Он отодвинул протестующих полицейских и пошел по лаборатории, не пытаясь скрыть свое продвижение. Он прошел мимо умывальников, в которых были свалены в груды остатки проекта «Слепой мальчик», мимо лавки, под которой совсем недавно он нашел мертвую Данс. Мимо с опущенной головой проползла обезьянка, явно не замечающая его приближения. Он позволил ей найти щель, в которую она могла забиться и умереть там, потом двинулся к двери бокса. Она была незаперта, и он потянул за ручку. За его спиной в лаборатории наступило абсолютное молчание, на него были обращены все глаза. Он резко распахнул дверь. Однако атаки не последовало. Карнеги шагнул внутрь.

Джером стоял у противоположной стены. Если он видел или слышал, как вошел Карнеги, он ничем не выказал этого. У его ног лежала мертвая обезьянка, все еще цепляясь ему за штанину. Другая всхлипывала в углу, спрятав лицо в ладошках.

— Джером?

Вообразил ли это Карнеги, или действительно запахло клубникой?

Джером замигал.

— Ты арестован, — сказал Карнеги. Хендриксу бы это понравилось, подумал он. Джером отнял от раны в боку свою окровавленную руку и начал поглаживать себя.

— Слишком поздно, — сказал он. Он чувствовал, как в нем разгорается последнее пламя. Даже если этот пришелец решит подойти к нему и арестовать — что это изменит? Смерть была здесь. Теперь он ясно понимал, что она собой представляет — всего-навсего успокоение, еще одна сладо-

стная темнота, которая ждет своего наполнения и жаждет быть оплодотворенной.

Его промежность охватила судорога и молния метнулась по его телу, пробежала по позвоночнику. Он рассмеялся.

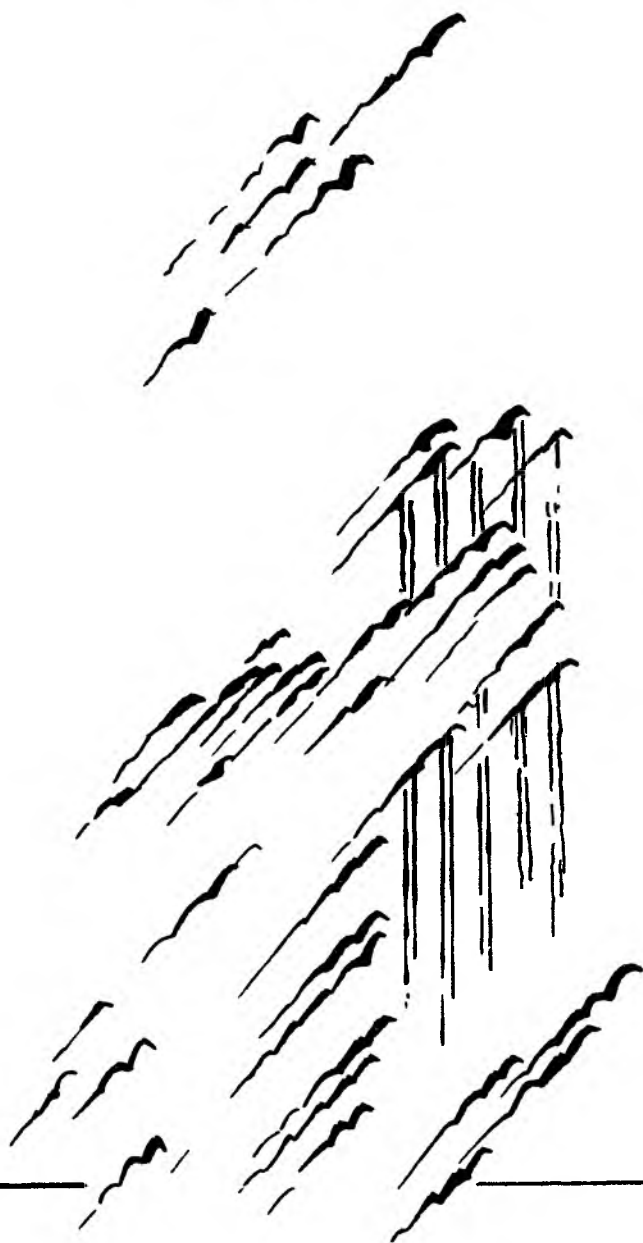
В углу камеры обезьянка, услышав смех Джерома, снова начала всхлипывать. Звук этот на секунду отвлек Карнеги, и когда он снова перевел взгляд на Джерома, то увидел, что близорукие глаза закрылись, руки повисли и он умер, прислонившись к стене. Какой-то миг тело его стояло, несмотря на закон земного притяжения. Потом ноги подогнулись, и Джером упал вперед. Он был, понял Карнеги, всего лишь мешком с костями, не больше. Просто удивительно, что парень протянул так долго.

Карнеги подошел к телу и приложил палец к шее Джерома. Пульса не было. На лице трупа застыла последняя усмешка.

— Скажи мне... — прошептал Карнеги мертвецу, чувствуя, что момент был упущен, что он опять, как всегда, оказался посторонним наблюдателем. — Скажи мне... чему ты смеялся?

Но слепой мальчик, как ему и положено, не отвечал.

ВО ПЛОТИ

огда Кливленд Смит вернулся после беседы с дежурным по этажу, его новый сокамерник был уже тут и глядел, как плавают пылинки в луче солнца, легко преодолевающим пуленепробиваемое оконное стекло. Это зрелище повторялось ежедневно (если не мешали облака) и длилось менее получаса. Солнце отыскивало путь между стеной и административным зданием, медленно пробиралось вдоль блока В, а потом исчезало до следующего дни.

«Ты — Тейт?» — спросил Клив.

Заклученный перестал смотреть на солнце и повернулся. Мейфлауэр сказал, что новенькому двадцать два года, но Тейт выглядел лет на пять моложе. В лице его было нечто, делавшее Тейта похожим на потерявшегося (и притом безобразного) пса, которого хозяева оставили поиграть на оживленной улице. Глаза слишком настороженные, рот чересчур безвольный, руки тонкие: прирожденная жертва. Клив почувствовал раздражение от мысли, что придется возиться с этим мальчиком. Тейт был лишней обузой, а у него самого нет сил, чтобы расхотать их, покровительствуя мальчишке, пусть Мейфлауэр и болтал что-то о руке, протянутой для помощи.

«Да, — ответил пес. — Я Вильям».

«Тебя так и зовут Вильямом?»

«Нет, — сказал мальчик. — Все зовут меня Билли».

«Билли», — кивнул Клив и вошел в камеру. Режим в Пентонвилле нес некоторые черты прогресса: по утрам на два часа камеры оставались открытыми, часто отпирались они на пару часов и днем, что давало заключенным некоторую

свободу передвижения. Однако это имело и свои недостатки, например, разговоры с Мейфлауэром.

«Мне велено дать тебе кое-какие советы».

«Да?» — переспросил мальчик.

«Ты раньше не сидел?»

«Нет».

«Даже в колонии для несовершеннолетних?»

Глаза Тейта блеснули. «Немного».

«Значит, ты знаешь, как тебе повезло. Знаешь, что ты легкая добыча?»

«Знаю».

«Кажется, — сказал без энтузиазма Клив, — меня призывают к тому, чтобы я тебе берег, а то тебя покалечат».

Тейт уставился на Клива глазами, голубизна которых казалась молочной, будто они еще отражали солнце. «Не расстраивайся, — сказал мальчик. — Ты мне ничего не должен».

«Чертовски верно. Я тебе ничего не должен, но, кажется, у меня есть гражданский долг, — угрюмо сказал Клив. — Это — ты».

Клив отбыл два месяца заключения за торговлю марихуаной, это был его третий визит в Пентонвилл. К тридцати годам в нем не проглядывало никаких признаков изношенности: тело крепкое, лицо худое и утонченное, в своем костюме, ярдов с десяти, он мог бы сойти за адвоката. Но если чуть приблизиться, то станет виден шрам на шее, оставшийся после нападения безденежного наркомана, а в походке станет заметна какая-то настороженность, будто при каждом шаге он сохранял возможность для быстрого отступления.

Вы еще молоды, сказал ему в последний раз судья, у вас есть время, чтобы многого добиться в жизни. Вслух он возражать не стал, но про себя Клив думал иначе. Работать тяжело, а преступать закон легко. До того как кто-нибудь докажет противное, он будет делать то, что делает лучше всего, а если поймут, так что же. Отбывать срок не так уж неприятно, если ты правильно к этому относишься. Еда съедобная, компания — избранная, и покуда есть чем занять мозги, он будет вполне доволен. В настоящее время он читал о грехе. Тема здесь уместная. Он слышал так много слов о том, как он пришел в мир, и от уполномоченных по работе с условно осужденными, и от законников, и от священнослужителей.

Теории социологические, теологические, идеологические. Кое-какие заслуживали нескольких минут внимания. Большинство же были такими нелепыми (грех из матки, грех от денег), что он смеялся прямо в их вдохновенные лица. Вот льют из пустого в порожнее.

Хотя это хорошая жвачка. Ему нужно было чем-то занять дни. И ночи. Он плохо спал в тюрьме. Нет, ему не давала спать не его *собственная вина*, а вина других. Он был только продавец гашиша, поставляющий товар туда, где был спрос, маленький зубчик в огромном механизме, ему не из-за чего было чувствовать вину. Но здесь находились другие, казалось, что их *множество*, чьи сны не были столь благостными, а ночи столь мирными. Они кричали, они жаловались, они проклинали судей земных и небесных. Шум их пробудил бы и мертвеца.

«Так бывает всегда?» — спросил Билли Клива едва ли не через неделю. Новый заключенный уже много раз слышал, как слезы через мгновение переходят в непристойную ругань.

«Да, большую часть времени, — ответил Клив. — Некоторым надо чуток повопить, чтобы мозги не скисали. Это помогает».

«Но не тебе, — заметил немзыкальный голос с нижней койки. — Ты все читаешь свои книжки и держишься в стороне, от греха подальше. Я за тобой наблюдал. Это тебя даже и не волнует?»

«Я могу прожить и так, — ответил Клив. — У меня нет жены, которая приходила бы сюда каждую неделю и напоминала мне, что я напрасно теряю время».

«Ты бывал здесь раньше?»

«Дважды».

Мальчик колебался мгновение, прежде чем сказал: «Ты, наверное, все тут вокруг знаешь, да?»

«Ну, путеводителя я не напишу, однако, в общей планировке разбираюсь!»

Услышать от мальчика подобное замечание было для Клива странно, и потому он спросил: «А в чем дело?»

«Я просто поинтересовался», — сказал Билли.

«У тебя есть вопросы?»

Тейт не отвечал несколько секунд, а затем произнес: «Я слышал, что обычно... обычно здесь *вешали* людей».

Клив ожидал чего угодно, только не этого. С другой стороны, несколько дней назад он решил, что Билли Тейт со

странностями. Косые взгляды этих молочно-голубых глаз, брошенные исподтишка, то, как он смотрел на стену или на окно, так детектив осматривает обстановку, в которой произошло убийство, отчаявшись найти разгадку.

Клив сказал: «Думаю, когда-то здесь был сарай для виселицы».

Вновь молчание, затем другой вопрос, брошенный так небрежно, как только удалось мальчику: «Он все еще стоит?»

«Сарай? Не знаю. Людей, Билли, больше не вешают, или ты не слышал? — Снизу ответа не последовало. — Во всяком случае, тебе-то какое дело?»

«Просто любопытно».

Билли был прав, он был любопытен. И столь странным со своим безучастным взглядом и повадками одиночки, что большинство мужчин его сторонилось. Один Лауэлл интересовался им, и намерения его были недвусмысленными.

«Ты не одолжишь мне свою леди до вечера?» — спросил он Клива, когда они выстроились в очередь, получая завтрак. Тейт, который стоял поблизости, ничего не сказал. Клив тоже.

«Ты меня слышишь? Я спрашиваю».

«Слышал. Оставь его в покое».

«Надо делиться, — сказал Лауэлл. — Я могу и тебе оказать какую-нибудь услугу. Мы можем кое-что придумать».

«Он этим не занимается».

«Хорошо, почему бы не спросить *его*? — сказал Лауэлл, улыбаясь сквозь щетину, покрывавшую все лицо. — Что скажешь, детка?»

Тейт оглянулся на Лауэлла.

«Нет, благодарю вас».

«Нет, *благодарю вас*, — повторил Лауэлл и подарил Кливу вторую улыбку, в которой не было ни капли юмора. — Ты хорошо его выдрессировал. Может, он еще садится на задние лапки и служит?»

«Вали, Лауэлл, — ответил Клив. — Он этим не занимается, вот и все».

«Ты не можешь сторожить его каждую минуту, — заметил Лауэлл. — Рано или поздно ему придется самому встать на свои две ноги. Если он не лучше на коленях».

Намек вызвал грубый хохот сокамерника Лауэлла, Нейлера. Не было людей, с которыми Клив охотно бы встретился в

общей драке, но его искусство блефовать было отточено как бритва, его он сейчас и использовал.

«Не надо волноваться, — сказал он Лауэллу, — борода твоя скроет сколько угодно шрамов».

Лауэлл взглянул на Клива. Юмор исчез, и он не мог теперь отличить правду от лжи, и явно не испытывал желания подставить горло под бритву.

«Только не передумай», — сказал он. И ничего больше.

О столкновении за завтраком не упоминали до того момента, когда не погасили свет. Начал именно Билли.

«Тебе не следовало этого делать, — сказал он. — Лауэлл — мерзкий ублюдок. Я все слышал».

«Хочешь, чтобы тебя изнасиловали? Да?»

«Нет, — быстро ответил он. — Боже, нет. Я должен быть цел».

«После того как Лауэлл наложит на тебя лапу, ты уже ни на что не сгодишься».

Билли соскользнул со своей койки и теперь стоял на середине камеры, едва различимый во тьме. «Думаю, и ты в свою очередь тоже кое-чего хочешь», — сказал он.

Клив повернулся на подушке и взглянул на расплывчатый силуэт, находящийся в ярде от него. «Так чего, по-твоему, мне хотелось бы, Билли-бой?» — спросил он.

«Чего хочет Лауэлл».

«Так ты думаешь, весь шум из-за этого? Я защищаю свои права?»

«Ага».

«Как ты сказал — нет, благодарю вас». Клив опять повернулся лицом к стене.

«Я имел в виду...»

«Меня не волнует, что ты имел в виду. Просто я не хочу об этом слышать, хорошо? Держись подальше от Лауэлла, и хватит мне компостировать мозги».

«Эй, — пробормотал Билли, — не надо так, прошу тебя. *Пожалуйста*. Ты единственный друг, который у меня есть».

«Ничей я не друг, — сказал Клив стене. — Просто я не люблю никаких неудобств. Понятно?»

«Никаких неудобств», — повторил мальчик уныло.

«Правильно. А теперь... Перейдем к положенному по распорядку сну».

Тейт больше ничего не сказал, он вернулся на свою нижнюю койку и лег. Пружины под ним скрипнули. Клив молчал, обдумывая сказанное. Он не имел никакого желания прибирать мальчика к рукам, но возможно, он высказал свое мнение слишком резко. Ну, дело сделано.

Он слышал, как внизу Билли почти беззвучно что-то шепчет. Он напрягся, пытаясь подслушать, что говорит мальчик. Напряжение длилось несколько секунд, прежде чем Клив понял, что Билли-бой бормочет молитву.

Той ночью Клив видел сны. О чем — утром он вспомнить не мог, хотя пытался собрать сон по крупичкам. Едва ли не каждые десять минут тем утром что-нибудь случалось: соль, опрокинутая на обеденный стол, крики со стороны спортивной площадки — вот-вот что-то натолкнет на отгадку, сон вспомнится. Озарение не приходило. Это делало его непривычно раздражительным и вспыльчивым. Когда Весли, мелкий фальшивомонетчик, известный ему еще по предыдущим каникулам здесь, подошел в библиотеке и затеял разговор, будто они были закадычными приятелями, Клив приказал коротышке заткнуться. Но Весли настаивал.

«У тебя неприятности! У тебя неприятности!»

«Да? Что такое?»

«Этот твой мальчик. Билли».

«Что с ним?»

«Он задает вопросы. Он очень напористый. Людям это не нравится. Они говорят, тебе следует его приструнить».

«Я ему не сторож».

Весли состроил рожу. «Говорю тебе как друг».

«Отстань».

«Не будь дураком, Кливленд. Ты наживаешь врагов».

«Да? — спросил Клив. — Назови хоть одного».

«Лауэлл, — сказал Весли мгновенно. — Второй Нейлер. Всех сортов. Они не любят таких, как Тейт».

«А какой он?» — огрызнулся Клив.

Весли в виде протеста слабо хмыкнул. «Я только попытался тебе рассказать, — произнес он. — Мальчишка хитрый, как долбаная крыса. Будут неприятности».

«Отстань ты со своими пророчествами».

* * *

Закон среднего требует, чтобы и худшие из пророков время от времени бывали правы: казалось, настало время Весли. Днем позже, вернувшись из Мастерской, где он развивал свой интеллект, приделывая колеса к пластиковым тележкам, Клив обнаружил поджидающего его на лестничной площадке Мейфлауэра.

«Я просил тебя присмотреть за Вильямом Тейтом, Смит, — сказал офицер. — А ты на это накла!»

«Что случилось?»

«Нет, думаю, все-таки не накла».

«Я спросил, что случилось, сэр?»

«Ничего особенного. На этот раз. Его просто отлупили. Кажется, Лауэлл сохнет по нему. Правильно? — Мейфлауэр уставился на Клива, но не получив ответа, продолжил: — Я ошибся в тебе, Смит. Я думал, обращение к крепкому парню чего-то да стоит. Я ошибся».

Билли лежал на своей койке с закрытыми глазами. Когда вошел Клив, он глаза так и не открыл. Лицо его было разбито.

«Ты в порядке?»

«Да», — тихо ответил мальчик.

«Кости не переломаны?»

«Я выживу».

«Ты должен понять...»

«Послушай, — Билли открыл глаза. Зрачки его почему-то потемнели, или причиной тут было освещение. — Я жив, понятно? Я не идиот, тебе это известно. Я знал, во что влезаю, когда попал сюда». Он говорил так, будто и в самом деле мог выбирать. «Я могу убить Лауэлла, — продолжил он, — а потому не мучайся зря». Он на какое-то время замолчал, а потом произнес: «Ты был прав».

«Насчет чего?»

«Насчет того, чтобы не иметь друзей. Я сам по себе, ты сам по себе. Верно? Просто я медленно схватываю, но в это я врубился». Он улыбнулся самому себе.

«Ты задавал вопросы», — сказал Клив.

«Разве? — тут же ответил Билли. — Кто тебе сообщил?»

«Если у тебя есть вопросы, спрашивай меня. Люди не любят тех, кто сует нос не в свои дела. Они становятся подозрительными. А затем отворачиваются, когда Лауэлл и ему подобные начинают угрожать».

При упоминании о Лауэлле лицо Билли болезненно нахмурилось. Он тронул разбитую щеку. «Он покойник», — прошептал мальчик чуть слышно.

«Это как дело повернется», — заметил Клив.

Взгляд, подобный тому, что бросил на него Тейт, мог бы разрезать сталь. «Именно так, — сказал Билли без тени сомнения в голосе. — Лауэлла не жить».

Клив не стал возражать, мальчик нуждался в такой браваре, сколь смехотворна она ни была.

«Что ты хочешь узнать, что суеть повсюду свой нос?»

«Ничего особенного», — ответил Билли.

Он больше не смотрел на Клива, а уставился на койку, что была сверху. И спокойно сказал: «Я только хотел узнать, где здесь были могилы, вот и все».

«Могилы?»

«Где они хоронили повешенных. Кто-то говорил, что там, где похоронен Криппен, — куст с розами. Ты когда-нибудь слышал об этом?»

Клив покачал головой. Только теперь он вспомнил, что мальчик спрашивал о сарае с виселицей, а вот теперь — про могилы. Билли взглянул на него. Синяк с каждой минутой делался темнее и темнее.

«Ты знаешь, где они, Клив?» — спросил он. И снова то же притворное безразличие.

«Я узнаю, если ты будешь так любезен и скажешь, зачем тебе это нужно».

Билли выглянул из-под прикрытия койки. Полуденное солнце очерчивало короткую дугу на оштукатуренных кирпичных стенах. Оно было сегодня неярким. Мальчик спустил ноги с койки и сел на краю матраса, глядя на свет так же, как в первый день.

«Мой дедушка — отец моей матери — был здесь повешен, — произнес он дрогнувшим голосом. — В 1937-м. Эдгар Тейт. Эдгар Сент Клер Тейт».

«Ты, кажется, сказал, отец твоей матери?»

«Я взял его имя. Я не хочу носить имя отца. Я никогда ему не принадлежал».

«Никто никому не принадлежит, — ответил Клив. — Ты принадлежишь сам себе».

«Но это неверно, — сказал Билли, слегка пожав плечами, и все еще глядя на свет на стене. Уверенность его была

непоколебимой, вежливость, с которой он говорил, не делала его утверждение менее веским. — Я принадлежу своему деду. И всегда принадлежал».

«Ты еще не родился, когда...»

«Это не важно. Пришел-ушел, это ерунда».

Пришел-ушел, удивился Клив. Понимал ли под этими словами Тейт жизнь и смерть? У него не было возможности спросить. Билли опять говорил тем же приглушенным, но настойчивым голосом.

«Конечно, он был виновен. Не так, как о том думают, но виновен. Он знал, кто он и на что способен, это вина, так ведь? Он убил четверых. Или, по крайней мере, за это его повесили».

«Ты думаешь, он убил больше?»

Билли еще раз слабо пожал плечами: разве в количестве дело. «Но никто не пришел посмотреть, куда его положили покоемся. Это неправильно, так ведь? Им было все равно, мне кажется. Вся семья, возможно, радовалась, что он умер. Думали, что он чокнутый, с самого начала. Но он не был таким. Я знаю, *не был*. У меня его руки и его глаза. Так мама сказала. Она мне все о нем рассказала, видишь ли, прямо перед смертью. Рассказала мне вещи, которые никому и никогда не говорила. И рассказала мне только потому, что мои глаза...» — он запнулся и приложил руку к губам, будто колеблющийся свет на стене уже загнипнотизировал его, чтобы он не сказал слишком многое.

«Что сказала тебе мать?» — нажал Клив.

Билли, казалось, взвешивал различные ответы, перед тем как предложить один из них. «Только то, что он и я были одинаковы в некоторых вещах», — сказал он.

«Чокнутые, что ли?» — спросил полушутя Клив.

«Что-то вроде того, — ответил Билли, все еще глядя на стену; он вздохнул, затем решил продолжить признание: — Вот почему я пришел сюда. Так мой дедушка узнает, что он не был забыт».

«Пришел сюда? — спросил Клив. — О чем ты говоришь. Тебя поймали и посадили. У тебя не было выбора».

Свет на стене угас, туча заслонила солнце. Билли взглянул на Клива. Свет был тут, в его глазах.

«Я совершил преступление, чтобы попасть сюда, — ответил мальчик. — Это был осмысленный поступок».

Клив покачал головой. Заявление казалось абсурдным.

«Я и раньше пытался. Дважды. Это отнимает время. Но я здесь, разве не так?»

«Не считай меня дураком, Билли», — предостерег Клив.

«Я и не считаю», — ответил тот. Теперь он стоял. Казалось, он почувствовал облегчение, что рассказал эту историю, он даже улыбался, будто бы испытующе, когда сказал: «Ты был добр ко мне. Не думай, что я этого не понимаю. Я благодарен. Теперь... — он посмотрел в лицо Кливу, перед тем как сказать: — Я хочу знать, где могилы. Найди их, и ты больше не услышишь ни одного писка от меня, обещаю».

Клив почти ничего не знал ни о тюрьме, ни о ее истории, но он знал тех, кто это мог знать. Был человек по прозвищу Епископ, столь хорошо известный заключенным, что имя его требовало определенного артикля, — этот человек частенько бывал в Мастерской в то же время, что и Клив. Епископ находился то в тюрьме, то за ее стенами в течение своих сорока с чем-то лет, в основном за всякие мелочи, и со всем фатализмом одноногого человека, который изучает монопедию пожизненно, стал знатоком тюрем и карательной системы в целом. Мало что почерпнуто было из книг. Большую часть своих знаний он по крупицам собрал у старых каторжников и тюремщиков, которые часами могли беседовать, и постепенно он превратился в ходячую энциклопедию по преступлениям и наказаниям. Он сделал это предметом торговли и продавал свои бережно скопленные знания в зависимости от спроса то в виде географической справки будущему беглецу, то как тюремную мифологию заключенному-безбожнику, ищущему местное божество. И сейчас Клив отыскал его и выложил плату в табаке и долговых расписках.

«Что я могу для тебя сделать?» — поинтересовался Епископ. Он был будто сонный, но не болезненно. Тонкие, словно иголки, сигареты, которые он постоянно скручивал и курил, казались еще меньше в его пальцах мясника, окрашенных никотином.

«Мне бы хотелось знать о здешних повешенных».

Епископ улыбнулся. «Такие славные истории», — сказал он и стал рассказывать.

В незамысловатых деталях Билли был в основном точен. В Пентонвилле вешали до самой середины столетия, но сарай давно был разрушен. На его месте Отделение для наказанных

условно и содержащихся под надзором в блоке Б. Что до рассказней о криппеновских розах, и это недалеко от истины. В парке, перед хибаркой, где, как сообщил Кливу Епископ, располагался склад садовых инструментов, был небольшой клочок травы, в самом центре которого цвел кустарник, посаженный в память доктора Криппена, повешенного в 1910 (говоря об этом, Епископ признался, что здесь не может определить точно, где правда, где выдумка).

«Там и есть могилы?» — спросил Клив.

«Нет, нет, — ответил Епископ, одной затяжкой уменьшив свою крошечную сигарету наполовину. — Могилы находятся вдоль стены, слева за хибарой. Там длинный газон, ты его должен знать».

«Надгробий нет?»

«Абсолютно никаких. Никаких меток. Только начальник тюрьмы знает, кто где похоронен, а планы он, наверное, давно потерял. — Епископ нашарил в нагрудном кармане своей рубы жестянку с табаком и принялся сворачивать новую сигарету с таким умением, что и не смотрел на руки. — Приходить и оплакивать не разрешается никому, понимаешь. С глаз долой, из сердца вон, вот именно. Конечно, тут причина серьезная. Люди забывают премьер-министров, а убийц помнят. Пройдешь по тому газону, и всего в шести футах под тобой находятся некоторые, из самых отъявленных, что украшали когда-либо эту зеленую и приятную землю. А ведь даже креста нет, чтобы отметить место. Преступно, а?»

«Ты знаешь, кто там похоронен?»

«Несколько очень испорченных джентльменов», — ответил Епископ, словно нежно журил их за совершенное зло.

«Ты слышал о человеке по имени Эдгар Тейт?»

Епископ поднял брови, его жирный лоб прорезали морщины. «Святой Тейт? Да, конечно. Его не просто забыть».

«Что ты о нем знаешь?»

«Он убил жену, потом детей. Орудовал ножом так же легко, как я дышу».

«Убил всех?»

Епископ вставил свеженабитую сигарету в толстые губы. «Может, и не всех, — сказал он, щуря глаза, словно хотел припомнить какие-то детали. — Может, кто из них и выжил. Думаю, дочь, должно быть... — Он пренебрежительно пожал плечами. — Я не силен запоминать жертвы. Да и кто си-

лен? — Он уставился на Клива ласковыми глазами. — Чего ты так интересуешься Тейтом? Его повесили до войны».

«В 1937-м. Уже порядком разложился, правда?»

Епископ предостерегающе поднял указательный палец. «Э, нет, — сказал он. — Видишь ли, земля, на которой построена эта тюрьма, имеет особые свойства. Тела, в ней похороненные, не гниют так, как повсюду». Клив кинул на Епископа недоверчивый взгляд. «Это правда, — запротестовал толстяк. — У меня есть точные данные. И поверь, когда бы они ни выкапывали тело из земли, его всегда находили почти в безупречном виде». Он воспользовался паузой, чтобы прикурить сигарету, сделал затяжку и теперь выпускал изо рта дым вместе со словами: «Когда придет на нас конец света, добрые люди из Мэрилбоун и Кэдмен Тауна поднимутся — гниль да кости. А грешники, те поскачут к Страшному Суду такие свеженькие, как будто только что родились. Представляешь?» Это превратное суждение восхищало его, широкое толстое лицо чуть ли не светилось от удовольствия. «Эх, — задумчиво произнес он, — кого-то назовут испорченным в *то* прекрасное утро?»

Клив так никогда и не узнал в точности, как Билли попал в садоводческий наряд, но он это сделал. Возможно, он обратился прямо к Мейфлауэру, который убедил вышестоящее начальство, что мальчику можно доверить работу снаружи, на свежем воздухе. Как бы то ни было, он что-то придумал, и в середине недели, когда Клив узнал, где находятся могилы, Билли оказался снаружи. Холодным апрельским утром он стриг газон.

То, что произошло в тот день, просочилось по тайным каналам приблизительно ко времени отдыха. Клив услышал рассказ из трех независимых источников. Отчеты были окрашены по-разному, но явно походили друг на друга.

В общих чертах говорилось следующее: садоводческий наряд, четыре человека под присмотром тюремщика, двигался вокруг блоков, приводя в порядок газоны, выпалывая ненужную траву и готовя все к весенней посадке. Охрана была не на высоте, прошло две или три минуты, прежде чем тюремщик заметил, что один из подопечных тихонько ускользнул. Подняли тревогу. Однако далеко искать не пришлось. Тейт и не пытался убежать, а если и пытался, то припадок особого рода разрушил его планы. Его обнаружили — и тут версии значи-

тельно расходятся — на газоне у стены, Тейт лежал на траве. Некоторые утверждали, что лицо его было черным, а тело завязано узлом, язык почти откушен, другие утверждали, что его нашли лежащим вниз лицом, он разговаривал с землей, всхлипывал и что-то клянчил. Сделали вывод — мальчик лишился рассудка.

Сплетни поставили Клива в центр внимания, что ему очень не нравилось. Весь следующий день ему не выдалось ни одной спокойной минуты, люди хотели знать, каково жить в камере вместе с чокнутым. Но по словам Клива, Тейт был идеальным сокамерником, спокойным, нетребовательным, безусловно вменяемым. Ту же историю он рассказал и Мейфлауэру, когда на другой день его допрашивали с пристрастием, позднее повторил ее тюремному врачу. Он и не заикнулся об интересе Тейта к могилам и стал присматривать за Епископом, требуя, чтобы и тот молчал. Епископ согласился подчиниться при условии, что в свое время ему расскажут все и во всех подробностях. Клив пообещал. И Епископ, как и приличествовало его гипотетическому духовному сану, свое слово сдержал.

Билли отсутствовал в загоне два дня. А тем временем Мейфлауэр был отстранен от обязанностей дежурного по этажу. На его место из блока Д перевели некоего Девлина. Слава шла на шаг впереди него. Казалось, он не одарен глубоким состраданием. Впечатление подтвердилось, когда, в день возвращения Билли Тейта, Клива позвали в кабинет Девлина.

«Мне говорили, что вы с Тейтом близки», — заявил Девлин. Лицо его было тверже гранита.

«Не совсем, сэр».

«Я не собираюсь совершать, ошибку Мейфлауэра, Смит. Насколько я знаю, Тейт несет неприятности. Я собираюсь следить за ним с зоркостью ястреба, а когда меня нет, ты будешь делать это вместо меня, понял? Достаточно ему скосить глаза в сторону. Я его выпру отсюда в специальное подразделение еще до того, как он успеет пернуть. Я понятно говорю?»

«Свидетельствуешь свое почтение, да?»

Билли очень похудел в больнице, и трудно было даже вообразить, что этот скелет сколько-то весит. Рубашка походила на мешок, ремень застегивался на самую последнюю дырку. Худоба еще сильнее чем обычно подчеркивала его

физическую уязвимость. Удар боксера-полутяжеловеса свалил бы его с ног, подумал Клив. Но худоба придавала его лицу новую, почти отчаянную напряженность. Казалось, он состоит из одних глаз, да и те растеряли весь свой солнечный свет. Ушла также и притворная пустота взгляда, она сменилась сверхъестественной целеустремленностью.

«Я спросил».

«Я тебя слышал, — ответил Билли. Солнца сегодня не было, но он все равно смотрел на стену. — Да, если тебе так необходимо знать, я свидетельствовал свое почтение».

«Мне велено присматривать за тобой. Девлин велел. Он хочет убрать тебя с этажа. Может, и совсем перевести».

«Убрать? — испуганный взгляд, который Билли кинул на Клива, был так незащищен, что его невозможно было выдержать больше чем несколько секунд. — Отсюда долой, ты это имеешь в виду?»

«Думаю, так».

«Они не могут!»

«Они могут. Они называют это караваном призраков. Сейчас ты здесь, а потом...»

«Нет», — сказал мальчик, внезапно сжав кулаки. Он начал дрожать, и на мгновение Клив испугался, что будет второй припадок. Но, казалось, усилием воли он справился с дрожью, и опять направил взгляд на сокамерника. Ссадины и синяки, полученные от Лауэлла, сделались желтовато-серыми, но еще долго не исчезнут, на щеках бледно-рыжая щетина. Клив почувствовал нежелательный прилив тревоги.

«Расскажи мне», — попросил Клив.

«Что рассказать?» — спросил Билли.

«Что случилось у могил».

«Я почувствовал головокружение. Упал. Очнулся я уже в госпитале».

«Это то, что сказал *им*, верно?»

«Это правда».

«Не так, как слышал я. Почему бы тебе не объяснить, что по-настоящему произошло. Я хочу, чтобы ты поверил мне».

«Я верю, — сказал мальчик. — Но, видишь ли, я должен хранить это при себе. Это — между мною и им».

«Тобою и Эдгаром? — переспросил Клив и Билли кивнул. — Между тобой и человеком, который убил всю свою семью, кроме твоей матери?»

Билли явно был напуган тем, что Клив в курсе дела. «Да, — сказал он после размышлений. — Да, он убил их всех. Он бы убил и Маму тоже, если бы она не убежала. Он хотел стереть с лица земли всю семью. Так, чтобы не осталось наследников, чтобы не нести плохую кровь».

«Твоя кровь плохая, да?»

Билли позволил себе слабо улыбнуться. «Нет, — ответил он. — Я так не думаю. Дед ошибался. Времена изменились, разве не так?»

Он сумасшедший, подумал Клив. С быстротой молнии Билли уловил его настроение.

«Я не сумасшедший, — сказал он. — Скажи им. Скажи Девлину и любому, кто спросит. Скажи всем — я агнец. — Его глаза опять горели неистовством. Тут ничего нет от агнца, подумал Клив, но воздержался сказать это вслух. — Они не должны перевести меня отсюда, Клив. Не должны, после того, как я подошел так близко. У меня здесь дело. Важное дело».

«С покойником?»

«С покойником».

Какую бы новую цель он ни представил Кливу, с другими заключенными его отношения строились иначе. Он не отвечал ни на вопросы, ни на оскорбления, которыми его осыпали. Его внешнее пустоглазое безразличие было безупречным. Клив поражался. Мальчик мог бы сделать актерскую карьеру, если бы не был профессиональным чокнутым.

Но то, что он нечто таил, стало скоро проявляться: в лихорадочном блеске глаз, в дрожащих движениях, в задумчивости и непоколебимом молчании. Для доктора, с которым продолжал общаться Билли, физическое ухудшение было очевидным, он заявил, что мальчик страдает депрессией, острой бессонницей, и прописал седативное, чтобы улучшить сон. Таблетки Билли отдавал Кливу, утверждая, что сам он в них не нуждается. Клив был благодарен. Впервые за много месяцев он спал хорошо, его не беспокоили слезы и крики сотоварищей-заключенных. Днем отношения между ним и мальчиком, и всегда сдержанные, обратились в простую вежливость. Клив чувствовал, что Билли совершенно отгородился от внешнего мира.

Не впервые он был свидетелем такого преднамеренного ухода. Его сводная сестра Розанна умерла от рака желудка три года назад. Это тянулось долго, и состояние ее ухудшалось

до самых последних недель. Клив не был с ней близок, но, возможно, как раз это и дало ему перспективу — он многое увидел. В поведении этой женщины было то, что недоставало его семье. Его испугала систематичность, с какой она готовилась к смерти, сокращала свои привязанности, пока не остались самые важные фигуры — ее детей и священника. Остальные, включая мужа, прожившего с ней четырнадцать лет, были изгнаны.

Теперь он видел ту же холодность и ту же бережливость в Билли. Подобно человеку, готовящемуся пересечь безводную пустыню и слишком дорожающему своей энергией, чтобы тратить ее и на один-единственный жест, мальчик замкнулся в себе. Это выглядело жутко. Клив ощущал все большее неудобство, разделяя с Билли помещение восемь на двенадцать футов. Это походило на совместное проживание с человеком на Улице Смерти. Единственным утешением были транквилизаторы, Билли без труда околдовывал доктора, который продолжал снабжать его лекарствами. Таблетки гарантировали Кливу сон, дающий успокоение и по крайней мере несколько дней без сновидений.

А потом ему приснился город.

Нет, сначала снилась пустыня. Пространства, засыпанные сине-черным песком, который жег подошвы ног, пока он шел, а холодный ветер задувал в глаза и нос, развеивал волосы. Он знал, что бывал здесь и раньше. Во сне он узнавал вереницы бесплодных дюн, без единого деревца или постройки, чтобы разрушить монотонность. Но в прежние визиты он приходил сюда с проводниками — или такой была его почти твердая уверенность, — теперь он был здесь один, и тучи над его головой стояли тяжелые, синева-серые, обещая, что солнца не будет. Казалось, он часами бродил по дюнам, ноги кровоточили от песка, тело покрылось синей пылью. Когда утомление приблизилось вплотную и почти одолевало его, он увидел руины и подошел к ним.

Это был не оазис. На пустынных улицах отсутствовало что-либо, имеющее отношение к здоровью или пище — ни фруктовых деревьев, ни искрящихся фонтанов. Город был скопищем домов или их частей — иногда целые этажи, иногда единственная комната, брошенные рядом, будто пародируя городской порядок. Безнадёжная мешанина стилей: прекрас-

ные георгианские особняки стояли среди многоквартирных домов с выгоревшими комнатами, дом, из ряда вон выходящий, безукоризненный, вплоть до покрытого глазурью пса на подоконнике, стоял спина к спине с гостиничным номером. Всюду шрамы, так грубо изымали их из их окружения: стены растрескались, предлагая заглянуть мимоходом в личные апартаменты, лестницы нависали, ведя в облака и более никуда, двери хлопали, распахиваемые ветром, выпуская в пустоту.

Клив знал, здесь была жизнь. Не только ящерицы, крысы и бабочки — все альбиносы — порхали и прыгали, когда он шел заброшенными улицами. Была *человеческая* жизнь. Он ощущал, что за каждым его движением наблюдают, хотя и не видел ни следа человеческого присутствия, по крайней мере в свое первое посещение.

Во второе — вместо утомительной прогулки по заброшенной местности его допустили прямо в некрополь. Ноги легко следовали тем же путем, каким шел он и в первый раз. Непрерывный ветер этой ночью был сильнее, подхватывал кружевные занавески в одном окне, звякал китайской безделушкой в другом. Ветер также принес голоса, ужасные и диковинные звуки, которые раздавались из какого-то удаленного места за городом. Слыша жужжание и взвизги, будто безумных детей, он был благодарен, что хотя бы улицы и комнаты были знакомы, пусть и не блистали удобствами. У него не было желания шагнуть внутрь, несмотря на голоса, он не хотел обнаружить то, что являлось причиной возникновения этих обрывков архитектуры.

И все-таки после того, как он однажды посетил это место, он возвращался туда ночь за ночью, всегда с окровавленными ногами, встречающий только бабочек и крыс, да черный песок на каждом пороге, песок, заползающий в комнаты и коридоры. От визита к визиту это не менялось. Так казалось по тому, что он смог мимоходом разглядеть между занавесками или сквозь жалюзи, и каким-то образом в нем *зафиксировался* некий общий момент: стол, сервированный на три персоны — каплун не разрезан, соус дымится, — или душ, оставленный литься в ванной комнате, в которой все время вертелась лампа, и болонка в апартаментах, которые могли бы быть кабинетом адвоката, или еще парик, разорванный и брошенный на пол, лежащий на прекрасном ковре, чьи узоры наполовину пожраны песком.

Только однажды он действительно видел в городе иное человеческое существо, и это был Билли. Произошло удивительное. Однажды ночью — когда ему снились улицы — он полуочнулся от сна. Билли не спал, а сидя посередине камеры, смотрел на свет в окне. Это был не лунный свет, но мальчик купался в нем так, как если бы это был лунный свет. Лицо он поднял к окну, рот открыт, глаза сомкнуты. У Клива едва хватило времени увидеть, в каком трансе находился мальчик, как транквилизаторы опять подействовали и сон сомкнулся. Однако он захватил с собой кусок реальности, ввергнув мальчика в свое сновидение. Когда он опять достиг города, там был Билли Тейт, стоял на улице, лицом обратившись к темным тучам, рот открыт, глаза зажмурены.

Это длилось всего мгновение. Потом мальчик удалился, поднимая фонтаны черного песка. Клив звал его. Билли, однако, бежал сломя голову, и с необъяснимым предвидением, которое бывает во сне, Клив знал, куда направляется мальчик. На край города, где дома иссякают и начинается пустыня. Ничего не заставляло его пускаться в погоню, и все-таки он не хотел потерять связь с единственным собратом-человеком, которого он видел на этих жалких улицах. Он опять позвал Билли по имени, более громко.

На этот раз он почувствовал на своей руке его руку и испуганно подскочил, — он пробудился в своей камере.

«Все в порядке, — сказал Билли. — Тебе снятся сны».

Клив пытался выбросить город из головы, но в течение нескольких рискованных секунд сон просачивался в бодрствующий мир, и, глядя на мальчика, он увидел, что волосы Билли подняты ветром, который не принадлежал, *не мог* принадлежать тюремным помещениям. «Ты видишь сон, — опять сказал Билли. — Проснись».

Вздрагивая, Клив сел на койке. Город удалялся — почти ушел — но перед тем, как почти потерять его из виду, он почувствовал бесспорное убеждение, что Билли *знал*, когда будил Клива, что они были там вместе несколько недолговечных мгновений.

«Ты знаешь, да?» — выдохнул он в мертвенно-бледное лицо рядом с собой.

Мальчик выглядел сбитым с толку. «О чем ты говоришь?»

Клив покачал головой. Подозрение становилось все более невероятным по мере того, как он удалялся от сна. Даже если

и так, когда он взглянул на костлявую руку Билли, которая все еще сжимала его собственную руку, он почти ожидал увидеть частицы того обсидианового песка у него под ногтями. Там была только грязь.

Сомнения, однако, продолжались долго, и после того как рассудок, кажется, поборол их, Клив обнаружил, что внимательней наблюдает за мальчиком с той ночи, ожидая какого-то оборота в разговоре или случайного взгляда, чтобы раскрыть природу его игры. Такой испытующий взгляд был пропавшим делом. Последние доступные черты исчезли после той ночи, мальчик стал — подобно Розанне — непрочитываемой книгой, не дающей ключа к своему засекреченному шифру. Что же касается сновидения, о нем даже не упоминалось. Единственным косвенным намеком на ту ночь была растущая настойчивость Билли, с какой он убеждал Клива принимать седативное.

«Ты нуждаешься в сне, — сказал он, вернувшись из Лазарета с новыми припасами. — Возьми их».

«Тебе тоже надо спать, — сказал Клив, любопытствуя, насколько сильно мальчик будет настаивать. — Я в этом дерьме больше не нуждаюсь».

«Нет, ты нуждаешься, — напирал Билли, предлагая склянку с капсулами. — Ты знаешь, как неприятен шум».

«Говорят, к ним привыкают, — ответил Клив, не беря таблетки. — Обойдусь без них».

«Нет», — сказал Билли, и теперь Клив почувствовал всю силу его настойчивости. Это подтвердило глубокие подозрения. Мальчик *хотел*, чтобы он был одурманен, и одурманен все время. «Я сплю сном младенца, — сказал Билли. — Пожалуйста, возьми таблетки. Иначе они пропадут».

Клив пожал плечами. «Ну, если ты уверен», — сказал он удовлетворенно, делая вид, что смягчился, ведь страхи подтвердились.

«Уверен».

«Тогда спасибо», — он взял пузырек.

Билли просиял. С этой улыбки, в известном смысле, и правда начались плохие времена.

Той ночью Клив ответил на игру мальчика собственной игрой. Он сделал вид, что принимает транквилизаторы, как обычно, но и не думал их глотать. Как только он лег на свою

койку, лицом к стене, он открыл рот, и снотворное выскользнуло, закатившись под подушку. Затем он сделал вид, что заснул.

Тюремные дни и начинались, и заканчивались рано: к 8.45 или к 9.00 большая часть камер всех четырех блоков погружалась в темноту, заключенных закрывали до рассвета и предоставляли их собственным помыслам. Сегодняшняя ночь была тише, чем другие. Плаксу из камеры через одну от камеры Клива перевели в блок Д, но в разных местах на этаже возникали шумы. Даже без таблеток Клив чувствовал, что сон искушает его. С нижней койки до него практически не доносилось ни звука, за исключением редких вздохов. Невозможно было догадаться, спит Билли или нет. Клив хранил молчание, изредка бросая украдкой взгляд на светящийся циферблат часов. Минуты были свинцовыми, и он боялся, когда тянулись первые часы, что совсем скоро его притворный сон станет реальным. Действительно, он прикидывал эту возможность в уме, когда сонливость одолела его.

Проснулся он много позже. Казалось, положение его во время сна не изменилось. Стена с облупившейся краской была перед ним и походила на малоразборчивую карту какой-то безымянной местности. С нижней койки не слышалось ни звука. Сделав движение, подобное тому, как двигаются во сне, он подтянул руки так, чтобы их можно было увидеть, и взглянул на бледно-зеленый циферблат часов. Час пятьдесят одна. Еще несколько часов до рассвета. Он лежал в той же позе, как и проснувшись, четверть часа и прислушивался к звукам в камере, пытаясь понять, где находится Билли. Ему не хотелось поворачиваться и искать его глазами, он боялся, что мальчик стоит посреди камеры, как стоял в ночь посещения города.

Мир, хотя и погруженный в темноту, вовсе не был тих. Клив слышал глухие шаги, когда кто-то ходил туда-сюда в камере этажом выше, слышал, как вода бежит по трубам, и звук сирены на Каледониан-роуд. Он не слышал Билли. Ни единого вздоха.

Минуло еще четверть часа, и Клив почувствовал, что знакомое оцепенение наваливается, чтобы опять призвать его, если бы он полежал еще немного, он бы опять уснул, и следующее, что увидел он, было бы утро. Если же он собирается что-то узнать, он должен повернуться и *посмотреть*.

Благоразумнее, решил он, двигаться не украдкой, а повернуться как можно естественнее. Он это и сделал, бормоча, словно во сне, чтобы усилить иллюзию. Итак, он повернулся и, прикрыв лицо рукой, чтобы подглядывание не заметили, осторожно открыл глаза.

Камера казалась темнее, чем была той ночью, когда он видел Билли с лицом, обращенным к окну. Что до мальчика, его видно не было. Клив открыл глаза шире и осмотрел камеру, как только мог внимательно, смотря в щелочку между пальцами. Что-то было неладно, он не вполне понимал что. Он полежал так несколько минут, пока глаза приспособлялись к темноте. Но они не привыкали. Сцена перед ним оставалась нечеткой, вроде картины, так покрытой грязью и лаком, что ее перспектива не подвластна взгляду исследователя. Все же он знал — *знал* — тени по углам и у противоположной стены не пусты. Он хотел задавить предчувствие, которое заставляло сердце глухо колотиться, хотел оторвать голову от подушки, набитой словно камнями, и позвать Билли, чтобы тот не прятался. Но здравый смысл советовал иное. И он, потя, тихо лежал и смотрел.

И теперь он начал понимать, что ошибался. Сцена выглядела по-другому. Тени лежали там, где теней быть не должно, они раскидывались по стене, куда должен был бы падать немощный свет из окна. Каким-то образом свет задушен и уничтожен между окном и стеной. Клив прикрыл глаза, чтобы дать своему одурманенному разуму шанс подыскать рациональное объяснение и опровергнуть его заключение.

Когда он открыл глаза вновь, сердце его дрогнуло. Тень, далекая от потери могущества, немного подросла.

Никогда прежде он так не боялся, никогда не ощущал холод в кишках подобно тому, что обнаружил сейчас. Все, что он мог сделать, — держать дыхание ровным и оставить руки там, где они и лежали. Инстинкт звал его укутаться во что-нибудь и спрятать поглубже лицо, как прячут дети. Две мысли удержали его от подобного поступка. Одна — та, что малейшее движение могло бы привлечь нежелательное внимание. Другая — та, что Билли был где-то в камере и, возможно, напуган этой ожившей тьмой, как он сам.

А затем с нижней койки заговорил мальчик. Голос его был тих, по-видимому он не хотел разбудить спящего сокамерника. И он был сверхъестественно личный. Клив не допускал и

мысли, что Билли разговаривает во сне, время добровольного самообмана давно минуло. Мальчик обращался к темноте, в этом неприятном факте сомнений не было.

«...Больно... — сказал он со слабым укором в голосе. — Ты мне не говорил, как это больно...»

Было ли это воображением Клива или же теневое видение расцвело в ответ подобно чернилам каракатицы в воде? Он ужасно боялся.

Мальчик заговорил снова. Голос его был столь тих, что Клив едва улавливал слова. «...должно быть скоро... — сказал он со спокойной настойчивостью, — я не боюсь. Не боюсь».

Тень опять сдвинулась. На этот раз, когда Клив поглядел в ее середину, он каким-то образом осознал, какую химерическую форму она избрала. Горло его трепетало, в гортани теснился крик, готовый вот-вот вырваться наружу. «...всеми, чему ты можешь научить меня... — говорил Билли, — ...быстро...» Слова приходили и уходили, но Клив едва слышал их. Внимание его было приковано к занавеси теней, к фигуре, вышитой по тени, что двигалась в складках. Это не было иллюзией. Тут был человек, скорее его грубое подобие, материя его была тонка, очертания все время размывались и опять стягивались в некое человекоподобие с величайшим усилием. Черты посетителя были видны плохо, но и того хватало, чтобы почувствовать: уродства выставлены напоказ вроде достоинств. Лицо напоминало тарелку сгнивших фруктов, мясистое, шелушащееся, тут раздутое от скопления мух, а там внезапно опадающее до ядовитой сердцевины. Как мог мальчик заставить себя беседовать с подобной *тварью*? И все же, несмотря на гниение, в осанке было горькое благородство, в муке его глаз, в беззубом О его утробы.

Билли внезапно встал. Резкое движение после долгих и многочисленных тихих слов так подействовало на Клива, что крик почти вырвался из его горла. Он проглотил его с трудом и сжал глаза в щелочки, глядя сквозь решетку ресниц, что же произойдет дальше.

Билли снова заговорил, но теперь голос его звучал слишком тихо, чтобы подслушивать. Мальчик шагнул к тени, причем тело его закрыло большую часть фигуры на противоположной стене. Камера была не больше, чем два-три шага в ширину, но благодаря какому-то смещению физических законов, казалось, мальчик отошел на пять, шесть, семь шагов от койки.

Тень и ее служитель занимались своим делом, которое совершенно занимало их внимание.

Фигура Билли была меньше, чем возможно в пределах камеры, так, будто бы он шагнул через стену в какую-то другую область. И только теперь, глядя широко раскрытыми глазами, Клив узнал то место. Тьма, из которой был сделан посетитель Билли, состояла из клубящейся тени и пыли, за ним, едва различимый в колдовском сумраке, но узнаваемый для любого, кто там был, лежал город сновидений Клива.

Билли достиг своего хозяина. Созданье возвышалось над ним, изодранное в лохмотья, длинное и тонкое, но жаждущее власти. Клив не знал, как и почему мальчик шел туда, и он боялся за безопасность Билли изо всех сил, но страх за собственную безопасность приковал его к койке. В тот момент он осознал, что никогда никого не любил, ни мужчину, ни женщину, так сильно, чтобы последовать за ними в тень этой тени. Мысль родила ужасное чувство одиночества, и в то же время он знал, что ни один увидевший, как он идет к своему проклятию, не сделает и шага, чтобы оттащить его от края. И он, и мальчик — оба они потерянные души.

Теперь повелитель Билли поднимал свою разбухшую голову, и непрерывный ветер с тех голубых улиц вдувал в его лошадиную гриву яростную жизнь. И с ветром прилетали те самые голоса, что Клив слышал и прежде — вскрипы сумасшедших детей, нечто среднее между слезами и воем. Будто подбодренное этими голосами, существо потянулось к Билли и схватило его, мальчик подернулся дымкой. Билли не боролся с объятиями, а скорее отвечал на них. Клив, не в силах наблюдать эту ужасную близость, зажмурил глаза, и когда — секунды или минуты спустя? — опять открыл их, объятия, казалось, кончились.

Существо разгоняло ветром, оно дробилось на части, куски шелушащегося тела летали по улицам, словно мусор, гонимый воздушными порывами. И это будто дало сигнал, рассыпалась вся сцена, улицы и дома были уже поглощены пылью, удалялись. И еще до того, как последние лоскуты тени пропали из поля зрения, город исчез. Клив обрадовался его исчезновению. Реальность, какой бы мрачной ни была, предпочтительней такой опустошенности. Крашенная стена, кирпич за кирпичом, проявлялась вновь, Билли, освобожденный из объятий хозяи-

на, снова был втиснут в прочную геометрию камеры, стоял и глядел на свет в окне.

Клив той ночью опять не спал. А правда, размышлял он, лежа на своем несминаемом матрасе и глядя вверх, откуда нависали сталактиты краски, застывшей на потолке, сможет ли он когда-нибудь обрести утерянную безопасность во снах.

Солнечный свет обладал истинным артистизмом. Он светился и блистал, подобно всякому продавцу мишуры, страстно желая ослепить и сбить с толку. Но под сверкающей поверхностью, которую он освещал, было иное, то, что солнечный свет — вечный забавник для толпы — думал утаить. Оно было отвратительным, ужасающим и безнадежным. Ослепленное зрелищем большинство даже мельком никогда это не видело. Но Клив знал теперь и что такое бессолнечность, даже прочувствовал в сновидениях, и хотя оплакивал потерю своего неведения, он также знал, что не сможет вернуться вспять, в зал, где стоят зеркала света.

Он чертовски пытался скрыть произошедшую перемену от Билли, менее всего ему хотелось, чтобы мальчик заподозрил, что он подслушивал. Но утаивать было почти невозможно. Хотя на следующий день Клив, изо всех сил крепился и делал вид, будто ничего не произошло, свое беспокойство скрыть совсем он не мог. Беспокойство невозможно было контролировать, оно исходилось подобно поту из пор. И мальчик знал, без сомнения, он *знал*. И не медля высказал свое подозрение. Когда после полуденных занятий в Мастерской они вернулись в камеру, Билли живо взял быка за рога.

«С тобой сегодня что-то не так?»

Клив принялся перестилать постель, боясь даже взглянуть на Билли. «Ничего особенного, — сказал он. — Чувствую себя не очень хорошо, вот и все».

«Плохо спал ночью?» — спросил мальчик. Клив чувствовал, как взгляд Билли обжигает его спину.

«Нет, — ответил он, отмерив нужное время, чтобы ответ раздался не слишком быстро. — Я принял твои таблетки, как обычно».

«Хорошо».

Диалог прервался, и Клив закончил приводить в порядок постель молча. Но растянуть это занятия надолго ему не

удалось. Когда, покончив с работой, он отвернулся от койки, Билли сидел за небольшим столом, держа в руках одну из книг, принадлежавших Кливу. Мальчик небрежно пролистывал том, какие-либо признаки подозрительности исчезли. Однако Клив знал, что внешнему виду лучше не доверять.

«Зачем ты все это читаешь?» — спросил мальчик.

«Время проходит», — ответил Клив, залезая на верхнюю койку и вытягиваясь там, что, естественно, уничтожило результаты его труда.

«Нет. Я спрашиваю не зачем ты читаешь книги вообще. Я спрашиваю, зачем ты читаешь именно *эти* книги? Всякие глупости о грехе?»

Клив едва расслышал вопрос. Здесь, на койке, он слишком остро вспомнил впечатления нынешней ночи. Вспомнилось ему также, что тьма и сейчас наползает опять на край мира. При этой мысли ему показались, будто содержимое желудка подступило к горлу.

«Ты меня слышишь?» — окликнул его мальчик.

Клив пробормотал, что слышит.

«Ну тогда зачем книги? О проклятии и прочем?»

«Кроме меня их в библиотеке никто не берет», — ответил Клив с трудом, потому что боялся проговориться, ибо другие, невысказанные слова были куда значительней.

«Значит, ты в это не веришь?»

«Нет, — ответил он. — Нет, я не верю ни единому слову из этого».

Мальчик некоторое время молчал. Хотя Клив и не смотрел на него, но слышал, как Билли переворачивает страницы. Затем раздался другой вопрос, произнесенный более спокойно.

«Ты когда-нибудь боялся?»

Вопрос вывел Билли из транса. Разговор перешел от чтения к чему-то более подходящему. Почему Билли спрашивает про страх, если сам не боится?

«А чего мне пугаться?» — спросил Клив.

Краем глаза он заметил, что мальчик слегка пожал плечами, перед тем как ответить. «Происходящего, — сказал он безразличным голосом. — Того, с чем ты не можешь совладать».

«Да, — произнес Клив, не ведая, куда заведет этот обмен репликами. — Да, конечно. Иногда я боюсь».

«И что ты тогда делаешь?» — спросил Билли.

«Ведь тут ничего *не поделать*, так ведь? — сказал Клив. Голос его звучал приглушенно, подобно голосу Билли. — Я перестал молиться в то утро, когда умер мой отец».

Он услышал мягкий хлопок — Билли закрыл книгу, — и Клив удобнее наклонил голову, чтобы видеть мальчика. Билли не смог скрыть свое волнение полностью. Он *боялся*. Клив видел, что мальчик не желает, чтобы снова настала ночь, даже больше его самого. Мысль о совместном страхе ободрила Клива. Возможно, мальчик не полностью подчинен тени, возможно, удастся даже упросить мальчика указать выход из этого все накручивающегося кошмара.

Он сел прямо, голова его была в нескольких дюймах от потолка камеры. Билли прервал свои размышления и взглянул наверх, лицо его представляло мертвенно-бледный овал подрагивающих мышц. Пришло время говорить, Клив знал, что именно *теперь*, до того как свет на этажах выключат и камеры заполнятся тенями. Тогда не будет времени для объяснений. Мальчик затеряется в городе, недостижимый для убеждения.

«Мне снятся сны! — сказал Клив. Билли ничего не ответил, просто смотрел назад пустыми глазами. — Мне снится город».

Мальчик не вздрогнул. Он явно не собирался по собственной воле что-либо разяснять, его следовало подтолкнуть.

«Ты знаешь, о чем я говорю?»

Билли покачал головой. «Нет, — сказал он легко. — Мне никогда не снятся сны».

«Всем снятся».

«Тогда я не могу их вспомнить».

«А я помню, — сказал Клив. Он решил, что пора приступить к обсуждению, нельзя позволить Билли вывернуться. — И в них ты. Там, в городе».

Теперь мальчик вздрогнул чуть заметно, но достаточно, чтобы убедить Клива — он не зря растрачивал слова.

«Что это за место, Билли?» — спросил он.

«Откуда мне знать? — произнес мальчик, готовый рассмеяться, а затем оставивший это намерение. — Я не знаю, понятно? Это — твои сны».

Прежде чем Клив смог ответить, он услышал голос дежурного, тот двигался вдоль камер, напоминая, что надо укладываться на ночь. Очень скоро свет погасят, и Клив будет заперт

в этой узкой камере на десять часов. Вместе с Билли и призраками.

«Прошлой ночью... — начал он, боясь без подготовки упоминать то, что увидел и услышал, но еще больше боясь провести еще одну ночь в пределах города, один, в темноте. — Прошлой ночью я видел... — он запнулся. Почему не приходят слова? — Видел...»

«Что видел?» — требовал мальчик, лицо его теперь ничего не выражало, трепет мрачного предчувствия, бывший в нем прежде, исчез. Возможно, и он слышал слова дежурного и знал, — тут ничего не поделаешь, нет способа устоять перед наступлением ночи.

«Что ты видел?» — настаивал Билли.

Клив вздохнул. «Я видел мою мать», — ответил он.

Мальчик выдал свое облегчение легкой улыбкой, которая пробежала по его губам.

«Да... Я видел мою мать. Отчетливо, как в жизни».

«И это расстроило тебя, правда?» — спросил Билли.

«Иногда сны расстраивают».

Дежурный достиг камеры Б.З.20. «Выключить свет в две минуты», — сказал он на ходу.

«Тебе необходимо принять еще несколько этих таблеток, — посоветовал Билли, кладя книгу на стол и подходя к койке. — Тогда ты будешь, как я. Никаких снов».

Клив пропал. Он, лукавый обманщик, был обманут мальчиком, и теперь должен пожинать плоды. Он лежал лицом к потолку, отсчитывая секунды до того момента, как погаснет свет, а мальчик внизу раздевался и залезал в постель.

Оставалось еще время, чтобы вскочить и позвать дежурного, время, чтобы биться головой в дверь камеры, пока не придут. Но что ему сказать в оправдание. Что он видит плохие сны? *А кто не видит?* Что он боится темноты? *А кто не боится?* Ему бы рассмеялись в лицо и приказали бы отправляться обратно в койку, оставив его саморазоблачившимся, с мальчиком и его хозяином, ожидающим у стены. Такая тактика опасна.

И в молитве нет прока. Он сказал Билли правду, он покончил с Богом, когда его молитвы, выпрашивающие отцу жизнь, остались без ответа. Из такого божественного безразличия родился атеизм, его вера не может опять воспламениться, как бы ни был глубок ужас Клива.

Мысли об отце неизбежно вызвали мысли о детстве: мало что — если это и вообще существовало — могло полностью завладеть его вниманием, отвлечь от страхов, только мысли о детстве. Когда свет наконец потушили, испуганный разум попытался спастись в воспоминаниях. Удары сердца замедлились, пальцы перестали дрожать и, в конце концов, Клив и не заметил, как сон овладел им.

Теперь отвлечься было невозможно. Как только он заснул, нежные воспоминания ушли в прошлое, а он вернулся на окровавленных ногах в тот ужасный город.

Или, скорее, в его окрестности, поскольку нынешней ночью он не последовал знакомым маршрутом мимо дома в георгианском стиле и соседствующих многоквартирных строений, а вместо того направился к предместьям, где ветер был сильнее обычного и голоса, прилетающие с его порывами, яснее. Хотя с каждым сделанным им шагом Клив ожидал увидеть Билли и его темного спутника, он никого не видел. Только бабочки сопровождали его в пути, бабочки, светящиеся словно циферблаты часов. Они садились на плечи и волосы как конфетти, потом вспархивали снова.

Он достиг края города без происшествий и остановился, изучая взглядом пустыню. Облака, плотные, как всегда, двигались над головой с величием джаггернаутов. Сегодня ночью голоса, кажется, ближе, подумал он, и душевные волнения, которые они выражали, не такие душераздирающие, как прежде. Либо смягчились голоса, либо смягчилось его отношение, он не знал.

И затем, когда он смотрел на дюны и на небо, загипнотизированный их опустошенностью, он услышал шорох и, оглянувшись через плечо, увидел улыбающегося мужчину, одетого в то, что, несомненно, было его выходным костюмом. Мужчина приближался к нему со стороны города. Он нес нож, на ноже была кровь, а рука и рубашка спереди были влажными. Даже во сне, заторможенный, Клив устрасился зрелища и отшатнулся, слова предупреждения слетели с губ. Однако улыбающийся мужчина будто и не видел его, а прошел мимо, углубился в пустыню, отбросив нож, когда пересек какую-то невидимую границу.

Лишь теперь Клив заметил, что другие делали то же самое, что почва городских окраин захламлена смертельными сувенирами — ножами, веревками и даже человеческой рукой,

отрубленной у запястья. Большинство вещей было почти погребено.

Ветер вновь принес голоса: обрывки бессмысленных песен, полуборванный смех. Изгнанный мужчина отошел на сотню ярдов от города и теперь стоял на вершине дюны, явно чего-то ожидая. Голоса становились все громче. Клив внезапно ощутил беспокойство. Когда бы он ни бывал в городе и ни слышал эту какофонию, образы, вызванные в воображении звуками, заставляли его кровь холодеть. Может ли он теперь стоять и ждать, пока появятся баньши? Любопытство оказалось сильнее благоразумия. Грядя, через которую они придут, приковывала взгляд, а сердце глухо билось. Отвести глаза было невозможно. Человек в выходном костюме начал снимать пиджак, потом отбросил его и начал ослаблять галстук.

И теперь Кливу показалось, что он нечто разглядел в дюнах, а шум возвысился до приветственного вопля, граничащего с экстазом. Он остановился, не разрешая собственным нервам разгуляться. Он решил увидеть этот ужас во всей многоликости.

Внезапно, перекрывая грохот музыки, кто-то закричал. Голос мужчины, но пронзительный, кастрированный страхом. Голос исходил не отсюда, из города-сновидения, а из той, другой выдумки, которую он населял, название которой он не мог припомнить. Усилием воли он вновь обратил внимание на дюны, твердо решив увидеть картину объединения, собирающуюся вырисоваться перед ним. Крик где-то возрос до вопля, рвущего глотку, и замер. Но теперь сигнал тревоги звенел вместо него, более настойчиво, чем обычно. Клив ощутил, что сон от него ускользает.

«Нет... — бормотал он, — дайте мне увидеть...»

Дюны двигались. Но то было его возвращение — из города в камеру. Протесты его не увенчались ничем. Пустыня поблекла, город тоже. Клив открыл глаза. Свет в камере был все еще выключен, звенел сигнал тревоги. В камерах этажом выше и ниже слышались крики, голоса офицеров в смятении вопросов и требований звучали громче обычного.

Мгновение он пролежал в койке, даже теперь надеясь возвратиться в пределы своего сновидения. Но нет, сигнал был слишком пронзительным, все возрастающая истерия в каме-

рах вокруг приковывала. Он признал поражение и уселся, основательно разбуженный.

«Что происходит?» — спросил он Билли.

Мальчик не стоял на своем месте возле стены. Несмотря на тревогу, он покуда спал.

«Билли!»

Клив свесился через край койки и уставился вниз. Там было пусто. Простыни и одеяла отброшены.

Клив спрыгнул с койки. Внутренность камеры можно было оглядеть в два мига, здесь негде было спрятаться. Мальчика не было видно. Испарился ли он, пока Клив спал? Об этом, конечно, слышали, это был тот караван призраков, о котором предупреждал Девлин: необъясняемое удаление трудных заключенных в другое место. Клив не сталкивался с тем, чтобы такое случалось ночью, но для всего есть первый раз.

Он подошел к двери, чтобы убедиться, сможет ли что-нибудь понять в гвалте, царящем снаружи, но отказался от толкований. Самое вероятное — драка, подозревал он, двое заключенных, которые бесились от мысли, что проведут еще хоть минуту на одном пяточке. Он попытался догадаться, откуда пришел первоначальный крик — справа, слева, сверху, снизу, но сон спутал все направления.

Пока Клив стоял возле двери, надеясь, что может пройти надзиратель, он ощутил изменение в воздухе. Оно было столь слабым, что сначала он и не заметил ничего. Только когда он поднял руку, чтобы протереть глаза со сна, он понял, что и вправду на руках его твердая гусиная кожа.

Теперь сзади он услышал шум дыхания, или какое-то грубое подобие вдохов и выдохов.

Беззвучно он шевельнул губами, пытаясь выговорить: «Билли». Гусиная кожа покрыла все тело, его трясло. Камера совсем *не была* пустой, на крохотном расстоянии от него кто-то был.

Клив собрал всю свою храбрость и заставил себя повернуться. Камера была темнее, чем тогда, когда он проснулся, воздух казался дразнящим покровом, но Билли в камере не было. Не было никого.

А затем шум повторился и привлек внимание Клива к нижней койке. Пространство налилось дегтярно-черным, здесь сгустилась тень — как та, что на стене, — слишком глубокая и слишком изменчивая, чтобы иметь естественные источники.

Из нее исходила квакающая попытка дыхания, которая могла бы быть и последними мгновениями астматика. Он понял: мрак в камере возникал отсюда — в узком пространстве кровати Билли, тень просачивалась на пол и клубилась туманом до верха койки.

Запасы страха у Клива оказались неистощимыми. Несколько прошедших дней он расходовал их в сновидениях и в грезах во время бодрствования, он покрывался потом, он мерз, он жил на грани разумного и выжил. Теперь, когда все тело его покрылось гусиной кожей, разум не ударился в панику. Клив чувствовал себя спокойнее, чем обычно, недавние события подстегивали в нем беспристрастность. Он *не свернется* калачиком. Он *не зажмурит* глаза и не станет молить о приходе утра, потому что если сделает это, он осознает себя мертвецом и никогда не узнает природы этой тайны.

Он глубоко вздохнул и подошел к койке. Та стала трястись. Укутанный обитатель нижнего яруса двигался почти неистово.

«Билли», — позвал Клив.

Тень двинулась. Она собралась вокруг его ног, она внезапно бросилась ему в лицо, источая запах, схожий с запахом дождя среди камней, холодная и неуютная.

Клив стоял не более чем в ярде от своей койки и все-таки ничего не мог поделать, тень представляла для него неодолимую преграду. Зрение могло быть обмануто. Он потянулся к постели. Под его напором пелена разошлась, как дым, и фигура, бьющаяся на матрасе, стала видна.

Конечно, это был Билли, но все же и не он. Пропавший Билли, может быть, или тот, который появился. Если так, Клив не хотел делить что-либо с таким. Здесь, на нижней койке, находилась темная гнусная фигура, все уплотнявшаяся, пока Клив смотрел, создающая себя из теней. В накаленных добела глазах и в арсенале игольчато-острых зубов было нечто от бешеной лисицы и одновременно нечто от перевернутого на спину насекомого, полусвернувшегося, скорее с панцирем, чем с плотью, и походило на ночной кошмар, ни на что иное. Ни одна из частей не оставалась стабильной. Какими бы эти очертания ни были, Клив видел, как они истаивают. Зубы росли, делались все длиннее, и при том становились более нематериальными, вещество вытягивалось в хрупкие острия, а затем рассеивалось дымкой, конечности, которыми молотили по воздуху, тоже чуть подросли. В глу-

бине хаоса виднелся призрак Билли Тейта, с открытым ртом, мучительно что-то лепетавшего, прилагавшего все силы, чтобы стать узнаваемым. Клив хотел проникнуть в круговерть и выволочь оттуда мальчика, но чувствовал, что процесс, происходящий перед глазами, имеет собственную инерцию, свою движущую силу и вмешательство могло оказаться губительным. Все, что он мог сделать, — стоять и наблюдать, как тонкие белые конечности Билли и уплотняющийся живот корчатся, чтобы сбросить эту страшную анатомию. Светящиеся глаза исчезли почти последними, вылившись из глазных впадин мириадами нитей и улетев с черным дымом.

Наконец он увидел лицо Билли, отдаленное напоминание о прежнем состоянии все еще проглядывало в нем. И затем, когда и это исчезло, тени ушли, на койке лежал только Билли, голый и обессиленный тяжкими страданиями.

Он взглянул на Клива с невинным выражением лица.

Клив вспомнил, как мальчик жаловался твари из города. «Больно... — говорил он. Говорил же? — ты не рассказывал мне, *как это больно...*» Достойная внимания правда. Тело мальчика было смещением пота и костей, более неприятное зрелище едва ли и воображимо. По крайней мере, *человеческое*.

Билли открыл рот. Губы его были красными и блестящими, будто измазанные губной помадой.

«Теперь... — произнес он, пытаясь говорить между болезненными вдохами, — что нам делать теперь?»

Казалось, даже говорить для него было слишком. В глубине горла раздался звук, словно он подавился, и мальчик прижал руку ко рту. Клив шагнул в сторону, когда Билли встал и проковылял к ведру в углу камеры, которое использовали для ночных потребностей. Но добраться до ведра он не успел, тошнота одолела его по пути, жидкость выплеснулась между пальцев и хлынула на пол. Клив отвернулся, когда Билли вырвало, и мысленно приготовился терпеть зловоние до утра, когда произведут уборку. Однако запах, заполнявший камеру, не был запахом рвоты, а чем-то и более сладким, и более густым.

Клив, озадаченный, повернулся к фигуре, скрючившейся в углу. На полу возле ног были брызги темной жидкости, такие же ручейки стекали по его голым ногам. Даже в темной камере можно различить, что это кровь.

* * *

И в самых благоустроенных тюрьмах насилие прорывается и обязательно без предупреждения. Взаимоотношения двух заключенных, которые проводят совместно шестнадцать часов из ежедневных двадцати четырех, вещь непредсказуемая. Но насколько было ясно и надзирателям, и заключенным, между Лауэллом и Нейлером ненависти не было. И до тех пор, пока не начался тот крик, из их камеры не доносилось ни звука — ни спора, ни выкриков. Что побудило Нейлера неожиданно напасть и резать своего сокамерника, а потом нанести громадные раны себе самому, — стало предметом для обсуждения и в столовой, и во дворе для прогулок. Однако вопрос *зачем* занял второе место после вопроса *как*. Ходили слухи, что тело Лауэлла, когда его обнаружили, представляло зрелище неопишемое, даже среди людей, приученных к жестокости, как само собой разумеющемуся, рассказы вызвали потрясение. Лауэлла не особенно любили, он был задира и врун. Но что бы он ни делал, это не заслуживало таких увечий. Человека распотрошили: глаза выколоты, гениталии оторваны. Нейлер, единственный возможный противник, ухитрился затем вспороть и собственный живот. Теперь он лежал в Отделении Реанимации, прогнозы малообнадеживающие.

Когда слухи о насилии ходили по блоку, Кливу легко было провести почти весь день незамеченным. У него тоже нашлось бы что рассказать, но кто поверит его истории? Едва он и сам в нее верил. Действительно, время от времени, на протяжении всего дня, когда видения снова одолевали его, он спрашивал себя, не сошел ли он с ума. Но ведь здравый рассудок — понятие относительное, не так ли? Все, что он знал с уверенностью, то, что он видел, как трансформировался Билли Тейт. Он уцепился за эту зацепку с упорством, рожденным близким отчаянием. Если он перестанет верить показаниям собственных глаз, у него не останется защиты и темноту не сдержать.

После умывания и завтрака, весь блок был заперт по своим камерам, мастерские, развлечения — любая деятельность, для которой требовалось перемещаться по этажам, была отменена, пока камеру Лауэлла фотографировали, осматривали, а потом отмывали. После завтрака Билли спал все утро — состояние, близкое коме, а не сну, такова его глубина. Когда он проснулся к ланчу, он был веселее и дружелюбнее, чем на протяжении последних недель. Под пустой болтовней ни намек на то, что

он знает, что случилось предыдущей ночью. В полдень Клив сказал ему правду в лицо.

«Ты убил Лауэлла», — заявил он. Больше не было смысла изображать неведение, если теперь мальчик не помнит, что совершил, то со временем припомнит. И сколько еще пройдет времени, прежде чем он вспомнит, что Клив видел, как он превращается? Лучше признаться сейчас. «Я видел тебя, — сказал Клив. — Я видел, как ты изменялся...»

Казалось, Билли не слишком встревожили такие откровения.

«Да, — ответил он. — Я убил Лауэлла. Ты порицаешь меня?»

Вопрос, вызывающий за собой сотни других, задан небрежно, как задают из легкого интереса, не больше.

«Что с тобой случилось? — спросил Клив. — Я видел тебя — *здесь*, — устрешенный воспоминаниями, он указал на нижнюю койку, — ты был не человеком».

«Я не думал, что ты увидишь, — ответил мальчик. — Я давал тебе таблетки, так ведь? Ты не должен был подсматривать».

«И предыдущей ночью... — сказал Клив, — я тоже не спал».

Мальчик заморгал, как испуганная птица, слегка вздернув голову. «Ты по-настоящему сглупил, — сказал он. — Так сглупил».

«Да или нет, я не посторонний, — сказал Клив. — У меня сны».

«О, да. — Теперь нахмуренные брови портили его фарфоровое личико. — Да. Тебе ведь снился город, правда?»

«Что это за место, Билли?»

«Я читал где-то: у *мертвых есть большие дороги*. Ты когда-нибудь слышал? Ну... у них есть и города».

«У мертвых? Ты имеешь в виду что-то вроде города призраков?»

«Я никогда не хотел тебя ввязывать. Ты был со мной добрее, чем большинство здесь. Но я *говорил* тебе, что пришел в Пентонвилл заниматься делом».

«С Тейтом».

«Верно».

Клив хотел посмеяться. То, о чем ему говорили — *город мертвых*, — только нагромождение бессмыслицы. И все же его озлобленный разум не отыскал более вероятного объяснения.

«Мой дед убил своих детей, — сказал Билли, — потому что не желал передать свою наследственность следующему поколению. Он поздно выучился, понимаешь. Он не знал, до того как завел жену и детей, что он не такой, как большинство других. Он особый. Но он *не желал* данного ему умения, и он не желал, чтобы выжили его дети с той же самой силой в крови. Он бы убил себя и закончил работу, но именно моя мама убежала. До того, как он смог ее отыскать, чтобы убить, его арестовали».

«И повесили. И похоронили».

«Да, повесили и похоронили. Но он *не исчез*. Никто не исчезает, Клив. Никогда».

«Ты пришел сюда, чтобы отыскать его».

«Не просто отыскать, а заставить его *помочь* мне. Я с десяти лет знаю, на что способен. Не вполне осознанные, но у меня были подозрения. И я боялся. Конечно, я боялся. Это ужасная тайна».

«Эти трансформации, ты всегда совершал их?»

«Нет. Я просто *знал*, на что способен. Я пришел сюда, чтобы заставить моего деда научить меня, заставить его *показать мне, как делать*. Даже теперь... — он посмотрел на свои пустые руки, — когда он учит меня... Боль почти непереносимая...»

«Тогда зачем ты это делаешь?»

Мальчик скептически посмотрел на Клива. «Чтобы *не быть* собой, быть дымом и тенью. Быть чем-то ужасным. — Он казался искренне озадаченным. — Ты бы не сделал то же самое?»

Клив покачал головой.

«То, чем ты стал прошлой ночью, отвратительно».

Билли кивнул. «То, что думал мой дед. На суде он назвал себя отвратительным. Не то чтобы они поняли, что он говорит, но он говорил о проклятье. Он встал и сказал: «Я экскремент Сатаны, — Билли улыбнулся этой мысли. — Ради Христа, повесьте и сожгите меня». С тех пор он изменил мнение. Столетие ветшает, нуждается в новых племенах». Он внимательно посмотрел на Клива. «Не бойся, — сказал он, — я тебя не трону, если ты не станешь болтать. Ты не будешь, правда?»

«А что мне сказать, что прозвучало бы здраво? — мягко ответил Клив. — Нет, я не буду болтать».

«Хорошо. Немного позже я уйду. И ты уйдешь. И ты сможешь забыть».

«Сомневаюсь».

«Даже сны прекратятся, когда меня здесь не будет. Ты только разделяешь их, поскольку у тебя есть задатки экстрасенса. Поверь. Тут нечего бояться».

«Город...»

«Что город?»

«Где его жители? Я никогда никого не видел. Нет, это не совсем так. Одного я видел. Человека с ножом... уходящего в пустыню...»

«Не могу тебе помочь. Я сам прихожу туда как посетитель. Все, что я знаю по рассказам деда, — этот город населен душами мертвых. Что бы ты там ни увидел, забудь. Ты не принадлежишь тому месту. Ты еще не мертв».

Всегда ли благоразумно верить словам, что говорят тебе мертвые? Очистились ли они от всякой лжи, умерев? Начали ли они новое существование как святые? Клив не верил в такие наивные вещи. Более вероятно, что они берут свои способности с собой, и хорошее и плохое, и используют там, насколько могут. В раю должны быть сапожники, не так ли? Глупо думать, что они забудут, как тачать башмаки.

Поэтому вполне возможно, Эдгар Тейт *лгал* о городе. Было то, чего Билли не знал. А как насчет голосов на ветру? Или тот человек, который бросил нож среди прочего хлама, прежде чем уйти в одиночку Бог знает куда? Что это за ритуал?

Теперь, когда страх истощился и не было даже пяточка твердой реальности, чтобы за него уцепиться, Клив не видел причины, почему бы не отправиться в город по собственной воле. Что в тех пыльных улицах могло встретиться более худшее, чем он видел на койке в собственной камере или чем то, что произошло с Лауэллом и Нейлером? Город представлялся почти убежищем. Безмятежность царила в его пустых улицах и на площадях, Клив ощущал там, будто все действия завершены, со всякими муками и гневом покончено. Эти интерьеры — с протекающей ванной и чашкой, наполненной до краев, — видели куда *более страшное* и теперь казались довольными, переживая тысячелетия. Когда ночь принесла очередной сон и город открылся перед глазами, Клив вошел не как испуганный человек, сбившийся с пути на враждебных

пространствах, а как посетитель, предполагающий чутко расслабиться в хорошо знакомом месте, знакомом достаточно, чтобы там не потеряться, но все же не настолько, чтобы здесь наскучило.

Словно в ответ на эту приобретенную легкость, город сам открылся ему. Бродя по улицам, ступая окровавленными по обыкновению ногами, Клив обнаруживал, что двери широко распахнуты, занавески на окнах отодвинуты. Он отнесся к приглашению без высокомерия, решил воспользоваться им, чтобы пристальнее взглянуть на особняки и многоквартирные. При ближайшем рассмотрении они оказались далеки от образцов домашнего уюта, за которые он принял их поначалу. В каждом обнаруживался знак недавно совершенного насилия. Где-то — не более чем перевернутое кресло или след на полу, где каблук скользил в луже крови, где-то приметы более очевидные. Молоток, оставленный на столе вместе с газетами, на раздвоенном конце, которым вытаскивают гвозди, запеклась кровь. Была комната с разобранным полом, и черные пластиковые свертки, подозрительно скользкие, лежали возле вынутых досок. В одном помещении зеркало вдребезги разбито, в другом вставная челюсть валялась возле камина, в котором вспыхивало и потрескивало пламя.

Все это были декорации убийства. Жертвы исчезли, возможно, в иные города, полные зарезанных детей и убитых друзей, оставив эти живописные картины, которые сопровождали убийство, навсегда застывшими, бездыханными. Клив прошелся по улицам, истинный наблюдатель, и разглядывал сцену за сценой, в мыслях восстанавливая те мгновения, которые предшествовали вынужденному покою каждой комнаты. Здесь умер ребенок, кровать его перевернута, здесь кого-то убили в собственной постели, подушка пропитана кровью, топор лежит на ковре. Была ли в этом разновидность проклятия — убийцы обязаны были ждать какую-то долю вечности (а возможно, и всю ее) в комнате, где они убивали?

Из преступников он никого не видел, хотя логика и подсказывала, что они должны находиться поблизости. Значило ли это, что они обладали способностями быть невидимыми, чтобы хранить себя от любопытствующих глаз, от прогуливающихся сновидцев, подобных ему? Или вправду время, проведенное в этом нигде, трансформировало их, и они больше

не являлись плотью и кровью, а стали частью своего помещения, креслом, китайской куклой?

Затем он вспомнил мужчину на окраине, который пришел в своем лучшем костюме, с окровавленными руками, и удалился в пустыню. *Он* не был невидимкой.

«Где вы? — сказал Клив, стоя на пороге средней комнаты, комнаты с раскрытой печью, с посудой в раковине и с водой, бегущей из крана. — Покажитесь».

Глаза уловили движение, и он взглянул через дверь. Там стоял человек. Он стоял там все время, понял Клив, но стоял так тихо и был такой неотъемлемой частью комнаты, что оставался незамеченным, пока не посмотрел в сторону Клива. И он почувствовал прилив беспокойства, думая, что в каждой комнате, которую разглядывал, находился один либо несколько убийц, замаскированных своей неподвижностью. Человек, зная, что его увидели, шагнул из укрытия. Средних лет. На щеке порез после утреннего бритья.

«Кто ты? — спросил он. — Я тебя видел прежде Проходящим».

Голос тихий и печальный, не похож на убийцу, подумал Клив.

«Просто посетитель», — ответил он мужчине.

«Здесь не бывает посетителей, — возразил тот, — только возможные жители».

Клив нахмурился, пытаясь понять, о чем говорит мужчина. Но разум его, погруженный в сон, медлил, и до того, как смог разрешить загадку сказанного, возникли другие.

«Я тебя знаю? — спросил человек. — Я обнаруживаю, что забываю все больше и больше. А это не дело, верно? Если я забуду, я никогда не уйду, так ведь?»

«Уйдешь?» — переспросил Клив.

«Совершу обмен», — сказал человек, приглаживая челку.

«И пойдешь куда?»

«Обратно. Вновь совершать это».

Теперь он пересек комнату и подошел к Кливу. Вытянул руки, ладонями вверх — те были покрыты пузырями.

«Ты можешь мне помочь, — сказал он. — Я заключу сделку с лучшими из них».

«Я не понимаю».

Человек явно считал, что Клив прикидывается. Верхняя губа, на которой красовались подкрашенные черные усы,

оттопырилась. «Понимаешь, — сказал он. — Прекрасно понимаешь. Просто ты хочешь продать себя, как и все делают. Предлагаешь самую высокую цену, так ведь? Кто ты, наемный убийца?»

Клив покачал головой. «Я просто сплю», — ответил он.

Приступ веселья у мужчины закончился. «Будь другом, — попросил он. — Я не обладаю властью, как некоторые. Знаешь, некоторые приходят сюда и уходят отсюда в течение нескольких часов. Они профессионалы. Они договариваются. А я? Что до меня, это было преступление на почве страсти. Я пришел неподготовленным. Я останусь здесь, пока не смогу заключить сделку. Пожалуйста, будь другом».

«Я не могу помочь», — сказал Клив, не вполне понимая, о чем его просит мужчина.

Убийца кивнул. «Конечно, — произнес он. — Я и не ожидал...»

Он отвернулся от Клива и двинулся к печи. Жар там стал сильнее, и возник мираж полки для подогрева пищи. Мужчина небрежно положил одну из пузырящихся ладоней на дверку и закрыл ее, почти тут же дверка со скрипом отворилась. «Ты бы только знал, как возбуждает аппетит запах жареной плоти, — сказал мужчина, опять повернувшись к дверке и пытаясь ее закрыть. — Может ли кто-нибудь меня обвинять? В самом деле?»

Клив оставил его наедине с его бессвязной болтовней. Если тут и присутствовал смысл, вероятно, он не заслуживал того, чтобы в него вдаваться. Разговор об обменах и о бегстве из города был недоступен пониманию Клива.

Он побрел дальше, теперь не вглядываясь в дома. Он увидел все, что хотел. Определенно, утро близко и звонок затрезвонит на этаже. Возможно, он даже сам проснется, подумал Клив, и на сегодня покончит с путешествием.

Когда приходила эта мысль, он увидел девочку. Она была лет шести-семи, не больше, и стояла на ближайшем перекрестке. Явно, не убийца... Он направился к ней. Девочка либо от смущения, либо по какой-то менее достойной причине, повернула направо и побежала прочь. Клив последовал за ней. К тому моменту, как он достиг перекрестка, она была уже далеко на следующей улице, он опять пустился в погоню. Когда во сне длится подобное преследование, законы физики не одинаковы для участников погони. Девочка, казалось, двига-

лась легко, а Клив боролся с густым словно патока воздухом. Однако он не прекращал преследование, а спешил туда, куда вела девочка. Скоро он был на порядочном расстоянии от знакомых мест, в тесноте дворов и аллей, представляющих, как он полагал, многочисленные сцены резни. В отличие от центральных улиц, здешнее гетто содержало какие-то обрывки географических пространств: травянистая обочина, скорее красная, чем зеленая, фрагмент виселицы со свешивающейся петлей, груды земли. А теперь вот просто стена.

Девочка привела его в тупик, а сама исчезла, оставив его созерцать гладкую кирпичную стену, сильно выветрившуюся, с узкой прорезью окна. Очевидно, это и было то, на что его привели посмотреть. Он уставился сквозь пуленепробиваемое стекло, с этой стороны запачканное потеками птичьих испражнений, и обнаружил, что разглядывает одну из камер Пентонвилла. Желудок сжался. Что за игра — вывести из камеры в город сновидений только для того, чтобы привести обратно в тюрьму? Но несколько секунд изучения успокоили: это не его камера. Камера Лауэлла и Нейлера. Их картинки приклеены лентой к серому кирпичу, их кровь разбрызгана на полу и по стенам, на постели и на двери. Это была еще одна сцена убийства.

«Господь Мой Всемогущий, — пробормотал он. — Билли...»

Он отвернулся от стены. На песке, возле ног, спаривались ящерицы, ветер, отыскавший дорогу в эту заводь, принес бабочек. Когда Клив смотрел на их танец, прозвенел звонок в блоке Б. Наступило утро.

Это была ловушка. Механика ее была недоступна пониманию Клива, но в назначении ее он не сомневался. Билли отправится в город, скоро. Камера, в которой он совершил убийство, уже ожидает его, и из всех гнусных мест, что видел Клив в том скопище склепов, несомненно, пропитанная кровью камера была самым худшим.

Мальчик не может знать, что планируется для него, его дед лгал ему о городе, рассказывал выборочно и не подумал рассказать Билли, что бывают случаи, когда требуется существовать там. А почему? Клив вернулся в мыслях к уклончивому разговору, который вел с человеком в кухне. Что за слова об обменах, о заключении сделок, о *возвращении обратно*? Эдгар Тейт раскаялся в своих грехах, ведь так? По прошествии

лет он решил, что он *не* экскремент Дьявола и что вернуться в мир было бы вовсе не так уж плохо. Билли каким-то образом стал орудием для возвращения.

«Ты не нравишься моему деду», — сказал мальчик, когда после второго завтрака их вновь заперли в камере. На второй день расследования все дела — развлечения и мастерские — были отменены, пока допрашивали камеру за камерой относительно смерти Лауэлла и — что касается ранних часов того дня — Нейлера.

«Не нравлюсь? — спросил Клив. — А почему?»

«Ты слишком любопытен, когда в городе».

Клив сидел на верхней койке, Билли на стуле у противоположной стены. Глаза мальчика налиты кровью, слабая, но постоянная дрожь била его.

«Ты собираешься умереть, — сказал Клив. Как иначе указать на это, но без обиняков? — Я видел... в городе...»

Билли покачал головой. «Иногда ты рассуждаешь как сумасшедший. Мой дед говорит, что я не должен доверять тебе».

«Он боится меня. Вот поэтому».

Билли иронически рассмеялся. Послышался уродливый звук, заимствованный, как рассудил Клив, у Дедушки Тейта. «Он не боится никого», — резко возразил Билли.

«...боится того, что я увижу. И того, что расскажу тебе».

«Нет», — сказал мальчик с абсолютной убежденностью.

«Он приказал тебе убить Лауэлла, ведь так?»

Голова Билли дернулась. «Почему ты это говоришь?»

«Ты никогда не хотел убивать его. Может быть, напугать немного обоих, но не *убить*. Это идея твоего любящего дедушки».

«Никто не указывал мне, что делать, — ответил Билли. Взгляд его был ледяным. — Никто».

«Ладно, — уступил Клив. — Может, он *направил* тебя, а? Сказал, что это дело семейной чести или что-то вроде того?» Замечание определенно достигло цели — дрожь усилилась.

«Ну и что? Что, если он так сделал?»

«Я видел, куда ты намереваешься отправиться, Билли. Место уже поджидает тебя... — Мальчик уставился на Клива, но не прерывал его. — Только убийцы населяют город, Билли. Вот почему там твой дед. И если он найдет замену, он сможет освободиться».

Билли встал. На лице его пылало бешенство, все следы иронии исчезли. «Что значит *освободиться?*»

«Вернуться в мир. *Обратно сюда.*»

«Ты лжешь...»

«Спроси его».

«Он меня не обманывает. Его кровь — моя кровь».

«Думаешь, его это волнует? После пятидесяти лет, проведенных в ожидании случая, чтобы уйти. Ты думаешь, ему *не наплевать*, как он это сделает?»

«Я передам ему, как ты лжешь...» — сказал Билли. Раздражение его не полностью относилось к Кливу, тут слышалось затаенное сомнение, которое Билли пытался подавить. «Ты покойник, — сказал он. — Достаточно ему обнаружить, что ты пытаешься меня против него настроить. Ты узнаешь его. Да, ты его узнаешь. И ты взмолишься Христу, чтобы не знать».

Казалось, выхода не было. Даже если Клив смог бы убедить начальство перевести его до наступления ночи (слабая надежда) — он должен был бы отказаться от всего, что говорил о мальчике прежде, сказать им, что Билли опасный безумец или что-то вроде, то есть явную ложь. Но даже если его и переведут в другую камеру, в таком маневре нет еще гарантии безопасности. Мальчик сказал, что был дымкой и тенью. Ни дверь, ни решетки не сдержат такое, судьба Лауэлла и Нейлера являлись доказательством того. И Билли был не один. Тут следовало принимать в расчет Эдгара Сент Клера Тейта, а какими силами обладает он? И все же оставаться в той же камере нынешней ночью с мальчиком равносильно самоубийству, не так ли? Он отдаст себя в лапы бестий.

Когда заключенные вышли из камер, чтобы поужинать, Клив посмотрел вокруг в поисках Девлина, нашел его и попросил уделить время для короткого разговора, что и было даровано. После ужина Клив предстал перед надзирателем.

«Вы просили меня присматривать за Билли Тейтом, сэр».

«А что такое?»

Клив мучительно обдумывал, что сказать Девлину, чтобы добиться немедленного перевода. Ничего на ум не приходило. Он запнулся, надеясь на вдохновение, слова, как назло, не подыскивались.

«Я... я... хотел подать прошение о переводе в другую камеру».

«Причина?»

«Мальчик неуравновешен, — ответил Клив. — Боюсь, он собирается причинить мне неудобства. Впасть в очередной припадок...»

«Ты можешь его уложить на лопатки одной рукой, он отошел — одни кости остались». В этот момент, если бы он разговаривал с Мейфлауэром, Клив, возможно, обратился бы к тому напрямую. С Девлиным подобная тактика была изначально обречена.

«Не знаю, почему ты жалуешься. Он был почти золотой, — сказал Девлин, иронически передразнивая тон любящего отца. — Спокойный, всегда вежливый. Не представляет опасности ни для тебя, ни для других».

«Вы не знаете его...»

«Что ты пытаешься втолковать?»

«Посадите меня в Исправительную камеру 43, сэр. *Куда угодно*, все равно. Просто уберите меня от него. *Пожалуйста*».

Девлин не отвечал, но озадаченный смотрел во все глаза на Клива. Наконец произнес: «Ты *боишься* его».

«Да»

«Что же не так? Ты сидел в одной камере с крутыми мужиками, и ни волоска с твоей головы не упало».

«Он не такой», — ответил Клив. Он мало что мог сказать, кроме: «Он сумасшедший. Говорю вам, он сумасшедший».

«Весь мир сошел с ума, Смит, кроме тебя и меня. Разве ты не слышал? — рассмеялся Девлин. — Возвращайся в свою камеру и прекрати ныть. Ты не хотел каравана призраков? А теперь?»

Когда Клив вернулся в камеру, Билли писал письмо. Сидя на койке, углубившись в свое занятие, он выглядел чрезвычайно уязвимым. То, что сказал Девлин, подтверждалось: мальчик *иссох* до костей. Трудно было поверить, глядя на тростник его позвоночника, выпирающий сквозь футболку, что эта болезненная фигурка смогла бы пережить муки перевоплощения. А теперь, кто знает? Может быть, мучительные перевоплощения со временем разорвут его на части. Но не слишком скоро.

«Билли...»

Мальчик не сводил глаз с письма.

«...то, что я говорил о городе...»

Он перестал писать.

«...может быть, я все это *вообразил*. Просто приснилось...»

Билли опять принялся за письмо.

«...я сказал тебе, потому что тебя боялся. Вот и все. Я хочу, чтобы мы были друзьями...»

Билли поднял глаза.

«Это не в моих силах, — сказал он очень просто. — Теперь. Это ушло к Деду. Он может быть милосердным, а может и не быть».

«Зачем ты сказал ему?»

«Он знает, что во мне. Он и я... мы как одно. Вот откуда я знаю, что он не обманывает меня».

Скоро наступит ночь, свет выключат во всем блоке, придут тени.

«Значит, мне остается только ждать?» — спросил Клив.

Билли кивнул. «Я позову его, тогда посмотрим».

Позовет, промелькнуло в голове Клива. Нуждается ли старик в вызове со своего места успокоения? Было ли это тем, что он видел: Билли стоял в середине камеры с закрытыми глазами, с лицом, обращенным к окну? Если так, вдруг мальчику можно *помешать* вызвать мертвеца?

Пока вечер сгущался, Клив лежал на своей койке, обдумывая возможности. Лучше ли ждать и видеть, какой приговор вынесет Тейт, или лучше попытаться перехватить контроль над ситуацией, помешать прибытию старика? Если это сделать, возврата назад не будет, не будет места оправданиям и мольбам, агрессия несомненно породит агрессию. Если не удастся помешать мальчику вызвать Тейта, это будет конец.

Свет погасили. В камерах на всех пяти этажах блока Б люди поворачивались лицом к подушке. Некоторые, вероятно, лежали без сна, планируя свою карьеру, когда незначительный перерыв в их профессиональной жизни наконец минует, другие сжимали в объятиях невидимых любовниц. Клив прислушивался к звукам в камере, к гремящему передвижению воды по трубам, к неглубокому дыханию на нижней койке. Иногда казалось, будто он живет второй жизненный срок на этой засаленной подушке, оставленный в темноте, без выхода.

Дыхание снизу стало вскоре неразличимым, не было и шорохов. Может, Билли ждал, пока Клив уснет, и тогда уже собирался что-то предпринять. Если так, мальчик ждет попу-

сту. Клив не сомкнет глаз и не даст зарезать себя во сне. Он не свинья, чтобы быть безжалостно вздетым на нож.

Двигаясь так осторожно, как только мог, чтобы не возбудить подозрений, Клив расстегнул ремень и вытащил его из штанов. Он мог бы смастерить нечто более подходящее, разорвав наволочку и простыню, но боялся привлечь внимание Билли. Теперь он ждал с ремнем в руке, делая вид, будто спит.

Сегодня ночью он был благодарен, что шум в блоке причиняет беспокойство, не дает задремать, потому что прошло полных два часа, прежде чем Билли поднялся с койки, два часа, за которые, несмотря на страх перед тем, что может случиться, если он заснет, веки Клива несколько раз отказывались подчиниться. По этажам нынешней ночью плыла печаль, смерть Лауэлла и Нейлера заставила даже самых огрубевших заключенных нервничать. Крики и переговоры тех, кто не спал, наполняли ночные часы. Несмотря на усталость, сон не одолел его.

Когда Билли наконец встал с нижней койки, было глубоко за полночь, и этаж почти совсем утомился. Клив слышал дыхание мальчика, оно не было ровным, появились перерывы. Он смотрел между сощуренных век, как Билли пересекает камеру, направляясь к знакомому месту против окна. Несомненно, он собирался позвать старика.

Когда Билли закрыл глаза, Клив сел, отбросил одеяло и соскользнул с койки. Мальчик ответил не сразу. До того, как он вполне понял, что произошло, Клив пересек камеру и прижал его спиной к стене, зажав ладонью рот Билли.

«Нет, не выйдет, — прошипел он, — я не собираюсь последовать за Лауэллом». Билли боролся, но Клив был физически намного сильнее.

«У него нет намерения появляться сегодня ночью, — сказал Клив, уставившись в широко раскрытые глаза мальчика, — потому что у тебя нет намерения звать его».

Билли стал сопротивляться еще яростнее, чтобы освободиться, он крепко укусил нападающего за ладонь. Клив инстинктивно убрал руку, и мальчик в два прыжка оказался у окна. В горле его возникла странная полупесня, на лице выступили неожиданные и необъяснимые слезы. Клив оттащил его прочь.

«Прекрати шуметь!» — рывкнул он. Но мальчик продолжал свое. Клив ударил его, открытой рукой, но крепко, по

лицу. «Заткнись!» — сказал он. Все же мальчик отказался прервать свое пение, теперь мелодия обрела другой ритм. Клив бил его снова и снова, но не мог заставить его замолчать. В камере слышался шорох — менялась атмосфера, тени сдвигались по-иному. Тени двигались.

Паника овладела Кливом. Без предупреждения он сжал кулак и крепко саданул мальчика в желудок. Когда Билли согнулся пополам, апперкот достал его челюсть. Голова отклонилась назад, затылок столкнулся с кирпичом. Ноги Билли подогнулись, и он рухнул. Вес пера, подумал Клив, и это было так. Два хороших удара кулаком, и мальчик отрубился.

Клив оглядел камеру. Движение теней прекратилось, хотя они и дрожали, словно борзые, ожидающие команды. С колотящимся сердцем он понес Билли обратно, на его койку, и уложил. Ни признака возвращающегося сознания. Мальчик лежал безвольно на матрасе, пока Клив разрывал его простыню, делал кляп и всовывал в рот мальчику, чтобы не дать ему вымолвить ни звука. Затем он принялся привязывать Билли к койке, используя свой собственный ремень и ремень мальчика, дополнив их самодельными веревками, сооруженными из разорванных простыней. Работа заняла несколько минут.

Когда Клив связывал ноги мальчика вместе, тот начал шевелиться. Глаза его, полные изумления, открываясь, дрогнули. Затем, осознав свое положение, он начал мотать головой из стороны в сторону, это была единственная малость, доступная ему, так он давал понять о своем протесте.

«Нет, Билли, — прошептал ему Клив, набрасывая одеяло поверх связанного тела, чтобы скрыть происходящее от надзирателя, который мог бы заглянуть в глазок до утра. — Сегодня ночью ты не позовешь его. Все, что я сказал, мальчик, правда. Он хочет уйти, и он использует тебя, чтобы сбежать». Клив сжал руками лицо Билли, так что пальцы вдавились в щеки. «Он не друг тебе. Друг — я. И всегда был». Билли старался освободить голову от хватки Клива, но не мог. «Не трать силы зря, — посоветовал Клив. — Ночь впереди долгая».

Он оставил мальчика на койке, пересек камеру, подошел к стенке, соскользнул по ней, усевшись на корточки и наблюдая. Он останется бодрствовать до рассвета, а там, когда будет хоть какой-то свет, который что-то из себя представляет, он предпримет следующий ход. Но сейчас он удовлетворен, ведь его тактика сработала.

Мальчик прекратил сопротивление, он ясно понял, что повязки наложены слишком умело, чтобы можно было освободиться. Разновидность затишья снизошла на камеру: Клив сидел на пяточке света, падавшего через окно, мальчик лежал во тьме на нижней койке, дыша равномерно через ноздри. Клив взглянул на часы. Было 12.45. Когда наступит утро? Он не знал. Впереди пять часов по крайней мере. Он откинул голову и уставился на свет.

Свет завораживал его. Минуты текли медленно и равномерно, а свет не менялся. Иногда вдоль этажа проходил надзиратель, и Билли, слыша звук шагов, вновь начинал свою борьбу. Но в камеру никто не заглядывал. Двое заключенных были оставлены со своими мыслями: Клив размышлял, наступит ли время, когда он сможет быть свободен от тени за спиной, Билли передумывал какие-то мысли, которые приходят к связанным монстрам. И минуты все шли, минуты глухой ночи, они проходили сквозь разум, подобные веренице покорных школьников, наступая друг другу на пятки, и после того как проходило их шестьдесят, итог назывался часом. И рассвет был ближе на пядь, не так ли? И на столько же — смерть, и на столько же, предположительно, — конец света, тот роскошный Последний Трубный Глас, о котором Епископ говорил так трепетно: тогда мертвецы под газоном снаружи поднимутся, свежие, как вчерашний хлеб, и уйдут, чтобы встретить своего Создателя. И сидя здесь, у стены, прислушиваясь к дыханию Билли и наблюдая за светом на стекле и за стеклом, Клив без сомнения знал, что даже если он избежал этой ловушки, то лишь временно, что эта долгая ночь, ее минуты, ее часы были предвкушением более долгого бодрствования. И тогда он почти отчаялся, почувствовал, что душа его погружается в пропасть, из которой, казалось, нет возврата. Тут был реальный мир, оплакивал он. Без радости, без света, без заглядывания вперед, только ожидание в неведении, без надежды даже на страх, ибо страх долетает откуда-то издалека со снами, чтобы исчезнуть. Пропадь была глубока и туманна. Он уставился из нее на свет в окне, и мысли его превратились в один порочный круг. Он забыл о койке и о мальчике, лежащем на ней. Он забыл об онемении, овладевавшем его ногами. Он мог бы в данный момент забыть даже о простом дыхании, если бы не запах мочи, который раздражал его ноздри.

Он поглядел в сторону койки. Мальчик опорожнил мочевой пузырь, но это действие вместе с тем было признаком чего-то еще. Под одеялом тело Билли двигалось в таких направлениях, которым должны были бы мешать путы. Несколько мгновений ушло на то, чтобы Клив стряхнул с себя летаргию, и еще несколько, чтобы понять, что происходит. Билли изменялся.

Клив попытался встать, но его ноги онемели после слишком долгого сидения на корточках. Он чуть не упал поперек камеры, и удержался только вытянув руку и схватившись за стул. Глаза его приковались к мраку на нижней койке. Движения нарастали в сложности и размахе. Одеяло было сброшено. Тело Билли было неузнаваемо, та же ужасная процедура, что видел он и прежде, шла теперь в обратном порядке. Вещество собиралось в клубящиеся облака возле тела и сгущалось в отвратительные формы. Конечности и органы неопишутемы, зубы наподобие игл занимали свое место в голове, которая выросла громадной, но все еще разбухала. Он умолял Билли остановиться, однако с каждым вдохом человеческого, чтобы к нему взывать, оставалось все меньше. Сила, которой не доставало мальчику, была дарована бестии, он уже разорвал почти все путы и теперь, Клив это видел, освободился от последних и скатился с койки на пол камеры.

Клив попятился в сторону двери, глазами ощупывая трансформировавшуюся фигуру Билли. Он вспомнил ужас, который испытывала его мать перед ухвертками, и увидел что-то от названного насекомого в этом организме: то как оно сгибалось над собой свою блестящую спину, выставляя шевелящиеся внутренности, разлиновывавшие живот. Нигде, ни в каком месте, никакой аналогии для того, что творилось на его глазах, не подобрать. Голова изобиловала языками, которые чисто вылизывали глаза, отчасти выполняя функцию век, и бегали туда-сюда по зубам, непрерывно, вновь и вновь, увлажняя их, из сочащихся дыр вдоль боков исходило канализационное зловоние. И тем не менее даже теперь в этом был запечатлен некий остаток человеческого, намек, служивший только для того, чтобы увеличить омерзительность целого. Глядя на его крючки и колючки, Клив припомнил все возрастающий вопль Лауэлла и ощутил, как пульсирует собственное горло, готовое испустить подобный звук, в случае если зверь повернется к нему.

Но у Билли были другие намерения. Он двинулся — конечности в боевом порядке — к окну и взобрался туда, прижал голову к стеклу как пиявка. Мелодия, им воспроизводимая, не походила на его прежнюю песню — но Клив не сомневался, что это тот же призыв. Он повернулся к двери и стал колотить в нее, надеясь, что Билли слишком занят своим призывом, чтобы вернуться до того, как явится помощь.

«Быстрее! Христа ради! Быстрее!» — он завопил так громко, насколько позволяло утомление, и тут же взглянул через плечо, чтобы увидеть, направляется ли к нему Билли. Он не приближался, он все еще висел, прилипнув к окну, хотя крик его почти прекратился. Цель была достигнута. Тьма властвовала в камере.

В панике Клив повернулся к двери и возобновил свои старания. Теперь кто-то бежал по этажу, он слышал крики и проклятия из других камер. «Ради Христа, помогите!» — кричал он. Он ощущал озноб на спине. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что происходит сзади. Тень росла, стена растворялась так, чтобы город и его житель могли пройти насквозь. Тейт был тут. Клив мог ощущать присутствие — обширное и темное. Тейт-детоубийца, Тейт-тварь из тьмы, Тейт-трансформер. Клив стучал в дверь, пока не закровоточили руки. Шаги казались отделены целыми континентами. Куда они идут? Куда они идут?

Холод за спиной обратился порывом ветра. Он увидел свою тень, отброшенную на дверь мерцающим голубым светом, почуял песок и кровь.

И затем голос. Не мальчика, а его деда, Эдгара Сент Клер Тейта. Это был человек, провозгласивший себя экскрементом Дьявола, и слыша этот вызывающий омерзение голос, Клив поверил и в Ад, и в его владыку, поверил, будучи сам почти в кишках Сатаны, будучи свидетелем его чудес.

«Ты слишком любопытен, — сказал Эдгар. — Время отправляться тебе в постель».

Клив не хотел оборачиваться. Последней мыслью, промелькнувшей в его голове, было — он *должен* обернуться и посмотреть на говорящего. Но он больше не был повелителем собственной воли, пальцы Тейта находились в его голове и шарили там. Он повернулся и посмотрел.

Висельник был в камере. Он не был тварью, которую Клив почти видел, тем лицом из бесформенной массы лиц. Он был

здесь во плоти, одетый по моде другой эпохи, но не без изящества. Его лицо было хорошо вылеплено, лоб широк, глаза неотступные. Он все еще носил обручальное кольцо на руке, которая гладила склоненную голову Билли, как гладят дрессированного пса.

«Время умирать, мистер Смит», — сказал он.

На этаже, снаружи, Клив услышал крик Девлина. У него не оставалось дыхания, чтобы ответить. Но он слышал скрежет ключа в замке, или то была какая-то иллюзия, созданная разумом, чтобы рассеять панику.

Крохотная камера наполнилась ветром. Ветер перевернул стул и стол, поднял в воздух простыни, похожие на призраков из детских страхов. Теперь он подхватил Тейта, а вместе с ним и мальчика, засасывая их обратно в удаляющийся город.

«Теперь пошли, — потребовал Тейт, причем лицо его разлагалось, — нам нужен ты, телом и душой. Пойдем с нами, мистер Смит. Мы не хотим, чтобы от нас отказывались».

«Нет! — закричал Клив, обращаясь к своему мучителю. Засасывание вытягивало его пальцы, его глазные яблоки. — Я не...»

За ним загремела дверь.

«Я не пойду, слышишь!»

Дверь внезапно распахнулась и бросила его вперед, в круговорот тумана и пыли, что высасывала прочь Тейта и его внука. Он почти двинулся с ними, но рука схватила его за рубашку и оттащила от черты, даже когда сознание отказало ему.

Где-то вдалеке Девлин начал смеяться. Он сошел с ума, решил Клив, и его меркнущий разум вызвал образ содержимого мозгов Девлина, улетучивавшихся через рот, подобно стае летучих собак.

Он пробудился в сны и в город. Пробудился, вспоминая последние моменты сознания, истерику Девлина, руку, прервавшую его падение, когда уже засосало две фигуры перед ним. Он последовал за ними, казалось, не в силах допустить, чтобы его коматозный разум не вернулся знакомым путем в метрополию убийц. Но Тейт пока еще не выиграл. Присутствие здесь все еще *снилось*. Физическая сущность пребывала пока в Пентонвилле, и непорядок с ним давал себя знать на каждом шагу.

Он прислушался к порывам ветра. Те были, как всегда, красноречивы: голоса приходили и уходили с каждым дуновением, но никогда, даже если ветер замирал до шепота, не исчезали совсем. Когда он прислушался, он услышал крик. В этом немом городе звук был потрясением — спугнул крыс из нор и птиц с какой-то укромной площадки.

Заинтересованный, следовал он за звуком, чье эхо почти оставляло след в воздухе. Когда он спешил по пустым улицам, он слышал все больше громких голосов, и теперь мужчины и женщины появлялись из дверей и окон своих камер. Так много лиц, но ничего общего в них, чтобы подтвердить выкладки физиономистов. У убийства так много лиц, сколько случаев. Единственным общим была разбитость души, отчаявшейся после десятилетий, проведенных на месте своего преступления. Он разглядывал их, пока шел, достаточно смущенный взглядами, чтобы понимать, куда ведет его крик, пока не обнаружил, что опять находится в гетто, в которое заманил его ребенок в одном из сновидений.

Теперь он завернул за угол и в конце тупика, знакомого по предыдущему визиту — стена, окно, внутри комната в крови, — он увидел Билли, корчившегося у ног Тейта на песке. Мальчик был наполовину собой, наполовину тварью, в которую превратился на глазах у Клива. Лучшая часть содрогалась, пытаясь вылезти на свободу из другой, но безуспешно. На мгновение тело мальчика распрямилось, белое и хрупкое, но только для того, чтобы в следующий миг его сменило другое в этом непрерывном потоке трансформация. Было ли это оформляющейся рукой, напроочь оторванной до того, как она смогла обрести пальцы, было ли это лицом, проявляющимся на емкости, полной языков, служившей твари головой? Картина не поддавалась анализу. Как только Клив обнаруживал нечто узнаваемое, оно исчезало опять.

Эдгар Тейт прервал свои занятия и оскалил зубы на Клива. Этому зрелищу могла позавидовать и акула.

«Он усомнился во мне, мистер Смит... — сказала чудовище, — ...он пришел поискать свою камеру».

У бесформенной массы на песке вдруг открылся рот и издал резкий крик, полный боли и ужаса.

«Теперь он хочет быть от меня подальше, — сказал Тейт. — Ты посеял сомнение. Он должен выстрадать послед-

ствия». Тейт направил дрожащий палец на Клива, и при этом акте указывания конечность трансформировалась, плоть стала мятой кожей. «Ты пришел туда, где тебя не хотели, так гляди на мучения, которые ты принес».

Тейт пнул тварь у ног. Она перевернулась на спину, изрыгая блевоту.

«Я ему нужен, — сказал Тейт. — И у тебя хватает духа на это смотреть? Без меня он пропал».

Клив не ответил висельнику, а вместо того обратился к зверю на песке.

«Билли», — произнес он, вызывая мальчика из непрерывных изменений.

«Пропал», — сказал Тейт.

«Билли... — повторил Клив. — Послушай меня...»

«Теперь он не вернется, — сказал Тейт. — Тебе это только приснилось. Но он *здесь*, во плоти».

«Билли, — настаивал Клив. — Ты слышишь меня. Это я, это Клив».

Казалось, услышав зов, мальчик на миг приостановил круговые движения. Клив снова и снова звал Билли.

Один из первых навыков, который приобретает человеческое дитя, — как-то называться. Если что-нибудь и могло достичь Билли, так несомненно его имя.

«Билли... Билли...» При повторении тело опять перевернулось.

Тейт, кажется, чувствовал себя неуютно. Самоуверенность, каковую он демонстрировал, теперь заглохла. Тело его темнело, голова стала походить на луковицу. Клив старался отвести глаза, чтобы не глядеть на трудноуловимые искажения в анатомии Эдгара Тейта, а сосредоточить все силы, чтобы вызвать обратно Билли. Повторение имени приносило плоды — тварь подчинялась. Мгновение за мгновением проявлялось все больше от мальчика. Выглядел он жалко: кожа да кости на черном песке. Но лицо его теперь почти восстановилось, и глаза глядели на Клива.

«Билли?...»

Он кивнул. Волосы прилипли у него ко лбу от пота, конечности сводило.

«Ты знаешь, где ты? *Кто* ты?»

Сначала сознание будто покинуло мальчика. Затем — постепенно — понимание затеплилось в его глазах, и одно-

временно с пониманием пришел ужас перед человеком, стоящим над ним.

Клив глянул на Тейта. За те несколько секунд, когда он смотрел на него в последний раз, почти все человеческие черты стерлись с его головы и верхней части туловища, обнаруживая разложение более глубокое, чем у его внука. Билли посмотрел через свое плечо, как избиваемая хлыстом собака.

«Ты принадлежишь мне», — произнес Тейт, хотя органы его теперь едва ли были приспособлены к речи. Билли увидел тянущиеся к нему конечности, и попытался приподняться, чтобы избежать объятия. Но он был слишком медлителен. Клив увидел, как заостренный крюк тейтовской конечности охватывает горло Билли и подтягивает мальчика поближе. Кровь брызнула из разрезанного в длину дыхательного горла, и вместе с ней — свист вырывающегося воздуха.

Клив завопил.

«Со мной», — проговорил Тейт. Слова превращались в тарабарщину.

Внезапно тупик наполнился светом, а мальчик, Тейт и город поблекли. Клив пытался удержать их, вцепившись, но они ускользали, а на их месте проявлялась иная, конкретная реальность: свет, лицо, голос, вызывающий его из одного абсурда в другой.

Рука доктора на его лице, холодная и влажная.

«Что тебе такое снится?» — спросил этот круглый идиот.

Билли исчез.

Из всех тайн, с которыми столкнулись той ночью в камере Б.3.20 Начальник Тюрем, Девлин и другие надзиратели, полное исчезновение Вильяма Тейта было наиболее обескураживающим. Камера оставалась невзломанной. О видении, которое заставило Девлина гоготать, словно деревенщина неотесанная, ничего сказано не было — легче поверить в какую-нибудь коллективную галлюцинацию, чем в то, что они видели нечто объективно реальное. Когда Клив пытался пересказать события той ночи и многих ей предшествующих ночей, монолог его, часто прерываемый слезами и паузами, встречен был притворным пониманием, но глаза отводили. Он пересказывал свою историю несколько раз, не обращая внимания на эту их снисходительность, а они, пытаясь отыскать среди его безумных бредней ключ к разгадке фокуса Билли

Тейта, достойного самого Гудини, они внимали каждому слову. Когда же они не обнаружили в этих побасенках ничего, что продвинуло бы их по пути расследования, они стали раздражаться. Сочувствие сменилось угрозами. Они настаивали. Задавая один и тот же вопрос, голоса их раз от разу становились громче. «Куда делся Билли Тейт?» Клив отвечал, как знал. «Он в городе, — раздавался ответ. — Понимаете, он убийца».

«А его тело? — спросил Начальник Тюрьмы. — Где, по-твоему, его *тело*?»

Клив не знал, он так и сказал. Спустя некоторое время, то есть всего четыре дня спустя, он стоял у окна и наблюдал за работой садоводческого наряда. Тут он вспомнил о газоне. Он отыскал Мейфлауэра, опять сменившего Девлина в блоке Б, и поведал офицеру о пришедшем в голову. «Он в могиле, — заявил Клив. — Он со своим дедом. Дымка и тень».

Гроб выкопали под покровом ночи и соорудили сложную загородку из жердей и брезента, чтобы скрыть происходящее от любопытных глаз. Лампы, яркие, как ясный день, но не такие теплые, освещали работу тех, кто вызвался участвовать в эксгумации. Предложенная Кливом разгадка исчезновения Тейта озадачила почти всех, но иного, даже самого нелепого объяснения этой тайне не находилось. Потому они и собрались у неприметной могилы, чтобы разворошить землю, которая выглядела так, будто ее не тревожили на протяжении полувека, — Начальник Тюрьмы, группа чиновников Министерства внутренних дел, патологоанатом и Девлин. Один из докторов, полагавший, что болезненные галлюцинации Клива проще излечить, если тот увидит содержимое гроба и уверится в ошибочности своих теорий собственными глазами, убедил Начальника Тюрьмы, что Кливу также следует находиться среди зрителей.

В гробу Эдгара Сент Клер Тейта было мало чего Клив не видел прежде. Тело убийцы, возвратившегося сюда (возможно как дымка) — не вполне зверь и не вполне человек, — сохранившееся, как и обещал Епископ, словно казнь только что свершилась. Гроб с ним делил Билли Тейт, который, голый будто дитя, лежал в объятиях своего дедушки. Тронутая тленом конечность Эдгара все еще вонзалась в шею Билли и стенки гроба потемнели от запекшейся крови. Но лицо Билли не было испорчено. *Выглядит куклой*, заметил один из

докторов. Клив хотел возразить, что у кукол не бывает на щеках следов слез и такого отчаянья в глазах, но не смог подобрать слов.

Клив был освобожден из Пентонвилла три недели спустя, после специального постановления спецколлегии, отсидев лишь две трети положенного срока. В течение полугода он возвратился к единственной знакомой ему профессии. Но надежда, что он освободится от своих снов, оказалась недолговечной. Это было все еще внутри него, пусть и не столь концентрированное и не столь легко достижимое теперь, когда Билли, чей разум открывал доступ туда, исчез. Но все же присутствие действенного, могущественного ужаса томило Клива.

Иногда сны почти уходили. Несколько месяцев заняло осознание этой зависимости. Сон возвращали *люди*. Если он проводил время с кем-то, у кого были намерения убить, город возвращался обратно. И такие люди были не так редки. Когда чувствительность к смерти, разлитой вокруг, обострялась, он обнаруживал, что едва способен ходить по улице. Они были повсюду, потенциальные убийцы, люди, надевающие нарядную одежду и с радостными лицами размашисто шагающие по тротуарам, воображающие на ходу смерть своих работодателей и их семей, звезд мыльных опер и неумелых портных. Мир в своей душе затаил убийство, и Клив больше не мог этого вынести.

Только героин предлагал некоторое освобождение от груза переживаний. Клив не делал частых внутривенных вливаний героина, но тот скоро стал для него небом и землей. Однако это было дорогим удовольствием, и тот, кто постоянно сокращал круг профессиональных знакомств, едва ли мог платить. Именно человек по имени Гримм, приятель-наркоман, столь отчаянно бегущий от реальности, что мог поймать кайф и от скисшего молока, предложил — Клив мог бы выполнить некую работу, которая принесет вознаграждение, соответствующее его аппетитам. Казалось, вроде бы стоящая идея. На встрече обещание было дано. Плата за работу казалась столь высока, что от нее не мог отказаться человек, так нуждающийся в деньгах. Работой, конечно, было убийство.

«Здесь нет посетителей, только возможные жители». Так сказали ему однажды, он теперь не помнил точно, кто

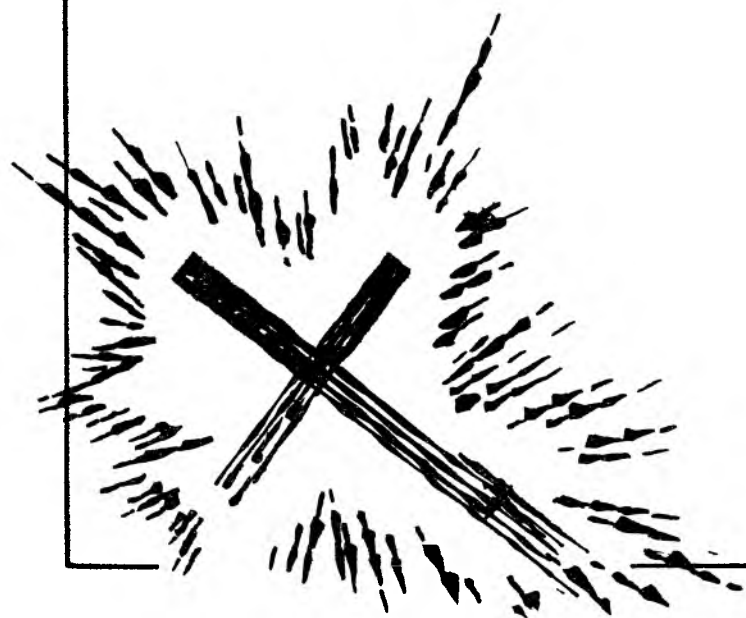
сказал, но он верил в пророчества. Если не совершить убийства сейчас, все равно это лишь вопрос времени, ведь он его совершит.

Но хотя детали наемного убийства, совершенного им, были ему ужасающе знакомы, он не предвидел стечения обстоятельств, подобных этому. Он бежал с места своего преступления, ступая голыми ногами по тротуарам и гудрону шоссе так упорно, что к моменту, когда полиция загнала его в угол и пристрелила, ноги его были окровавлены и готовы были наконец ступить на улицы города, точь-в-точь как в сновидениях.

Комната, где он убил, ожидала его, и он жил там, прячась от любого, кто появлялся на улице снаружи в течение нескольких месяцев. (Он судил о времени, проведенном здесь, по бороде, которую отрастил, поскольку сон приходил редко, а день никогда). Однако чуть позднее он грудью встретил холодный ветер и вышел на окраину города, где дома иссякали, а верх брала пустыня. Он шел, не глядя на дюны, но прислушиваясь к голосам, которые долетали всегда, поднимаясь и опадая, словно вой шакалов или детей.

Он оставался здесь долго, и ветер сговорился с пустыней похоронить его. Но он не был разочарован плодами ожидания. В один день (или год) он увидел мужчину, который пришел на место, бросил ружье на песок, а затем побрел в пустыню, где — какое-то время спустя — те, что подают голоса, вышли встретить его, бежали вприпрыжку, обезумевшие, танцующие на своих костылях. Смеясь, они окружили его. Смеясь, он пошел с ними. И хотя расстояние и ветер застилали дымкой вид, Клив был уверен, что человека подобрал один из празднующих, его подняли на плечи как мальчика, оттуда он перешел в руки другого, словно младенец. Так продолжалось до тех пор, пока на пределе всех чувств Клив не услышал вопль мужчины, — когда тот опять был выпущен в жизнь. Довольный Клив побрел прочь, наконец узнав, как грех — и он сам — явились в мир.

ОТКРОВЕНИЕ

Амарилло только и было разговоров, что о торнадо: о коровах, автомобилях, а иногда и о целых домах, которые поднимались в воздух и вновь опускались на землю, о поселениях, опустошенных всего за несколько сокрушительных минут. Возможно, именно поэтому Вирджиния сегодня вечером ощущала такую тревогу. Поэтому, или из-за усталости, накопившейся за время путешествия по пустынным шоссе, когда единственным пейзажем за окном были расстилавшиеся над ними мертвенные небеса Техаса, когда ничего не ждет тебя в конце пути и надеяться не на что — опять бесконечные гимны и адское пламя. Она сидела на заднем сиденье черного «понтиака», спина у нее болела, и изо всех сил пыталась заснуть. Но овевающий затылок горячий воздух вызывал сны об удушении, так что она оставила свои попытки и удовлетворилась зрелищем пшеничных полей да подсчетом проносящихся мимо элеваторов, ярко-белых на фоне собирающихся на северо-востоке грозовых туч.

На переднем сиденье автомобиля Эрл вел машину, напевая себе под нос. Рядом с ней Джон — всего лишь в двух футах, но недостижимый для ее притязаний — читал Послания святого Павла и бормотал отдельные прочитанные слова и фразы. Когда они проезжали через Пантекс-вилледж (они тут собирают боеголовки — загадочно сказал Эрл и больше ничего не пояснил), начался дождь. Он хлынул внезапно, когда уже темнело, и добавил тьмы, торопливо опустив шоссе Амарилло-Пампа в мокрую ночь.

Вирджиния подняла стекло в окне — дождь, каким бы освежающим он ни был, быстро промочил ее скромное голубое платье — единственное, в котором Джон позволял ей появляться на собраниях. Теперь за стеклом ничего нельзя было увидеть. Она сидела, и тревога росла в ней с каждой милей их приближения к Пампе, прислушивалась к водяным струям, бьющим в крышу автомобиля, и к своему мужу, который бормотал у нее под боком:

«Посему сказано: встань, спящий, и воскресни из мертвых и осветит тебя Христос.

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые.

Дорожа временем, потому что дни лукавы».

Он сидел, как всегда, очень прямо, держа все ту же потрепанную Библию в мягком переплете, которая столько лет лежала, раскрытая, у него на коленях. Наверняка, он знал те главы, которые читал, наизусть, он возвращался к ним довольно часто, и в голосе его звучала такая странная смесь уверенности и удивления, что, казалось, это слова не апостола Павла, а его собственные, только что произнесенные впервые. Эти страстность и напор сделают со временем Джона Гаера величайшим евангелистом Америки, в этом у Вирджинии сомнений не было. На протяжении всех этих изнурительных, лихорадочных недель турне по трем штатам, ее муж демонстрировал исключительную уверенность и зрелость разума. Его проповеди не имели ничего общего с нынешней модернизированной манерой — они были все той же старомодной смесью проклятий и обещаний спасения, которую он практиковал всегда, но теперь он получил полную власть над своим даром и в городе, и за городом. В Оклахоме, Нью Мексико, а теперь в Техасе собирались сотни и тысячи жаждущих услышать и вновь вернуться в Царствие Божие. В Пампе, которая лежит впереди на расстоянии тридцати пяти миль, они уже, должно быть, собираются, невзирая на дождь, чтобы иметь возможность как можно ближе поглядеть на нового проповедника. Они приведут с собой детей, принесут свои сбережения и жажду получить прощение.

Но прощение будет завтра. А поначалу они должны добраться до Пампы, а дождь лил все сильнее. Эрл, как только полил дождь, прекратил свое пение и сконцентриро-

вал все внимание на расстилающейся перед ним дороге. Иногда он тяжело вздыхал и потягивался на сиденье. Вирджиния пыталась не вмешиваться в то, как он ведет машину, но, когда хлынул этот потоп, беспокойство вконец овладело ею. Она наклонилась вперед на заднем сиденье и начала таращиться сквозь ветровое стекло, наблюдая за машинами, едущими в противоположном направлении. Катастрофы в таких ситуациях происходили достаточно часто: плохая погода, усталый водитель, жаждущий оказаться в двадцати милях от того места, где он находился на самом деле. Джон почувствовал ее беспокойство.

— Господь нас не оставит, — сказал он, не отрывая взгляда от убористых страниц, хотя теперь было слишком темно, чтобы читать.

— Это тяжелая ночь, Джон, — сказала она. — Может, нам и не пытаться сегодня доехать до Пампы? Эрл, должно быть, устал.

— Я в порядке, — вставил Эрл. — Это не очень далеко.

— Ты устал, — повторила Вирджиния. — Мы все устали.

— Ну, я думаю, мы можем найти какой-нибудь мотель, — предложил Гаер. — А ты как думаешь, Эрл?

Эрл пожал своими массивными плечами.

— Как скажешь, босс, — ответил он невыразительно.

Гаер повернулся к жене и мягко похлопал ее по тыльной стороне руки.

— Мы найдем мотель, — сказал он. — Эрл может позвонить оттуда в Пампу и сказать им, что мы будем там утром. Как тебе это?

Она улыбнулась ему, но он на нее не смотрел.

— Следующий пункт по шоссе — «Белый Олень», — сказал Вирджинии Эрл. — Может, у них есть мотель.

Вообще-то мотель «Тополь» лежал на полмили к западу от «Белого Оленя», на обширных равнинах к югу по шоссе США 60, маленькое заведение, где в проеме между двумя низкими строениями стоял мертвый или умирающий тополь. На площадке перед мотелем уже набралось достаточно машин, а в большей части комнат горели огни — там уже расположились товарищи по несчастью — беглецы от приближавшей бури. Эрл заехал на площадку и припарковался как можно ближе к конторе управляющего, потом побе-

жал через залитую дождем стоянку, чтобы узнать, есть ли у них свободные номера на ночь. Когда мотор замолк, а по крыше барабанили струи дождя, сидеть в «пантиаке» стало еще тоскливее, чем раньше.

— Надеюсь, у них найдутся для нас места, — сказала Вирджиния, наблюдая, как играет неоновыми отблесками стекающая по стеклу вода. Гаер не ответил. Дождь барабанил по крыше. — Поговори со мной, Джон, — сказала она ему.

— Зачем?

Она покачала головой.

— Неважно. — Пряди волос прилипли у нее ко лбу: хотя дождь и шел, жара в салоне не спала. — Ненавижу дождь, — сказала она.

— Он не будет идти всю ночь, — ответил Гаер, проведя рукой по своим густым седым волосам. Этот жест он использовал в качестве пунктуации — разделительного знака между одним высказыванием и другим. Она знала его риторику, как словесную, так и физическую, слишком хорошо. Иногда она думала, что знает о нем все, что только можно было знать, что он не мог сказать ничего такого, что она по-настоящему хотела бы услышать. Но возможно, подобное чувство было взаимным: они уже давно притерпелись к такому браку. Сегодня ночью, как и каждую ночь, они лягут в отдельные кровати и он заснет глубоким, легким сном, который так легко овладевает им, тогда как ей всегда приходилось проглотить таблетку-другую, чтобы добиться благословенного забвения.

Сон, часто говаривал он, это время для общения с Господом. Он верил в вещие сны, хотя никогда и не обсуждал с ней, что именно он видел. Настанет время, когда он откроет всем то великолепие, которое приходит к нему во сне, в этом она не сомневалась, но пока что он спал один и держал свои мысли при себе, оставляя ее наедине с тайными печальями. Легко было озлобиться, но она противилась этому искушению. Его участь была величественной, к ней его предназначил Господь, но с Вирджинией Джон обращался не строже, чем с самим собой, обрекая себя режиму, который разрушил бы более слабого человека, и все же осуждал себя за малейшее проявление слабости.

Наконец Эрл появился из конторы и пробежал к машине. В руке он сжимал три ключа.

— Номера седьмой и восьмой, — сказал он, задыхаясь, дождь затекал ему в глаза и нос, — и ключ от проходной комнаты тоже.

— Хорошо, — сказал Гаер.

— Последние свободные номера, — сказал Эрл. — Подъехать ближе? Они в другом здании.

Интерьер двух смежных номеров был апофеозом банальности. Они уже останавливались в тысячах таких каморок, где покрывало на постели было ярко-оранжевого цвета, а на бледно-зеленой стене висел выцветший фотоснимок Большого каньона. Джон был равнодушен к тому, что его окружало, но Вирджинии все эти комнатухи казались достойной моделью Чистилища. Бездушное преддверие Ада, где никогда ничего не случается и никогда не случится. В этих комнатах не было ничего, что отличало бы их от остальных, но с ней самой сегодня что-то происходило.

Вряд ли это было из-за разговоров о торнадо. Она смотрела, как Эрл вносил и распаковывал сумки, и чувствовала странную отрешенность, словно смотрела на все сквозь завесу, толще чем завеса дождя за окном. Она напоминала человека, ходящего во сне. Когда Джон тихо сказал ей, на какой именно постели она будет сегодня спать, она легла и попробовала расслабиться и снять это странное напряжение. Однако это было легче сказать, чем сделать. Кто-то в соседнем номере смотрел телевизор, и сквозь тонкую как бумага стену она слышала каждое слово ночного фильма.

— С тобой все в порядке?

Она открыла глаза. Эрл, как всегда заботливый, склонился над ней. Он выглядел таким же усталым, как она. Лицо его, загоревшее во время ралли под открытым небом, сейчас было скорее желтоватым. Он начал набирать вес, хотя эта грузность и гармонировала с его упрямым, широким лицом.

— Со мной все хорошо, спасибо, — ответила она, — только пить хочется.

— Я посмотрю, смогу ли раздобыть для тебя что-нибудь. Может, у них тут есть автомат с кока-колой.

Она кивнула, встретившись с ним взглядом. В этом обмене взглядами прятался подтекст, неведомый Гаеру, который сейчас сидел за столом и делал заметки к завтрашнему выступлению. На всем протяжении турне Эрл снабжал

Вирджинию таблетками. Ничего экзотического, всего лишь транквилизаторы, чтобы успокоить ее растревоженные нервы. Но транквилизаторы — так же как и косметика, стимуляторы и драгоценности — не одобрялись человеком, который следовал Господним принципам, и когда случайно ее муж наткнулся на успокоительное, последовала безобразная сцена. Эрл тогда принял на себя гнев своего нанимателя, за что Вирджиния была глубоко ему благодарна. И хотя он получил четкую инструкцию никогда не повторять этого преступления, он собирался вновь дать ей таблетки. Их общая вина была тайной, которая почти что доставляла им удовольствие, и даже сейчас она читала это знание в его глазах точно так же, как и он — в ее.

— Никакой кока-колы, — сказал Гаер.

— Ну, я думаю, можно сделать исключение...

— Исключение? — переспросил Гаер, и в его голосе появились характерные нотки самолюбования. Риторика повисла в воздухе, и Эрл проклинал свой дурацкий язык. — Не для того Господь дал нам законы, по которым мы живем, чтобы мы придумывали всякие там исключения, Эрл. Ты же сам это знаешь.

В этот миг Эрл не особенно беспокоился по поводу того, что там говорил Господь. Он беспокоился из-за Вирджинии. Она была сильной, он знал это, несмотря на свою видимую томность уроженки юга и хрупкое сложение, достаточно сильной, чтобы улаживать все мелкие неприятности во время турне, когда Господь был занят другими делами и не стал бы помогать своему полевому агенту. Но ничья сила не безгранична, и он чувствовал, что она находится на грани срыва. Она столько отдала своему мужу: любовь и обожание, энергию и энтузиазм. И за последние несколько недель Эрл уже не один раз думал, что она заслужила лучшей участи, чем этот церковник.

— Не можешь ли ты принести мне немного воды со льдом? — спросила она, глядя на него снизу вверх. Под ее серо-голубыми глазами пролегли усталые тени. По современным стандартам она не была красавицей: ее черты были чересчур аристократически бесцветными. Усталость придавала им особую прелесть.

— Холодная вода скоро придет, — сказал Эрл, стараясь говорить жизнерадостно, хотя сил у него на это не осталось. Он пошел к двери.

— Почему бы не позвать коридорного, и пускай он распорядится, чтобы принесли воду? — спросил Гаер, когда Эрл уже собрался выйти. — Я хочу, чтобы мы сейчас просмотрели наш маршрут для следующей недели.

— Да это не проблема, — ответил Эрл. — Правда. Кроме того, я должен позвонить в Пампу и сказать им, что мы задерживаемся. — И он вышел в коридор, прежде чем ему успели возразить.

Ему нужно было выйти, чтобы побыть одному: атмосфера между Вирджинией и Гаером накалялась день ото дня, и это было отнюдь не приятное зрелище. Долгий миг он стоял, глядя, как льется дождь. Старый тополь в середине стоянки склонил перед потоком свою лысеющую голову — Эрл точно знал, как тот себя чувствует.

И пока он стоял вот так в коридоре гадая, как ему ухитрится сохранить здравый рассудок во время последних восьми недель турне, две фигуры сошли с шоссе и пересекли парковочную площадку. Он не глядел на них, хотя тропа, по которой они шли к номеру семь, была прямо в поле его зрения. Они прошли сквозь стену дождя на обширную площадку за конторой управляющего, где когда-то, в 1955 году, они запарковали свой красный «бьюик», и хотя дождь и лил потоком, их не коснулась ни единая капля дождя. Женщина, чья прическа успела со времен пятидесятых дважды войти и выйти из моды и чьи одежды выглядели такими же старомодными, на мгновение замедлила шаг, поглядев на мужчину, который с неожиданным вниманием рассматривал старый тополь. Лицо его было хмурым, но глаза, несмотря на это, казались добрыми. В свое время она бы полюбила такого человека, подумала она, но ведь ее время давно прошло, верно ведь? Бак, ее муж, повернулся к ней и настойчиво спросил:

— Ты идешь, Сэди? — и она последовала за ним по засыпанной гравием дорожке (когда она видела дорожку в последний раз, та была деревянной) и сквозь открытую дверь в номер семь.

Холод заполз Эрлу за воротник. Слишком уж долго тарасился на этот дождь, подумал он, и слишком много бесплодных желаний. Он прошел до конца крытого двора,

потом стремительно пересек площадку к конторе, предварительно сосчитав до трех.

Сэди Дарнинг оглянулась, чтобы поглядеть на Эрла, потом опять повернулась к Баку. Годы не стерли чувство обиды, которое она испытывала к своему мужу, так же как не исправили они хитрые черты его лица или чересчур легковесный смех. Она не слишком-то любила его тогда, второго июня 1955 года, и она не слишком любила его сейчас, когда прошло ровно тридцать лет. У Бака Дарнинга была душа прощелыги — отец тогда еще предупреждал ее. Само по себе это было не так уж страшно — просто еще одна необходимая особенность мужчины, — но в результате это вело к такому грязному поведению, что она наконец устала от бесконечной лжи. Он же, ничтоже сумняшеся, воспринял ее унылое настроение, как намек на второй медовый месяц. Эта феноменальная самоуверенность вызвала у нее такое раздражение, которое в конце концов пересилило любые надежды на взаимную терпимость. Так что три десятилетия назад, когда они въехали в мотель «Тополь», она подготoвилась к чему-то большему, нежели ночь любви. Она отправила Бака в душ, а когда он оттуда вышел, направила на него Смит-Вессон тридцать восьмого калибра и проделала в его груди огромную дыру. Затем она побежала, отбросив пистолет, и не слишком беспокоясь о том, поймают ли ее полиция. Когда ее поймали, она тоже не слишком беспокоилась. Ее посадили в тюрьму округа Карсон, в Панхандале, и через несколько недель привели на суд. Она даже не пыталась отрицать свою вину: в ее жизни и так было слишком много лжи и притворства — хватило бы на все ее тридцать восемь лет. Так что ее поведение нашли вызывающим, отправили ее в Хантсвилльскую государственную тюрьму и, выбрав солнечный денек в октябре, пропустили через ее тело в общей сложности 2250 вольт, почти мгновенно заставив остановиться ее нераскаянное сердце. Око за око, зуб за зуб. Она появилась на свет в результате этого простого уравнивания морали и не возражала уйти из жизни на основании такой же математики.

Но сегодня вечером она и Бак были избраны повторить путешествие, которое они совершили тридцать лет назад, чтобы выяснить, смогут ли они понять, почему их брак закончился убийством. Это была возможность, которая пред-

лагалась многим погибшим любовникам, хотя на самом деле лишь немногие принимали эту возможность, скорее всего потому, что боялись, что вновь разразится катастрофа, приведшая их к разрушительному концу. Сэди, однако, не могла удержаться, чтобы не гадать, было ли все это предопределено — быть может, лишь одно нежное слово Бака или неподдельно влюбленный взгляд его пасмурных глаз могли бы остановить ее лежащий на курке палец и спасти жизнь им обоим. Эта остановка всего лишь на одну ночь могла дать им возможность проверить правильность хода истории. Невидимые, неслышимые, они последовали бы по тому же маршруту, которым прошли несколько десятилетий назад. А следующие несколько часов покажут, непременно ли этот путь ведет к убийству.

Номер седьмой был занят и номер рядом — тоже; проходная дверь была открыта, и в обоих номерах горели флуоресцентные светильники. Но населенность номеров не была для этой четы проблемой. Сэди уже давно привыкла к эфирному состоянию, невидимому странствию среди живущих. В таком состоянии она посетила свадьбу своей племянницы, а позже — похороны своего отца. Они вместе с покойным стариком стояли рядом с могилой и сплетничали по поводу скорбящих. Однако Бак, как существо более подвижное и живое, был склонен к некоторой беззаботности. Она надеялась, что сегодня ночью он будет осторожен. В конце концов, он хотел провести этот эксперимент точно так же, как и она сама.

Пока они стояли на пороге и оглядывали комнату, в которой разыгрался этот смертельный фарс, она гадала, сильную ли боль ему причинил выстрел. Она должна спросить его об этом сегодня, если представится такая возможность, подумала она.

Когда Эрл заходил в офис управляющего, чтобы заказать комнаты, там сидела молодая женщина с простоватым, но приятным лицом. Теперь она исчезла, а на ее месте сидел человек лет шестидесяти с недельной щетиной и в рубашке с подтеками пота. При появлении Эрла он близоручко взглянул на него из-за вчерашней газеты «Ежедневные новости Пампы».

— Чего?

— У вас можно раздобыть немного воды со льдом? — спросил Эрл.

Мужчина обернулся и крикнул:

— Лаура-Мэй! Ты здесь?

Сначала из дверного проема раздались звуки полуполночного кино: крики, выстрелы, рев сбежавшего зверя, а потом и крик Лауры-Мэй.

— Чего ты хочешь, па?

— Этот человек хочет, чтобы его обслужили, — прокричал в ответ ее отец, не без иронии в голосе. — Может, ты все-таки выберешься и сделаешь хоть что-то?

В ответ ничего не донеслось, кроме криков с экрана телевизора, которые уже порядком надоели Эрлу. Управляющий взглянул на него. Один глаз у него был замутнен катарактой.

— Вы с этим евангелистом? — спросил он.

— Да... но как вы узнали, что это?..

— Лаура-Мэй узнала его. Видела фотографию в газете.

— Так что?

— Не упусти случая, парень.

Словно в ответ на этот намек, Лаура-Мэй вышла из комнаты за конторой. Когда ее карие глаза узнали Эрла, она явно пришла в хорошее расположение духа.

— О!.. — сказала она и улыбнулась, отчего черты ее лица смягчились. — Что я могу сделать для вас, мистер? — Эта фраза вместе с улыбкой, казалось, предполагала большее, нежели просто вежливое внимание, или просто ему хотелось так думать? Один раз он снял женщину на ночь в Помкасити, Оклахома, но за исключением этого случая, за последние три месяца он обходился без секса. Так что, ловя удачу, он улыбнулся в ответ. Хотя ей было по меньшей мере тридцать пять лет, ее манеры были как у девочки-подростка, а тот взгляд, которым она одарила его, был обезоруживающе откровенным. Поэтому, встретившись с ней взглядом, Эрл подумал, что, предполагая в ней какой-то особый интерес, он был не так уж далек от истины.

— Вода со льдом, — сказал он. — Я хотел узнать, ее можно раздобыть? Миссис Гаер неважно себя чувствует.

Лаура-Мэй кивнула.

— Я достану, — сказала она и на секунду задержалась в дверях, прежде чем вернуться в комнату с телевизором.

Шум, доносившийся с экрана, стих — возможно, там было минутное затишье, перед тем как вновь должно было появиться чудовище. В наступившей тишине Эрл мог слышать, как струи дождя барабанят по крыше и льются на землю, превращая ее в жидкую грязь.

— Неплохо сегодня поливает, а? — заметил управляющий. — Если так и завтра будет продолжаться, вас просто смочет.

— Люди ездят в любую погоду, — сказал Эрл, — а Джон Гаер хорошо водит машину.

Мужчина скорчил рожу.

— Из торнадо-то он не вырулит, — сказал он, явно наслаждаясь своей ролью предсказателя судьбы. — Мы сейчас как раз ожидаем такого.

— В самом деле?

— В позапрошлом году ветер сорвал крышу со школы. Взял и поднял ее в воздух.

Лаура-Мэй снова появилась в дверях с подносом, на котором стояли кувшин и четыре стакана. Лед звякал, ударяясь о стенки кувшина.

— Что ты там говоришь, па? — спросила она.

— Торнадо.

— Для этого недостаточно жарко, — возразила она с небрежной уверенностью. Ее отец что-то протестующе хмыкнул, но не возразил. Лаура-Мэй подошла к Эрлу, держа в руках поднос, но когда он сделал попытку принять его, она сказала:

— Я отнесу сама. Показывай дорогу.

Он не возражал. У них будет еще немного времени, чтобы поболтать, пока они дойдут до номера Гаеров. Возможно, она подумала то же самое, или же просто хотела поближе рассмотреть евангелиста.

Они вместе молча прошли до выхода из конторы и там остановились. Перед ними лежало двадцать ярдов размытой земли — от одного здания до другого.

— Может, я понесу кувшин? — предложил Эрл. — А ты понесешь на подносе стаканы.

— Ладно, — ответила она. Потом, поглядев на него так же прямо, как это было в ее обычае, она спросила:

— Тебя как зовут?

— Эрл, — ответил он ей, — Эрл Райбурн.

— А я — Лаура-Мэй Кэйд.

— Очень рад познакомиться с вами, Лаура-Мэй.

— Ты знаешь про это место? — спросила она. — Папа наверняка рассказал вам?

— Ты имеешь в виду торнадо? — сказал он.

— Нет, — ответила она. — Я имею в виду убийство.

Сэди стояла у изножия кровати и разглядывала лежащую на ней женщину. Она умеет одеваться, подумала Сэди, — ее одежда была тусклой и унылой, а волосы — не уложены. Женщина что-то бормотала в полудреме и вдруг — внезапно — проснулась. Ее глаза широко раскрылись. В них были тревога и боль. Сэди поглядела на нее и вздохнула.

— В чем дело? — поинтересовался Бак. Он уже поставил чемоданы и сидел в кресле напротив четвертого постояльца — крупного мужчины с жесткими, властными чертами лица и копной седых волос, которых бы не постыдился ветхозаветный пророк.

— Ни в чем, — ответила Сэди.

— Я не хочу делить комнату с этими, — сказал Бак.

— Но ведь это же та комната, в которой... в которой мы остановились, — ответила она.

— Давай переберемся в соседний номер, — предложил Бак, кивнув в сторону открытой сквозной двери в номер восемь. — Нам там будет поудобнее.

— Они ведь нас не могут увидеть, — сказала Сэди.

— Но зато я могу их видеть, — ответил Бак, — а это выводит меня из терпения. Да какая разница, если мы будем в другой комнате, Бога ради! — Не дожидаясь, пока Сэди согласится, Бак поднял чемоданы и внес их в комнату Эрла. — Идешь ты, или нет? — спросил он Сэди. Та кивнула. Лучше поладить с ним. Если она начнет с ним препираться, все пойдет по-прежнему, и они никогда не пройдут первого испытания. Согласие было основным условием этого воссоединения, так что она напредила себе об этом и послушно отправилась за ним в номер восемь.

Лежа на кровати, Вирджиния думала о том, чтобы подняться и пройти в ванную, где, никем не замеченная, она могла бы проглотить таблетку-другую транквилизаторов. Но присутствие Джона пугало ее, иногда она чувствовала, словно он может видеть ее насквозь — все ее мелкие грехи

были для него открытой книгой. Она была уверена, что если она поднимется и начнет рыться в сумочке в поисках лекарств, он спросит ее, что это такое она делает. А если он спросит, она не сможет скрыть правды. У нее не было силы сопротивляться огню его испепеляющих глаз. Нет, лучше лежать и ждать, пока Эрл не принесет воду. Тогда, пока они вдвоем будут обсуждать дальнейший маршрут, она сможет выскользнуть и принять запретные таблетки.

Свет в комнате был слабым и мерцал, он раздражал ее и ей хотелось смежить веки, чтобы не видеть его фокусов. Буквально за секунду до этого мерцающий свет сформировал мираж у изножия ее постели — нечто с крыльями, точно у ночной бабочки, словно застыло в воздухе, а потом растворилось.

Около окна Джон опять читал вполголоса. Поначалу она уловила всего несколько слов:

«И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы...»

Она мгновенно узнала этот отрывок — его ни с чем нельзя было спутать.

Это были строчки из Откровений Иоана Богослова. Она знала эти слова наизусть. Он постоянно декламировал их на собраниях.

«И сказано было ей, чтобы она не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих».

Гаер любил Откровения. Он читал их гораздо чаще, чем Евангелия, которые он знал наизусть, но чьи слова не воодушевляли его так, как нервный ритм Откровений. Когда он читал Откровения, он словно наблюдал Апокалипсис и возбуждался от этого. Голос его приобретал иные интонации: поэзия, вместо того чтобы исходить из него, проходила сквозь него. Беспомощный в ее длани, он покорно продвигался от образа к образу — от ангелов к драконам, а потом — и к Блуднице вавилонской, на алом звере сидящей.

Вирджинии хотелось, чтобы он замолчал. Обычно ей нравилось слышать, как ее муж читает стихи из Откровений, но не сегодня. Сегодня слова звучали так, словно теряли свое значение, и она почувствовала — возможно, в первый раз, — что он не понимает того, что говорит, что, пока он

вновь и вновь цитирует эти фразы, их суть улетучивается. Она неожиданно для себя презрительно хмыкнула. Гаер тут же прекратил чтение.

— В чем дело? — спросил он.

Она открыла глаза, раздраженная тем, что прервала его.

— Ни в чем, — сказала она.

— То, что я читаю, тебя расстроило? — ему необходимо было знать. Такой допрос был очередным испытанием, и она тут же дала задний ход.

— Нет, — сказала она, — разумеется, нет.

В дверном проеме между двумя комнатами Сэди наблюдала за выражением лица Вирджинии. Конечно, эта женщина лгала, чтение, разумеется, расстроило ее. Оно расстроило и Сэди, но лишь потому, что казалось таким мелодраматически жалким, наркотиком — эта мечта об Армагеддоне, которая выглядела скорее комически, нежели угрожающе.

— Скажи ему, — посоветовала она Вирджинии. — Давай! Скажи ему, что тебе это не нравится.

— К кому ты обращаешься? — сказал Бак. — Они же тебя не слышат.

Сэди не обратила внимания на замечание своего мужа.

— Да скажи же ты этому ублюдку, — настаивала она.

Но Вирджиния просто лежала, тогда как Гаер опять взялся за эту главу, его пыл казался еще более глупым, чем раньше.

«По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну, и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие.

И волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов».

Сэди покачала головой: просто-таки комикс ужасов, предназначенных, чтобы пугать детей. Почему людям нужно умереть, чтобы вырасти из подобной чуши?

— Скажи ему, — вновь вступила она, — скажи ему, до чего нелепо это звучит. — Как только эти слова сорвались у нее с губ, Вирджиния села на постели и сказала:

— Джон?

Сэди устала на нее, понуждая ее продолжать:

— Ну же! Ну!

— Неужели обязательно нужно все время говорить лишь о смерти? Это очень подавляет.

Сэди чуть не начала аплодировать, это было не совсем то, что она имела в виду, но каждый имеет право на свое мнение.

— Что ты сказала? — спросил ее Гаер, полагая, что, возможно, он неправильно ее понял. Неужели она бросает ему вызов?

Вирджиния поднесла к губам дрожащую руку, словно пытаясь задержать еще невысказанные слова, но тем не менее они вырвались.

— Эти строки, которые ты читал. Я ненавижу их. Они такие...

— Глупые... — предположила Сэди.

— Неприятные, — сказала Вирджиния.

— Ты идешь спать, или нет? — требовательно спросил Бак.

— Минутку, — ответила ему Сэди, не оборачиваясь. — Я просто хочу поглядеть, что тут происходит.

— Жизнь — это не мыльная опера, — заметил Бак. Сэди уже собиралась возразить, но прежде чем она открыла рот, евангелист приблизился к постели Вирджинии, сжимая в руке Библию.

— Это — правдивые слова Господа, Вирджиния, — сказал он.

— Я знаю, Джон. Но есть и другие главы...

— Я всегда думал, что тебе нравится Апокалипсис.

— Нет, — сказала она, — он меня расстраивает.

— Ты просто устала, — ответил он.

— О, да, — встала Сэди, — это то, что они всегда тебе скажут, когда то, что ты говоришь им, слишком похоже на правду. Ты устала, говорят они, почему бы тебе не вздремнуть?

— Почему бы тебе не поспать немножко? — сказал Гаер. — А я пойду в соседний номер и поработаю там.

Вирджиния целых пять секунд выдерживала испытующий взгляд мужа, потом кивнула.

— Да, — согласилась она, — я действительно устала.

— Глупая женщина, — сказала ей Сэди. — Обороняйся, или он опять займется тем же самым. Только дай им палец, они всю руку откусят.

Бак возник за спиной Сэди.

— Я уже просил тебя один раз, — сказал он, беря ее за руку. — Ведь мы же здесь для того, чтобы снова стать

друзьями. Так что давай займемся этим. — Он подтолкнул ее к двери, гораздо более грубо, чем это было необходимо. Она сбросила его руку.

— Не нужно так злиться, Бак, — сказала она.

— Ха! И это ты говоришь! — сказал он с безрадостным смехом. — Ты хочешь посмотреть, что такое злоба? — Сэди отвернулась от Вирджинии и посмотрела на своего мужа. — Вот *это* — злоба, — сказал он. Он снял пиджак, стянул с себя рубашку без застежек, чтобы открыть огнестрельную рану. На таком близком расстоянии пистолет Сэди проделал внушительную дыру в его груди, кровоточащую и с обгорелыми краями, она была свежая, как в момент его смерти. Он указал на нее пальцем, точно на орден. — Ты видишь это, золотко? Ведь это ты сделала.

Она без малейшего интереса поглядела на рану. Это наверняка было несмыслимое клеймо — единственное, которое она когда-либо оставляла на мужчине, подумала она.

— Ты ведь изменял мне с самого начала, верно? — спросила она.

— Мы говорим не об изменах, а о стрельбе, — заметил Бак.

— Похоже, одно приводит к другому, — сказала Сэди, — и не один раз.

Бак сощурил свои и без того узкие глаза. Многие женщины не могли противиться такому взгляду, если учесть, сколько было на похоронах анонимных, но скорбящих дам. — Ладно, сказал он. — У меня были женщины. Что с того?

— Да то, что я застрелила тебя, — невыразительно ответила Сэди.

Это все, что она могла сказать по этому поводу. Именно поэтому судебный процесс был таким коротким.

— Ну, по крайней мере, ты же можешь сказать мне, что тебе жаль, — вспыхнул Бак.

Какой-то момент Сэди обдумывала это предложение и ответила:

— Но ведь мне не жаль. — Она поняла, что ответ был слишком тактичным, но это была неизбежная правда. Даже когда они пристегнули ее к электрическому стулу и священник изо всех сил старался смягчить ее неумный дух, она все равно не жалела о том, как развернулись события.

— Все это бесполезно, — сказал Бак. — Мы пришли сюда, чтобы помириться, а ты даже не можешь сказать, что тебе жаль. Ты — больная женщина, ты хоть это знаешь? И всегда была такой. Всегда лезла в мои дела, всегда что-то вынюхивала у меня за спиной.

— Да ничего я не вынюхивала, — твердо ответила Сэди. — Эта твоя грязная тварь сама нашла меня.

— Грязная тварь?

— Ох, ну, конечно, Бак, грязная. Скрытная, мерзкая.

Он изо всех сил схватил ее.

— Возьми свои слова обратно, — потребовал он.

— Ты и раньше любил меня так пугать, — холодно сказала она, — именно поэтому я купила пистолет.

Он оттолкнул ее.

— Ладно, — сказал он, — не говори, что я не старался. Я действительно старался. Но ведь ты не хотела отступить ни на шаг, верно? — Он указал на нее пальцем, голос его смягчился. — А ведь мы могли бы неплохо провести сегодняшнюю ночь, — пробормотал он. — Лишь ты и я, детка. Я бы немножко поиграл тебе на своей трубе, понимаешь, о чем я? Было такое время, когда ты бы мне не отказала.

Она тихо вздохнула. То, что он говорил, было правдой. Было время, когда она с благодарностью принимала те крохи, которые он ей давал, и считала себя счастливой женщиной. Но времена изменились.

— Да ладно, детка, расслабься, — нежно сказал он и начал стаскивать с себя рубаху. Живот у него был безвольным, как у младенца. — Что скажешь, если мы забудем все, что ты тут наговорила, и просто полежим и поболтаем?

Она уже собралась ответить на это предложение, когда дверь в номер семь отворилась и зашел мужчина с добрыми глазами, а с ним женщина, чье лицо вызвало бурю воспоминаний в мозгу Сэди.

— Вода со льдом, — сказал Эрл. Сэди наблюдала, как он идет через комнату. Во всей Вичита-Фолл не было такого мужчины — во всяком случае, она не помнила ничего подобного. Он почти что снова вернул ей желание жить.

— Так ты собираешься раздеваться? — спросил Бак за спиной.

— Одну минутку, Бак, Бога ради, у нас впереди целая ночь.

— Я — Лаура-Мэй Кэйд, — сказала женщина с очень знакомым лицом, ставя на стол поднос со стаканами.

Разумеется, подумала Сэди, это — маленькая Лаура-Мэй. Девочке было пять или шесть лет, когда Сэди была здесь в последний раз — странный, скрытный ребенок, все время глядела искоса. Прошедшие годы принесли ей физическую зрелость, но до сих пор в ее чуть асимметричных чертах осталась какая-то странность. Сэди повернулась к Баку, который сидел на кровати и расшнуровывал ботинки.

— Помнишь эту малышку? — спросила она. — Ну, ту, которой ты дал двадцать пять центов, просто, чтобы она ушла?

— Так что насчет нее?

— Она здесь.

— Так что с того? — ответил он, явно без интереса.

Лаура-Мэй разлила воду по стаканам и понесла стакан в комнату к Вирджинии.

— Вот здорово, что вы к нам приехали, — сказала она, — ведь тут почти ничего не происходит. Разве что иногда торнадо...

Гаер кивнул Эрлу, и тот вынул из кармана пятидолларовую банкноту и протянул ее Лауре-Мэй. Она поблагодарила его, сказав, что это было необязательно, но банкноту взяла. Однако уходить она явно не намеревалась.

— Из-за такой погоды люди чувствуют себя очень странно, — продолжала она.

Эрл мог заранее сказать, о чем пойдет речь, когда Лаура-Мэй откроет рот. Он уже выслушал всю эту историю по дороге сюда и знал, что Вирджиния не в таком состоянии, чтобы выслушивать подобное.

— Спасибо за воду, — сказал он, положил руку на локоть Лауры-Мэй и повел ее к двери, но Гаер остановил его.

— Моя жена страдает от перегрева, — сказал он.

— Вы должны быть очень осторожны, мадам, — посоветовала Вирджинии Лаура-Мэй. — Люди иногда делают уж такие странные вещи...

— Например? — спросила Вирджиния.

— Я не думаю, что мы... — начал Эрл, но прежде чем он сказал — «хотим это услышать», Лаура-Мэй небрежно отвестила:

— Ах, в основном, убийства.

— Слышал? — гордо сказала Сэди. — Она это помнит.

— В этой самой комнате, — умудрилась вставить Лаура-Мэй, пока Эрл не вывел ее силой.

— Погоди! — сказала Вирджиния, уже когда они оба исчезли в дверях. — Эрл! Я хочу послушать, что тут произошло.

— Нет, ты не хочешь, — сказал ей Гаер.

— О, конечно же, хочет, — очень тихо сказала Сэди, разглядывая выражение лица Вирджинии. — Ведь ты *действительно* хочешь это знать, Джинни?

Растерявшись от обилия возможностей, Вирджиния глядела то на наружную дверь, то прямо в проходную дверь в номер восемь, и ее глаза, казалось, остановились на Сэди. Взгляд был таким прямым, словно она в самом деле видела женщину. Лед в стакане звякнул. Она нахмурилась.

— Что не так? — спросил Гаер.

Вирджиния покачала головой.

— Я спросил, что не так, — настаивал Гаер.

Вирджиния поставила стакан на прикроватный столик. Спустя мгновение она очень просто сказала:

— Тут кто-то есть, Джон. Кто-то в нашей комнате. Я слышала голоса. Возбужденные.

— В соседнем номере, — ответил Гаер.

— Нет, из комнаты Эрла.

— Она пуста. Должно быть, это в следующем номере.

Но Вирджинию нельзя было успокоить при помощи логики.

— Говорю тебе, я слышала голоса. И я видела что-то у изножья кровати. Что-то в воздухе.

— О, Господи Боже, — прошептала Сэди, — проклятая баба — экстрасенс.

Бак поднялся. Теперь он был в одних лишь шортах. Он прошел к проходной двери и с новым вниманием поглядел на Вирджинию.

— Ты уверена? — спросил он.

— Тихе! — сказал Сэди, убираясь с поля зрения. — Она говорит, что может видеть нас.

— С тобой не все в порядке, Вирджиния, — говорил Гаер в соседней комнате. — Если эти пилюли, которые он тебе скармливал...

— Нет, — ответила Вирджиния, возвысив голос. — Когда ты наконец прекратишь говорить про эти таблетки? Они просто для того, чтобы я успокоилась, лучше спала.

Сейчас-то она отнюдь не спокойна, подумал Бак. Ему нравилось то, как она дрожит, пытаясь удержать слезы. Похоже, ей нужно, чтобы ей немножко поиграли на трубе, бедняжке Вирджинии, уж это наверняка поможет ей заснуть.

— Говорю тебе, что я могу видеть разные вещи, — толковывала она своему мужу.

— Которые я не могу, — скептически откликнулся Га-ер. — Именно это ты хочешь сказать? Что у тебя есть способность видеть то, что для нас, остальных, скрыто?

— Да я же не горжусь этим, черт побери! — воскликнула она, раздраженная иронией в его голосе.

— Давай-ка выйдем, Бак, — сказала Сэди. — Мы расстраиваем ее. Ей известно, что мы здесь.

— Так что с того? — откликнулся Бак. — Этот муж-придурок ей не верит. Погляди на него. Он же думает, что она не в себе.

— Мы уж точно сведем ее с ума, если будем выхаживать тут, — сказала Сэди. — По крайней мере, давай будем говорить потише, ладно?

Бак поглядел на Сэди и изобразил подобие улыбки.

— Хочешь, чтобы я это сделал? — сказал он игриво. — Я уберусь с их дороги, если мы немножко поразвлечемся.

— Перед тем как ответить Сэди с миг колебалась. Возможно, для всех будет лучше, если она уступит настояниям Бака. Этот человек был младенцем с эмоциональной точки зрения, всегда был. Секс был одним из тех немногих способов, при помощи которых он мог выразить себя.

— Ладно, Бак, — сказала она. — Я только немного освежусь и причешу волосы.

В это время в номере семь происходил неприятный разговор.

— Я собираюсь принять душ, Вирджиния, — сказал Га-ер. — Я предлагаю тебе лечь и успокоиться. Прекрати корчить из себя дуру. Если ты будешь продолжать разговаривать таким образом, ты испортишь всю поездку. Ты меня слышишь?

Вирджиния посмотрела на мужа очень внимательно, как никогда не отваживалась до этого.

— О, да, — сказала она без всякого выражения, — я тебя слышу.

Казалось, он удовлетворился этим. Он стянул пиджак и отправился в ванную, прихватив с собой Библию. Она

слышала, как закрылась дверь, и устало вздохнула. Она знала, что за этим взаимным раздражением последуют обвинения с его стороны, что все последующие дни он будет требовать от нее раскаяния. Она поглядела на сквозную дверь. Там больше не было никаких признаков воздушных теней, и шепота оттуда тоже не доносилось. Возможно, всего лишь возможно, она действительно вообразила все это. Она открыла сумочку и вытащила спрятанную там бутылочку с таблетками. Все время поглядывая на дверь ванной, она выбрала себе смесь из трех разновидностей и запила их глотком ледяной воды. Вообще-то лед в кувшине уже давно растаял. Вода, которую она глотала, была пресной как дождь, который все лил и лил за окном. Может быть, к утру весь мир будет смыт с лица земли. Если так, подумала она сонно, скорбеть по этому поводу она не будет.

— Я же просил тебя ничего не говорить про убийство, — сказал Эрл Лауре-Мэй. — Миссис Гаер такой разговор может не понравиться.

— Люди убивали во все времена, — ответила нераскаянная Лаура-Мэй. — Не может же она жить все время, спрятав голову в песок.

Эрл ничего не ответил. Они как раз подошли к выходу из здания. Впереди лежала залитая дождем парковочная площадка. Лаура-Мэй подняла лицо и поглядела на него. Она была немножко ниже его ростом. Ее глаза были большими и сверкающими. Хоть он и был сердит, он не мог не заметить, того, какими полными и блестящими были ее губы.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я не хотела, чтобы у тебя были неприятности.

— Да я знаю. Я просто расстроен.

— Это жара, — вернулась она к любимой теме. — Как я и говорила, она что-то делает с мозгами людей. Сам знаешь, — взгляд ее на секунду заколебался, а по лицу пробежало выражение неуверенности. Эрл почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. Был ли это намек? Она явно предлагала что-то. Но он не мог выговорить ни слова. Наконец заговорила именно она.

— Ты должен возвращаться прямо сейчас?

Он глотнул, горло у него пересохло.

— Не вижу причины, — сказал он. — Я имею в виду, что если они хотят поговорить друг с другом, я не собираюсь вступать.

— Что-то неладно? — спросила она.

— Похоже. Я просто хочу, чтобы они спокойно уладили все дела. Я им только помешаю. Я им не нужен.

Лаура-Мэй опустила взгляд вниз.

— А мне нужен, — выдохнула она. Он едва расслышал, что она сказала, так шумел дождь.

Он осторожно поднес к ее щеке руку и дотронулся до нее. Она задрожала даже от этого легкого прикосновения. Тогда он наклонил голову и поцеловал ее, и она ответила ему.

— Почему бы нам не пойти в мою комнату? — прошептала она в его губы. — Мне бы не хотелось делать это на улице.

— А как насчет твоего папы?

— К этому времени он уже мертвецки пьян, каждую ночь происходит одно и то же. Просто иди себе спокойно. Он никогда не узнает.

Эрл был не слишком доволен такой тактикой. Если его найдут в постели с Лаурой-Мэй, он потеряет больше, нежели работу. Он был женатым человеком, даже при том, что уже три месяца не видел Барбару. Лаура-Мэй почувствовала его нерешительность.

— Ты можешь не ходить, если не хочешь, — сказала она.

— Это не потому, — ответил он.

Он поглядел на нее, она облизнула губы. Это было абсолютно бессознательное действие, он был уверен, но этого хватило, чтобы он решился. Все, что лежало впереди — фарс и неизбежная трагедия, хоть тогда он и не знал этого, — все было предрешено, когда Лаура-Мэй с такой небрежной чувственностью облизала губы.

— Ах, черт, — сказал он, — ты — это нечто, ты это знаешь?

Он склонился к ней и поцеловал ее вновь, а в это время над Скеллитауном облака разразились громовым раскатом, словно цирковой барабан перед особенно опасным акробатическим номером.

В номере семь Вирджиния спала и видела сны. Кошмарные сны. Таблеткам не удалось благополучно доставить ее в тихую сонную заводь. Во сне она была затеряна среди

ужасающей бури. Она цеплялась за искалеченное дерево — жалкий якорь в таком урагане, — а ветер поднимал в воздух коров и автомобили, засасывал полмира в черные облака, вскипавшие у нее над головой. И как только она подумала, что ей предстоит умереть здесь, абсолютно одной, она увидела две фигуры в нескольких ярдах впереди, они появлялись и вновь исчезали за мерцающей пеленой пыли, которую поднял ураган. Она не могла разглядеть их лиц, поэтому она окликнула их:

— Кто вы?

В соседней комнате Сэди слышала, как Вирджиния разговаривает во сне. Что ей снится, этой женщине, гадала она. Она боролась с искушением пройти в комнату Вирджинии и прошептать ей это на ухо.

А за сомкнутыми веками Вирджинии все длился сон. Хоть она и позвала этих незнакомцев сквозь бурю, казалось, они не слышали ее. Боясь остаться одной, она покинула надежное дерево — которое тут же вырвало с корнем и унесло прочь, — и начала прорываться сквозь жалящую пыль туда, где стояли незнакомцы. Один был мужчиной, второй — женщиной, оба были вооружены. И когда она вновь окликнула их, чтобы дать им знать, что она здесь, они напали друг на друга, в их шее и груди открылись смертельные раны.

— Убийство! — прокричала она, а ветер швырнул кровь противников ей в лицо. — Ради Бога, остановите их кто-нибудь! Убийство!

И внезапно она проснулась, сердце ее колотилось так, что вот-вот готово было взорваться. Сон все еще парил у нее перед глазами. Она потрясла головой, чтобы избавиться от чудовищных образов, затем осторожно передвинулась к краю кровати и встала. Голова ее была такой легкой, что, казалось, могла парить, как воздушный шар. Ей нужно было хоть немного свежего воздуха. За всю свою жизнь она не чувствовала себя так странно. Так, словно она потеряла малейшее представление о том, что реально, а что — нет, словно обычный, реальный мир проскальзывал у нее между пальцами, точно вода. Она подошла к наружной двери. В ванной был Джон, и она слышала его — он говорил вслух, обращаясь к зеркалу, без сомнения, отшлифовывая каждую деталь своего предстоящего выступления. Она вышла в коридор. Там было чуть свежее, но не намного. В одном из

номеров в конце блока плакал ребенок. Пока она слушала, кто-то резким голосом велел ему замолчать. Секунд на десять ребенок затих, потом заплакал снова, еще громче. «Давай! — сказала она ребенку. — У тебя есть столько поводов». Она верила людям в несчастье — похоже, это было единственное, во что она еще верила. Печаль была гораздо честнее, чем искусственная жизнерадостность, которая была нынче в моде: фальшивый каркас пустоголового оптимизма, которым заслонялось отчаяние, гнездящееся в каждом сердце. Ребенок был мудр, он плакал в ночи, не боясь выказать свои страхи. И она молчаливо аплодировала этой честности.

В ванной Джону Гаеру надоело изображение его собственного лица в зеркале, и он углубился в свои мысли. Он опустил крышку унитаза на сиденье и просидел так молча несколько минут. Он чувствовал запах собственного пота, ему нужно было принять душ, а потом — хорошенько выспаться. А завтра — Пампа. Встречи, речи, тысячи рук, которые ему нужно будет пожать, тысячи благословений, которые нужно будет раздать. Иногда он чувствовал себя уставшим и тогда начинал гадать, не облегчит ли Господь ему хоть немного его ношу? Но ведь это Дьявол нашептывал ему в ухо — верно ведь? Он не собирался обращать внимание на этот вкрадчивый голос. Если ты хоть раз прислушаешься, сомнения одолеют тебя, как сейчас они одолели Вирджинию. Где-то на дороге, когда он отвернулся от нее, занимаясь делами Господними, она заблудилась, и Нечистый нашел ее в ее странствиях. Он, Джон Гаер, обязан привести ее назад, на тропу Правды, заставить ее увидеть, в какой опасности оказалась ее душа. Будут слезы и жалобы, а может, он слегка понаставит ей синяков. Но синяки исцеляются.

Он отложил Библию, опустился на колени в узком пространстве между ванной и умывальником и начал молиться. Он пытался найти какие-то начальные слова, какую-то мягкую мольбу, чтобы ему дали силы исполнить долг и привести Вирджинию на путь истинный. Но вся мягкость покинула его. На ум ему приходили лишь слова Апокалипсиса. Он позволил этим словам сорваться с губ, даже при том, что горевшая в нем лихорадка разгоралась все ярче, по мере того как он молился.

* * *

— О чем ты думаешь? — спросила Эрла Лаура-Мэй, проводя его в спальню. Эрл был слишком поражен тем, что он увидел, чтобы выдать вразумительный ответ. Спальня была Мавзолеем, возведенным, казалось, в честь Банальности. На полках, на стенах и даже на полу красовались вещи, которые можно было подобрать на любой свалке: жестянки из-под кока-колы, коллекция пестрых этикеток, журналы с оборванными обложками, сломанные игрушки, помутневшие зеркала, открытки, которые никогда не будут посланы, письма, которые никогда не будут прочитаны, — печальный парад забытых и потерянных вещей. Его взгляд метался взад и вперед по этой изысканной экспозиции и не нашел ни одной стоящей и целой вещи среди всего этого хлама. Мысль, что все это было делом рук Лауры-Мэй, заставила сжаться желудок Эрла. Женщина явно не в себе.

— Это моя коллекция, — сказала она ему.

— Да, я вижу, — ответил он.

— Я собирала все это с тех пор, как мне исполнилось шесть. — Она прошла через комнату к туалетному столику, где, как Эрл знал, большинство женщин начали бы приводить себя в порядок. Но здесь было лишь продолжение всей этой выставки.

— Каждый оставляет что-то после себя, знаешь ли, — сказала Эрлу Лаура-Мэй, приподнимая очередной хлам с такой нежностью, будто это — драгоценный камень. Перед тем как поставить предмет обратно, она тщательно осмотрела его. Только теперь Эрл увидел, что весь этот видимый беспорядок на деле был тщательно систематизирован и каждый предмет — пронумерован, точно в этом безумии была какая-то система.

— В самом деле? — спросил Эрл.

— О, да. Каждый. Даже если это — обгоревшая спичка или салфетка в губной помаде. У нас была девушка-мексиканка, Офелия, которая вычищала комнаты, когда я была маленькой. Все это началось, когда мы с ней так играли, правда. Она всегда приносила мне что-то, принадлежавшее съехавшим гостям. Когда она умерла, я сама продолжала собирать эту коллекцию, всегда что-нибудь сохраняла. Как память.

Эрл начал понимать поэзию абсурда всего этого музея. В ладном теле Лауры-Мэй прятались честолюбивые амбиции

великого организатора. Не потому, что она относилась к этой коллекции, как к предметам искусства, но потому, что она собирала вещи, чья природа была интимной, вещи-символы ушедших отсюда людей, которых, вероятнее всего, она никогда больше не увидит.

— Ты пометила их все, — сказал он.

— О, да, — ответила она. — От них было бы мало пользы, если бы я не знала, кому что принадлежало, верно?

Эрл полагал, что да.

— Невероятно, — прошептал он совершенно искренне.

Она улыбнулась ему, он подозревал, что немногие люди видели эту ее коллекцию. Он чувствовал себя странно польщенным.

— У меня есть кое-какие по-настоящему ценные вещи, — сказала она, открывая средний ящик своего гардероба. — Вещи, которые я не выставлю напоказ.

— О? — сказал он.

Ящик, который она открыла, был набит мягкой бумагой, которая хрустела, пока Лаура-Мэй копалась в нем, выбирая предметы для спецпоказа. Грязная салфетка, которую нашли под кроватью у Голливудской звезды, которая трагически погибла через шесть недель после того, как останавливалась в мотеле; шприц из-под героина, беззаботно оставленный неким Иксом; пустая коробка спичек, которая, как Лаура-Мэй выяснила, была приобретена в баре для гомосексуалистов в Амарилло, оставленная тут неким Игреком. Имена, которые она называла, ничего не говорили Эрлу, но он подыгрывал ей так, как, он чувствовал, она хотела, издавая то недоверчивые восклицания, то мягкий смех. Ее удовольствие, поощряемое слушателем росло. Она показала ему всю экспозицию из гардероба, сопровождая ее то анекдотом, то биографической деталью каждого вкладчика ее коллекции. Закончив, Лаура-Мэй сказала:

— Я на самом деле не сказала тебе правды, когда говорила, что мы начали играть так с Офелией. На самом деле это случилось позже.

— Так когда ты начала все это собирать? — спросил он.

Она опустила на колени и открыла нижний ящик гардероба ключом на цепочке, который носила на шее. Там, в шкафу, был лишь один предмет, его она подняла почти с трепетом, и выпрямилась, чтобы показать ему.

— Что это?

— Ты спрашиваешь меня, что положило начало коллекции, — сказала она. — Вот это. Я обнаружила его и никогда никому не показывала. Можешь поглядеть, если хочешь.

Она протянула ему это сокровище, и он развернул слежавшуюся белую тряпку, в которую предмет был завернут. Это был пистолет Смит-Вессон тридцать восьмого калибра в приличном состоянии. Через секунду Эрл понял, к какому именно историческому событию оружие относится.

— Это пистолет, которым Сэди Дарнинг... — сказала он, поднимая его. — Я прав?

Она просияла.

— Я нашла его в куче мусора за мотелем до того, как полиция начала его разыскивать. Была такая суматоха, понимаешь, а на меня никто не обращал внимания. И, конечно, они искали его не очень долго.

— Почему?

— День спустя нас настиг торнадо. Снял крышу с мотеля, а школу всю снес. В том году погибло много народу. У нас несколько недель были похороны.

— Они совсем тебя не расспрашивали?

— Я им здорово врала, — сказала она довольно.

— И ты никогда не заявляла о нем? Все эти годы?

Она презрительно взглянула на него при этом предположении.

— Тогда бы они у меня его забрали.

— Ведь это — вещественное доказательство.

— Они же все равно ее приговорили, верно? — ответила она. — Сэди призналась во всем, с самого начала. Какая разница, если бы они нашли оружие, которым она его убила?

Эрл вертел в руках пистолет. На нем была засохшая грязь.

— Это кровь, — сообщила ему Лаура-Мэй. — Он был еще мокрый, когда я нашла его. Должно быть, она дотрагивалась им до тела Бака, чтобы убедиться, что он мертв. Использовала только две пули. Все остальные — до сих пор там.

Эрл никогда особенно не любил оружия, с тех пор, как его шурин случайно отстрелил себе три пальца. Мысль о том, что пистолет до сих пор был заряжен, не слишком обрадовала его. Он вновь завернул его и протянул ей.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал он, пока Лаура-Мэй, нагнувшись, возвращала пистолет на место. — Ты редкая женщина, знаешь?

Она поглядела на него. Ее рука медленно скользнула ему в штаны.

— Я очень рада, что тебе все это понравилось, — сказала она.

— Сэди... Идешь ты в постель, или нет?

— Я просто кончаю причесываться.

— Ты нечестно играешь. Прекрати думать про свои волосы и иди ко мне.

— Минутку!

— Дерьмо!

— Ты же не торопишься, верно, Бак? Я имею в виду, ты же никуда не собираешься?

Она увидела его отражение в зеркале. Он бросил на нее раздраженный взгляд.

— Думаешь, это смешно, а? — спросил он.

— Что смешно?

— То, что случилось. То, что ты меня застрелила. А ты — села на электрический стул. Это почему-то принесло тебе удовлетворение.

Несколько мгновений она обдумывала то, что он сказал. Это был первый случай, когда Бак высказал реальное желание поговорить серьезно, и она хотела ответить ему правдиво.

— Да, — сказала она, когда уверилась, что это именно то, что она хочет сказать. — Да, я думаю, что по-своему это доставило мне удовольствие.

— Я знал это, — ответил Бак.

— Говори потише, — вскинулась Сэди, — она слышит нас.

— Она вышла из номера. Я это слышал. И не надо менять тему разговора. — Он перекатился на бок и сел на край постели. Ну и болезненная у него, должно быть, рана, подумала Сэди.

— Она сильно болит? — спросила она, поворачиваясь к нему.

— Ты что, смеешься? — сказал он, показывая ей дырку. — Что, по-твоему, она еще может делать?

— Я думала, это будет быстро, — сказала она. — Я не хотела, чтобы ты страдал.

— Это правда? — спросил Бак.

— Конечно. Ведь я когда-то тебя любила, Бак. Правда, любила. Знаешь, какие заголовки были в газетах на следующий день?

— Нет, — ответил Бак. — Я был занят другим, помнишь?

— «Мотель превратился в Бойню Любви» — так там говорилось. И были фотографии комнаты, крови на полу и тебя, когда твое тело выносили под простыней.

— Мой звездный час, — сказал он горько. — И ведь мое лицо даже не появилось в газетах.

— Я никогда не забуду этот заголовок. «Бойня Любви»! Я думала, что это романтично. А ты? — Бак раздраженно хмыкнул. Тем не менее, Сэди продолжала: — Пока я дожидалась электрического стула, я получила триста предложений выйти замуж, я говорила тебе об этом когда-нибудь?

— Да ну? — сказал Бак. — А они пришли к тебе в гости? Неможно поиграли тебе на трубе, чтобы отвлечь тебя от грандиозного дня в твоей жизни?

— Нет, — сказала Сэди ледяным тоном.

— Ты могла это устроить. Я — смог бы.

— Больше чем уверена, — ответила она.

— Когда я думаю об этом, Сэди, я распаляюсь. Почему ты не придешь ко мне, пока я еще горяченький?

— Мы пришли сюда, чтобы поговорить, Бак.

— Бога ради, да мы уже поговорили, — ответил он. — Больше говорить я не хочу. Ну-ка, иди сюда. Ты же обещала. — Он почесал живот и с кривой улыбкой сказал: — Извини за кровь и все такое, но за это я не в ответе.

Она встала.

— Вот теперь ты ведешь себя разумно, — сказал он.

Пока Сэди Дарнинг шла к своей кровати, Вирджиния вновь вернулась с дождя в комнату. Дождь немного охладил ее лицо, а принятые транквилизаторы понемножку начали оказывать успокаивающее действие. В ванной Джон до сих пор молился, его голос то возвышался, то затихал. Она подошла к столу и поглядела на его записки, но слова, написанные убористым почерком, никак не хотели становиться четкими. Она подняла бумаги, чтобы поглядеть на

них поближе, и как только сделала это, из соседней комнаты раздался стон. Она замерла. Стон повторился, на этот раз более громко. Бумаги дрожали в ее руке, она умудрилась положить их обратно на стол, но голос послышался в третий раз, и тут бумаги выскользнули у нее из рук.

— Ну, давай же, черт тебя... — сказал голос, слова, хоть и смазанные, были все же понятны. За этим последовали еще стоны. Вирджиния осторожно двинулась к проходной двери, дрожь в руках распространилась на все тело.

— Сыграем еще? — спросил голос, и в нем слышался гнев.

Вирджиния осторожно заглянула в номер восемь, придерживаясь за косяк. На кровати была тень, она содрогалась, словно пытаясь пожрать саму себя. Она все стояла, уцепившись за дверь и пытаясь подавить из себя крик, когда из тени раздался голос. Не один голос, а два. Слова были нечеткими, и в том состоянии паники, в котором она находилась, она едва ли различала их смысл. Однако отвернуться от этой сцены она не могла. Она стояла там, пытаясь разглядеть смутные очертания. Теперь слова казались ясными, и вместе с ними пришло понимание того, что происходит на постели. Она слышала женский голос, он звучал протестующе, теперь она различала эту женщину, та отбивалась от своего напарника, который пытался перехватить ее руки. Ее первое ощущение было правильным: это и было пожирание — своего рода.

Сэди поглядела в лицо Баку. На нем появилась эта его обычная мерзкая усмешка, и Сэди почувствовала, как в ней снова вспыхнул гнев. Вот для чего пришел он сегодня вечером. Не для разговора об их разбитых мечтаниях, а для того, чтобы смягчить ее злобу таким же образом, как он это делал раньше, — шепча непристойности ей в ухо, пока укладывал ее на простыни. Удовольствие, которое он получал от ее неловкости, привело ее в ярость.

— Выпусти меня! — прокричала она громче, чем намеревалась.

У двери Вирджиния сказала:

— Оставь ее в покое.

— Похоже, у нас есть зрители, — усмехнулся Бак Дарнинг, довольный тем, что на лице Вирджинии появилось встревоженное выражение. Сэди воспользовалась тем, что

внимание его отвлеклось. Она выскользнула из объятий и оттолкнула его, он с криком скатился с узкой постели. Поднявшись, она поглядела на перепуганную женщину в дверном проеме: сколько той удалось увидеть или услышать? Достаточно, чтобы понять, кто они такие?

Бак вылез из-за постели и подошел к своей бывшей убийце.

— Пошли, — сказал он. — Это всего лишь сумасшедшая леди.

— Держись от меня подальше, — предупредила Сэди.

— Теперь ты ничего не можешь мне сделать, женщина. Я уже мертв, помнишь? — От напряжения его стреляные раны открылись. Из них сочилась кровь — она осмотрела себя, его кровь была также и на ней. Она попятилась к двери. Больше им нечего было делать вместе. Тот небольшой шанс на примирение, который у них был, выродился в кровавый фарс. Единственным выходом из этой печальной ситуации было — удалиться и оставить бедняжку Вирджинию раздумывать над тем, что она увидела и услышала. Чем дольше ей придется оставаться здесь, ссорясь с Баком, тем хуже может развернуться ситуация для всех троих.

— Куда ты идешь? — требовательно спросил Бак.

— Прочь отсюда, — ответила она. — Прочь от тебя. Я говорила, что я любила тебя, Бак, верно? Ну... может, так оно и было. Но теперь я излечилась.

— Сука!

— Пока, Бак! Счастливой вечности.

— Дешевая сука!

Она не ответила на оскорбление, просто вышла из двери и ушла в ночь.

Вирджиния наблюдала, как одна из теней выплыла во входную дверь, и пыталась удержаться на грани разума и безумия, так вцепившись в косяк двери, что у нее побелели костяшки пальцев. Либо она должна выбросить все это из головы как можно скорее, либо убедиться в том, что она не в себе. Она повернулась к восьмому номеру спиной. Таблетки — вот что ей сейчас нужно. Она взяла свою сумочку только для того, чтобы выронить ее снова, когда ее дрожащие пальцы шарили в поисках пузырька с таблетками. Содержимое сумочки рассыпалось по полу. Один из пузырьков,

который был закрыт неплотно, открылся, рассыпав радужные таблетки по всему полу. Она наклонилась, чтобы подобрать их. Слезы потекли у нее из глаз, ослепляя ее, она набрала полгорсти таблеток и затолкала их в рот, пытаясь проглотить всухую. Барабанная дробь дождя по крыше становилась все громче и громче — казалось, этот звук наполнил ее голову, а вдовавок ко всему, по небу прокатился раскат грома.

И потом голос Джона:

— Что это ты делаешь, Вирджиния?

Она подняла на него взгляд, в глазах стояли слезы, рука, в которой были таблетки, прикрывает рот. Она совершенно забыла о своем муже, эти тени, дождь и голоса полностью выбили все остальное у нее из головы. Она разжала руку и таблетки упали на ковер. Губы у нее тряслись, и она никак не могла заставить себя подняться.

— Я... я... опять слышала эти голоса, — сказала она.

Его глаза остановились на рассыпанном содержимом сумочки и на пузырьках с таблетками. Теперь ее преступление предстало пред его взором. Бессмысленно было отрицать хоть что-то, это только еще больше разъярит его.

— Женщина, — сказал он, — одного урока тебе оказалось недостаточно?

Она не ответила. Его следующая фраза потонула в раскате грома. Он повторил ее громче:

— Где ты достала таблетки, Вирджиния?

Она слабо покачала головой.

— Опять Эрл, я полагаю. Кто еще?

— Нет, — прошептала она.

— Не лги мне, Вирджиния! — Он возвысил голос, чтобы перекрыть бурю. — Ты же знаешь, что Господь услышит твою ложь, как я ее слышу. И ты будешь осуждена, Вирджиния! Осуждена!

— Пожалуйста, оставь меня, — взмолилась она.

— Ты отравляешь себя.

— Но мне они нужны, Джон, — объясняла она ему. — В самом деле нужны. — У нее не хватало сил противиться ему, и в то же время она меньше всего хотела, чтобы он забрал у нее таблетки. Но что толку протестовать? Он сделает так, как считает нужным, он всегда так делал. Так что мудрее будет уступить и не распалять его ярость.

— Погляди на себя! — сказал он. — Рыщешь по полу.

— Не начинай все снова, Джон, — ответила она. — Ты победил. Забери таблетки. Давай! Забери их!

Он явно был разочарован ее быстрой капитуляцией, словно актер, который долго репетировал свою излюбленную сцену лишь для того, чтобы обнаружить, что занавес упал раньше времени. Но он выжал все возможное из ее вызова, бросив сумочку на постель и собрав все пузырьки.

— Это все? — требовательно спросил он.

— Да, — ответила она.

— Я не убежден в этом, Вирджиния.

— Это все! — прокричала она ему. Потом сказала более мягко: — Я клянусь... это все.

— Эрл пожалеет об этом. Это я могу тебе обещать. Он воспользовался твоей слабостью...

— Нет!

— ...твоей слабостью и твоим страхом. Этот человек — слуга Сатаны, теперь это ясно.

— Да не говори ты ерунды! — сказала она, не ожидая от себя такой ярости. — *Я просила* его принести их мне. — Она с трудом встала на ноги. — Он вовсе не хотел послушаться тебя, Джон. Это все я.

Гаер покачал головой.

— Нет, Вирджиния. Ты не спасешь его. Нет. Он специально работал у меня, чтобы исподтишка вредить мне. Теперь я ясно вижу. Он хотел поразить меня через тебя. Ну что же, теперь я буду умнее. О, да. *О, да!*

Он внезапно повернулся и швырнул пузырьки с таблетками сквозь открытую дверь в темную дождливую ночь. Вирджиния смотрела, как они падают, и сердце ее заныло. Теперь будет очень трудно сохранить рассудок в подобные ночи — в ночи, когда все сходят с ума — ведь правда? — потому что дождь барабанит прямо тебе по черепу, а в воздухе разлито убийство, а этот проклятый дурень выбросил последнюю надежду на спасение. Он вновь повернулся к ней, его великолепные зубы были ощерены.

— Сколько можно повторять тебе одно и то же?

Похоже, что он все еще не покинул сцену.

— Я не слышу тебя, — сказала она, зажимая уши руками. — Я не хочу слушать! — Но даже при этом его голос доносился до нее сквозь шум дождя.

— А я очень терпелив, Вирджиния, — сказал он. — Господь тоже терпеливо ждет Страшного Суда. А где, интересно, Эрл?

Она покачала головой. Вновь раздался раскат грома, она даже не знала, в ее ли голове, или снаружи.

— Так где он, — настаивал Гаер. — Отправился раздобыть еще немного этой гадости?

— Нет! — взмолилась она. — Я не знаю, куда он пошел.

— Молись, женщина, — сказал Гаер. — Ты должна стать на колени и молить Бога, чтобы он избавил тебя от Сатаны.

Смысл этих слов был в том, что он оставлял ее одну трястись в пустом номере и отправлялся разыскивать Эрла. Скоро он вернется, разумеется. Последуют очередные обвинения, а с ее стороны — обязательные слезы. А что до Эрла, ему придется защищаться так, как только он сможет. Она соскользнула на кровать, и ее воспаленные глаза уставились на таблетки, которые все еще были разбросаны по полу. Не все еще потеряно. Там оставалось не более двух дюжин, так что ей придется урезать дозу, но все же это лучше, чем ничего. Вытерев глаза тыльной стороной руки, она склонилась на колени, чтобы подобрать пилюли. И тут она поняла, что на нее кто-то смотрит. Неужели евангелист возвратился так скоро? Она поглядела вверх. Дверь все еще была открыта, но его там не было. Ее сердце на миг пропустило удар, и она подумала о тенях в соседнем номере. Там их было две. Одна исчезла. А вторая?

Взгляд ее скользнул на проходную дверь. Он был там, точно темный мазок на светлом фоне, и с тех пор, как она смотрела на него, казался более вещественным. Может, потому, что она примирилась с его существованием, а может — он дал себя разглядеть более подробно. Во всяком случае, у него был человеческий облик и он явно был мужчиной. Он глядел на нее, в этом она не сомневалась. Она даже могла разглядеть его глаза, если очень старалась. Она все больше и больше, с каждым новым вздохом убеждалась, что он существует на самом деле.

Она поднялась очень медленно. Тень сделала шаг из двери, ведущей в соседний номер. Она осторожно продвинулась к наружной двери, не сводя испуганного взгляда с темного пятна. Однако оно, заведя ее движение, скользнуло навстречу и с необычайной скоростью оказалось между ней

и ночью. Ее вытянутая рука коснулась его размытой фигуры, и словно освещенный вспышкой молнии, ее новый знакомец предстал перед ней, снова превратившись в размытое пятно, когда она убрала руку. Она увидела мертвеца — в груди его зияла дыра. Может, он пришел из ее сна, чтобы увести ее из мира живых? Она уже подумала о том, чтобы побежать за Джоном, вернуть его обратно, но это значило — вновь приблизиться к входной двери и войти в этот жуткий контакт с пришельцем. Вместо этого она осторожно отступила, шепча про себя молитвы; возможно, Джон все это время был прав — возможно, это таблетки довели ее до безумия, те самые таблетки, которые теперь рассыпались в порошок под ее ногами. В ней поднимался ужас. Было ли это воображение, или он действительно раскрыл ей объятия?

Ее нога загнулась за край коврового покрытия. И прежде чем она успела ухватиться за что-нибудь, она уже падала назад. Руки ее судорожно шарили в поисках поддержки. И вновь она натолкнулась на это чудовищное порождение ее кошмаров, вновь эта ужасная картина возникла у нее перед глазами. Но на этот раз кошмар не исчезал, потому что это создание схватило ее за руку и крепко держало. Ее пальцы замерзли, словно она погрузила их в ледяную воду. Она завопила, чтобы ее выпустили, пытаясь оттолкнуть пришельца другой рукой, но он просто-напросто удержал и эту.

Оказавшись не в состоянии сопротивляться, она встрети-лась с ним взглядом. На нее смотрели глаза, которые отнюдь не принадлежали Дьяволу, — они были чуть глуповатыми, даже комичными, а слабый рот лишь подтверждал это первое впечатление. Внезапно она перестала бояться. Это был совсем не демон. Это была всего лишь галлюцинация, вызван-ная усталостью и таблетками, и он не мог причинить ей вреда. Единственная опасность была в том, что она может повредить самой себе, если начнет отбиваться от галлюци-нации.

Бак почувствовал, что сопротивление Вирджинии слабеет.

— Вот это лучше, — заявил он ей. — Ты ведь просто хочешь, чтобы я немножечко поиграл тебе на трубе, верно, Джинни?

Он не был уверен, что она слышит его, но это дела не меняло. Он мог сделать свои намерения совершенно очевид-ными. Выпустив ее руку, он провел ладонью по ее груди.

Она вздохнула, в ее прекрасных глазах появилось обеспокоенное выражение, но она даже не пробовала сопротивляться его вниманию.

— Ты не существуешь, — сказала она невыразительно. — Ты только порождение моего мозга, как сказал мне Джон. Это все из-за таблеток.

Бак решил: пусть себе женщина бормочет, что ей угодно, раз это делает ее более сговорчивой.

— Ведь это правда, не так ли? — спросила она. — Ты ведь не существуешь, верно?

Он ответил ей очень вежливо.

— Разумеется, — сказал он, по-прежнему тиская ее. — Я — просто сон, вот и все. — Казалось, этот ответ удовлетворил ее. — Так не будешь драться? — спросил он. — Я войду и уйду, ты даже не заметишь.

В конторе управляющего никого не было. Из комнаты за конторой Гаер услышал телевизор. Это заставило Гаера подумать, что Эрл должен быть где-то поблизости. Он вышел из номера вместе с девушкой, которая принесла воду со льдом, и они уж наверняка не вышли на прогулку в такую погоду. Гром за последние несколько минут начал греметь почти над головой. Гаеру нравился этот звук и фейерверк, который устроили молнии. Это соответствовало его ощущениям момента.

— Эрл! — проорал он, пробираясь через конторку в комнату с телевизором.

Позднее кино уже подходило к концу, звук был оглушающе громким. Фантастический зверь неизвестной породы уже почти сокрушил Токио, граждане разбежались, испуганно вопя. Перед этим Апокалипсисом из папье-маше спал в кресле пожилой человек. Его не могли разбудить ни крики Гаера, ни раскаты грома. Бутыль со спиртным, которую он нежно уместил на коленях, накренилась в его руке и жидкость пролилась на штаны. Вся эта сцена воняла бурбоном и развратом, Гаер отметил это, чтобы как-то использовать в своих проповедях.

Из конторы потянуло холодом. Гаер обернулся, полагая, что кто-то вошел, но никого в конторе за его спиной не было. Он уставился в пространство. Всю дорогу до конторы у него было такое ощущение, будто за ним кто-то следит, однако,

когда он оглядывался, он никого не видел. Так что он отбросил свои подозрения. Такие страхи присущи старикам и женщинам, которые боятся темноты. Он прошел между спящим пьянчугой и руинами Токио к закрытой задней двери.

— Эрл! — позвал он. — Ответь мне.

Сэди наблюдала, как Гаер открыл дверь и шагнул в кухню. Его напыщенность забавляла ее: как такое мелодраматическое поведение могло существовать в этот просвещенный век? Ей никогда не нравились церковники, но этот экземпляр особенно раздражал ее — под его благочестием скрывалось больше, нежели просто нетерпимость. Он был раздраженным и непредсказуемым и ему больше чем не понравится то, что он увидит в комнате Лауры-Мэй. Сэди там уже была. Какое-то время она наблюдала за любовниками, пока их страсть не распалила ее, и тогда она вышла под дождь, чтобы немного остыть. Теперь же появление евангелиста вернуло ее туда, откуда она вышла, поскольку она боялась, что, как бы не развернулись события, эта ночь вряд ли окончится хорошо.

В кухне Гаер завопил опять. Он явно наслаждался звуками собственного голоса.

— Эрл! Ты меня слышишь? Меня не проведешь!

В комнате Лауры-Мэй Эрл пытался сделать одновременно три дела. Во-первых, поцеловать женщину, с которой они только что занимались любовью. Во-вторых, натянуть свои, еще мокрые после дождя штаны. И в-третьих, придумать какой-нибудь благовидный предлог для объяснения своего пребывания здесь, если Гаер все же ворвется в комнату. Но как бы то ни было, выполнить все эти три намерения ему не удалось. Его язык все еще касался нежного рта Лауры-Мэй, когда дверь с силой отворилась.

— Я нашел тебя!

Эрл прервал поцелуй и повернулся навстречу этому обличительному голосу. Гаер стоял в дверном проеме, мокрые волосы облегали голову, точно серая шапка, лицо пылало яростью. Свет, который отбрасывал затянутый шелком абажур возле кровати, делал его фигуру массивной, в его глазах пылал маниакальный огонь пророка. Эрл уже слышал от Вирджинии о вспышках божественной ярости Гаера — о сломанной мебели и переломанных костях.

— Что, твоей низости нет пределов? — требовательно спросил он. Слова срывались с его узких губ с деланным спокойствием. Эрл натянул штаны и наклонился, чтобы застегнуть молнию.

— Это не ваше дело... — начал было он, но ярость Гаера заморозила готовые сорваться с языка слова.

Лауру-Мэй запугать было не так легко.

— Выметайтесь отсюда, — сказала она, натягивая простыню, чтобы прикрыть роскошные груди. Эрл оглянулся на нее, на гладкое плечо, которое он недавно целовал. Он хотел вновь поцеловать ее, но человек в черном четырьмя быстрыми шагами пересек комнату и схватил его за руку и за волосы. Это движение в загроможденном помещении Лауры-Мэй произвело эффект землетрясения. Экспонаты ее драгоценной коллекции соскользнули с полок и гардероба, один предмет упал на другой, тот — на соседа, и все это сборище банальностей оказалось на полу. Но Лаура-Мэй не обращала внимания на все эти разрушения — единственное, что сейчас для нее что-то значило — это человек, который так чудесно обращался с ней в постели. Она различала тревогу в глазах Эрла, когда евангелист оттаскивал его, и разделила эту тревогу.

— Оставь его! — заорала она, отбрасывая свою скромность и прыгнув с постели. — Он не делал ничего плохого!

Евангелист остановился, чтобы ответить, тогда как Эрл безуспешно пытался освободиться.

— Что знаешь ты о том, что плохо, шлюха? — плюнул в нее Гаер. — Ты слишком погрязла в грехе. Ты, в своей наготе, в своей вонючей постели!

Кровать, действительно воняла, но только лишь мылом и недавней любовью. Ей не за что было извиняться, и она не собиралась позволять этому унылому моралисту оскорблять себя.

— Я вызову полицию! — предупредила она. — Если ты не оставишь его в покое, я позову их.

Гаер даже не потрудился ответить на эту угрозу. Он просто вытащил Эрла из комнаты в кухню. Лаура-Мэй кричала:

— Держись Эрл! Я вызову помощь!

Ее любовник не отвечал. Он был слишком занят, обороняясь от Гаера, который пытался вырвать с корнем его волосы.

Иногда, когда дни были долгими и одинокими, Лаура-Мэй воображала себе темного человека, похожего на этого евангелиста. Она представляла себе, как он приходит вместе с торнадо, из облака пыли. Она воображала, как он уводил ее с собой — лишь частично против ее воли. Однако человек, который делил с ней сегодня ночью постель, был абсолютно не похож на любовника ее мечты — он был глуповат и доброжелателен. Если он умрет от рук человека вроде Гаера, чей образ она вызывала в тоскливом отчаянье, — она никогда не простит себе этого.

Она услышала, как ее отец сказал: «Что там происходит?» в дальней комнате. Что-то упало и разбилось, вероятно, тарелка из буфета или стакан, который он держал в руке. Она молилась, чтобы папа не вмешался и не попробовал стукнуть евангелиста — если он это сделает, Гаер развеет его по ветру. Она вернулась к постели, чтобы отыскать свою одежду, она была затеряна среди простыней, и раздражение женщины усиливалось с каждой секундой бесплодных поисков. Она расшвыряла подушки, одна из которых упала на крышку гардероба, и еще несколько драгоценных экспонатов слетело на пол. Когда она натягивала нижнее белье, в дверях появился ее отец. Его и без того покрасневшее от выпивки лицо стало просто пурпурным, когда он увидел, в каком она состоянии.

— Чем ты занималась, Лаура-Мэй?

— Не обращай внимания, па, нет времени объяснять.

— Но отсюда вышли люди...

— Я знаю. Я знаю. Я хочу, чтобы ты позвонил шерифу в Панхандаль, понимаешь?

— Так что происходит?

— Неважно. Просто позвони Альвину и побыстрее, или у нас на руках будет еще один труп.

Мысль об убийстве слегка оживила Мильтона Кэйда. Он исчез, оставив свою дочь одеваться дальше. Лаура-Мэй знала, что в такую ночь, как эта, шериф Альвин Бейкер и его помощник вряд ли доберутся сюда быстро. А пока один Бог знает, что этот бешеный священник может натворить.

Из дверного проема Сэди наблюдала, как женщина одевается. Лаура-Мэй была довольно простенькой, по крайней мере, на критический взгляд Сэди, а ее бледная кожа делала ее почти бесплотной, невзирая на полную фигуру. Но вооб-

ще-то, подумала Сэди, я-то кто такая, чтобы осуждать человека за отсутствие вещественности? На себя погляди. И впервые за все тридцать лет она пожалела об отсутствии тела. Частично потому, что она не могла сыграть никакой роли в драме, которая стремительно разворачивалась вокруг.

В кухне внезапно протрезвевший Мильтон Кэйд названивал по телефону, пытаясь принудить к действиям людей из Панхандаля, тогда как Лаура-Мэй, которая уже закончила одеваться, открыла нижний ящик гардероба и извлекла оттуда кое-что. Сэди поглядела через плечо женщины, чтобы узнать, что там за трофей, и по ее телу пробежал холодок узнавания, а взгляд остановился на принадлежавшем ей когда-то пистолете. Так значит, именно Лаура-Мэй нашла пистолет, вот та шестилетняя растяпа, которая все время попадалась под ноги в коридоре тридцать лет назад, играла сама с собой и распевала песни в горячем, неподвижном воздухе.

Сэди с удовольствием вновь разглядывала оружие убийства. Может быть, подумала она, я все же оставила после себя кое-что, что может повлиять на будущее, может быть, я больше чем заголовок в бульварной газетенке и смутная память в стареющих головах. Она новым, живым взглядом наблюдала, как Лаура-Мэй натянула туфли и вышла в гудящую на улице бурю.

Вирджиния бессильно прислонилась к стене номера семь и глядела на смутную фигуру, маячившую в дверном проеме. Она позволила своей галлюцинации вести себя таким образом, и никогда за ее сорок с лишним лет она не слышала таких развратных уговоров. Но несмотря на то что призрак подступал к ней вновь и вновь, прижимал свое холодное тело к ее телу, касался своими ледяными, скользкими губами ее губ, он так и не смог переступить черту. Он пытался три раза, три раза те торопливые слова, которые он шептал ей на ухо, не стали явью. Теперь он охранял двери, готовясь, как она предполагала, к еще одной попытке. Она видела его лицо достаточно ясно и читала на нем стыд и растерянность. Может, подумала она, он так смотрит потому, что собирается убить меня?

Снаружи она услышала голос мужа, перекрывающий громовые раскаты, и протестующий голос Эрла, также на

повышенных тонах. Они пререкались — это было очевидно. Она прислонилась к стене, пытаясь что-то сказать, а порождение ее бреда зловеще наблюдало за ней.

— Ничего у тебя не получилось, — сказала она.

Оно не ответило.

— Ты мне просто мерещишься, и у тебя ничего не получилось.

Призрак открыл рот и показал ей бледный язык. Она не понимала, почему он не исчезает, но, возможно, он так и будет таскаться за ней, пока не закончится действие пилюль. Не важно. Она выстояла перед тем худшим, что он мог сделать, и теперь, со временем, он наверняка оставит ее в покое. То, что он не смог взять ее силой, заставило ее почувствовать свою власть над ним.

Она подошла к двери, не испытывая больше страха. Он вышел из своего расслабленного состояния.

— Куда это ты идешь? — спросил он.

— Наружу, — ответила она, — помочь Эрлу.

— О! — сказал он ей. — Мы с тобой еще не закончили.

— Ты — всего лишь фантом, — убежденно сказала она. — Ты не можешь остановить меня.

Он усмехнулся ей. Усмешка была на три четверти злобной, но на четверть — обаятельной.

— Ты не права, Вирджиния, — сказал Бак. Больше не имело смысла морочить женщине голову, он устал от этой игры. И возможно, у него ничего и не получилось, потому что она предложила себя так легко, веря, что он — какой-то безвредный ночной кошмар. — Я — не бред, женщина, — сказал он. — Я — Бак Дарнинг. — Она поглядела на колеблющуюся фигуру и нахмурилась. Что это, какой-то новый трюк, который играет с ней ее психика?

— Тридцать лет назад меня застрелили в этой комнате. Вообще-то, как раз там, где ты сейчас стоишь.

Инстинктивно Вирджиния глянула на ковер себе под ноги, словно ожидая, что там все еще остались пятна крови.

— Мы вернулись сегодня, Сэди и я, — продолжал призрак. — Остановка на одну ночь на Бойне Любви. Так называли это место, ты знаешь? Люди приходили сюда, чтобы просто поглядеть на вот эту комнату, просто поглядеть, где это Сэди Дарнинг застрелила своего мужа Бака. Больные люди, как ты думаешь, Вирджиния? Они больше интересу-

ются убийством, а не любовью. Я — не такой... Я всегда любил любовь, знаешь ли. Вообще-то, это единственное, к чему я был хоть как-то способен.

— Ты лгал мне, — сказала она. — Ты *использовал* меня.

— Да я еще не закончил, — пообещал Бак. — На самом деле я только-только начал.

Он пошел к ней от двери, но на этот раз она подготовилась. Как только он дотронулся до нее и дымка вновь оделась плотью, она изо всех сил ударила его. Бак отодвинулся, чтобы избежать удара, и она проскочила мимо него к двери. Распущенные волосы залепили ей глаза, но она на ощупь пробиралась к свободе. Туманная рука схватила ее, но хватка была слишком слабой и соскользнула.

— Я буду ждать, — крикнул Бак ей вслед, в то время, как она бежала по коридору навстречу буре. — Ты меня слышишь, сука? Я буду ждать!

Он вовсе не мучился от своего промаха. Она ведь вернется, верно? А он, невидимый никем, кроме женщины, на этот раз сможет извлечь из этого пользу. Если она расскажет своим спутникам, что она видит его, они подумают, что она не в себе, — и может, запрут ее, а тогда уж он останется с ней один на один. Нет, тут он должен взять верх. Она вернется продрогшая, ее платье прилипнет к телу, возможно, она будет испугана, в слезах, слишком слабая, чтобы сопротивляться его попыткам. Уж тогда они закатят отличную музыку. О, да! Пока она не будет умолять его остановиться.

Сэди вышла наружу вслед за Лаурой-Мэй.

— Куда ты идешь? — спрашивал Мильтон свою дочь, но она не ответила. — Иисусе! — воскликнул он ей вслед, что означало, что он заметил. — Где ты раздобыла эту пушку?

Дождь был чудовищным. Он колотил о землю, о последние листья тополя, по крыше, по голове. Он за секунду промочил волосы Лауры-Мэй, распластав их по лбу и по шее.

— Эрл! — кричала она. — Где ты? Эрл! — Она побежала через стоянку, на бегу выкрикивая его имя. Дождь превратил пыль в густую грязь, которая хватала ее за щиколотки. Она добежала до второго здания. Несколько гостей, которых разбудили вопли Гаера, глядели на нее из окон. Некоторые двери были открыты; какой-то мужчина с банкой пива в руке стоял в дверном проеме и требовал, чтобы ему объяснили,

что тут происходит. — Люди все носятся как сумасшедшие, — сказал он. — Развопились тут. Мы сюда приехали, чтобы побыть в тишине, Господи Боже. — Девушка младше его лет на двадцать выглянула из-за плеча любителя пива.

— У нее пистолет, Двайн, — сказала она. — Ты видишь?

— Куда они ушли? — спросила Лаура-Мэй любителя пива.

— Кто? — ответил Двайн.

— Сумасшедшие! — проорала Лаура-Мэй, стараясь перекричать еще один раскат грома.

— Они завернули за контору, — сказал Двайн, глядя скорее на пистолет, чем на Лауру-Мэй. — Их здесь нет. В самом деле, нет.

Лаура-Мэй вновь побежала к конторе. Дождь и молнии слепили ее, и она с трудом удерживала равновесие в скользкой грязи.

— Эрл! — кричала она. — Ты здесь?

Сэди неотрывно следовала за ней. Эта Кэйд была отважной, сомнения нет, но в ее голосе звучала истерическая нотка, которая Сэди очень не понравилась. Это дело (убийство) требует хладнокровия. Нужно делать все небрежно, почти не думая, как будто вы выключаете радио или прихлопываете комара. Паника послужит лишь помехой, страсть — тоже. Вот почему, когда она вынула свой Смит-Вессон и направила его на Бака, в ней не было и следа гнева, который толкал бы ее под руку, мешая попасть в цель. Вот поэтому, рассудив как следует, они и послали ее на электрический стул. Не потому, что она вообще сделала это, но потому, что сделала слишком хорошо.

Лаура-Мэй не была так хладнокровна. Дыхание у нее прерывалось, а по тому, как она, всхлипывая, выкрикивала имя Эрла, было ясно, что она близка к истерике. Она завернула за угол конторы, где вывеска мотеля бросала холодный свет на пустырь за домом, и на этот раз, когда она в очередной раз позвала Эрла, раздался ответный крик. Она остановилась, вглядываясь сквозь пелену дождя. Это был голос Эрла, как она и надеялась, но он не звал ее.

— Ублюдок! — кричал Эрл. — Ты выжил из ума. Отпусти меня!

Теперь она могла рассмотреть невдалеке две фигуры. Эрл, чей живот был заляпан грязью, стоял на коленях среди

репейников и мусора. Гаер стоял над ним, держа руку у него на голове и пригибая Эрла к земле.

— Признайся в своем преступлении, грешник!

— Черт тебя дерит, *нет!*

— Ты появился здесь, чтобы расстроить мою поездку. Признайся! Признайся в этом!

— Иди к черту!

— Признайся в своей скверне или я переломаю твои кости!

Эрл боролся, пытаясь освободиться от Гаера, но евангелист явно был сильнее.

— Молись! — сказал он, опуская лицо Эрла в грязь. — Молись!

— Выебись! — орал Эрл в ответ.

Гаер ухватил Эрла за волосы, а другая рука уже поднялась, чтобы нанести сокрушительный удар по запрокинутому лицу. Но прежде чем он успел ударить, на сцене появилась Лаура-Мэй, сделала два или три шага по грязи по направлению к ним. В трясущейся руке у нее был Смит-Вессон.

— Отойди от него, — потребовала она.

Сэди спокойно отметила, что женщина целит неправильно. Даже при ясной погоде она, вероятно, была бы паршивым стрелком, но сейчас, в таком состоянии, при такой буре, даже опытный террорист мог бы промахнуться. Гаер повернулся и поглядел на Лауру-Мэй. Он не проявлял ни малейшего волнения. Он думает то же, что и я, подумала Сэди, он чертовски хорошо знает, что волнение ей не на руку.

— Шлюха! — громко крикнул Гаер, возводя взор к небу. — Господь, видишь ли ты ее? Видишь ее позор, ее блуд? Отметь ее! Она — одна из дочерей Вавилонских!

Лаура-Мэй не совсем поняла подробности, но общее направление речей Гаера для нее было вполне ясно.

— Я не шлюха! — завопила она в ответ, и Смит-Вессон прыгал в ее руке, готовый выстрелить. — Ты не можешь называть меня шлюхой!

— Пожалуйста, Лаура-Мэй... — сказал Эрл, отталкивая Гаера, чтобы поглядеть на женщину, — уйди отсюда. Он не в себе.

Она не обратила внимания на его требовательный тон.

— Если ты не уйдешь от него... — сказала она, указывая дулом пистолета на человека в черном.

— Да? — издевательски спросил Гаер. — И что же ты сделаешь, шлюха?

— Я выстрелю! Ей-богу! Я выстрелю!

По другую сторону здания конторы Вирджиния набрела в грязи на бутылку с таблетками, которую выбросил Гаер. Она наклонилась, чтобы поднять ее, и тут ей пришла в голову идея получше. Ей больше не нужны пилюли, верно ведь? Она говорила с мертвецом, одно лишь ее прикосновение сделало Бака Дарнинга видимым для нее. Что за способности! Ее видения были реальными и всегда были такими — более правдивыми, чем весь этот Апокалипсис, полученный из вторых рук, старый, изношенный, который штудировал ее достойный жалости муж. Что могут сделать пилюли — разве что замутить вновь обретенный талант. Пусть себе лежат.

Множество гостей накинули куртки и повыходили из номеров поглядеть, из-за чего поднялся весь этот шум.

— Что тут было? Несчастный случай? — окликнула Вирджинию какая-то женщина. Лишь только эти слова слетели с ее губ, прозвучал выстрел.

— Джон, — сказала Вирджиния.

Прежде чем эхо от выстрела стихло, она пошла на звук. Она уже представила себе, что там обнаружит, — своего мужа, который неподвижно лежит на земле, и торжествующего убийцу, который стоит над ним в грязи на коленях. Она ускорила шаг, на ум ей пришли молитвы. Она молилась не для того, чтобы тот сценарий, который она представила себе, оказался ложным, но скорее, за то, чтобы Бог простил ее, потому что она хотела, чтобы он был истинным.

Однако сцена, которая развернулась перед ней по другую сторону здания, опровергла все ее ожидания. Евангелист был жив. Он стоял совершенно нетронутый. Рядом с ним, раскинувшись на грязной земле, лежал Эрл. Неподалеку стояла женщина, которая несколько часов назад заносила к ним в номер воду со льдом. В руке у нее был пистолет. Он все еще дымился. Как только Вирджиния поглядела на Лауру-Мэй, из тьмы выступила фигура и выхватила оружие из руки Лауры-Мэй. Пистолет упал на землю. Вирджиния проследила за ним взглядом. Лаура-Мэй выглядела обескураженной, она не понимала, как умудрилась выронить оружие. Однако

Вирджиния знала. Она видела просвечивающий призрак и угадала, кто это. Это наверняка была Сэди Дарнинг, она, благодаря которой этот мотель окрестили Бойней Любви.

Глаза Лауры-Мэй нашли Эрла, она издала вопль ужаса и побежала к нему.

— Не умирай, Эрл! Умоляю тебя, не умирай!

Эрл поглядел на нее из грязевой ванны, в которую его погрузили, и покачал головой.

— Ты промахнулась на целую милю, — сказал он.

Рядом Гаер упал на колени, руки сжаты, лицо поднято к падающему дождю.

— О, Господь, я благодарю тебя за то, что ты сохранил это свое орудие, и в час нужды...

Вирджинии захотелось заткнуть этого идиота. Этого человека, который так глубоко уверил ее в том, что она не в себе, что она чуть не отдалась Баку Дарнингу. Ладно, с нее хватит. Она уже достаточно пугалась. Она видела, как Сэди действовала, влияя на реальный мир, видела, как то же делал Бак. Теперь нужно, чтобы процесс пошел в обратном направлении. Она решительно подошла к тому месту, где лежал Смит-Вессон, и подняла его.

Как только она это сделала, она почувствовала совсем рядом присутствие Сэди Дарнинг. Голос, такой тихий, что она едва его слышала, сказал у ее уха:

— Разве это мудро?

Вирджиния не знала ответа на этот вопрос. И вообще, что есть мудрость? Разумеется, не застывшая риторика сухих проповедей. Может, мудрыми были Лаура-Мэй и Эрл, которые сидели в грязи, не обращая внимания на молитвы и проклятия Гаера и на взгляды постояльцев, которые сбежали, чтобы посмотреть, кого убивают. Или возможно, мудрость состояла в том, чтобы отыскать червоточину в своей жизни и уничтожить ее раз и навсегда. С оружием в руке она вновь направилась в номер семь, почувствовав, что рядом с ней обеспокоено шагает Сэди Дарнинг.

— Не Бака?.. — прошептала Сэди. — Нет, конечно.

— Он напал на меня, — сказала Вирджиния.

— Ах ты, бедная овечка.

— Я не овечка, — ответила Вирджиния, — больше нет.

Поняв, что женщина абсолютно владеет собой, Сэди попятилась, опасаясь, что ее присутствие насторожит Бака.

Она наблюдала, как Вирджиния пересекла парковочную площадку, миновала тополь и шагнула в номер, где собирался ждать ее мучитель. Огни все еще горели, после синего мрака снаружи они казались очень яркими. Но Дарнинга нигде не было видно. Комната номера восемь тоже была пустой. Потом раздался знакомый голос.

— Ты вернулась, — сказал Бак.

Она резко обернулась, сжимая в руке пистолет, но пряча его от Бака. Он вышел из ванной и сейчас стоял между ней и дверью.

— Я так и знал, что ты вернешься, — сказал он ей. — Все они так делают.

— Я хочу, чтобы ты показался, — сказала Вирджиния.

— Я гол, как младенец, — сказал Бак. — Что ты хочешь, чтобы я сделал? Снял с себя кожу? Может получится довольно забавно.

— Покажись Джону, моему мужу. Пусть он увидит, что ошибался.

— Ах, бедняга Джон. Я не думаю, что ему хотелось бы меня увидеть, а?

— Он думает, что я не в себе.

— Сумасшествие бывает иногда очень полезно, — заметил Бак. — Они чуть не стащили Сэди с электрического стула, настаивая на том, что она за себя не отвечала. Но она была слишком честной, чтобы выгадывать себе что-то. Она просто продолжала втолковывать им: «Я хотела, чтобы он умер. Поэтому я застрелила его». Она никогда не отличалась особым здравомыслием. Но ты... теперь, я думаю, ты знаешь, что для тебя лучше.

Тень чуть изменила форму. Вирджиния не могла как следует различить, что там делал Бак, но, несомненно, это было что-то непристойное.

— Подойди и возьми, Вирджиния, — сказал он. — Хватай.

Она вынула из-за спины Смит-Вессон и направила на него.

— Не сейчас, — сказала она.

— Ты не сможешь причинить мне вреда этой штукой, — ответил он. — Ведь я уже мертв, помнишь?

— Ты же сделал мне больно. Почему же я не могу тоже причинить тебе вред?

Бак покачал своей эфирной головой и грубо засмеялся. Пока он развлекался таким образом, за окном, со стороны шоссе, раздался вой полицейских сирен.

— Да что ты вообще знаешь? — сказал Бак. — Такой шум подняли. Давай, пойдем, поиграем немножко на трубе, золотко, пока нам не помешали.

— Я предупреждаю тебя, это пистолет Сэди...

— Да ты не сделаешь мне ничего, — прошептал Бак. — Я знаю женщин. Они говорят одно, а делают противоположное.

Он засмеялся и шагнул к ней.

— Не делай этого, — предупредила она.

Он сделал еще один шаг, и она нажала на курок. В ту же секунду, как она услышала звук выстрела и почувствовала, как пистолет дернулся у нее в руке, в дверном проеме появился Джон. Стоял ли он там все время, или только что вернулся с дождя, окончив все молитвы и желая поучить Откровению свою заблудшую жену. Она так никогда и не узнает. Пуля скользнула сквозь Бака, расщепив его туманное тело, и с потрясающей точностью попала в евангелиста. Он не видел ее полета. Пуля пробила ему горло и кровь выплеснулась на рубашку. Фигура Бака растворилась, точно пылевое облако, и он исчез.

Джон Гаер нахмурился и отшатнулся к дверному косяку в поисках опоры. Но удержаться не смог и упал на спину в дверной проем, точно опрокинутая статуя, лицо его омывалось дождем. Однако кровь все продолжала течь. Она растекалась сверкающей лужей и все еще текла, когда Альвин Бейкер и его помощник появились на пороге с пистолетами наготове.

Теперь ее муж никогда не узнает, подумала она, вот жалость-то. Он никогда не поймет, до чего же был глуп, и не оценит степень своего неведения. Во всяком случае, по эту сторону могилы. Он был в безопасности, будь он проклят, а она осталась с дымящимся пистолетом в руке, и Бог знает, какую цену ей придется заплатить за то, что она совершила.

— Положите пистолет и выходите, — голос, доносящийся со стоянки, был жестким и бескомпромиссным.

Вирджиния не ответила.

— Вы слышите меня, там, внутри? Это шериф Бейкер. Это место окружено, так что выходите, иначе вы погибнете.

Вирджиния присела на кровати и раздумывала над альтернативами. Они не покарают ее так, как они покарали Сэди за то, что она сделала. Но ей долгое время придется просидеть в тюрьме, а она уже устала от ограничений. Если сейчас она и не была безумной, то длительное заключение легко перенесет ее через эту грань. Лучше покончить здесь, подумала она. Она подняла теплый Смит-Вессон, поднесла его к подбородку, плотно прижав дуло, чтобы выстрел наверняка снес ей половину черепа.

— Разве это мудро? — спросила Сэди, когда палец Вирджинии напрягся на курке.

— Они запрут меня, — ответила она. — Я не смогу этого вынести.

— Верно, — сказала Сэди. — Они на какое-то время поместят тебя за решетку. Но не надолго.

— Должно быть, ты шутишь. Я хладнокровно застрелила своего мужа.

— Ты же не хотела, — успокаивающе сказала Сэди. — Ты же целилась в Бака.

— И в самом деле? — сказала Вирджиния. — Не знаю.

— Ты можешь разыгрывать безумие — это то, что я должна была сделать. Просто выбери наиболее вероятную версию и стой на ней. — Вирджиния покачала головой, она не слишком-то умела лгать. — А когда ты освободишься, — продолжала Сэди, — ты будешь знаменитой. Ради этого стоит жить, верно ведь?

Об этом Вирджиния не думала. На ее лице засветился слабый призрак улыбки. Снаружи шериф Бейкер повторял свои приказы — чтобы она выбросила в дверь оружие и вышла с поднятыми руками.

— У вас есть десять секунд, леди, — заявил он. — Я сказал — *десять*.

— Я больше не смогу унижаться, — прошептала Вирджиния. — Просто не смогу.

Сэди пожала плечами.

— Жаль, — сказала она. — Дождь стихает. Там, в небе, луна.

— Луна? В самом деле?

Бейкер начал отсчет.

— Ты сама должна решить, — сказала Сэди. — При малейшей возможности они тебя пристрелят. И с радостью.

Бейкер досчитал до восьми. Вирджиния встала.

— Стойте! — крикнула она в дверь.

Бейкер прекратил считать. Вирджиния бросила пистолет в грязь.

— Хорошо, — сказала Сэди. — Я так довольна.

— Я не смогу одна, — ответила Вирджиния.

— И нет нужды.

На парковочной площадке собралась внушительная аудитория: разумеется, Эрл и Лаура-Мэй, Мильтон Кэйд, Двайн со своей девушкой, шериф Бейкер и его помощник и кучка постояльцев мотеля. Они стояли, храня уважительное молчание, глядя на Вирджинию Гаер со смешанным выражением тревоги и благоговейного трепета.

— Подними руки вверх, чтобы я их видел, — крикнул Бейкер.

Вирджиния сделала, как он велел.

— Погляди, — сказала Сэди, показывая в небо.

Луна поднималась в зенит, огромная, белая.

— Почему ты застрелила его? — спросила девушка Двайна.

— Дьявол велел мне это сделать, — ответила Вирджиния, глядя на луну и изображая на лице как можно более безумную улыбку.

ОСТАТКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

дни предпочитают работать днём, другие — ночью. Гейвин относился к последним. И зимой и летом его можно было увидеть прислонившимся к стене у дверей одного из отелей. С неизменной сигаретой у рта он предлагал все желающим самого себя.

Иногда попадалась вдовушка, из которой можно было больше выудить денег, чем любви. Она забирала Гейвина на уик-энд, заполненный бесконечными свиданиями, навязчивыми кислыми поцелуями и, если почивший муженек был уже порядком подзабыт, валянием в широченной, пропахшей лавандой кровати. Иногда влекомый к собственному полу распутный муж жаждал провести часок с мальчиком, которому не было необходимости знать его имя.

Гейвина это не очень-то интересовало. Безразличие было его стилем, даже частью его привлекательности. Оно делало прощание с клиентом очень простым. Все позади, деньги получены, а что может быть проще, чем бросить «Пока!», «Увидимся!» или вовсе ничего человеку, которого вряд ли волнует, жив ты или мертв.

Гейвину нынешнее его занятие нравилось, пожалуй, больше, чем предыдущие. В четверти случаев ему даже удавалось получить удовольствие. Худшее, что могло его ожидать, — постельная мясорубка с потными телами и безжизненными глазами. Но к таким штукам ему уже удалось привыкнуть.

Таким вот было ремесло, державшее Гейвина на плаву.

Днем, прикрываясь от света руками, он спал в своей уютной кровати, завернутый в простыни так, что его можно было

принять за мумию египетского жреца. Около трех он вставал, брился, принимал душ. Затем проводил по меньшей мере полчаса, придирчиво разглядывая свое отражение в зеркале. Он был болезненно самокритичен. Никогда не позволял своему весу отклониться хотя бы на пару фунтов от идеала. Гейвин умащал кожу маслами, если она казалась сухой, и подсушивал, если она жирно поблескивала. Каждый прыщик, выскочивший на его гладкой щеке, ожидала настоящая охота.

Учинялись тщательные поиски малейших признаков венерических болезней (единственное страдание, которое могла причинить ему несчастная, нет, скорее неудачная, любовь). Подцепленные где-то вши были быстро выведены, но гонорея, от которой он страдал уже дважды, лишила его двух недель работы, что дурно сказалось на всем ходе дел. Таким образом, были основания сломя голову бежать в клинику при малейших подозрениях на сыпь.

Это случалось не так часто. Приблудные вши были явно лишними в получасовом самолюбовании. Удачное сочетание генов, его создавших, восхищало. Он был прекрасен. Ему это говорили не раз. Прекрасен. Господи, какое лицо! Сжимая его в объятиях, все эти люди, казалось, пытались отнять у него частицу восхитительного блеска.

Конечно, можно было найти и других красавчиков, хотя бы через соответствующие агентства или прямо на улице, если знаешь, где искать. Но лица этих мальчиков были далеко не так совершенны. Они напоминали скорее наброски, чем законченные полотна, скорее эксперимент, чем отточенную работу природы. Гейвин же был венцом ее творения. Все было сделано за него другими, ему оставалось лишь стать хранителем этого чуда.

Завершив осмотр, Гейвин одевался, иногда останавливался перед зеркалом еще минут на пять... и отправлялся торговать своим сокровищем.

Теперь он уже меньше работал на улице. Ему везло. С одинаковой легкостью удавалось избежать ненужных встреч с полицией и психами, мечтающими разогнать «этот Содом». Можно было лениво позволить себе найти клиента через агентство, пусть даже отбравшее значительную долю прибыли.

Естественно, были у него и постоянные клиенты. Вдова из Форт-Лодердейла всегда разыскивала его во время своих

ежегодных европейских путешествий. Дама, подозревая его однажды в роскошном магазине, желая всего лишь с кем-нибудь пообедать, да между делом пожаловаться на мужа, напоминала о себе все чаще. Был еще и господин, которого Гейвин называл по марке его автомашины — Ровер. Этот навещал его каждые несколько недель, чтобы провести ночь в поцелуях и признаниях.

Но чаще случались вечера, когда, не связанный предварительными договоренностями, Гейвин был предоставлен самому себе. Вряд ли кто другой из работающих на улице усвоил немой язык приглашения лучше. Этим искусством Гейвин овладел в совершенстве. Легкая смесь неуверенности и развязности, застенчивости и распутства. Еле заметное движение ног, предоставляющее все его выпуклости в лучшем свете. Но с достоинством — никакой вульгарщины. Просто ненавязчивое предложение. Не больше.

На все это часто хватало пяти минут, и уж, во всяком случае, никак не больше часа. Хорошо играя свою роль, ему удавалось очень быстро убедить опечаленную женщину или жалостливого мужчину накормить его (иногда чуть-чуть приодеть), уложить в кровать и предложить полноценную ночь, заканчивавшуюся обычно еще до того, как отойдет последний поезд метро в Хаммерсмит. Времена получасовых свиданий с пятью клиентами за вечер отошли. В голове Гейвина роились честолюбивые мечты. Сейчас — уличный мальчик, скоро — жиголо, потом — любовник на содержании и, наконец, муж. Однажды, это уж точно, он станет мужем одной из этих вдовушек. Может быть, даже флоридской миллионерши. Она частенько говорила ему, как славно он смотрелся бы загорающим после купания в ее бассейне в Форт-Лодердейле. Фантазия эта запала ему в душу. Даже если и не Флорида, то что-нибудь очень похожее. Рано или поздно он там окажется. Проблема была лишь в том, что все эти богатые ягодки требовали слишком долгой возни и, что хуже всего, многих уже спугнули скандальные брачные истории.

Еще один год. Лишь один год — определенно что-то должно произойти. Что-то чудесное должна принести эта осень. Определенно!

Он продолжал взвешивать все за и против. От напряжения на его лбу образовалась неглубокая складка, которая его, впрочем, только украшала.

Была четверть десятого. Промозглый вечер 29 сентября. В этом году бабье лето не озолотило улицы. Беспощадная осень уже вцепилась в Лондон своими когтями и безжалостно терзала усталый город. Ее сырое дыхание чувствовалось даже здесь, в просторном фойе Имperiал-Отеля.

Холод сверлил зубы, его несчастные крошащиеся зубы. Если бы он сходил к дантисту, вместо того чтобы нежиться в полудреме в своей постели на час дольше чем обычно, жизнь теперь, наверняка, не казалась бы адом. Ну что ж, сегодня, пожалуй, уже слишком поздно, но завтра!.. Завтра он не пожалеет времени. И плевать на очередь. Он просто улыбнется секретарше, та смягчится и пролепечет какую-то чушь о том, что постарается найти для него возможность. Еще одна улыбка: она вспыхнет, и окажется, что нет никакой нужды ждать две недели, как эти разнесчастные бедняги с непривлекательными лицами.

Сегодня бороться с этим было уже никак нельзя.

Все, что было нужно Гейвину сейчас, — одна единственная вшивая пантера — парень, щедро плативший за ласки ртом. Если все пойдет путем, уже к половине десятого можно будет забыться в одном из ночных клубов Сохо.

Но сегодня была не его ночь. За приемным окошком Имperiала сидел новый служащий. Худое, потрепанное лицо и неуклюже сидящая на макушке фуражка. Он косился на Гейвина уже, пожалуй, с полчаса.

Его предшественник, Мэдокс, был из тех людей, к которым без особого труда можно подобрать ключик. Он был марионеткой в руках у Гейвина, знавшего о том, что тот подчищает гостиничные бары. Пару месяцев назад Мэдокс даже заплатил за общество Гейвина, который уступил ему полцены в своих же интересах. Но новичок был, судя по всему, не так прост, к тому же, видимо, довольно порочен. Гейвину было немного не по себе.

Он лениво направился к сигаретному автомату, произвольно следуя звукам мелодии, вырывавшейся из чрева древнего музыкального аппарата. Черт бы побрал эту ночь!

Новичок вышел из-за стойки и поджидал возвращавшегося с пачкой «Винстона» в руке Гейвина.

— Прошу прощения... гм... милостивый государь! — его возмутительный тон не предвещал ничего доброго.

Гейвин взглянул на него, любезно улыбнувшись.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы поинтересоваться, живете ли вы в этой гостинице... гм... милостивый государь!

— Не вижу особого смысла этим интересоваться.

— Если нет, я готов помочь вам снять одну из наших комнат.

— Я кое-кого здесь жду.

— Да что вы? — он, очевидно, не верил ни единому слову. — Нельзя ли поинтересоваться кого?

— Незачем.

— Назовите имя, — голос зазвучал настойчивее, — и я охотно справлюсь, проживает ли ваш... друг... в отеле.

Мерзавец, видимо, твердо решил выставить его на улицу. Оставалось либо спокойно выйти самому (такая возможность еще существовала), либо сыграть в «возмущенного постояльца». Гейвин скорее со злости, чем подумав, выбрал последнее.

— Вы не имеете никаких оснований... — гневно начал он, но собеседник даже бровью не повел.

— Послушай, сынок, — спокойно произнес он, — я превосходно понимаю, что к чему, и не пытайся шутить со мной, иначе я вызову полицию. — Его голос с каждым слогом терял сдержанность. — У нас останавливаются приличные люди, и сомневаюсь, что кто-то захочет здесь связываться с такой дрянью, как ты. Я доступно выражаюсь?

— Козел, — тихо произнес Гейвин.

— Ну что ты! Мы с тобою вовсе не коллеги!

Удар ниже пояса. Что дальше?

— А теперь, сынок, подумай, не лучше ли тебе будет убраться подобру-поздорову, не дожидаясь ребят в форме.

Гейвин выдал свой последний аргумент.

— Где господин Мэдокс? Я хочу его видеть, он меня знает.

— Нисколько не сомневаюсь, — последовал ответ, — насколько. Он уволен за недостойное поведение. — Голос его опять обрел подчеркнутое спокойствие. — На вашем месте я не стал бы упоминать здесь его имени. Надеюсь, понятно, по какой причине. Ступайте.

Портье проводил свои слова выразительным жестом.

— Благодарю за внимание, и постарайтесь меня больше не тревожить.

Гейм, сет и вся игра были за человеком в фуражке. Черт возьми! Есть, конечно, и другие отели, другие фойе, другие портье. Но теперь заниматься все этим было невыносимо.

В дверях Гейвин, улыбнувшись, бросил: «До встречи!» Возможно, этот тип с ужасом вспомнит его слова по пути домой, услышав за спиной звук легких шагов юноши. Это было слабым утешением, но все-таки!

Дверь захлопнулась, обрезав за Гейвином теплый поток из фойе. Здесь было холодно, холоднее даже, чем час назад. Тело охватила угрожающе усиливающаяся дрожь. Гейвин поспешил вниз по Парк-Лейн к Саут-Кенсингтону. На Хай-стрит есть несколько отелей, где можно немного передохнуть. Впрочем, если ничего не выйдет... он уже смирился с поражением.

На углу Гайд-парка встречались потоки сверкающих машин, спешащих в Найтсбридж и Викторию. Он представил себя стоящим на бетонном островке между двумя потоками автомобилей с кончиками пальцев в карманах брюк (они были настолько тесны, что больше, пожалуй, и не влезло бы), одиноким, брошенным.

Волна горечи накатила откуда-то из глубины. Теперь ему было двадцать четыре... и пять месяцев. С семнадцати на улице, успокаивая себя тем, что непременно найдет себе богатенькую вдовушку (чем не пенсия за тяжелый труд жиголо) или уж во всяком случае подыщет легальную работу к двадцати пяти...

Но время шло, ничто не менялось. Единственным его приобретением стали мешки под глазами.

А теперь перед ним по-прежнему лился сверкающий поток машин с сотнями уверенных в завтрашнем дне людей, преграждая путь к спокойствию и определенности.

Он не стал тем, кем мечтал стать, кем обещал себе стать.

А молодость уже прошла.

Куда теперь? Комната сегодня покажется тюрьмой. Не поможет даже марихуана. Он хочет, нет, ему *нужен* кто-то. Хотя бы на один вечер. Хотя бы для того, чтобы увидеть отражение собственной красоты в чужих глазах. Пусть ему льстят, кормят, поят вином. Даже если это будет богатый, уродливый Квазимодо. Надо отвлечься!

Добыча оказалась настолько легкой, что неприятный эпизод в фойе Империял-Отеля мгновенно был забыт. Па-

рень лет двадцати пяти, со вкусом одет: ботинки от Гуччи, стильное пальто. Одним словом — качество.

Гейвин стоял у дверей крохотного кинотеатра, время от времени без интереса поглядывая на экран. Показывали один из ранних фильмов Трюффо. Неожиданно он ощутил на себе взгляд, взгляд пантеры. Гейвин обернулся. Прямой взгляд чуть не спугнул пантеру. Парень уже было двинулся, но тут, как бы передумав, пробормотал что-то, предназначавшееся, видимо, самому себе, и, остановившись, продолжил довольно неубедительно демонстрировать интерес к фильму. Игра, судя по всему, была ему мало знакома. «Новообращенный», — подумал Гейвин.

Гейвин машинально полез в карман за сигаретой. Отсветы пламени позолотили ему щеки. И он знал, что выглядит сейчас эффектно. Еще один взгляд на пантеру: парень уже не отводил взгляда.

Страхивая пепел, Гейвин рассеянно выронил сигарету. Такой удачи не было уже давно, и теперь он был очень собой доволен. Безошибочное распознавание потенциального клиента, неясные отблески желания в глазах и на губах, легко переходящие в случае неудачи в невинное выражение дружелюбия. Все вышло просто замечательно.

Здесь-то ошибки уж точно быть не могло! Парень, как заговоренный, не спускал с Гейвина глаз. Рот его был чуть приоткрыт. Он глядел, не в состоянии сказать ни слова. Ничего особенного, хотя далеко не урод. Загорелый — наверняка был за границей. Хотя, определенно, он англичанин: об этом красноречиво говорила его нерешительность.

Против обыкновения, Гейвин сделал первый шаг.

— Любите французское кино?

На лице парня отразилось облегчение от того, что стена молчания была наконец разрушена.

— Да.

— Войдем?

Предложение его немного озадачило.

— Я... мне что-то не хочется.

— Холодно...

— Да.

— Я хочу сказать, холодно стоять здесь.

— Да, это — правда!

Пантера попалась!

- Может... выпьем чего-нибудь?
- Гейвин улыбнулся.
- Почему бы нет!
- Я живу здесь недалеко.
- Идем.
- Мне стало немного тоскливо одному...
- Мне знакомо это чувство.
- Теперь улыбнулся незнакомец.
- Вас зовут?..
- Гейвин.

Парень протянул руку в перчатке. Очень формально, по-деловому. Пожатие оказалось сильным — никаких следов недавней неуверенности.

- А я — Кеннет. Кен Рейнольдс.
- *Кен.*
- Может уберемся отсюда поскорее?
- Да, конечно!
- Это совсем близко.

Теплая волна заплесневелого воздуха ударила в них, когда Кеннет открыл двери своей квартиры. От подъема на третий этаж у Гейвина перехватило дыхание, но Рейнольдс чувствовал себя отлично. Наверное, следит за здоровьем. Чем занимается? Рукопожатие, кожаные перчатки. Может быть, Государственная Гражданская Служба?

- Входи, входи.

Да, здесь пахло деньгами. Ворсистый ковер мгновенно поглотил их шаги. Прихожая была почти пуста. Календарь на стене, маленький телефонный столик, стопка справочников, вешалка. Это — все.

- Здесь потеплее.

Кен сбросил пальто и, не снимая перчаток, повел Гейвина в гостиную.

- Сними куртку, — сказал он.
- Ах, да... конечно.

Гейвин разделся, и Рейнольдс исчез с его курткой в темной прихожей. Вернувшись, он принялся снимать перчатки, что давалось ему не очень легко. Парень явно нервничал, даже на своей территории. Обычно это проходит, как только двери закрываются изнутри. Но не у этого типа! Он был просто воплощение тревоги.

— Принести чего-нибудь выпить?

— Да, это было бы здорово.

— Чем предпочитаешь травиться?

— Водкой.

— Даже так! Что-нибудь к ней?

— Разве что каплю воды.

— О, да ты — гурман!

Гейвин не совсем понял, что ему хотят сказать.

— Да, — ответил он.

— Позволь мне исчезнуть на минуту — я только схожу за льдом.

— Какие проблемы?

Кен бросил перчатки на кресло у двери и вышел.

Комната эта, как и прихожая, была удушающе жарко натоплена, но не выглядела уютно и тем более гостеприимно. Что касается занятий Рейнольдса, он был коллекционером. Все стены и полки были уставлены разными древностями. Мебели было очень мало, а та, что была, с блестящими металлическими конструкциями, не очень сюда подходила.

Возможно, он был университетским преподавателем, хранителем музея или каким-нибудь ученым. Уж по крайней мере, эта комната явно не принадлежала биржевому брокеру.

Гейвин мало понимал в искусстве, и еще меньше в истории, все эти предметы не говорили ему ничего, но он принялся их рассматривать. Просто, чтобы показать хозяину, который наверняка заинтересуется его мнением обо всей этой чепухе, свое небезразличие. Коллекция была невыносимо бестолкова: глиняные черепки, осколки античных скульптур, и ничего целого — сплошные обломки. В некоторых фрагментах еще можно было разглядеть следы формы, хотя краски уже давно потускнели. Иногда удавалось угадать человеческие очертания — торс, ногу (между прочим, со всеми пятью пальцами), лицо, стертые временем, — уже не мужчина и не женщина. Гейвин подавил зевок. Жара, глупые экспонаты и мысли о предстоящей постели усыпляли его.

Он переключил внимание на стены. Они были более выразительны, чем весь этот хлам на полках, но тоже — ничего целого. Непонятно, что можно найти в этих обломках! Каменные барельефы на стенах были так испещрены

многочисленными выбоинами и царапинами, что изображенные на них люди казались прокаженными, а надписи на латыни уже почти невозможно было разобрать. Ничего красивого быть здесь не могло — все было слишком старо для красоты. Гейвина охватило чувство брезгливости, будто он прикоснулся к чему-то заразному.

Только один предмет заинтересовал его по-настоящему. Каменное надгробие, или что-то похожее, которое было больше других барельефов и в несколько лучшем состоянии. На нем был изображен всадник с мечом в руке, возвышающийся над поверженным обезглавленным противником. Под изображением — несколько слов на латыни. Передние ноги лошади были отбиты, каменная окантовка беспощадно обезображена временем. Но в этом существовал некий смысл. На грубо изваянном лице проступали неясные черты — длинный нос, широкий рот. Личность!

Гейвин решил дотронуться, но отпрянул, услышав приближающиеся шаги Рейнольдса.

— Нет-нет, потрогай, — произнес вошедший хозяин, — это здесь для удовольствия. Прикоснись!

Теперь уже пропало всякое желание. Гейвин смутился — застучали!

— Ну же! — Рейнольдс настаивал.

Гейвин протянул руку — холодный камень, зернистый наощупь.

— Римское, — произнес Кен.

— Надгробие?

— Да. Найдено около Ньюкасла.

— Кто это был?

— Некто Флавин. Он был полковым знаменосцем.

То, что Гейвин принял за меч, оказалось при ближайшем рассмотрении небольшим знаменем с практически стертым символом: то ли пчела, то ли цветок, то ли колесо.

— Таким образом, вы — археолог.

— И это тоже. Я исследую исторические места, наблюдаю за раскопками, но основное время посвящаю реставрации этих находок. Римская Британия — моя страсть.

Он надел принесенные очки и направился к полкам с глиняными черепками.

— Все это я собирал долгие годы. Я всегда испытываю дрожь, когда касаюсь предметов, столетиями не видевших

света дня. Это как бы прикосновение к истории. Ты понимаешь, о чем я?

— Да.

Рейнольдс взял один из осколков с полки.

— Конечно, лучшие находки попадают в музеи, но всегда выпадает случай оставить себе что-нибудь интересное. Господи, какое невообразимое влияние. Римляне. Городские коммуникации, мощные дороги, надежные мосты.

Рейнольдс рассмеялся взрыву собственного энтузиазма.

— Черт возьми, — сказал он. — Опять читаю лекцию. Извини. Больше не буду.

Вернув черепок на место, Кен стал наливать напитки. Стоя спиной к Гейвину, он неожиданно спросил:

— Ты дорого стоишь?

Гейвин вздрогнул. Взволнованность этого человека опять куда-то пропала, и невозможно было найти логического объяснения резкому повороту от римлян к стоимости ласк.

— Всякое бывает, — неуверенно ответил он.

— То есть... — все еще возясь с бокалами, сказал Кен, — ты хочешь узнать подробнее о моих наклонностях.

— Было бы неплохо.

— Разумеется.

Он повернулся и протянул Гейвину внушительный бокал с водкой. Без льда.

— Я не буду к тебе слишком требователен.

— Мало я не беру.

— Я это понимаю.

Рейнольдс безуспешно попытался улыбнуться.

— Я хорошо тебе заплачу. Ты останешься на ночь?

— Вы этого хотите?

— Мне кажется, да.

— Тогда безусловно.

Настроение хозяина мгновенно изменилось. Нерешительность уступила место самоуверенности.

— За любовь, жизнь и все остальное, за что стоит платить, — произнес он, звякнув своим бокалом о бокал Гейвина.

Двусмысленность тоста не ускользнула от внимания Гейвина. Парень, очевидно, был не так прост!

— Прекрасно, — сказал он и сделал глоток.

Сразу стало намного лучше. Уже после третьей порции водки Гейвин до того растаял, что болтовня Кеннета о раскопках и величии Рима, которую ему поневоле приходилось слушать, уже не действовала на нервы. Сознание засыпало. Как легко! Разумеется, он останется здесь на всю ночь, по крайней мере до рассвета, так почему бы не выпить и не выслушать эту околесицу? Позже, если судить по состоянию Кена — даже много позже, придет время недолгих опьяненных ласк в слабо освещенной комнате. Такое у него уже было с другими. Все они были одиноки, даже с любовником, всем было одинаково легко доставить удовольствие. Этот парень покупал скорее компанию, чем любовь. Легкие деньги!

Шум.

В первый момент Гейвину показалось, что шум стоит в его собственной голове. Но Кен внезапно вскочил. Рот его дрожал. Атмосфера благополучия улетучилась.

— Что это? — спросил Гейвин, также вставая. Мозги плыли от алкоголя.

— Все в порядке. — Рейнольдс стоял, вцепившись длинными бледными пальцами в кожу кресла. — Успокойся!

Звук усиливался. Гейвин подумал о барабанщике в духовке, отчаянно стучащем, в то время как его поджаривают.

— Умоляю тебя, успокойся! Это, видимо, наверху.

Рейнольдс врал. Грохот шел не сверху. Его источник находился где-то тут, в квартире. Ритмический стук то усиливался, то немного затихал, чтобы снова усилиться.

— Выпей немного, — произнес Кен. Лицо его внезапно вспыхнуло. — Проклятые соседи.

Призывный стук, а он был именно призывным, уже почти смолк.

— Только одну минуту, — пообещал Рейнольдс и закрыл за собой двери.

Гейвину приходилось попадать в неприятные ситуации: с ловкачами, чьи любовники появлялись в самый неподходящий момент; с чудаками, пытавшимися набить себе цену, один из них как-то разнес в щепки гостиничный номер. Это случалось. Но Кеннет не был похож на них — никакого чудачества. Впрочем, все эти ребята тоже казались ему вначале безобидными. К черту сомнения! Если он будет так нервничать при виде каждого нового лица, лучше уж сразу

бросить работу. Единственное, что оставалось — положиться на ситуацию, а она говорила Гейвину, что не стоит ждать от Рейнольдса каких-то фокусов.

Проглотив водку, он снова наполнил бокал и стал ждать.

Стук вдруг прекратился, и все неожиданно просто стало на свои места. Может, в конце концов, это — действительно сосед сверху. Шагов Кена в квартире не было слышно.

Его внимание блуждало по комнате в поисках чего-нибудь занятного. Надгробие.

Флавин-Знаменосец.

Что-то все-таки в этом есть. Грубый, но все же не лишенный сходства, портрет на месте, где покоятся кости его оригинала. Даже если какой-нибудь историк дерзнет с течением времени разлучить прах и камень. Отец Гейвина твердо настаивал на погребении вместо кремации. «А как же иначе! — частенько говорил он. — Как еще можно заставить других помнить о себе? Кому придет в голову идти к урне, чтобы поплакать?» Ирония заключалась в том, что поплакать к могиле тоже никто не ходил. Гейвин бывал там от силы пару раз с тех пор, как умер отец. Гладкий камень, имя, дата. Банально. Он не мог даже припомнить, в каком году это произошло.

А вот о Флавине помнят. Люди, которые не знают ничего ни о нем, ни о его жизни, помнят его. Гейвин встал и потрогал неровные буквы имени знаменосца «FLAVINVS», второе слово в латинской надписи.

Внезапно шум с неистовством возобновился. Гейвин обернулся к двери, ожидая увидеть там Рейнольдса, пришедшего с объяснением. Никого.

— Черт возьми!

Шум продолжался. Кто-то где-то был очень зол. И теперь обмануться было уже невозможно. Барабанщик был где-то рядом, в нескольких шагах. Гейвина охватило любопытство. Разом осушив бокал, он вышел в прихожую.

— Кен? — Слова, казалось, застыли на его губах.

Прихожая была погружена в темноту. Лишь в конце коридора еле пробивался свет. Возможно, там находилась дверь. Гейвин рукой нащупал выключатель, но свет не зажегся.

— Кен? — произнес он опять.

На этот раз последовал ответ. Сначала стон, а потом странный звук, как будто раздавливаемого тела. Может, с

Рейнольдсом что-нибудь случилось? Господи, может, он лежит без сознания там, совсем близко от Гейвина. Надо спешить. Но ноги почему-то отказывались его слушаться. Засосало под ложечкой — это напомнило ему детскую игру в прятки. Нервная дрожь охотника. Это было почти приятно.

К черту! Разве можно уйти, так и не узнав, что случилось с хозяином? Смелее!

Первая дверь была приоткрыта. Он толкнул ее. Вдоль всех стен стояли книжные шкафы. Комната служила, видимо, одновременно спальней и кабинетом. Через открытое окно на заваленный книгами стол падал лунный свет. Ни Рейнольдса, ни молотильщика. Немного успокоившись, Гейвин продолжил свой путь по коридору. Следующая дверь, в кухню, также была открыта, но света в ней не было. Руки покрылись потом. Когда Кеннет пытался стянуть перчатки, они словно прилипли к его ладоням. Чего он боялся? Это было не простое предложение выпить. В квартире есть кто-то еще! И у этого типа довольно дурной характер.

Дыхание перехватило. На двери был отпечаток окровавленной руки.

Он толкнул дверь, но что-то мешало ей открыться. Гейвин протиснулся в щель. Воздух в кухне был насыщен невыносимой вонью — то ли забытое мусорное ведро, то ли гниющие овощи. Скользя рукой по гладкой стене, он нащупал выключатель. Лампа дневного света подала признаки жизни.

Ботинок Рейнольдса высунулся из-за двери. Гейвин закрыл ее, и обнаружил свернувшегося в три погибели Кена. Он, безусловно, искал здесь спасения, сжавшись, как затравленное животное. Гейвин прикоснулся к нему и почувствовал, что бедняга дрожит как осиновый лист.

— Все в порядке... Это — я.

Гейвин отвел окровавленную руку, которой Рейнольдс прикрывал лицо. Через всю его щеку, от виска до подбородка, шли две глубокие кровоточащие царапины, как будто кто-то полоснул его двузубой вилкой.

Кен открыл глаза. Ему потребовалась только секунда, чтобы сконцентрировать взгляд на юноше и внятно произнести: «Убирайся!»

— Ты ранен.

— Ради всего святого, убирайся! Быстро! Я передумал. Понятно?

— Может вызвать полицию?

Рейнольдс буквально взорвался.

— Убирайся ко всем чертям! Слышишь, ты!!! Я передумал, чертов мальчишка!

Гейвин поднялся, пытаясь хоть что-нибудь понять. Парню больно, это, видно, и есть причина его агрессивности. Проигноировать оскорбления и принести что-нибудь, чтоб перевязать раны? Да, так будет лучше всего. Перевязать раны и оставить его в покое. Если он считает, что полиции здесь нечего делать, это — его собственная проблема. Возможно ему просто не хочется объяснять присутствие друга в своей развеселой квартирке.

— Где у тебя бинт?

Гейвин снова вышел в прихожую.

Из-за кухонной двери послышалось: «Не надо». Но он уже не слышал. Впрочем, если бы даже и услышал, вряд ли бы остановился. Ему нравилось непослушание. Отказ прозвучал бы для него как просьба.

Рейнольдс оперся спиной о дверь и попытался встать, схватившись за дверную ручку. Кружилась голова. Карусель ужасов: круг, еще круг, одна лошадка отвратительнее другой. Ноги его подкосились, и он снова рухнул на пол. Черт. Черт. Черт.

Гейвин слышал, как упал Кеннет, но был слишком поглощен поиском какого-нибудь оружия, чтобы немедленно броситься на кухню. Если подонок, ранивший Кена был все еще в квартире, стоило найти что-нибудь для самообороны. На столе в кабинете он наткнулся на заваленный книгами бумажный нож. Рядом возвышалась гора нераспечатанной корреспонденции. Господи благослови! Он схватил нож. Легкий. Лезвие тонкое и хрупкое, но если хорошо ударить, может и убить.

Повеселев, он вышел в коридор. Здесь он остановился на секунду продумать свои действия. Перво-наперво — в ванную. Там может лежать бинт. В конце концов, даже чистое полотенце сойдет. Потом можно попытаться добиться чего-нибудь от парня, может, получится вытянуть из него объяснение.

За кухней коридор резко сворачивал налево. Гейвин обогнул угол. Перед ним была еще одна дверь. Яркий свет ослепил его. Вода сверкала на кафеле. Ванная.

Прикрывая левой рукой правую, в которой держал нож, Гейвин медленно пошел вперед. Мышцы напряглись от страха. Поможет ли в случае чего нож? Кто знает! Он чувствовал себя ни на что не способным, неуклюжим, глупым мальчишкой.

На дверном косяке была кровь — отпечаток ладони Рейнольдса. Видимо, здесь все и произошло. Пытаясь укрыться от нападавшего, Кен выбросил вперед руку. Вот отпечаток. Если этот подонок все еще в квартире, он должен быть в ванной, больше спрятаться было негде.

В нормальном состоянии ему, разумеется, не пришло бы в голову нагло нарываться на конфликт, пнув со всей силы дверь, но теперь было уже поздно — жалостливо скрипнув, она отлетела в сторону, предоставив взгляду Гейвина любоваться кровавой пеной, разбрызганной по кафелю. В любой момент могла появиться бросающая вызов всем своим видом крокодирукая фигура.

Нет. Никого. Преступника не было и здесь. А значит, его и вовсе не было в квартире.

Гейвин сделал долгий и медленный выдох. Рука, сжимающая нож, ослабела. Жизнь опять посмеялась над ним — выставила его за дверь, опять оставив ни с чем. Единственное, что оставалось — оказать медицинскую помощь раненому коллекционеру и, действительно, убраться отсюда ко всем чертям.

Зеленоватый кафель в кровавых брызгах. Полупрозрачная занавеска душа, наивно хранящая на себе изображения беспечных рыбок и водорослей, была наполовину сорвана. Все это напоминало сцену из какого-то криминального фильма: слишком нереально. Кровь — чересчур красная, свет — чересчур яркий.

Гейвин швырнул нож в раковину и открыл висевший на стене маленький зеркальный шкафчик. Он оказался наполненным изрядным количеством зубных щеток, паст и витаминных кремов, из медикаментов был только небольшой кусок пластыря. Закрывая шкафчик, он взглянул на свое изможденное лицо. Смертельно бледен. Открыв вонсю кран холодной воды, он подставил голову под обдающий ледяной свежестью поток, надеясь, что вода смоет с его лица печать опьянения и чуть подрумянит щеки.

Вдруг сзади раздался непонятный шум. Гейвин выпрямился — безумно заколотилось сердце — и дрожащей рукой

закрутил кран. Огромные капли падали с подбородка и ресниц.

Нож был по-прежнему в раковине, на расстоянии вытянутой руки. Звук исходил из ванны. От безобидной грязноватой слякоти ванной.

Тревога выплеснула в кровь поток адреналина, чувства до безумия обострились. Он ощутил тонкий запах лимонного мыла, блеск бирюзовой рыбки, плывущей между бурых листьев ламинарии на занавеске, холод водяных капель — все, что он всегда ленился видеть и чувствовать, нахлынуло вдруг.

«Ты живешь в реальном мире, — сказал он самому себе (экое откровение!), — будь осторожен, иначе — смерть».

Почему он не заглянул в ванну?!! Кретин! Почему?!

— Кто здесь? — спросил он.

Может у Рейнольдса живет крыса, которая тоже не прочь принять душ? Тщетная надежда. Господи, там же кровь.

Он отвернулся от зеркала. Шума уже не было слышно. Ну же! Ну!! Занавес на пластиковых крючках со всеми своими ангелоподобными рыбками отлетел в сторону. В порыве разрешить эту загадку он совсем забыл про нож. Слишком поздно... Ванна была полна воды.

От наполняющей ее почти до краев мутной воды исходил какой-то животный запах, напоминающий запах мокрой собачьей шерсти. На поверхности плавала бурная пена. Вода была спокойна.

Гейвин нагнулся, стараясь разглядеть дно. Его отражение было наполовину скрыто пеной. Нагнувшись еще ниже, он увидел руку с грубыми пальцами. Перед ним, в грязной воде, лежала, свернувшись, как зародыш, несомненно человеческая фигура.

Он протянул руку, чтобы очистить поверхность воды от грязи, — отражение задрожало и рассыпалось — и ясно увидел лежащую неподвижно фигуру. Это была статуя спящего человека, только голова почему-то была повернута вверх и глядела на Гейвина нарисованными глазами. Два выпученных яблока на небрежно изваянном лице. Прямые губы, смешно торчащие уши на абсолютно лысой голове. Одним словом — работа неумелого подмастерья. В некоторых местах краска, возможно от воды, стала отваливаться серыми закругленными лепестками, обнажая деревянную основу.

Бояться было нечего. Обыкновенная деревяшка с откисающей краской. А звук, которого он так испугался, был, конечно, вызван выходящими из нее пузырьками воздуха. А он, глупышка, так испугался! Паниковать было нечего. «Поддержи во мне жизнь», — как частенько говаривал бармен из «Амбассадора», когда на сцене появлялась новая малышка.

Гейвин иронично улыбнулся. Да, этот чурбан мало напоминал Адониса.

— Забудь об этом.

Рейнольдс стоял у двери. Кровотечение уже остановилось, хотя он продолжал прижимать к щеке замаранный платок. В ярком свете ванной его кожа приобрела желчный оттенок, который напугал бы и мертвеца.

— Ты в порядке? По тебе этого не скажешь.

— Все будет просто чудно... уйди, ради Бога.

— Что случилось?

— Я поскользнулся. Понимаешь, вода на полу. Вот и поскользнулся.

— Но стук...

Гейвин оглянулся на ванну. Что-то в статуе на этот раз поразило его. Может, ее нагота. И эти сползающие одна за другой полоски краски. Последние полоски... или кожи.

— Соседи.

— Что это? — спросил Гейвин, по-прежнему рассматривая распухшее кукольное лицо в воде.

— Тебя это не касается.

— Почему он такой скрюченный? Он умирает, что ли?

С кислой улыбкой на губах Гейвин обернулся.

— Ты ждешь, когда я расплачусь с тобой?

— Нет.

— Черт возьми! Ты на работе или нет? Там, за кроватью, лежат деньги. Возьми, сколько посчитаешь нужным. За потерянное время... — он оценивающе посмотрел на Гейвина, — и молчание.

Статуя. Гейвин уже не мог оторвать взгляд. Его собственное распухшее лицо, смутившее разум неизвестного художника, медленно разрушалось водой.

— Не удивляйся, — произнес Кен.

— Что происходит?

— Тебя это не касается!

— Ты это украл... так? Это, верно, стоит немалых денег, и ты украл?

Рейнольдс, казалось, в конце концов устал лгать.

— Да, я это украл.

— И сегодня за *этим* кто-то приходил.

Кеннет пожал плечами.

— Не так ли? Кто-то за *этим* приходил?

— Да. Да, я *это* украл, — механически повторил он за Гейвином, — и кто-то за *этим* приходил.

— Это — все, что я хотел узнать.

— Не возвращайся сюда, Гейвин, или как тебя там. И не выдумывай ничего, меня здесь не будет.

— Ты боишься вымогательства? Я — не вор!

Взгляд коллекционера стал презрительным.

— Вор ты или нет, будь, во всяком случае, благодарен за то, что он — в тебе.

Рейнольдс отступил, давая Гейвину пройти. Но тот даже не шелохнулся.

— Благодарен за *что*???

Слова Кена явно разозлили его. Он был оскорблен тем, что его выставляют с какой-то небылицей, не устаивая даже мало-мальски толкового объяснения.

У Рейнольдса же просто уже не было сил для объяснений. В изнеможении он облокотился о дверь.

— Уходи, — тихо сказал он.

Гейвин кивнул и вышел. Когда он был уже в прихожей, от статуи, видимо, отвалился изрядный кусок краски. Было слышно, как заплескалась вода в ванной. Можно даже было представить, как заколыхались на статое световые блики.

— Спокойной ночи, — произнес ему вслед Кен.

Гейвин не ответил. Даже не вспомнив о деньгах, он вышел. Будь проклят этот дом со всеми его надгробиями и тайнами.

На пороге он обернулся. Через открытую дверь гостиной на него взглянуло лицо Флавина-Знаменосца. «Должно быть, герой», — подумал он. Только героя могли почтить подобным образом. С ним такого не произойдет. Его лицо умрет вместе с ним.

Он закрыл за собой входную дверь. Тут же напомнил о себе больной зуб. И тут же возобновился стук. Стук кулака по стене.

Или внезапная ярость пробуждающегося сердца.

Утром зубы ныли уж невыносимо, и он отправился к дантисту, надеясь уговорить секретаршу принять его немедленно. Но очарование покинуло его, глаза не сверкали таким обаянием, как обычно. Она сказала, что придется подождать неделю. Он — что дело срочное, на что она заметила, что ей так не кажется. Начинался не самый хороший день: зубная боль, секретарша-лесбиянка, снег хлопьями, ворчливые женщины на каждом углу, безобразные дети, безобразное небо.

В тот день началось преследование.

Поклонники преследовали Гейвина и до этого, но не до такой степени. Бывало, его по-собачьи сопровождали целыми днями, из бара в бар, с улицы на улицу, и это просто выносило из себя. Ночь за ночью видеть одно и то же надоевшее лицо, никак не решающееся купить ему выпивку, а может, даже предложить часы, кокаин, неделю в Тунисе или что-нибудь еще. Он очень быстро проникся отвращением к этому липкому обожанию, скисающему еще скорее молока, вонь от которого стояла, казалось, до самых небес. Один из его наиболее пылких обожателей, как ему говорили, прославленный актер, никогда не пытался подойти близко, просто ходил за ним повсюду, и все смотрел и смотрел. Вначале это внимание льстило Гейвину, но вскоре удовольствие сменилось беспокойством, и однажды, случайно наткнувшись на этого парня в одном из баров, он пригрозил проломить ему череп. А в тот вечер он был так взвинчен, так раздражен бесконечными пожирающими взглядами, что этому жалкому человечку непременно досталось бы, не пойми он намека. Возможно, он вернулся домой и повесился.

На этот раз все обстояло совсем не так. Не преследование, а, скорее, ощущение слежки. Не было никаких доказательств того, что кто-то висит у него на хвосте, просто чертовски дурное чувство. Каждый раз, когда он оглядывался, ему казалось, что кто-то отступает в тень. Иногда на ночной улице случайный прохожий вдруг начинал идти с ним в ногу, аккомпанируя каждому удару его каблука, каждому срыву шага. Это напоминало паранойю, исключая, может быть, то, что сам он не был параноиком. Если бы это было так, думал он, ему бы уже давно об этом сказали.

Кроме того, стали происходить совершенно необъяснимые вещи. Однажды утром старуха-кошатница, жившая над ним, поинтересовалась лениво, что за чудак приходил к нему поздно ночью и прождал, поглядывая на дверь, несколько часов. Ни один из его знакомых не подходил под описание.

В другой день на людной улице он отделился от толпы, отойдя к двери закрытого магазина, чтобы прикурить сигарету. Когда он зажег спичку, в засаленном дверном стекле вдруг застыло чье-то отражение. Пламя обожгло пальцы. Гейвин выронил спичку и опустил глаза. А когда он повернулся, людское море уже скрыло его преследователя.

Это было дурное, очень дурное чувство. И самое ужасное — не было понятно, чем оно вызвано.

Гейвин никогда не разговаривал с Преториусом, хотя они и обменивались небрежными кивками при встрече на улице и каждый справлялся о другом у общих знакомых, как будто они были друзьями. Преториус был негром, возраст между сорока пятью и смертью. Известный сводник, утверждавший, что происходит от Наполеона. Под его началом довольно успешно работало множество женщин и три или четыре мальчика. Когда Гейвин только вышел на улицу, ему советовали попросить покровительства у Преториуса, но он был слишком горд, чтобы просить о такого рода помощи. В результате теперь он не пользовался расположением Преториуса и его клана, однако, поскольку он стал довольно заметной фигурой, никто не решался бросить вызов его праву быть самим по себе. Поговаривали даже, что Преториус выражал несколько недоброжелательное восхищение его жадностью.

Восхищение или нет, но в один из адских холодных дней Преториус вдруг нарушил молчание и первым заговорил с ним.

— Эй, белый!

Было около одиннадцати, и Гейвин шел из бара на Сент-Мартин-Лейн в клуб на Ковент-Гарден. Улицы были еще достаточно людны, и среди многочисленных посетителей театров и кино можно было найти хорошего клиента, хотя у него в тот вечер к этому не было никакой охоты. В кармане лежала сотня, заработанная накануне. Достаточно, чтобы твердо стоять на ногах.

Первое, что пришло в голову при виде загородивших дорогу Преториуса и его головорезов, было: им нужны деньги.

— Послушай, белый.

Преториус добродушно улыбался. Нет, он не был уличным вором. Не был и не будет.

— Белый, мне нужно переговорить с тобой.

Преториус достал из кармана орех, расколол его в руке и отправил содержимое в огромный рот.

— Догадываешься о чем?

— Что тебе нужно?

— Я уже сказал: немного переговорить. Кое о чем расспросить. Идет?

— Хорошо. О чем?

— Не здесь.

Гейвин взглянул на когарту Преториуса. Это не были гориллы, не в стиле черных. С другой стороны, это были и не пятидесятикилограммовые хилаки. Обстановка в целом складывалась довольно нездоровая.

— Благодарю.

Спокойным, насколько он был способен, шагом Гейвин прошел мимо троицы, последовавшей за ним. Он мысленно умолял их отвязаться, но они не отставали. Преториус положил руку ему на плечо.

— Послушай. До меня дошли неприятные новости о тебе.

— Не может быть!

— Боюсь, что может. Мне сказали, что ты напал на одного из моих ребят.

Гейвин прошел шесть шагов, прежде чем ответить.

— Нет, вы ошиблись. Это — не я.

— Он узнал тебя, белый, ты доставил ему кучу неприятностей.

— Говорю вам, это — не я!

— Ты — псих, слышишь? Тебя стоит поскорее упечь за решетку.

Преториус все больше сердился. Прохожие обходили их стороной.

Гейвин молча свернул с Сент-Мартин-Лейн на Лонг-Акр и тут же осознал, какую ошибку совершил. Здесь прохожих почти не было и требовалось проделать изрядный путь, чтобы достичь другого людного места. Ему следовало, безусловно,

свернуть не налево, а направо, тогда он быстро вышел бы на Чарринг-Кросс-роуд. Там нетрудно было бы затеряться. Черт возьми, он не мог развернуться и пойти в обратную сторону. Все, что ему оставалось — идти прямо (именно идти, и ни в коем случае не бежать от бешеных псов, наступающих на пятки) и надеяться, что удастся оставить разговор в прежнем русле.

— Ты влетаешь мне в копеечку, — бросил ему в спину Преториус.

— Не вижу причин.

— Ты вывел из строя одного из моих мальчишек. Судя по всему, довольно надолго. Он дьявольски напуган, слышишь?

— Повторяю, я ничего такого не делал.

— Почему ты врешь мне, белый? Неужели ты не считаешь меня достойным услышать правду?

Преториус нагнал его и пошел рядом, оставив своих дружков позади.

— Послушай... — шепнул он Гейвину на ухо, — такого рода ребят легко соблазнить, не так ли? Я это понимаю, и меня это не очень-то и волнует, но ты сделал ему больно, а у меня сердце кровью обливается, когда кому-нибудь из моих ребят причиняют боль.

— Ты думаешь, что если бы все действительно было так, я спокойно разгуливал бы по улице?

— Ты, мне кажется, не настолько добр, насколько хочешь казаться. Речь идет вовсе не о паре синяков. Я пошел на этот разговор только потому, что ты искупался в его крови. Повесил и исполосовал всего ножом, а потом подбросил его мне на порог в одних носках. Ты хорошо расслышал, белый? Теперь тебе ясно, почему мне не хотелось бы спускать тебе это с рук?

Гейвин был просто разъярен рассказом о приписываемых ему злодеяниях и теперь совершенно не мог понять, как следует ко всему этому относиться. Не проронив ни слова в ответ, он продолжал идти.

— Этот малыш восхищался тобой. Говорят, твоя история поучительна для начинающих. Ты тоже так считаешь?

— Не думаю.

— Тебе, видимо, это должно чертовски льстить, ведь ты этого, в действительности, не заслуживаешь!

— Благодарю.

— Ты сделал неплохую карьеру. К сожалению, она подошла к концу.

Гейвин ощутил ледяной холод. Он-то надеялся, что Преториус удовлетворится одним предупреждением. Видимо, нет. Они хотели разделаться с ним. Господи, они убьют его, и самое ужасное — за то, чего он не только не делал, но о чем даже и не догадывался.

— Мы вышвырнем тебя с улицы, белый! *Навсегда.*

— Я ничего не сделал.

— Малыш узнал тебя. Даже с чулком на голове. Твой голос и твоя одежда. Тебя опознали, белый. Делай выводы.

— Убирайся к черту.

Гейвин бросился бежать. В юности он неплохо бегал, о, как нужна была ему сейчас эта скорость! Преториус захотел.

— Какой ты, однако, резвый.

По мостовой за ним неслись две пары ног. Ближе, еще ближе. Гейвин совсем выдохся. Плотные облегающие джинсы были слишком неудобны для бега. Гонка проиграна.

— Тебе никто не разрешал уходить, — один из болванов вцепился в его руку.

— Неплохо бегаешь, — улыбнулся Преториус, подхлывший к двум своим псам и загнанной жертве. Он еле заметно кивнул одному из своих дружков.

— Христианин.

Христианин со всей силы ударил Гейвина по почкам. Боль пронзила его. Перед глазами пошли разноцветные круги.

— Готов, — отрапортовал Христианин.

— Давайте, быстро!

Его потащили в темный переулок. Куртка и рубашка треснули, его дорогие туфли, испачканные в грязи, обдирались о мостовую. Гейвина поставили на ноги. В кромешной тьме перед собой он видел только как бы висящие в пустоте глаза Преториуса.

— Ну вот мы и на месте, — произнес он. — Как славно!

— Я... я не трогал его, — простонал Гейвин.

Безымянный дружок Преториуса, Не-Христианин, взял его за ворот и швырнул к стене. Он поскользнулся и, не устояв, упал в грязь. Его достоинство — тоже. Он будет умолять. Он встанет на колени и будет лизать этим тварям

пятки, лишь бы закончился этот кошмар. Лишь бы они ничего не сделали с его лицом.

Поговаривали, что это — одно из любимых развлечений Преториуса: отнимать красоту. Случалось, он лезвием вырезал своей жертве губы — сувенир на память.

Гейвин бросился вперед, упав руками в грязную жижу, что-то гнилостно-мягкое выскользнуло из-под его ладони.

Не-Христианин обменялся с Преториусом ухмылкой.

— Какой милашка!

Преториус расколол очередной орех.

— Похоже, он наконец-то нашел свое место в жизни.

— Я его не трогал, — умолял Гейвин.

Ему только и оставалось отрицать, хотя, судя по всему, это было уже бесполезно.

— Не пытайся оправдаться!

— Умоляю!

— Мне хотелось бы покончить со всем этим как можно скорее, — взглянув на часы, сказал Преториус. — Нужно еще кое-где побывать, кое с кем повеселиться.

Гейвин поднял глаза на своих мучителей. Освещенная улица была всего в десятке метров от него. Если бы он только мог удрать от этих подонков.

— Позволь мне тебя немного подразукрасить. Красота, видишь ли, требует жертв.

В руке Преториуса блеснул нож. Не-Христианин вынул из кармана толстую веревку с узлом на конце. Узел во рту, веревка вокруг головы и никакой возможности закричать, когда это необходимо больше всего на свете. Вот что это означало!

Гейвин резко вскочил, но, поскользнувшись на жирной грязи, налетел на Христианина и вместе с ним свалился на землю. Рывок к свободе не удался.

На мгновение наступила полная тишина. Преториус, пачкая руки о белую мразь, поставил его на ноги.

— Бежать некуда, сволочь! — сказал он и поднес лезвие к подбородку Гейвина.

Здесь кость выступала больше всего. Преториус начал резать кожу по краю челюсти, забыв заткнуть своей жертве рот. Гейвин вскрикнул, когда кровь заструилась по шее, но, казалось, чьи-то толстые пальцы схватили его за язык, и звук, так и не вырвавшись наружу, погиб.

Пульс бешено заколотил у виска. Перед Гейвином одно за другим стали открываться окна, и он падал в них, теряя сознание.

Лучше умереть. Они уродуют его лицо — лучше умереть.

Он опять вскрикнул, хотя нет, это не он. Сквозь стук в ушах он попытался различить голос. Он слышал крик Преториуса, не собственный крик.

Язык опять был свободен. Внезапно ему стало дурно. Он отшатнулся от дерущихся перед ним фигур. Его рвало.

Кто-то неизвестный вступил в игру, предотвратив катастрофу. На земле, раскинув руки, лежало чье-то тело. Не-Христианин. Безжизненные глаза смотрели вверх. Господи, кто-то заступился за него!

Дрожащей рукой он прикоснулся к лицу. Глубокая рана шла от середины подбородка почти до самого уха. Это, конечно, плохо, но Преториус имел обыкновение, взявшись за дело, доводить его до конца, и, похоже, только чудо спасло Гейвина от страшной процедуры вырезания ноздрей и губ. Шрам вдоль скулы будет смотреться не очень-то привлекательно, но это — еще далеко не самое страшное.

Кто-то из дерущихся направился к нему — Преториус. Слезы на глазах, расширенных от ужаса.

Христианин, пошатываясь поплелся по направлению к улице.

Преториус за ним не последовал. Почему?

Его рот был открыт, с нижней губы стекала длинная нитка слюны.

— Спаси меня, — прохрипел он, как будто его жизнь была в руках Гейвина.

Рука его была поднята, как бы вымаливая прощение. Вместо этого из-за спины неожиданно выросла другая рука, сжимающая страшное орудие с огромным лезвием. Еще одна рука схватила Преториуса за горло. Бритва вошла ему глубоко в глотку, затем резко пошла вверх. Изумленное лицо разделилось, и из страшной раны на Гейвина хлынул горячий поток крови.

Оружие отлетело на мостовую. Гейвин взглянул на него: короткий, широкий меч.

Преториус все еще стоял перед ним, удерживаемый теперь только рукой своего палача. Рассеченная голова безжизненно упала, и неизвестный, приняв, видимо, этот кивок

за знак согласия, аккуратно положил мертвеца у ног Гейвина. Теперь ничто уже не мешало ему рассмотреть лицо своего спасителя.

Ему хватило секунды, чтобы узнать эти грубые черты: испуганные пустые глаза, щель рта, кривые уши. Это была статуя Рейнольдса.

Она усмехнулась. Зубы слишком малы для ее внушительной головы. Молочные зубы. Что-то, однако, изменилось в этом лице, это можно было заметить даже в темноте. Брови, казалось, несколько посветлели, и само лицо обрело какую-то пропорцию. Оно напоминало лицо куклы, но куклы с претензиями.

Статуя слегка наклонилась, и внутри ее, определенно, что-то скрипнуло. Гейвин неожиданно осознал весь мрачный идиотизм ситуации. Она наклоняется, черт ее побери, сместся, убивает и в то же время в действительности не может быть жива. Позже он будет проклинать себя. Он найдет тысячу причин не воспринимать реальность такой, какая она есть на самом деле. Будет винить свой кровожадный мозг, возбуждение, паникерство. Так или иначе, он постарается навсегда забыть это кошмарное видение.

Если только сам останется жив!

Видение приблизилось и легко коснулось своими грубыми пальцами щеки Гейвина. Свет упал на кольцо, одетое на мизинец, — оно было точно такое, как и у него самого.

— О, да тут будет шрам!

Гейвин узнал этот голос.

— Жаль, конечно, — это говорилось *его* голосом! — Но что поделаешь! Могло быть и хуже.

Его голос. Господи, его, его, его голос.

Он встряхнул головой.

— Да, это так, — сказала статуя, понимая, о чем он думает.

— Теперь меня?

— Нет.

— Почему?

Статуя дотронулась пальцами до своей собственной щеки, показывая линию его раны, и вдруг рана открылась и у нее. Но кровь не показалась — у нее просто не было крови.

Это был все еще не он. Неподвижные брови, пронзительные глаза. Скоро их нельзя будет отличить от его собственных.

— А мальчишку? — спросил Гейвин, пытаясь разобраться в происшедшем.

— Ах, мальчишка... — Статуя мечтательно закатила глаза. — Какое сокровище. А как он вырывался!

— Ты искупался в его крови?

— Мне это было необходимо, — она нагнулась над телом Преториуса и запустила пальцы в его рассеченную голову. — Старая кровь, конечно, но тоже сойдет. Мальчишка был получше.

Статуя вымазала кровью свои щеки. Гейвин не мог скрыть отвращения.

— Это для тебя такая потеря? — спросил его портрет.

Ответа не последовало. Разумеется, его не очень волновало, что Преториус мертв, но какой-то мальчишка истек кровью только оттого, что эта штука проголодалась. В Лондоне частенько происходят дела и поужаснее.

— Тебе, я вижу, это не по вкусу, — продолжала статуя. — Скоро и мне будет тоже. Не собираюсь посвятить себя истязанию детей. Хотя бы потому, что я на все смотрю твоими глазами, думаю *твоими* мыслями...

Она поднялась от трупа. В движениях все-таки явно недоставало плавности.

Кожа на ее щеках, впитывая кровь Преториуса, приобрела более естественный оттенок. Уже совсем не похоже на крашеную деревяшку.

— Мне никогда не дадут имени. Я — всего лишь рана на теле человечества. Но я — и тот прекрасный незнакомец из твоих детских грез. Тебе ведь всегда так хотелось, чтобы кто-нибудь взял тебя на руки, приласкал, назвал чудным ребенком и... поднял тебя над суетой улиц к распахнутым настежь небесам.

Как могло быть известно этому существу о его детских мечтах? Откуда могло оно знать о его видениях? Об ослепительной чистоте небес его снов...

— Потому что я — это ты, — как бы отвечая на его вопрос, продолжала статуя.

— Ты не можешь быть мной. Я никогда не сделал бы этого, — Гейвин кивком указал на безжизненные тела.

Было немного неблагодарно обвинять ее за вмешательство, но это был единственный аргумент.

— Действительно? Мне так не кажется.

Гейвин опять услышал голос Преториуса: «Красота, видишь ли, требует жертв». Он опять ощутил холод лезвия у подбородка, тошноту, беспомощность. Да, он сделал бы это, сотню раз сделал бы. И это было бы справедливым.

Статусе, определенно, не требовалось ответа!

— Я еще навещу тебя. А сейчас, — она захохотала, — тебе лучше будет уйти.

Гейвин направился к улице.

— Нет, сюда!

Она кивнула в сторону до сих пор не замеченной им двери в стене. Так вот откуда она появилась так быстро и вовремя.

— Держись подальше от людных мест. Я найду тебя, когда мне это понадобится.

Гейвина не надо было уговаривать. Он мало что понимал во всем происшедшем, но дело было сделано. На вопросы же не оставалось ни сил, ни времени.

Он, не озираясь, вышел в указанную дверь. То, что он слышал за собой, с легкостью могло вывернуть его желудок. Плотоядное хлюпающее чавканье злодея, исполняющего свой страшный ритуал.

И уж совсем ничего нельзя было разобрать в этом сне наяву на следующее утро. Никакого прояснения. Просто череда безжалостных фактов.

В зеркале он увидел огромную гноящуюся рану, причинявшую ему гораздо большую боль, чем гнилой зуб.

В газетах писали о двух трупах, найденных в районе Ковент-Гарден. Известные преступники, убитые с нечеловеческой жестокостью. И банальный вывод — мафиозные разборки.

В голове носилась невыносимая мысль о том, что рано или поздно найдут и его. Кто-то, несомненно, видел его на улице вместе с Преториусом и может сообщить это полиции. Может даже Христианин. И тогда они придут за ним с наручниками. А чем он может ответить на их обвинения? Сказать, что преступление совершено даже не человеком, а каким-то страшилищем, являющимся отчасти отражением его собственного я? Вопрос даже не в том, арестуют его или нет. Скорее — будет ли это тюрьма или убежище.

Теряясь от безнадежности, он отправился к врачу, где просидел в ожидании приема три с половиной часа, окруженный такими же покалеченными беднягами.

Врач был не очень-то любезен, сказав, что швы накладывать уже поздно. Рана, безусловно, затянется, но шрама уже не избежать. Медсестра поинтересовалась, почему он не пришел, как только это произошло. Какое ей, собственно, до этого дело! Неискреннее сочувствие только раздражало его.

Свернув на свою улицу, он увидел полицейские машины, соседей, обменивающихся сплетнями. Слишком поздно. Они уже добрались до его одежды, его расчесок, его писем и будут теперь рыться в них, как обезьяны в собственной шерсти. Он знал, как бесстыжи бывают эти подлецы, когда им надо чего-нибудь добиться, как жестоко они способны унижить человеческое достоинство. Высосать всю кровь и убить без выстрела. Превратить тебя в живой труп.

Ничего нельзя уже было остановить. Они уже лапали его жизнь своими липкими руками, возможно прикидывая в уме, стоило ли заплатить за такого красавчика в одну из своих грязных ночей.

Пусть. Пусть будет так. Он теперь вне закона, потому что закон защищает собственность, а у него ее нет. Ему нигде больше жить, у него ничего не осталось. Самое удивительное — он даже не чувствовал страха.

Он повернулся спиной к дому, в котором прожил четыре года, и почувствовал какое-то необъяснимое облегчение оттого, что прошлое теперь было потеряно для него навсегда.

Два часа спустя, уже далеко, он решил осмотреть содержимое своих карманов. Кредитная карточка, почти сто фунтов наличностью, несколько фотографий — родители, сестры, он сам, — а также часы, кольцо и золотая цепочка. Карточкой пользоваться было небезопасно. Банк, разумеется, уже оповещен. Лучшее, что можно было придумать — продать кольцо с цепочкой и рвануть на север. У него были неплохие друзья в Абердине, которые смогут его на некоторое время приютить.

Но сначала — Рейнольдс.

Гейвину потребовался час, чтобы найти дом, в котором жил Кеннет Рейнольдс. Он не ел уже почти сутки, и желудок все настойчивее давал о себе знать. Гейвин вошел в здание.

При дневном свете лестница уже не выглядела столь впечатляюще. Ковер на ступенях оказался рваным, а краска на балюстраде — потемневшей от тысяч прикосновений.

Он быстро преодолел подъем и постучал в дверь Рейнольдса. Никто не ответил. Изнутри не было слышно ни звука. Впрочем, Кеннет предупреждал, что его здесь не будет. Догадывался ли он о последствиях своего эксперимента?

Гейвин постучал еще, и на этот раз, определенно, можно было различить чье-то дыхание за дверью.

— Рейнольдс, — он пнул дверь ногой, — я слышу тебя.

Ответа не последовало, но Гейвин готов был поклясться, что внутри кто-то есть.

— Открой немедленно, сволочь!

После короткой паузы приглушенный голос сказал: «Убирайся».

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Убирайся, тебе говорят. Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Ты должен мне все объяснить, ради всего святого! Если ты не откроешь, я сломаю эту чертову дверь.

Пустая угроза, но Рейнольдс отреагировал.

— Нет. Подожди.

Послышался звон ключей, потом — звук открывающегося замка, и дверь открылась. Прихожая была погружена во тьму. Гейвин увидел перед собой неухоженное лицо Кеннета. Он выглядел очень усталым. Небритый, в грязной рубаше, изношенных штанах, подвязанных веревкой.

— Я не в состоянии тебе что-либо объяснить! Убирайся!

— Ты просто обязан мне объяснить... — Гейвин переступил порог.

Рейнольдс был либо слишком пьян, либо слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этому. Он отступил во мглу прихожей.

— Что за чертовщина происходит?

В квартире стоял тяжелый дух гнили. Кеннет позволил Гейвину закрыть за собой дверь и неожиданно вытащил из кармана своих засаленных штанов нож.

— Брось дурачить меня, — прохрипел он. — Я знаю, что ты натворил. Очень славно. Очень умно.

— Ты говоришь об убийствах? Я их не совершал.

Рейнольдс выставил свой нож вперед.

— Сколько ты прикончил, кровопийца? — На его глазах показались слезы. — Шесть? Десять?

— Я никого не убивал!

— Чудовище!

Кеннет держал в руках тот самый бумажный нож. Он приблизился. Не оставалось никаких сомнений в том, что он намеревается сделать. Гейвин вздрогнул, и это, казалось, воодушевило Рейнольдса.

— Забыл, уже, наверное, что это такое — быть из плоти и крови?

Он, очевидно, окончательно сошел с ума.

— Послушай... я пришел всего лишь поговорить.

— Ты пришел убить меня, я знаю... ты пришел меня убить.

— Ты что, не узнаешь меня? — испуганно спросил Гейвин.

Рейнольдс криво усмехнулся.

— Ты не мальчишка. Ты похож на него, но ты — не он.

— Ради Бога... я — Гейвин!! Гейвин!!!

Слова, способные остановить приближающийся к груди нож, решительно не шли в голову.

— Гейвин, помнишь? — это было все, что он был способен сказать.

Рейнольдс вдруг застыл, пристально глядя ему в лицо.

— Ты потеешь, — растерянно произнес он.

У Гейвина настолько пересохло во рту, что он смог только утвердительно кивнуть.

— Да, — произнес Рейнольдс. — Ты, действительно, потеешь.

Он опустил нож.

— Он никогда не потеет. И никогда не будет. Стало быть... ты — мальчишка. Мальчишка.

— Мне нужна помощь, — от волнения Гейвин охрип. — Ты должен объяснить мне, что происходит.

— Ты хочешь объяснений? Я постараюсь тебе их предоставить.

Они прошли в комнату. Шторы были опущены, но даже в темноте было заметно, что коллекция была чудовищно разорена. Глиняные черепки превратились в пыль, каменные барельефы были разбиты, а от надгробия Флавина-Знаменосца осталась лишь груда камней.

— Кто это сделал?

— Я, — ответил Рейнольдс.

— Почему?

Рейнольдс медленно подошел к окну и заглянул в щель между бархатными шторами.

— Ты видишь, я вернулся, — проигнорировал он вопрос.

— Почему ты сделал это? — настаивал Гейвин.

— Это — слабость, жить в прошлом, — ответил Кен.

Он отвернулся от окна.

— Я крал эти долгие годы. Мне доверяли, я этим злоупотреблял.

Он пнул внушительный осколок ногой. Поднялась пыль.

— Флавин жил и умер. Больше о нем сказать, пожалуй, нечего. Или почти нечего. Его имя не имеет никакого значения: он мертв... и счастлив.

— А статуя в ванной?

Рейнольдс замер, видимо, представив ее нарисованное лицо.

— Ты принял меня за него, так? Когда я пришел.

— Да, я думал, он уже закончил свои дела.

— Он имитирует меня.

Рейнольдс кивнул.

— Да, насколько я понял его природу, он всегда кого-нибудь имитирует.

— Где ты нашел его?

— Возле Карлайла. Мне поручили произвести там раскопки. Мы нашли его в термах. Статуя, свернувшаяся калачиком, и останки взрослого мужчины. Не спрашивай, что привлекло меня к ней. Я не знаю. Возможно, ему просто этого захотелось. Я украл это и принес сюда.

— И ты кормил его.

Рейнольдс побледнел.

— Не спрашивай.

— Я спрашиваю. Ты кормил его?

— Да.

— Ты хотел убить меня? Ты поэтому привел меня сюда? Убить меня и умыть его моей кровью!

Гейвин вспомнил стук кулаков чудовища о края ванны. Это нетерпеливое требование еды. Так ребенок стучит о решетки своей кровати. Он был так близко к тому, чтобы быть скормленным этой твари.

— Почему он не напал на меня, как сделал это с тобой? Почему не выскочил из ванной и не сожрал?

Рейнольдс пальцами вытер пот со лба.

— Просто он увидел твое лицо.

Конечно, он увидел его лицо. И захотел сделать его своим. Он не мог украсть лицо мертвого человека, поэтому оставил Гейвина в живых. Рационализм его действий просто восхищал.

— Тот человек, которого вы нашли в термах...

— Что?..

— Он пытался остановить эту тварь?

— Да. Вероятно, поэтому его не предали погребению. Просто бросили. Никто не догадывался, что этот человек погиб, сражаясь с существом, пытавшимся отобрать у него жизнь.

Теперь почти все стало понятно. Оставалось только выплеснуть накопившуюся злобу.

Этот человек едва не убил его. И для чего? Чтобы накормить свое ненасытное чудовище. Гейвин уже не мог удержать себя в руках. Он схватил Рейнольдса в охапку и затряс. Захрустели то ли зубы, то ли кости.

— Он уже почти скопировал мое лицо! Что будет со мной, когда он полностью переродится?

— Не знаю.

— Говори!! Говори самое худшее!

— Я могу только догадываться, — ответил Кеннет.

— Тогда — догадайся!

— Когда он закончит свое превращение, ему останется только отобрать у тебя единственное, что он не способен скопировать — твою душу.

Кеннет, судя по всему, совершенно не боялся Гейвина. Его голос приобрел сочувственную мягкость, как если бы он разговаривал с обреченным. На губах мелькнула легкая усмешка.

— Мерзавец!

Гейвин вцепился ему в волосы.

— Тебе все равно! Тебе наплевать на меня, так ведь?

Он ударил Рейнольдса по лицу. Потом еще, и еще, и еще... насколько хватило сил.

Кеннет, даже не пытаясь уклониться, молча принимал удары.

Наконец, ярость утихла.

Рейнольдс выплюнул раскрошенные зубы.

— Я это заслужил, — прошептал он.

— Как его остановить?

— Невозможно, — Рейнольдс в изнеможении закрыл глаза.

Дрожащими пальцами он потянулся к руке Гейвина, разжал кулак и прикоснулся холодными губами к его ладони...

Гейвин выбежал на улицу, бросив Рейнольдса на пепелище Рима. Рассказ Кеннета только подтвердил его догадки. Все, что оставалось — найти эту тварь... и прикончить. В случае неудачи, он потеряет единственное, чем дорожил, — свое прекрасное лицо. Разговоры о душе и человечности казались ему теперь пустой болтовней. Ему нужно было только одно — его лицо.

Не заботясь о том, куда идет, он добрался до Кенсингтона. Год за годом он становился жертвой обстоятельств. Наступил роковой момент. Либо победа, либо смерть.

Рейнольдс смотрел, как сумерки опускаются на город.

Он не увидит больше ни сумерек, ни городов. Он со вздохом опустил шторы и приставил к груди короткий клинок.

— Ну же, — сказал он себе и надавил рукоятку.

Едва почувствовав боль, он понял, что ему не хватит хладнокровия продолжить. Подойдя к стене, он всем своим телом подался вперед. Получилось. Не было понятно, вонзился ли клинок достаточно, но, судя по количеству крови, скоро должна была наступить смерть. Он неуклюже взмахнул рукой и упал, ощутив твердость беспощадной стали в своем теле.

Он был жив еще минут десять. Он наделал много глупостей в течение своих сорока семи лет, но сейчас его любимый Флавин мог бы им гордиться.

Крупные капли дождя звонко застучали по крыше. Рейнольдс представил себя погребенным под руинами смытого ливнем дома. Перед его глазами пронеслось удивительное видение: фонарь в чьей-то руке, неясные голоса — призраки будущего явились за разгадкой его загадочной истории. Он открыл рот, чтобы спросить, который год на дворе...

Три дня прошли в безрезультатных поисках. Чудовище умело ускользало от своего преследователя, но Гейвина не оставляло ощущение его постоянного присутствия. В баре к нему подходили совершенно незнакомые люди: «Я видел тебя вчера вечером на Эдгвер-роуд», а его там и близко не было, или: «Как ты тогда врезал этому арабу!».

Господи, ему это уже начинало нравиться. Судьба представляла ему удовольствие, которого он был лишен с двух лет, — беспечность.

Что с того, что кто-то с его лицом цинично попирает закон на ночных улицах? Что с того, что эта тварь живет его жизнью? Засыпая, он знал, что некто с его лицом бродит в это время в поисках очередной жертвы, и ему это было приятно. Чудовище, терроризирующее его, стало его общественным лицом. Оно стало им, он — своей собственной тенью.

Он проснулся.

Было уже четверть пятого. Уличный шум проникал сквозь плотно закрытые окна. Наступали сумерки. В комнате было душно — воздух многократно прошел через его легкие. После визита к Рейнольдсу прошла уже неделя. За это время он всего трижды выбирался из своей конуры — крохотная спальня, кухня и ванная. Сон стал важнее, чем еда и прогулки. Гейвин привык глотать снотворное, когда сон не приходил, что, впрочем, случалось не так часто; привык к затхлости воздуха, к яркому свету, льющемуся через незанавешенные окна, к ощущению оторванности от мира, где ему не было больше места.

Сегодня он решил, несмотря на отсутствие особого желания, выбраться немного подышать свежим воздухом. Позже, когда опустеют бары и никто не сможет сказать, что где-то видел его на этой неделе. Собраться с силами никак не удавалось.

Вода.

Ему снилась вода. Сидя у пруда с рыбками в Форт-Лодердейле, он наблюдал за тем, как возникают и исчезают, расходясь, круги на воде. Журчали струи небольшого водопада. Он слышал этот звук во сне. Теперь он проснулся, но звук не прекратился.

Было слышно уже не журчание, а просто плеск воды. Очевидно, кто-то пришел, пока он спал, и сейчас спокойно принимает ванну. Гейвин стал мысленно перебирать своих знакомых, пытаясь понять, кто бы это мог быть. Претендентов было не так много. Во-первых, Пол — он ночевал здесь на полу пару дней назад, мальчишка из начинающих. Потом — Чинк, торговец наркотиками. Была еще девчонка с одного из нижних этажей, кажется, ее звали Мишель. Кто же? Он прекрасно знал, кто это, но продолжал бессмысленную игру с самим собой, пока не отбросил всех троих. Но оставался еще один...

Гейвин вылез из-под простыней и одеял. От холода кожа покрылась мелкими пупырышками. По пути за халатом, лежавшим в другом конце комнаты, он взглянул на себя в зеркало. Кадр из фильма ужасов — в тусклом сумеречном свете стоял худой, сжавшийся от холода человечек. Тень.

Одев халат, единственное, что он приобрел за последние дни, он пошел в ванную. Тишина. Он толкнул дверь.

Линолеум под его ногами был влажен. Ему хотелось только одного — узнать, кто пришел, и тут же отправиться обратно в кровать. Но что-то все-таки было в этом любопытстве — слишком много вопросов оставалось без ответа.

За окном тем временем окончательно стемнело, и комната погрузилась в ледяной мрак. Только стук дождя нарушал тишину. Ванная была наполнена до самых краев. Вода была совершенно спокойна... и черна. Ничто не нарушало ее глади. Он был там. На дне.

Сколько дней прошло с тех пор, когда Гейвин зашел в ярко освещенную ванную и взглянул на воду? Казалось, это было вчера. Его жизнь с тех пор стала похожа на одну бесконечную ночь. Гейвин заглянул в ванну. Он был там. Опять спит, свернувшись калачиком; в одежде, как будто не было времени раздеться перед тем, как прятаться в ванной. На месте лысины теперь красовалась роскошная копна волос. Черты лица стали почти совершенными. Тонкие, нежные руки были сложены на груди.

Наступала ночь. Гейвину надоело стоять у края ванны и разглядывать спящую в ней тварь. Ну что ж, его нашли, причем с очевидным намерением больше с ним не расставаться. Ничего не оставалось, как идти досматривать сны. Дождь за окном усиливался. После невыносимо долгого

рабочего дня тысячи людей возвращаются домой. Скользкие дороги. Несчастные случаи. Объятые пламенем машины и тела. Сон то приходил, то пропадал опять.

Посреди ночи он проснулся от скрипа двери. Во сне он снова видел воду и слышал ее плеск — его копия вылезла из ванной и вошла в комнату.

В тусклом уличном свете, шедшем от окна, ничего нельзя было толком разглядеть.

— Гейвин, ты проснулся?

— Да, — ответил он.

— Мне нужна твоя помощь.

В этом голосе не было никакой угрозы. Так просят брата.

— Что тебе нужно?

— Немного подлечиться.

— Подлечиться?

— Зажги свет.

Гейвин включил светильник и взглянул на стоящую перед ним фигуру. Руки уже не были сложены на груди, и глазам Гейвина предстала огромная рана. Крови, разумеется, не было — ей просто неоткуда было взяться. На таком расстоянии трудно было заметить, что внутренности этой твари тоже стали напоминать человеческие.

— Господи, что случилось? — спросил Гейвин.

— У Преториуса были друзья, — ответил монстр, прикоснувшись пальцами к краям раны.

Этот жест напомнил Гейвину о картине, висевшей в его родном доме — Спаситель на кресте и подпись: «Я умер за вас».

— Почему ты не умер?

— Потому что я еще не живу.

Еще не живет... Значит, он все-таки смертен.

— Тебе больно?

— Нет, — ответ прозвучал грустно, как будто ему очень недоставало простых человеческих ощущений. — Я ничего не чувствую... но я учусь. Я уже умею зевать и пукать.

Это было столь же трогательно, сколь и абсурдно. Как он, однако, гордится любым признаком отношения к роду человеческому.

— А что будет с твоей раной?

— Заживет со временем.

Гейвину не хотелось больше разговаривать.

— Я тебе неприятен?

— Немножко, — ответил он, пожав плечами.

Существо смотрело его глазами, его прекрасными глазами.

— Что тебе сказал Рейнольдс?

— Почти ничего.

— Говорил, наверное, что я — чудовище, что я питаюсь человеческими душами!

— Ну... не совсем.

— И все-таки я угадал.

— Более или менее.

Существо грустно покачало головой.

— С его точки зрения, он, может быть, и прав. Мне нужна была кровь — это, безусловно, чудовищно, но что поделаешь! В молодости, месяц назад, я в ней купался. Это придавало моему деревянному телу ощущение плоти. Сейчас в этом уже нет необходимости — я почти ожил. Теперь мне нужна только...

Оно смутилось. Не потому, что собиралось солгать, скорее — не могло подобрать подходящих слов.

— Так что же тебе нужно? — настаивал Гейвин.

Существо опустило глаза.

— Ты знаешь, я уже жил несколько раз. Иногда я крал чужие жизни, жил ими, а когда надоедало — сбрасывал старое лицо и находил себе новое. Иногда — как это произошло в последний раз — просто поддавался очарованию и терялся...

— Ты — какой-то механизм?

— Нет.

— Что же тогда?

— Я — это я... Мне не приходилось встречать похожих на меня. Может быть, их много, а может — просто нет. Почему бы мне не быть единственным в своем роде! И вот я живу, умираю, ровным счетом ничего не зная о самом себе, — с горечью произнесло оно. — Видишь ли, ты живешь в мире похожих на тебя людей. А если бы ты был один на всем белом свете, что бы ты знал? Только то, что можно увидеть в зеркале. Остальное — догадки.

Не согласиться с ним было трудно.

— Можно мне прилечь? — спросило оно.

Существо приблизилось, и Гейвин смог получше разглядеть рану на его груди. На месте сердца росли какие-то

бесформенные грибины. Не сняв мокрой одежды, оно с тяжким вздохом нырнуло в кровать.

— Мы вылечимся, — сказало оно, — было бы время.

Гейвин пошел к двери проверить, заперта ли она. На всякий случай он подтащил стол и поставил его так, чтобы никто не мог опустить ручку. Никто не помешает их сну. Они будут здесь в безопасности — он и оно, он и его второе Я. Гейвин сварил кофе и сел в кресло, стоящее напротив кровати, не спуская глаз со спящего гостя.

Дождь все не прекращался. Ветер с бешенством бросал на стекло мокрые листья, а тяжелые капли добивали их, как любопытных мотыльков. Гейвин иногда поглядывал на них, когда уставал рассматривать свою спящую копию, но взгляд против его воли возвращался к кровати. Он опять рассматривал эти тонкие запястья, длинные ресницы... Под звуки сирены мчащейся по улице машины скорой помощи он заснул. А дождь все не прекращался...

В кресле было не очень удобно, и он просыпался каждые несколько минут, чуть приоткрывая глаза. Существо встало — вот оно стоит у окна, вот разглядывает себя в зеркало, теперь — шумит на кухне. Оно открывало кран — ему снилось море. Оно раздевалось — ему снилось, что он занимается любовью. Оно смотрело на него — Гейвину на мгновение показалось, что он поднимается над крышами домов... Существо оделось в его одежду — он во сне пробормотал что-то о краже. Уже рассвело. По комнате, насвистывая веселую песенку, прогуливался *он сам*. Гейвин так хотел спать, что не оставалось никаких сил обращать внимание на то, что какой-то парень разгуливает в его одежде и живет его жизнью.

Наконец, оно нагнулось и, по-братски поцеловав Гейвина в губы, вышло. Дверь тихо закрылась.

Прошло еще несколько дней — Гейвин не считал сколько. Он безвылазно сидел дома и пил воду — жажда казалась неутолимой. Пил и спал, спал и пил...

Его постель так и не высохла с того времени, как в ней повалялся нежданный гость, но желания сменить простыни не возникало. Гейвину нравилось лежать на влажном белье, сушить его теплом своего тела. Когда постель немного подсыхала, он принимал ванну в воде, которую не менял

после своего двойника, и возвращался, весь в темных холодных каплях. Холодная комната пропахла плесенью. Порой ему так не хотелось вставать, что он опустошал мочевой пузырь прямо в кровати.

И все же, несмотря на ледяной холод комнаты, голод и наготу, смерть не приходила.

В шестую или седьмую ночь он проснулся с твердым решением покончить с этой бессмысленной жизнью. Не понимая толком, что собирается делать, он стал бродить по комнате, так же как неделю назад бродила по ней его копия. Он останавливался у окна, у зеркала, из которого глядело на него жалкое подобие неотразимого Гейвина. Снег проникал сквозь ставни и медленно таял на подоконнике.

Его взгляд неожиданно остановился на лежавшей у окна семейной фотографии. Существо тоже разглядывало ее тогда. Или ему это только приснилось? Нет. Он ясно вспомнил темный силуэт на фоне окна и листок фотографии в тонкой руке.

Нельзя было уйти из жизни, не попрощавшись с родителями. Может, тогда он сумеет наконец умереть...

Он шел по запущенному кладбищу. На нем были только пара старых брюк и легкая рубашка. Случайные прохожие отпускали по его поводу едкие замечания, к которым он, впрочем, не прислушивался. Какое может быть дело всем этим людям до того, что он идет к смерти босиком. Дождь то усиливался, то стихал, иногда переходя в мокрый обжигающий снег, но так и не прекращался.

Перед церковью, в которой проходила служба, стояли яркие автомобили. Он заглянул внутрь. Хотя сырость проникала и сюда, Гейвину сразу стало теплее. Он увидел высокие своды, бесконечные ряды скамей, зажженные свечи. Смутно представляя, где искать могилу отца, он медленно пошел мимо одинаковых надгробий. Гейвин совершенно не помнил тот день — миновало уже шестнадцать лет. Все прошло как-то незаметно — ни страстных речей о жизни и смерти, ни плачущих родственниц; никто не отвел его тогда в сторону, чтобы как-то разделить испепеляющее сердце горе.

Сюда, очевидно, так никто и не приходил. Да он и не слышал ничего о своих родных с тех пор, как ушел из дому.

Сестре всегда хотелось уехать из этой «чертовой страны», хотя бы в Новую Зеландию. Мать, наверное, в очередной раз вышла замуж, бедняжка — он помнил только ее истерические крики.

Ну, вот он. В мраморной вазе стояли свежие цветы. Старика не забыли! Может, сестра пыталась найти утешение у его могилы? Гейвин прикоснулся пальцами к холодному камню. Имя, даты, эпитафия. Ничего особенного. А что еще можно было сказать об отце?

Он представил себе отца сидящим у края могилы. Болтая ногой, старик приглаживал ладонью редкие волосы.

— Что скажешь, папа?

Отец не реагировал.

— Меня, наверное, долго не было?

Ты сказал это, сынок.

— Я всегда был осторожен, как ты меня учил. По-моему, за нами никто не наблюдает.

Чертовски рад.

— Мне так ничего и не удалось.

Отец аккуратно высморкался. Сначала левую ноздрю, потом, как всегда, правую. И исчез...

— Черт возьми.

Раздался свисток проходившего не遠далеке поезда. Гейвин поднял глаза. Перед ним, в нескольких метрах, абсолютно неподвижно стоял... он сам. В той же одежде, которую взял, уходя из квартиры. Она была теперь грязной и потрепанной. Но кожа! Такой прекрасной кожи никогда не было даже у него. Она почти сверкала в промозглом осеннем воздухе, а слезы на щеках двойника еще больше подчеркивали совершенство его черт.

— Что с тобой? — спросил Гейвин.

— Ничего особенного. Я всегда плачу на кладбище, — переступая через могилы, он направился к Гейвину.

Под его ногами скрипел песок, пригибалась жухлая трава. Все было так реально!

— Ты бывал здесь раньше?

— Да, много раз... в течение многих лет.

Многих лет? Что он имеет в виду? Неужели он оплакивал здесь тех, кого убил?

— Я приходил к твоему отцу. Дважды, может, трижды в год.

— Он не твой отец, — удивленно пролепетал Гейвин. — Он мой.

— Что-то я не вижу слез на твоих глазах.

— Я чувствую...

— Ничего ты не чувствуешь, — ответил ему как бы он сам. — Признайся, что не чувствуешь ничего особенного.

Это была правда.

— А я... — слезы хлынули из его глаз, — я буду помнить о нем до самой смерти.

Это было похоже на какой-то дешевый спектакль, но откуда тогда столько горя в его глазах? Почему слезы так обезобразили его прекрасные черты? Гейвин не любил плакать — в такие минуты он самому себе казался жалким и смешным. Но это существо не скрывало слез. Оно ими гордилось. Они были его триумфом.

Даже теперь, когда перед ним стоял превосходный образчик скорби, Гейвин не мог найти в своей душе следов безысходного горя.

— Ну же, утри сопли. Я прошу тебя.

Двойник едва ли слушал.

— Почему мне так больно? — спросил он после небольшой паузы. — Почему это заставляет меня так по-человечески страдать?

Гейвин пожал плечами. Что может знать это существо о нелегком искусстве быть человеком? Его двойник тем временем утер рукавом слезы, шмыгнул носом и все еще с выражением невосполнимой потери на лице попытался улыбнуться.

— Прости, — сказал он. — Я, конечно, веду себя глупо. Пожалуйста, прости меня.

Пытаясь успокоиться, он сделал глубокий вдох.

— Все в порядке, — ответил Гейвин. Происшедшее немного смутило его, и сейчас он был бы не против уйти.

— Это ты принес цветы? — спросил он, отвернувшись от могилы.

— Да, — кивнул его собеседник

— Он терпеть не мог цветов.

Существо всхлипнуло.

— Ах...

— А впрочем, какое это может иметь значение.

Даже не взглянув на своего двойника, Гейвин повернулся и зашагал по узкой тропинке, ведущей к церкви.

— Не мог бы ты порекомендовать мне хорошего дантиста? — Услышал он за спиной.

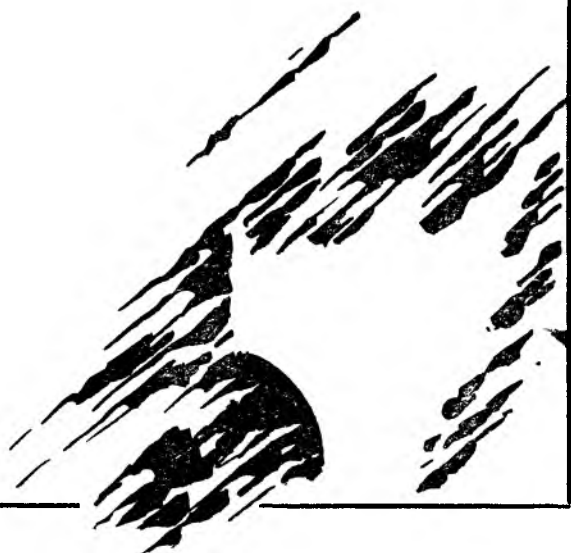
Гейвин усмехнулся и пошел своим путем.

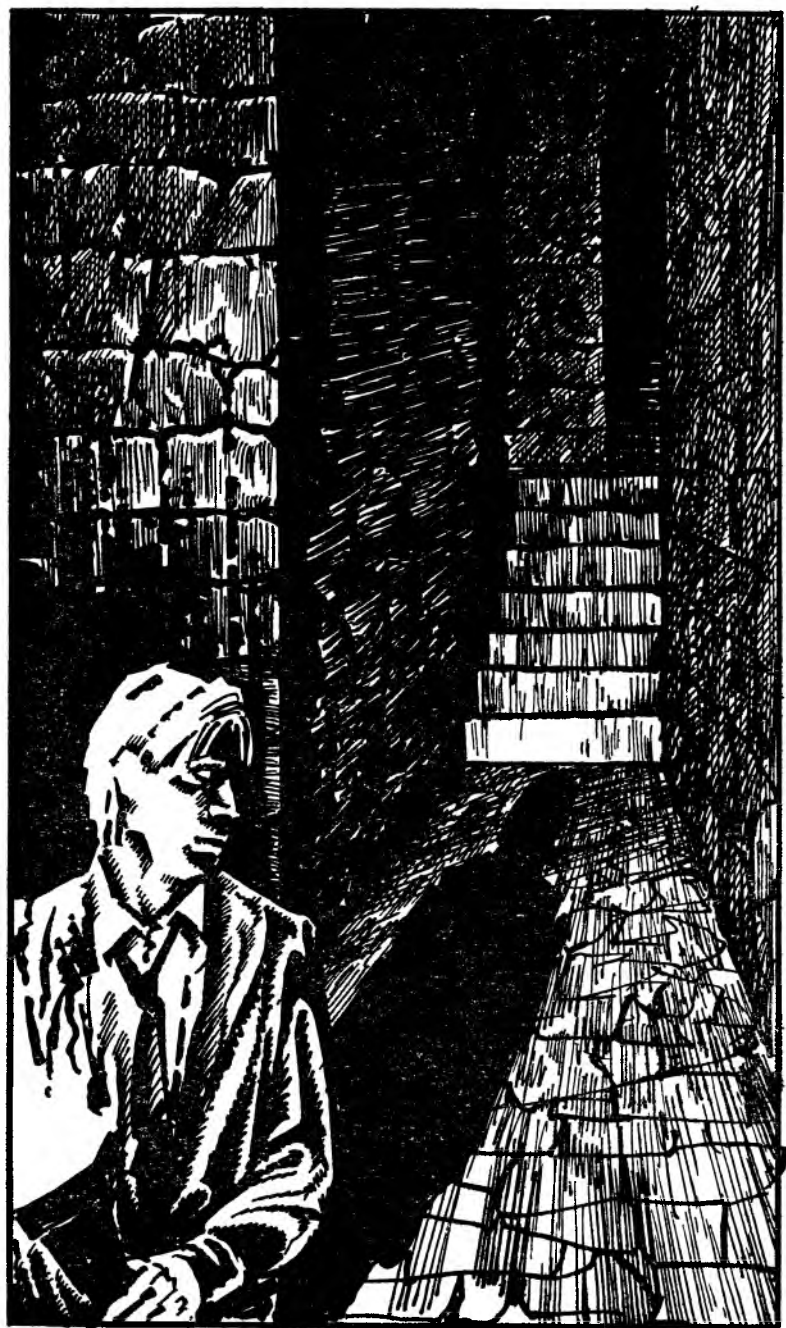
Был час пик. Узкая дорога, проходившая рядом с церковью, была слишком тесна для нескончаемого потока автомобилей. Пятница — закончилась еще одна неделя, и сотни людей спешили домой. Блеск фар, пронзительные сигналы.

Гейвин сошел с тротуара, не обращая внимания на визг тормозов и ругань водителей, и пошел, не глядя по сторонам, будто прогуливаясь по цветущему лугу.

Одна из машин задела его крылом, с другой он чуть не столкнулся. Нетерпение этих людей поскорее добраться до места, откуда они счастливы были бы уехать куда угодно, было просто смешно. Пусть они злятся на него, пусть ненавидят, пусть рассматривают его бесцветное лицо... и катят дальше. Возможно, один из них не успеет свернуть и собьет его. Отныне судьба его принадлежала случаю, Знаменосцем которого ему так хотелось стать.

ИЗЫДИ, САТАНА

бстоятельства дали Грегориусу состояние, определить размеры которого было невозможно. Он владел кораблями и дворцами, жеребцами и городами. И в самом деле, он владел стольким, что для тех, в чьи обязанности входила оценка собственности Грегориуса — после того, как события, о которых здесь говорится, подошли к чудовищному концу, — было легче и быстрее, казалось, перечислить то, чем Грегориус не владел.

Да, он был очень богат, но далеко не счастлив. Он получил католическое воспитание в детстве — перед тем, как ошеломляюще разбогател — и в молодости не раз в тяжелую минуту искал утешения в вере. Но потом он пренебрег ею, и лишь в возрасте пятидесяти пяти лет, когда весь мир лежал у его ног, он проснулся однажды ночью и обнаружил, что Господь оставил его.

Это был тяжелый удар, но он тут же предпринял шаги, которые помогли бы излечить эту утрату и исправить дело. Он поехал в Рим и говорил там с Папой, он молился день и ночь, он основал духовные семинарии и лепрозории. Однако Бог не являлся ему — даже кончика ногтя на его ноге не увидел Грегориус, так что, казалось, Господь совсем его покинул.

Близкий к отчаянию, он вбил себе в голову, что может вернуться в лоно Творца лишь в одном случае — если подвергнет серьезной опасности свою душу. Эта идея была не совсем безумной. Предположим, думал он, я смогу организовать встречу с Сатаной, с Нечистым. Так что же, видя

меня на краю гибели, разве не захочет Господь, разве он не будет обязан вмешаться и привести меня к Себе?

Замысел был хорош, но как реализовать его? Дьявол не является по вызову, даже к таким промышленным магнатам, как Грегориус, а предпринятые им исследования показали, что все традиционные методы вызывания Принца Тьмы — надругательства над святынями, жертвоприношение младенцев — были не более эффективны, чем его благие дела в поисках Иеговы. Лишь после года напряженных изысканий он наконец разработал свой грандиозный план. Он построит Ад на Земле — современное Инферно, такое, что Искуситель поддастся искушению и придет туда — как кукушка приходит отложить яйцо в свитое кем-то другим гнездо.

Повсюду искал он достойного архитектора и наконец нашел — тот изнывал в сумасшедшем доме в окрестностях Флоренции — человека по имени Леопардо, чьи планы постройки дворца Муссолини обладали лунатическим величием, которое великолепно соответствовало намерениям Грегориуса. Так что Леопардо забрали из его палаты скорби — вонючего, несчастного старикашку — и вновь вернули ему его мечты, ибо созидательный гений не покинул его.

Для того чтобы напитать его намерения, во всех величайших библиотеках мира были собраны описания Ада, как мирские, так и метафизические, запасники музеев раскапывались в поисках запретных образов Преисподней. Был перевернут каждый камень, если полагали, что под этим камнем может скрываться нечто, несущее тайное знание.

Когда проект был окончен, он нес в себе образы де Сада и Данте, Фрейда и Крафт-Эббинга, но было в нем также то, что до сих пор человеческий ум охватить был не в состоянии, или, по крайней мере, то, что никто не осмеливался поверить бумаге.

Выбрали участок земли в Южной Африке, и началась работа по строительству Нового Ада Грегориуса. Все, что касалось Проекта, превосходило все известные достижения человечества. Деньги, потраченные на него, превышали все мыслимые суммы, стены здания были толще, а линии — изысканнее, чем у любого сооружения, когда-либо существовавшего на Земле. Грегориус наблюдал за его медленным возведением с энтузиазмом, которого он не испытывал с тех пор, как начал возводить свою экономическую империю.

Стоит ли говорить, что многие полагали, будто он потерял рассудок. Друзья, которых он знал долгие годы, отказывались общаться с ним, несколько его компаний разорились, когда вкладчики прослышали о его безумии. Но это его не волновало. Его план не может потерпеть неудачу. Дьявол будет вынужден прийти, хотя бы из чистого любопытства, чтобы поглядеть на этого левиафана, возведенного во имя его, а уж когда он придет — его будет поджидать Грегориус.

Эта работа отняла четыре года и большую часть состояния Грегориуса. Законченное здание по размеру равнялось полудюжине кафедральных соборов и содержало в себе все, что только мог пожелать Падший Ангел. За его стенами горели огни, так что путь по его многочисленным коридорам был почти невыносимой агонией. Комнаты, в которые вели эти коридоры, содержали все мыслимые орудия пыток — иглы, дыбы, тьму — так что приспешникам Сатаны нашлось бы здесь много работы. Там были печи, достаточно большие, чтобы сжигать в них семьи, и колодцы, достаточно глубокие, чтобы утопить в них целые поколения. Новый Ад был еще несвершенным зверством, праздником бесчеловечности, который лишь ждал первого сигнала, чтобы разгореться вовсю.

Наконец строители удалились и были этим довольны. Ибо среди них ходили слухи, что Сатана уже давно наблюдал за возведением своего дворца удовольствий. Некоторые утверждали, что видели его на самых глубоких уровнях, где холод был таким, что в мочевом пузыре замерзала моча. Были и свидетельства, которые подтверждали эту веру в сверхъестественное присутствие Нечистого в этом сооружении, и не последним среди них была ужасная смерть Леопардо, который либо выбросился сам, либо, как толковали иные, был выброшен из окна шестого этажа своего номера в гостинице. Он был похоронен с надлежащей степенью экстравагантности.

И наконец Грегориус остался один в Аду и ждал.

Ему не пришлось ждать долго. Он пробыл там день, не больше, когда с самого нижнего уровня раздались голоса. Замирая от предвкушения, он отправился на поиски их источника, но нашел лишь бульканье в чанах с экскрементами и скрежет в печах. Он вернулся в свои апартаменты на девятом уровне и ждал. Вновь послышался шум, опять он отправился на поиски, опять вернулся в разочаровании.

Однако на этом шум не прекратился. За последующие дни десяти минут не проходило без того, чтобы он не услышал какой-нибудь звук. Князь Тьмы был здесь — Грегориус в этом не сомневался, но он оставался в тени. Грегориус был готов к продолжению игры. Ведь, в конце концов, именно Дьявол должен быть тут хозяином. Так что он волен был выбирать себе игру по вкусу.

Но после того как прошли долгие и часто одинокие месяцы, Грегориус устал от этой игры в прятки. Он начал требовать, чтобы Сатана показался ему. Голос Грегориуса безответно звенел в пустынных коридорах, пока у магната не начало саднить горло. После этого он начал проводить свои поиски скрытно, надеясь застать своего мучителя врасплох. Но Падший Ангел всегда ускользал прежде, чем мог попасться на глаза Грегориусу.

Так они играли в эту бесплодную игру, он и Сатана, следуя по пятам друг за другом сквозь лед, огонь и снова лед. Грегориус принуждал себя к терпению. Ведь Дьявол все же пришел сюда, верно? Раньше или позже, но Враг покажет свое лицо, и тогда Грегориус плюнет в него.

А дела во внешнем мире шли своим чередом, и Грегориус был причислен к тем, кого свело с ума богатство. Однако здание его прихоти, насколько известно, все же навещали гости. Было несколько человек, которые слишком его любили, чтобы покинуть, а также несколько тех, кто процветал благодаря ему и надеялся извлечь дальнейшую прибыль из его безумия — из Распахнутых Адовых Врат. Эти посетители приезжали сюда, не объявляя о своем намерении, поскольку боялись неодобрения друзей и знакомых. Однако те, кто вел расследование после их внезапного исчезновения, могли добраться не дальше Северной Африки.

И вновь во дворце своей прихоти Грегориус охотился на Змю. Но Змий все ускользал от него, оставляя все более и более ужасные знаки своего присутствия. Так проходил месяц за месяцем.

Человеком, который наконец обнаружил правду и поднял на ноги власти, была жена одного из посетителей. Так что

дворец, созданный Грегориусом, привлек внимание официальных лиц, и наконец — примерно через три года после завершения строительства — на пороге появились четыре полицейских.

Лишенный постоянного надзора, Дворец начал приходить в упадок. Огни на многих уровнях погасли, стены коридоров охладились, ямы зловонной грязи засохли. Но когда полицейские рыскали в мрачных сумерках в поисках Грегориуса, они набрали на явные доказательства того, что, невзирая на неблагоприятные условия, Новый Ад был в хорошем рабочем состоянии. Они видели тела в печах, лица погибших были пустыми и черными; они видели растерзанные пытками человеческие останки во многих комнатах.

Ужас их возрастал с каждой открываемой дверью, с каждым чудовищным открытием, на которое наткнулся их лихорадочный взор.

Двое из четырех, которые пересекли порог, так никогда и не добрались до комнаты в центре здания. Ужас одолел их, и они пустились в бегство только лишь для того, чтобы затеряться в каком-нибудь из многочисленных слепых коридоров и присоединиться к сотням замученных здесь с тех пор, как Сатана принял свою резиденцию.

Из той пары, которая в конце концов изгнала с лица земли вечного Врага человеческого, лишь у одного хватило мужества рассказать о том, что произошло, хотя виденное им в сердце Ада едва ли было в человеческих силах вынести.

Разумеется, там не было никаких признаков Сатаны. Там был лишь Грегориус. Он, построивший это здание и обнаруживший, что никто не хочет обитать в этом Аду, в строительство которого он вложил столько сил, сам занял его. У него было несколько помощников, которых он набрал за эти годы. Они, подобно ему, казались ничем не примечательными созданиями. Но не было такого приспособления для пыток в здании, которое они бы не испробовали усердно и без всякой жалости.

Грегориус не оказывал сопротивления при аресте — и в самом деле, он, казалось, доволен был тем, что у него появились зрители, перед которыми он мог похвалиться своими чудовищными зверствами. Тогда и потом, на суде, он вольно говорил о своих потребностях и притязаниях и о

том, сколько бы еще крови пролил он, если бы ему позволили это. Достаточно, чтобы утопить все верования и заблуждения — клялся он. И все же он не был полностью удовлетворен. Ибо Бог укрепился у себя в Раю, а Сатана — в Бездне своей, и некому было остановить его.

Он наслушался разных оскорблений во время суда и позже, в тюрьме, где два месяца спустя умер при неких подозрительных обстоятельствах. Ватикан вычеркнул из своих списков всякое упоминание о нем, а семинарии, которые он основал, были расформированы.

Но нашлись некоторые — даже среди кардиналов, — которые не могли выкинуть из головы его злодеяния, взывающие к высшим силам, и — наедине с собой — гадали, не преуспел ли он в своей стратегии? Ибо отринув все упования на ангелов — падших либо каких иных, — не стал ли он одним из них?

Или же земным воплощением подобного явления.

БЫН ЦЕЛЧЛОИДА

Барберิโอ чувствовал себя не так уж плохо, хотя рана на бедре имела неприглядный вид, а в груди что-то хрипело и щелкало при каждом глубоком вдохе. Барберิโอ улыбался: он на воле, это главное, и никто — слышите — никто больше не посмеет его посадить. Воздух свободы кружил ему голову, на все остальное было наплевать. Живым, в случае чего, он им не дастся. Если не повезет и его накроют копы, придется вставить дуло в рот и нажать на курок. Но обратно в клетку? Ни за что!

Когда вы взаперти, жизнь кажется слишком долгой. Невыносимо долгой. Этот урок заключенный Барберิโอ усвоил уже через два месяца пребывания в тюрьме. Вереница однообразных до тошноты дней сводит с ума, и скоро вам начинает казаться, что лучше сдохнуть, чем продолжать существование в вонючей дыре, в которую вас забросила злая судьба и доблестное правосудие. Лучше тихо повеситься в камере ночью, чем встретить завтрашний день, такой же поганый, как сегодняшний. Новые сутки, новые 86400 секунд постылой жизни за решеткой...

Всем этим безрадостным перспективам Барберิโอ предпочел побег.

Сперва на тюремном черном рынке он купил пистолет. Это стоило дорого, практически все, что у него было. Дальше все просто и тривиально. Самый тупой, но иногда самый надежный способ бежать: перелезть через стену. Не обошлось без Божьей помощи, это уж точно. Судьба была благосклонна в тот день к Барберิโอ, и он удрал без

проблем, если не считать ретивого пса, единственного преследователя.

А что же копы? Они проявили чудеса сообразительности, выискивая Барберию в тех местах, куда он никогда бы не сунулся, обвиняя его брата и сестренку в укрывательстве беглеца, хотя они даже не знали, что Барберию на свободе, а также вывесив бюллетени с его приметам: описание внешности до заключения, с весом на 20 фунтов больше нынешнего.

Все эти подробности Барберию узнал от Геральдины, дамы, за которой он ухаживал в старые добрые времена. Она же перевязала ему ногу и дала бутылочку крепкого успокоительного согревающего напитка. Барберию получил свою долю симпатии и сочувствия и продолжал путь, уповая на идиотизм полисменов и всемогущество того Бога, который помогал ему до сих пор.

Он называл этого Бога Синг-Синг, представляя его в виде толстого малого с улыбкой от уха до уха, с куском салами высшего качества в одной руке и чашкой крепкого кофе в другой. Он был похож на полное брюхо и пах, как пахло у мамочки в те далекие годы, когда мамочка еще была в своем уме и Барберию был ее гордостью и любимчиком.

К сожалению, Синг-Синг однажды отвернулся, оставив своего подопечного на произвол судьбы. Один не в меру сообразительный коп, увидев Барберию на скамейке в тенистой аллее, признал в нем разыскиваемого преступника из бюллетеня. Этот щенок (копу было не больше двадцати пяти) явно метил в героя. Он был слишком туп, чтобы поступить так, как следует поступать в подобных случаях: спокойно пойти своим путем и дать Барберию пойти своим. Но коп с довольной физиономией направился к своей потенциальной жертве.

У Барберию не было выхода. Он выстрелил.

Полисмен успел сделать ответный выстрел. К счастью, Синг-Синг вновь обрел прежнюю бдительность, и пуля, предназначавшаяся для сердца Барберию, ранила в ногу. Коп, очевидно, не имевший столь высокого покровителя в небесах, получил пулю в лоб. Несостоявшийся герой упал на землю в лужу собственной крови, а Барберию пошел прочь, чертыхаясь и искренне сожалея о содеянном. Ему никогда раньше не приходилось стрелять в человека. Коп — скверное начало.

К счастью, Синг-Синг по-прежнему хранил его. Пуля в ногу причиняла боль, но кровь была остановлена, а ликер творил просто чудеса, обезболивая. И вот полдня спустя он здесь — усталый, но живой. Он прошел невредимый через город, наспигованный полисменами так густо, что казалось просто невероятным остаться незамеченным. Теперь все, чего можно было просить у своего покровителя, — тихое местечко, где можно было бы спокойно отдохнуть. Недолго, просто перевести дыхание и обдумать дальнейшие действия. Час-другой сна, впрочем, тоже не помешает.

Что скверно, ужасно болел живот. Мучительная тянущая боль, которая все возрастала, становилась все невыносимее на протяжении этих дней. Стоит немного отдохнуть, затем позвонить Геральдине, и пусть она уговорит врача осмотреть Барберิโอ. Он планировал смотаться из города до полуночи, но теперь начал сомневаться в принятом решении. Лучше будет пересидеть где-нибудь в эту ночь и большую часть следующего дня. А затем, когда пулю извлекут из ноги, и запас силы восстановится, он покинет город, только его и видели.

Черт, но живот болел все сильнее. Барберิโอ предполагал, что это язва — следствие кошмарного питания в тюрьме. От этих убогих помоев, которые там принято было называть пищей, многие ребята страдали желудком и кишечником. Несколько дней на диете из пиццы и пива, подумал Барберิโอ, и все будет о'кей.

Слова «рак» не было в его лексиконе. И уж тем более не думал Барберิโอ об этой болезни применительно к нему самому. Это естественно для человека с пистолетом в кармане и пулей в ноге, скрывающегося от преследования. Как естественно для быка, идущего на бойню, не задумываться о какой-нибудь трещинке на копыте. И тем не менее боль, которая мучила Барберิโอ, была вызвана раковой опухолью.

Участок земли за Домом Кино был некогда рестораном. Но три года назад здесь был пожар, все сгорело, и с тех пор земля не расчищалась. Никто не проявлял особого интереса к этой территории, ни у кого не возникало желания что-нибудь здесь отстроить. Когда-то местечко было шумным и многолюдным, но было это давно, в шестидесятые годы. На протяжении полутора десятилетий кинотеатры, бары и рестораны переживали буйный расцвет. Затем наступил неми-

нуемый спад, владельцы стали понемногу прикрывать свои заведения. Все меньше посетителей заходило вечером в кинотеатр, но он не закрылся, оставшись как бы напоминанием о тех далеких временах, когда развлечения были куда более невинными, чем теперь, а обстановка в городе более мирной и спокойной.

Джунгли из ржавых проводов и полусгнивших лесов на задворках Дома Кино устраивали Барберию как нельзя лучше.

Нога его ужасно болела, усталость просто валила с ног, да и желудок не оставлял в покое. Надо бы прикончить бутылку, завалиться часов на несколько поспать и подумать насчет Геральдины.

Повсюду шныряло множество кошек. Они кишели тут и там в густых зарослях травы и разбежались при появлении Барберию, который расчистил место для отдыха, отбросив прочь несколько гнилых досок. Все вокруг было завалено дерьмом, кошачьим и человеческим, остатками старых костров, консервными банками. Но Барберию устраивало даже такое убежище.

Барберию прислонился к стене и излил на землю остатки завтрака вперемешку с ликером. Через некоторое время рвотные судороги прекратились, и он устало вытер рукой лоб. В нескольких шагах стояла хибарка, сооруженная из балоков, полуобгоревших досок и ржавых железных листов, наверное, когда-то служившая для детских игр. Великолепно, подумал Барберию, убежище в убежище, что может быть лучше.

Синг-Синг улыбался ему во все тридцать два зуба.

Слегка постанывая (живот действительно чертовски болел), Барберию прошел несколько шагов, нащупал вход в хижину и протиснулся внутрь.

Он явно не был первым, кто использовал это место для ночлега. Под левой рукой, которой он оперся на землю, что-то подозрительно чавкнуло. Очевидно, дерьмо. Звякнули осколки стекла. Вонь стояла такая, будто рядом проходили канализационные трубы. Паршивенькое, конечно, пристанище, но ничего не поделаешь. Безопаснее, чем на улице. Барберию сел поудобнее, привалился спиной к стене и глухо вздохнул.

Казалось, все тревоги и страхи дня отступили, но не прошло и минуты, как тишину разорвал вой полицейской

сирены. Звук приближался. От ощущения покоя и безопасности не осталось и следа. Они убьют его, Барберิโอ это знал, чувствовал каждой клеточкой своего измученного тела. Полисмены просто играли с ним, позволяя чувствовать себя на свободе, а на самом деле неотрывно следили за каждым его движением, кружа рядом с ним как акулы. И никакой надежды нет. Он убил полисмена, Боже, что с ним теперь сделают. Копы не слишком церемонятся с тем, кто поднял руку на их товарища.

Синг-Синг, что будем делать? Не надо смотреть так удивленно. Ситуация непредвиденная, да, но можно попробовать из нее выбраться.

Несколько долгих секунд Барберิโอ решительно ничего не приходило в голову. Затем перед его взором физиономия Бога растянулась в многообещающей ухмылке, и Барберิโอ ощутил, как что-то давит его в спину. Дверные петли! Он опирался о дверь и сам этого не замечал.

Преодолевая боль, он поднялся и стал негнушимися пальцами ошупывать ржавое железо. Небольшое вентиляционное отверстие позволяло ошупать внутреннюю поверхность двери. Что бы это могло быть? Чья-то кухня, или потайной ход — какая к черту разница. Внутри всегда безопаснее, чем снаружи.

Это первый урок, который усваивает каждый ребенок, покидающий утробу матери. Барберิโอ слышал все приближающийся вой сирены. Этот проклятый звук заставлял его сердце учащенно биться, а кожу покрываться гусиными мурашками.

Его пальцы шарили в поисках замка, и через секунду Барберิโอ ругнулся. Замок, конечно, был. Огромный, старый, покрытый ржавчиной и пылью.

Ну же, Синг-Синг, придумай что-нибудь, заклинал Барберิโอ. Сделай так, чтобы я вошел, дай мне еще одну передышку, и ты обретишь вечного поклонника.

Барберิโอ толкнул замок, но безрезультатно. То ли замок был слишком крепким, то ли руки так ослабли. А скорее всего, то и другое одновременно.

Полисмены были уже совсем рядом. Проклятый звук врывался в уши Барберิโอ. Сердце его, казалось, готово выпрыгнуть из груди.

Он выхватил из кармана пистолет и попытался использовать его в качестве лома. Рукоятка была слишком короткой

и не обеспечивала нужной силы удара, и Барберิโอ уже было отчаялся, когда проклятая штукавина крякнула и поддалась. Замок упал, осыпав все вокруг толстым слоем ржавой пыли. Барберิโอ вытер лицо, едва сдерживая победный вопль.

Теперь забраться внутрь, сбежать из этого кошмарного мира. Барберิโอ вцепился пальцами в отверстие и потянул на себя. Дикая боль пронзила его желудок и кишечник, отдаваясь даже в ногу. Открывайся, черт тебя возьми, думал Барберิโอ, скорее, иначе будет поздно!

Дверь со скрипом отворилась.

Барберิโอ, от неожиданности пошатнувшись, повалился на спину, опять угодив рукой в дерьмо, но тут же вскочил. Он пристально вглядывался в темноту по другую сторону двери, стараясь хоть что-нибудь различить.

Пусть теперь эти ублюдки меня поищут, торжествуя, подумал он, я нашел себе теплую норку, где можно от них укрыться. Внутри, и правда, было тепло, даже жарко, судя по горячему воздуху, который исходил от приоткрытой двери. Похоже, помещением давно не пользовались: воздух был довольно затхлый.

Затекшая нога тупо ныла, когда Барберิโอ протискивался через дверь в зияющую черноту неизвестности. Как только Барберิโอ оказался внутри, звук сирены замер невдалеке. Они остановились где-то за углом. Скоро, очень скоро послышатся тяжелые шаги служителей закона.

Онемевшая нога едва чувствовалась, болталась, как кусок мяса, ступня казалась разбухшей, размером с дыню. Барберิโอ захлопнул за собой дверь. Он ощущал какую-то детскую радость: как если бы, убегая в игре от погони, он смог перепрыгнуть через канаву и убрать мостик. Ему как-то не приходило в голову, что копы могут открыть дверь и спокойно последовать за ним. Метод страуса: если я не вижу преследователей, то и они не видят меня.

Но даже если копы и заглянули на задворки Дома Кино, Барберิโอ их не услышал. А может быть, машина подъехала просто для того, чтобы подобрать с тротуара какого-нибудь несчастного панка. Вот и замечательно, здесь в любом случае можно неплохо отдохнуть.

Однако, что было самое интересное, воздух здесь был не так уж и плох. Он вовсе не напоминал удушливую застойную атмосферу чердака или подвальной каморки, напротив, он

был живым. Не свежим, конечно, этого сказать нельзя: пахло старостью и пылью, и не было ни малейшего дуновения, никакого сквозняка. Но казалось, что все вокруг пронизано некими вибрациями. У Барберิโอ шумело в ушах, по коже пробежали мурашки. Нечто, содержащееся в воздухе, проникало в Барберิโอ, щекотало ему ноздри, словно окатывало холодным душем, и в голове вдруг стали неизвестно откуда появляться странные картины. Барберิโอ больше не чувствовал боли в желудке и затекшей ноге. Или же он просто не обращал внимание ни на что, кроме своих видений. Он был переполнен картинками: танцующие девчонки и целующиеся парочки, прощание на вокзалах, темные старинные особняки, комедианты, ковбои и рыцари, морские приключения — события и лица, с которыми он никогда не имел дела в реальной жизни. Да и миллиона жизней на все это не хватило бы. И все же Барберิโอ ощущал волнующую реальность образов. Ему хотелось плакать над сценами прощаний, в то же время смеяться над комедиями, переживать за смелых ковбоев и наслаждаться улыбками прекрасных женщин.

Где он находился? Барберิโอ, с трудом отгоняя от себя видения, попытался различить что-нибудь в полумраке. Он стоял в закутке шириной чуть более четырех футов, но довольно длинном. За его спиной была металлическая пыльная дверь, впереди — стена, через трещины в которой пробивался мерцающий свет. Барберิโอ слышал голоса, раздающиеся из-за стены. Очевидно, с другой ее стороны был экран, на котором шел сейчас последний вечерний фильм. Это был «Сатирикон» Феллини, впрочем, Барберิโอ едва ли узнал бы эту картину. Он не только никогда не смотрел фильм, но даже и не слышал о Феллини. Барберิโอ предпочитал морские приключения, боевики, а главное — фильмы с танцующими девочками. Что угодно с танцующими девочками.

Хотя он находился в помещении абсолютно один, он вдруг ощутил странную вещь: казалось, тысячи глаз смотрят сейчас на Барберิโอ. Это было необыкновенное, никогда прежде не испытываемое им чувство. Оно было достаточно приятно. Множество глаз внимательно следили за ним, иногда смеясь, иногда плача, а чаще просто неотрывно следуя за каждым его шагом.

Барберิโอ ничего не мог понять в происходящем. Он утратил ощущение реальности, перестал понимать где он и что с ним. Он не чувствовал своего тела, больная нога больше не беспокоила, словно ее и вовсе не было. Барберิโอ, к сожалению (или, возможно, к счастью), не знал, что рана его открылась, кровотечение не прекращается и такая потеря крови грозит ему смертью.

Около получаса спустя, когда на экране шли заключительные кадры «Сатирикона», Барберิโอ скончался в темном узком закутке между обратной стороной экрана и стеной кинотеатра.

В помещении Дома Кино раньше была церковь Евангелистов. Если бы Барберิโอ, умирая, поднял взгляд, то смог бы увидеть совершенно неуместную в кинотеатре фреску, являющую явление Святого Духа, и отошел бы в мир иной очищенным и просветленным. Но Барберิโอ умирал, созерцая танцующих девочек. Возможно, так было лучше для него.

Стена, через которую пробивался тусклый свет, падающий на бездыханное уже тело, на самом деле была просто перегородкой и предназначалась для того, чтобы закрыть фреску от любопытных глаз. Довольно мудрое решение; по крайней мере, лучше, чем заштукатуривать фреску или выставлять ее на всеобщее обозрение. Возможно, человек, который занимался оборудованием помещения, втайне подозревал, что жанр кино вскоре отомрет, лопнет как мыльный пузырь. Тогда можно будет сломать новую перегородку, и вновь в этом доме воцарится культ Господа, а не Софи Лорен.

Но этого не произошло. Мыльный пузырь не лопнул, некоторые сеансы приносили недурные кассовые сборы, и о помещении, в котором умер Барберิโอ, было позабыто. Никто просто не знал о его существовании. И если бы бедняга Барберิโอ обыскал все строения города с чердака до подвала, нигде не нашел бы он места более укромного и безопасного.

Однако на протяжении уже пятидесяти лет воздух в этом помещении жил своей жизнью. Он впитывал в себя вибрации, исходящие от экрана, и тысячи, десятки тысяч глаз посылали свою энергию этому резервуару. Полвека продолжались сеансы в кинотеатре, бушевали страсти, и воздух впитывал в себя человеческие симпатии и антипатии. Он проникался этой энергией, переполнялся ею, был заряжен

уже до предела. Очевидной была необходимость какого либо взрыва. Не хватало только катализатора...

Им стали раковые клетки Барберлио.

После двадцатиминутного ожидания в душном фойе девчонка в желтом платье выглядела весьма взволнованной. Было почти три часа утра, уже закончились ночные сеансы.

Восемь месяцев прошло с тех пор, как Барберлио умер в душном закутке за экраном, восемь долгих месяцев жизнь шла своим чередом. Кинотеатр хотя и не процветал, но ночные сеансы по пятницам и субботам всегда давали хороший кассовый сбор. Сегодня демонстрировались два вестерна. Девочка в желтом платье не была похожа на поклонницу Иствуда. Как считала Берди, вестерн — не женский жанр. Возможно, девушка пришла сюда за неимением лучшего. Бог ее знает.

— Чем могу помочь? — участливо спросила Берди.

Девчонка вздрогнула и взглянула на нее хмуро и недоверчиво.

— Я жду своего приятеля, — произнесла она.

— Вы его потеряли?

— Он пошел в уборную и до сих пор не вернулся.

— А не был ли он... гм... не было ли ему плохо?

— Нет-нет, — быстро произнесла девчонка, отметая все сомнения в трезвости своего друга.

— Я пошлю кого-нибудь поискать его, — сообщила Берди.

Было уже поздно, она жутко устала за сегодняшний день и была сейчас как выжатый лимон. Идея провести здесь еще полчаса была не слишком привлекательной. Берди хотела домой. В теплый душ и спать, просто спать. В тридцать четыре пора перестать думать о каком-либо сексе. Кровать только для мирного сна, особенно для таких толстущек.

Берди толкнула дверь в зал и почувствовала тошнотворный запах пота, воздушной кукурузы и сигарет. Здесь было на несколько градусов жарче, чем в фойе.

— Рики!

Рики закрывал выход из кинотеатра.

— Проклятая вонь почти исчезла, — сообщил он.

— Хорошо.

Несколько месяцев тому назад в кинотеатре, в районе экрана, почему-то чувствовалась странная вонь.

— Уже все нормально, — повторил Рики.

— Не мог бы ты мне помочь?

— А что нужно?

Он медленно побрел навстречу по проходу между кресел, позвякивая ключами. Сегодня он был в футболке с надписью «Умереть молодым».

— Что случилось?

— Девочка потеряла своего друга. Говорит, что тот пошел в сортир и не вернулся.

— В сортир?

— Да. Посмотри, пожалуйста. Тебя это не слишком затруднит?

Рики изобразил на лице некое подобие вежливой улыбки. Они находились сейчас в натянутых отношениях. Слишком много времени, проведенного вместе, — не лучшее средство для симпатии. Поднадоели друг другу уже изрядно. К тому же Берди сделала несколько весьма язвительных замечаний относительно знакомств Рики. Кое-где она попала в болезненную точку, и он не мог не ответить рядом скверных высказываний со своей стороны. Более трех недель они дулись друг на друга и вовсе не разговаривали, а теперь наступило перемирие. Сейчас было принято здороваться и обмениваться парой деловых фраз, не более.

Рики нехотя побрел обратно по пыльной ковровой дорожке к выходу, рядом с которым находилась дверь в туалет, по дороге поднимая сиденья кресел. Когда-то зал был недурно оборудован, и кресла эти знали лучшие времена. Теперь же их стоило, и уже давно, сменить. Или хотя бы сделать новую обивку. Четыре соседних кресла в шестом ряду уже не могла спасти никакая починка, их можно было только выкинуть. Рики заметил новую поломку в третьем ряду. Какой-то ублюдочный подросток, которому наскучило кино и его девчонка, не нашел ничего лучшего, как разворотить сиденье. Впрочем, лет несколько назад Рики сам проделывал такого рода штучки, считая их акцией протеста против бесчеловечного буржуазного общества вообще и капиталистов, содержащих кинотеатр, в частности. Да, в те времена он натворил немало глупостей...

Берди наблюдала, как он приоткрывает дверь мужского туалета, просовывает голову внутрь, затем входит. Рики ухитрится и здесь разыграть комедию, улыбаясь, подумала

она. Если честно, когда-то у нее была симпатия к этому человеку. Около полугода назад худощавые юноши с тонкими носами и энциклопедической образованностью были в ее вкусе. Теперь она смотрела на давешний объект своих желаний другими глазами. В общем-то, ничего из себя не представляющий человек без цели, без пути, без какого-либо смысла существования. Теоретик бисексуальности, практик марихуаны и «колес», пацифист. Ничего нового, ничего интересного.

Берди подождала несколько секунд, наблюдая за дверью туалета. Затем решила вернуться в фойе, чтобы взглянуть, как там девчонка. Все было о'кей. Прислонясь к перилам, девочка неумело затягивалась сигаретой, как плохая актриса, изображающая нервное ожидание. Она почесывала ногу, задирая при этом и без того короткое платье.

— И что? — спросила она.

— Менеджер пошел искать твоего парня... как его зовут, кстати?

— Дин.

— Все будет нормально.

— Спасибо.

На стройных ножках девочки кое-где виднелись красные прыщи, которые она чесала. Этим портился весь эффект от ее внешности.

— Аллергия, — пояснила она. — Когда я нервничаю, все время что-нибудь выскакивает.

— Да, неприятно.

— Дин сбежал, это точно, сбежал, как только я отвернулась. Он всегда так поступает. Ему плевать на всех окружающих.

Берди видела, что ее собеседница едва сдерживает слезы. Только не это. Берди не знала, как справляться с плачущими девчонками, никогда не умела улаживать такого рода эксцессы. Пусть лучше скандалы, крики, шум. Но только не слезы.

— Все будет хорошо, — только и смогла произнести она, чтобы предотвратить рыдания.

— Не будет, никогда не будет, — покачала головой девочка. — Вы просто не знаете его. Он ублюдок, грязный, мерзкий ублюдок. Никогда не задумывается о том, что он делает.

Она бросила на пол недокуренную сигарету и стала втоптывать ее в пол носком туфли, ожесточенно давя пепел.

— Все мужики такие, да?

И девочка посмотрела на Берди с детским простодушием и наивностью. Ей было не больше семнадцати, пожалуй, даже меньше. Макияж был нанесен мастерски, но тушь слегка размазалась, и тени под глазами свидетельствовали об усталости.

— Да, к сожалению, одинаковые.

Берди говорила с позиций своего многолетнего горького опыта. Она вдруг подумала, что никогда не была столь привлекательной, как эта усталая нимфетка. Слишком маленькие глаза, невыносимо толстые руки... Надо быть честной с собой, не только руки, вся невыносимо толстая. Но руки — самая портящая деталь, как считала Берди. Есть мужчины, и очень многие, которые любят женщин с огромным бюстом; некоторым нравятся необъятные задницы; но едва ли найдется хоть один чудак, который прельстится на большие женские руки. Всем хочется обхватывать двумя пальцами запястье своей подруги. Запястье же Берди обхватить было более чем сложно... Точнее сказать, не без злорадства констатировала она, наблюдается полное их отсутствие. Громадные ладони переходят в жирные предплечья и чудовищные плечи. Это не может не отпугнуть любого психически нормального человека. Конечно, это была лишь одна из причин. Берди всегда была оригинальна и самостоятельна, а это не самые удобные качества для женщины. Но сама она привыкла считать, что неудачи на личном фронте вызваны толстыми руками: так удобнее.

А девочка, стоявшая перед ней, была стройной и свежей, и запястья ее были тоненькими и хрупкими, будто стеклянными.

— Как тебя зовут? — спросила Берди.

— Линди Ли.

— Не волнуйся, Линди, сейчас все уладится.

Рики подумал, что он не в своем уме. Место, куда он попал, мужским туалетом никак не являлось. Закралась мысль: а не схожу ли я с ума?

Он стоял на главной улице небольшого городка, который видел перед этим в двух сотнях вестернов. Начинался ура-

ган, полевая буря принудила его сощурить глаза. Все вокруг было в песке и пыли. Сквозь воронки и пылевые завесы в охристо-сером воздухе можно было разглядеть Склад, Контору Шерифа и Салун. Они стояли там, где по логике вещей обязаны были располагаться туалетные кабинки. Сухая трава, вырванная с корнем порывами ветра, носилась в горячем воздухе. Земля под его ногами была явно песчаной почвой прерий; по крайней мере, менее всего было похоже, что он стоит на кафеле. Ни следа чего-либо, хоть отдаленно напоминающего сортир кинотеатра.

Рики взглянул направо, туда, где дальние дома улицы были едва различимы в желтой дымке. Конечно, все это было ложью: перспектива, старые домишки, песок под ногами и в воздухе. Все это было бредом. Возможно, если Рики начнет концентрироваться и как следует сосредоточится на том, чтобы вернуться в реальность, мираж исчезнет. Или же будет возможно разобраться в его природе: какие-то сложные световые эффекты, или черт знает что еще. Но хотя он концентрировался как никогда раньше, успеха достичь не удалось. Иллюзия не хотела раскрывать свою истинную сущность и обладала всеми свойствами реальности.

Ветер усилился. Где-то хлопнула дверь склада, со скрипом отворилась и захлопнулась вновь. Донесся еле уловимый запах навоза. Эффект был великолепен; проклятое наваждение затрагивало все органы чувств. Рики испытал восхищение, он мог бы искренно поздравить создателя этой игрушки, кто бы он ни был. Однако настала пора возвращаться в реальный мир.

Он повернулся к выходу и обомлел: дверь из туалета исчезла за песчаной завесой, исчезла абсолютно, будто и вовсе не существовала! Внезапно Рики почувствовал себя очень неудобно.

Дверь склада продолжала хлопать под порывами ветра. Голоса, едва слышные сквозь завывания усиливающейся бури, перекликались вдалеке. Где сейчас Салун, где Контора Шерифа? Все исчезло во мгле. Рики ощутил давно забытое, но знакомое по воспоминаниям раннего детства чувство: панический страх оттого, что потерял руку взрослого. Только на этот раз в роли взрослого выступал его здравый смысл.

Где-то слева прозвучал выстрел, слегка приглушенный звуками бури, и Рики явственно услышал, как что-то про-

свистело рядом с его ухом, а затем почувствовал резкую боль. Он поднес руку, чтобы потрогать мочку уха: рука коснулась чего-то влажного и теплого. Рики обалдело смотрел на пальцы и не верил, что это кровь, настоящая кровь. Кусок уха был оторван, мочка сильно кровоточила. Либо кто-то всерьез хотел размозжить ему череп и промахнулся, либо это все — идиотская шутка, заходящая слишком далеко.

— Эй, люди! — крикнул Рики в никуда, во вздымающийся песок, в надежде локализовать агрессора. Ответа не последовало. Вокруг была лишь буря, порывы горячего ветра, высушенный под палящим солнцем сорняк... стрелявший мог находиться в двух шагах и, притаившись, ждать неосторожного шага жертвы, чтобы выстрелить вновь.

— Мне это все не нравится, — неуверенно, хотя и громко произнес Рики, смутно надеясь, что реальный мир сможет услышать его и придет на помощь. Никакой реакции. Он порывлся в карманах, рассчитывая отыскать завалявшиеся «колеса», что могло бы несколько исправить его критическое положение. По крайней мере, хоть настроение поднять. Но не нашлось даже паршивого циклодола, ничего вообще, что случалось нечасто. Рики почувствовал себя голым и беззащитным.

Прогремел второй выстрел. На этот раз Рики не слышал свиста, и он подумал, что убит наповал. Но отсутствие боли и крови опровергло эти опасения.

Затем хлопнула дверь Салуна, и совсем рядом послышался человеческий стон. В кружащемся мареве на секунду образовался просвет. Рики показалось (но ручаться он не мог), что из дверей, спотыкаясь, вывалился юноша, оставляя позади себя комнату с крепкими деревянными столами, за которыми потягивают виски ковбои... Прежде чем удалось разглядеть подробности, просвет исчез, и все вновь покрылось песчаным вихрем, и вдруг... Юноша оказался совсем рядом, уже мертвый, с посиневшими губами, он медленно падал прямо Рики на руки. Одет он был не как персонаж этого фильма: под жакетом в стиле пятидесятых была футболка с улыбающейся мордашкой Микки-Мауса.

Из левого глаза Микки текла кровь. Пуля безошибочно нашла сердце жертвы.

Мальчишка приоткрыл глаза и спросил слабым голосом:

— Что, черт возьми, происходит? — и испустил дыхание.

Рики тупо уставился в лицо юноши. Тот уже отошел в лучший мир, и вес его тела становился слишком велик: особенность покойников, которую Рики никогда не мог понять. Не оставалось ничего, кроме как опустить труп на землю. На мгновение, когда тело мальчика коснулось пыли, показалось, что под ним смутно виднеются кафельные плитки. Однако через секунду все исчезло в поднявшейся с земли пыли, и Рики вновь стоял на главной улице ублюдского города с трупом у ног.

Его охватило вдруг лихорадочное возбуждение, руки и ноги тряслись, зубы стучали. Он ощутил сильнейшее желание помочиться, и внезапно теплая струйка потекла по ноге. Стоп, этого еще не хватало. Где-то здесь, если убрать все эти чертовы галлюцинации, должна быть кабинка, думал Рики, пытаюсь как-то успокоиться. В ней стены с облезлой штукатуркой, испещренные неприличными рисунками, номерами телефонов сексуально озабоченных юнцов и обычными в таких местах скабрезностями. А также смывной бачок и коробка для туалетной бумаги, где бумаги вовсе нет, и старое сломанное сиденье. А также запах мочи и хлорки. Найди все это, заклинал себя Рики, найди хоть что-нибудь реальное среди всего этого бреда, иначе твой разум окончательно замутнит материализованный бред.

Если исходить из того, что Салун и Склад могут находиться на месте туалетных кабинок, то другие кабинки расположены сзади него. Итак, заключил Рики, сделай шаг назад. В любом случае, хуже не будет. Да и что может быть хуже, чем стоять посреди иллюзорного мира и ждать, пока кто-то придет на помощь? Или пока тебя подстрелят, как куропатку...

Два шага, два осторожных шага. Только воздух, пыль в лицо и песок под ногами. Однако третий шаг — Боже, неужели — принес желаемый результат: Рики уперся рукой в холодную кафельную стену. Он невольно издал радостный вопль. Это, вне всякого сомнения, был писсуар, и найти его в этом безумном мире было не менее приятно, чем жемчужное зерно в куче навоза. Запах хлорки и испражнений казался божественным ароматом.

Рики провел еще раз рукой по облупленной стене, чтобы удостовериться, что он не обманулся, затем расстегнул штаны и стал освобождать мочевого пузырь от остатков содержимого. Черт, неужели он победил, неужели кошмар

рассеялся? Если теперь он повернется, то не увидит ни трупа, ни пыльной бури, ни складов и конюшен... Несомненно, все это было вызвано какой-то долбаной химией. Он на днях, возможно, передозировал рододорма или еще чего-нибудь, и вещество бродит по его телу, творя вот такие мерзкие штучки. Когда Рики закончил размышлять на эту тему и собрался застегнуть штаны, сзади послышался голос героя вестерна:

— Ты решил поссать на моей улице, парень?

Это был Джон Вейн — его характерный голос с ленцой и проглатыванием конечных согласных. Рики был не в силах повернуть голову. Сейчас он будет прострелен насквозь. Это чувствовалось в самой манере говорить, присущей Джону: эта легкая растяжка слов, скрытая агрессия, угрожающие интонации невинного, казалось бы, вопроса. Ковбой был вооружен, а все, что было в руках у Рики — его член; против пистолета защита, прямо скажем, слабая. Рики застегнул штаны, затем медленно поднял руки. Впереди медленно таяла в воздухе, заволакиваясь пеленой, туалетная стена. Слышались завывания бури. Кровь из раненого уха капала на землю.

— Послушай, парень, сейчас ты снимешь свой ремень с кобуры и положишь на землю. Все ясно?

— Да.

— Делай это медленно, тихо и аккуратно, а потом опять поднимешь руки.

Медленно, как было приказано, Рики отстегнул ремень, вынул его из джинсов и бросил на пол. Ключи должны были зазвенеть, упав на кафель. Рики надеялся из последних сил, что это произойдет и реальность вновь обретет свою власть. Ничего подобного. Звук был приглушенным, будто ключи действительно упали на песок.

— Замечательно, — сказал Вейн. — Ты начинзешь кое-что понимать. Что ты теперь мне скажешь?

— Я извиняюсь, — неуверенно произнес Рики.

— Извиняешься?

— Ну да...

— Не думаю, что ты так просто отделаешься.

— Но это какая-то ошибка...

— Ничего не знаю, от вас, приезжих, вечно одни неприятности. Чего стоит этот мальчишка, который, спустив

штаны по самые шиколотки, гадил в Салуне! Где вас, сукиных сынов, учили такому поведению? Чему вас учили в ваших долбанных школах?

— Я, право же, не знаю, как объясниться...

— Не стоит труда. Ты вместе с мальчишкой?

— Если можно так сказать.

— Не говори загадками!

Рики почувствовал, как холодный ствол пистолета уперся ему между лопаток, и Джон продолжал:

— С ребенком или без него?

— Да, это значит...

— Твои слова ничего не значат здесь, на моей территории. Как и твоя жизнь, запомни.

Он отстранился:

— А теперь, парень, ты повернешься, и мы посмотрим, что у тебя внутри.

Рики видел раньше эту сцену. Человек поворачивается, и Вейн стреляет. Никаких дебатов, ни минуты на обсуждение этичности происходящего; пуля, как всегда, более права, чем словесные аргументы.

— Поворачивайся, я сказал.

Медленно, очень медленно Рики обернулся к герою вестерна. Перед ним стоял вполне реальный человек — или столь же великолепно, как все остальное здесь, — исполненная иллюзия. Вейн среднего периода, еще тех времен, когда он не приобрел брюшко и нездоровый цвет лица. Старый добрый Вейн, весь в пыли после долгих путешествий, глаза сощурены от пристального взглядывания в горизонт. Рики никогда не любил вестерны. Он ненавидел стреляющие орудия, возвеличивание грязи и дешевый героизм. Его поколение засовывало цветы в жерла танков и призывало заниматься любовью вместо войны; Рики и до сих пор не изменил убеждений.

Лицо человека, стоявшего перед ним, бескомпромиссное, псевдомужественное, не слишком обезображенное интеллектом, как бы вбирало в себя всю официальную ложь о доблести американских военных, о справедливости силы, о гуманизме суровых людей. Рики ненавидел это лицо; руки его непроизвольно сжимались для удара.

Черт возьми, если этот актер, кто бы он ни был, намерен пристрелить Рики, что мешает последнему хотя бы вмазать

напоследок ублюдку по физиономии? Импульсивно, не успев ничего толком сообразить, Рики сжал кулак и резко выбросил его вперед. Костяшки пальцев встретили на своем пути подбородок Вейна. Актер оказался более медлительным, чем персонаж на экране. Он пропустил удар, и Рики получил возможность выбить пистолет из рук противника. Он закрепил свою победу серией ударов по корпусу, какие видел в кино. Вид со стороны, наверное, был захватывающий.

Ковбой, хотя и более крупный и крепко сбитый, чем Рики, не устоял перед натиском. Он покачнулся и отступил, запутавшись шпорами в волосах мертвого юноши, споткнувшись о тело и упал.

Рики, видя перед собой поверженного мерзавца, ощутил незнакомое прежде почти физическое ликование. Боже, ведь он только что одолел самого крутого в мире ковбоя. Победа пьянила, и Рики едва сдерживал радостный вопль.

Буря усиливалась. Вейн все еще валялся на земле, утирая кровь с разбитого носа и губы.

— Вставай, — приказал Рики решительным голосом, стараясь не упустить с таким трудом добытое преимущество.

Вейн усмехнулся.

— Неплохо, сынок, — заметил он, потирая подбородок, — из тебя получится настоящий мужчина.

Буря шумела вокруг, песок летел в глаза и уши Рики, кружил в воздухе, скрывал сплошной пеленой от глаз тело Вейна. Внезапно Рики перестал видеть перед собой ковбоя. Перед ним было нечто, что одновременно являлось и не являлось Вейном. Странная форма, в которой угадывалось нечто совершенно нечеловеческое...

Пыль залепила глаза Рики. Он отступил на несколько шагов, совершенно потрясенный. Ветер хлестал в лицо, гнал, шумел в ушах, внезапно Рики увидел дверь, и руки его уперлись в стену. Это был выход, о Боже, это было спасение!

Оказавшись в тишине и безопасности кинотеатра, Рики всхлипнул и устало опустил на пол, все еще не веря в то, что выбрался живым.

В фойе Линди Ли рассказывала Берди, почему она не любит фильмы.

— Дин любит кино про ковбоев. Мне все это не нравится. Не знаю, вежливо ли говорить это вам...

— Конечно.

— Но я действительно не в восторге от всех этих фильмов. У вас, наверное, все иначе. Вы ведь здесь работаете.

— Мне тоже нравится далеко не все.

— Да, правда?

Девочка выглядела изумленной. Многое в этом мире, похоже, изумляло ее.

— А я вот, знаете, люблю кино про животных.

— Про животных?

— Ну да, их жизнь и всякое такое прочее.

Берди с самого начала поняла, что оратор из девчонки никудышный, но, несмотря на некоторую косноязычность, Линди Ли была очень и очень мила.

— Интересно, что их там задержало? — нахмурилась Линди.

Рики отсутствовал несколько минут, если судить по реальному времени, но в кино время имеет обыкновение течь по своим законам.

— Пойду взгляну, — сказала Берди.

— Он ушел без меня, точно, это точно, — в который раз повторила девочка.

— Не расстраивайся, сейчас все выясним.

— Спасибо.

— Все будет хорошо.

Берди слегка притронулась к тонкому запястью девушки и двинулась прочь. Оставшись одна, Линди вздохнула. Дин был не первым мальчиком, который ее бросал. Ей не всегда везло с приятелями. Но сейчас, если честно, она была не слишком расстроена. Линди имела свои представления о том, с кем и как серьезно ей надлежит общаться. Дин не был человеком, с которым стоило поддерживать длительные отношения. От его волос и рук несло дизельным топливом, он был небогат и имел скверные манеры. Ну и черт с ним; как говорит в таких случаях маменька, не последняя рыбка в море.

Линди изучала расписание фильмов на следующую неделю, когда какой-то стук сзади заставил ее обернуться. Посреди фойе сидел толстенький серый кролик. Шерсть кое-где вылезла, и была видна нежная розовая кожа. Зверушка смотрела на Линди.

— Привет, — улыбнулась девочка.

Кролик начал вылизывать шкурку, потешно переставляя лапки и быстро шевеля ноздрями.

Линди любила животных. Единственное кино, которое могло заинтересовать ее, — съемки зверей в их естественной среде обитания. Она, затаив дыхание, наблюдала за таинственными танцами скорпионов, потешными ужимками обезьян, быстрыми антилопами... Но больше всего девочка любила кроликов.

Кролик подпрыгнул, затем остановился в нерешительности и, секунду подумав, сделал еще пару прыжков к девочке. Она наклонилась, чтобы погладить животное. Кролик был мягким и теплым, он тыкался ей в ладонь влажным носиком. Глазки у него были как бусинки. Кролик, помедлив с минуту около Линди, поскакал мимо нее вверх по ступенькам.

— Ой, не думаю, что нам с тобой следует туда подняться, — сказала Линди.

Наверху, куда поскакал кролик, было темно. Светящееся табло на стене гласило: «Только для обслуживающего персонала». Но кролик, остановившись на предпоследней ступеньке, повернулся к девочке, словно призывая следовать за собой, и Линди взбежала по ступенькам.

— Эй, где ты? — крикнула она в темноту, но кролик исчез.

Вместо него что-то странное, неведомое смотрело из темноты светящимися глазами.

С Линди Ли отпадала необходимость построения сложных иллюзий, какие требовались, например, для Рики. Девчонка и так была вся погружена в мечты. Легкая добыча.

— Привет, — сказала Линди Ли, слегка напуганная присутствием непонятного существа в темноте. Но ответа не последовало. Она старалась разглядеть какие-нибудь очертания, но тщетно: ничего, напоминающего лицо, это странное создание, похоже, не имело. Не слышалось даже дыхания.

Линди отступила на шаг, собираясь сбежать вниз по ступеням, но не тут-то было. Существо настигло ее в одно мгновение, бедняга, не успев издать ни звука, была схвачена и утянута наверх, в темноту проема. Все случилось в считанные секунды. И фойе погрузилось в ночную тишину и покой, словно ничего и не произошло.

* * *

— Рики! О Боже, Рики!

Берди склонилась над бездыханным телом своего приятеля и потрясла его. Затем прислушалась: нет, дыхание было, хоть и слабое. Сперва ей показалось, что парень истекает кровью, но при детальном рассмотрении выяснилось, что всего лишь слегка оцарапано ухо.

Она встряхнула его вновь, уже более грубо, но с тем же результатом. После нескольких попыток все-таки удалось прощупать его пульс. Очевидно, на Рики напали. Возможно, это сделал отсутствующий приятель Линди. В таком случае, где он сейчас? Наверное, все еще скрывается в туалете. Маньяк какой-нибудь... Возможно, даже вооруженный. Берди не будет такой идиоткой, чтобы проверять самолично, так ли это. Подобные ситуации она уже видела в тысяче фильмов. Женщина в опасности, весьма трогательно и захватывает дух. В темной комнате притаился вооруженный бандит или хищная тварь, а героиня, дрожа от страха, вступает в помещение. Нет, Берди не будет следовать этому клише и поступит самым благоразумным образом: преодолев естественное любопытство, пойдет и немедленно вызовет полицию.

Оставив Рики валяться на том же месте, она вышла в фойе.

Там никого не было. Возможно, Линди Ли не стала дожидаться своего друга, а нашла на улице кого-то другого, кто проводит ее до дому. В любом случае, входная дверь в кинотеатр была захлопнута, и Линди исчезла, оставив после себя только запах дешевой пудры. Прекрасно, одной проблемой меньше, решила Берди и направилась в кассу, где стоял телефон. Ей было в какой-то мере приятно думать, что у девчонки хватило здравого смысла не дожидаться своего убудочного приятеля.

Она сняла трубку и немедленно услышала голос, вкрадчиво проговоривший:

— Не правда ли, уже слишком позднее время для телефонных звонков?

Это был не оператор, Берди была уверена, ведь она не успела даже набрать номер. В любом случае, голос был чертовски похож на Питера Лорри.

— Кто говорит?

— А вы меня не узнаете?

— Я хочу позвонить в полицию.

— С удовольствием буду для вас полезен: чем могу помочь?

— Немедленно убирайтесь с линии! Это возмутительно! Мне нужно дозвониться в участок.

— Весьма сожалею.

— Кто вы?

— Вот, вы уже и включились в игру.

— У меня неприятности... Не могли бы вы...

— Бедный Рик!

Странно, откуда этот неизвестный мерзавец знает Рики. Бедный Рик, сказал он. Дико.

Берди почувствовала, что лоб ее покрывается испариной. Вся ситуация не нравилась ей все больше и больше.

— Бедный, бедный Рик, — опять промурлыкал голос в трубку, — и все же я уверен, у нас будет счастливый конец, не так ли?

— Это вопрос жизни и смерти. Уберитесь с линии, — настаивала Берди, сама удивляясь своей выдержке.

— Я знаю, — ответил Питер, или кто он там был. — Не правда ли, это возбуждает?

— К черту! Освободите линию! Или помогите мне...

— Помочь? К чему? Что такая толстая глупая девчонка, как ты, может сделать в такой ситуации, как эта?

— Заткнись, иблюдок.

— С превеликим удовольствием.

— Я знаю тебя?

— И да и нет, — голос в трубке странно менялся.

— Один из друзей Рики, да?

Идиотские игры. Эти ребята иногда позволяют себе совершенно дурацкие шутки.

— Ладно, пошутили — и будет, — спокойно сказала Берди. — Теперь мне нужно все же дозвониться в участок, пока не случилось ничего серьезного.

— Конечно-конечно, я понимаю, — голос становился все более мягким, — как не понять...

Происходило нечто невообразимое... Голос повышался почти на октаву, менялся акцент...

— Ты пытаешься помочь мужчине, которого любишь, это так трогательно.

Теперь голос напоминал... да нет, это точно была Грета Гарбо, не узнать ее было невозможно.

— Бедный Ричард, — вздохнула она, — он так старался, несчастный.

Берди обомлела. Преображение было просто невероятным, но еще больше ее шокировало сходство с голосом звезды.

— Хорошо, вам удалось произвести на меня впечатление. Нельзя ли теперь позволить мне наконец связаться с копами?

— Сегодня чудная ночь, Берди. Замечательная ночь для прогулок при луне. Как хорошо было бы нам, двум милым девушкам, пройтись подышать воздухом.

— Вы знаете мое имя.

— Да, конечно. Я ведь здесь, совсем близко.

— Что вы подразумеваете под словом «близко»?

Ответом был смех. Низкий грудной смех Греты Гарбо.

Берди больше не могла этого выносить. Трюк был исполнен мастерски, она начала даже слегка уступать, будто действительно разговаривала со звездой.

— Нет, вы не убедили меня, слышите, — еще спокойно произнесла Берди, а затем ее терпение лопнуло, и она заорала в трубку: — Подонки! — так громко, что услышала, как задрожала мембрана, а затем швырнула трубку на рычаг.

Берди вышла из кассы, закрыла ее за собой и направилась к входной двери. Ее ждал неприятный сюрприз: дверь была не просто захлопнута, а заперта снаружи на ключ. Берди тихо ругнулась.

Неожиданно фойе стало теснее, чем всегда было, словно вдруг уменьшившись. И запас терпения тоже оказался меньше ожидаемого. Берди ощутила себя на грани истерики, но усилием воли сдержалась. Надо было обдумать все спокойно, решила она. Итак, первое: дверь закрыта. Линди Ли не делала этого, не мог совершить такого поступка и Рики, а уж за себя Берди ручалась. Следовательно...

Второе: здесь находится некто посторонний. Возможно, преступник или маньяк. Это он (она, оно) был только что на проводе. Следовательно...

Третье: он, она или оно должен иметь доступ к другому аппарату в этом же здании. Единственный телефон, кроме находящегося в кассе, располагался в складском помещении. Но Берди не собиралась, проявляя чудеса героизма, подниматься вверх по темным ступенькам. Следовательно...

Четвертое: она должна отпереть дверь ключом, находящимся у Рики.

Это и есть конкретный выход. Взять у Рики ключи. Итак, вперед.

Она пошла через фойе в зал. Лампы вокруг то угасали, то вспыхивали вновь, словно подмигивая. Или ей мерещится это с перепугу? Нет, точно. Кажется, она улавливает какой-то ритм в этом мерцании, словно чье-то неведомое биение сердца.

Некогда над этим раздумывать. Вперед.

Она ускорила шаг. Впереди послышались тихие стоны: Рики приходил в себя. Берди наклонилась к нему, но не обнаружила ни связки ключей, ни ремня, на котором она висела.

— Рики... — позвала Берди.

Стоны усилились.

— Рики, ты меня слышишь? Это я, Берди.

— Берди?

— Да, я. У нас неприятности. Мы заперты. Где твои ключи?

— Ключи?

— У тебя была связка ключей, Рики, — она говорила медленно и вятно, словно беседуя с дебилом, — куда она делась? Подумай.

У Рики, очевидно, что-то прояснилось в мозгу, и он сел, обхватив руками голову.

— Мальчик.

— Какой мальчик?

— В туалете. Он мертв.

— Мертв? О, Боже! Ты уверен?

Казалось, Рики находится в трансе. Он глядел не на Берди, а куда-то в пустоту перед собой, словно разглядывая что-то невидимое для других.

— Где ключи? — настойчиво повторила Берди. — Рики! Это важно. Сосредоточься.

— Ключи?

Ей захотелось надавать ему пощечин, но ударить этого залитого кровью полупомешанного беднягу было бы бесчеловечно.

— На полу, — произнес он через некоторое время.

— В туалете? На полу в туалете?

Рики кивнул. Затем он замотал головой, словно отгоняя от себя какие-то ужасные мысли. Казалось, он едва сдерживает слезы.

— Все уладится, — произнесла Берди.

Рики закрыл руками лицо, словно желая удостовериться, что это действительно он.

— Я... здесь? — тихо произнес Рики. Но Берди уже не слышала его, она решительным шагом двинулась к двери в туалет. Она войдет туда и возьмет ключи. Есть там труп, нет там трупа, ее не касается. Она сделает это немедленно. Зайдет, возьмет ключи и спокойно выйдет.

Берди открыла дверь. Первый раз ей приходилось заходить в мужской туалет, и она надеялась, что и последний.

Внутри было темно. Слабо мерцала лампочка. Это мигание напоминало пульсирующие вспышки света в фойе, только было значительно слабее. Берди постояла в дверях, ожидая, пока ее глаза привыкнут к полутьме, затем шагнула внутрь. Туалет был пуст. Никакого мальчика, ни живого, ни мертвого.

Зато обнаружили ключи. Ремень был погружен в отверстие унитаза, и Берди, чертыхаясь, вылавливала его из мутной жижи. Отвратительная вонь раздражала ее обоняние, и она, отделив кольцо с ключами, поспешила выйти в относительную чистоту и свежесть кинотеатра. Все очень просто, никаких проблем.

Рики тем временем дополз до кресла, погрузился в него и сидел, ожидая Берди, с несчастным выражением лица. Он выглядел очень скверно и явно жалел себя. Он был еще в плену своей болезни.

— Я нашла ключи, — сообщила Берди, — они действительно были там.

Рики, подняв на нее глаза, промышал нечто нечленораздельное. Да, он действительно был не в себе. Остатки симпатии к этому человеку покинули Берди. Сейчас он явно галлюцинировал. Наелся своих идиотских наркотиков и создает проблемы окружающим. Не самое уместное занятие.

— Никакого мальчика там нет, Рики.

— Что?

— Я говорю, в туалете нет никого. Ни мертвого мальчика, ни живого. Признайся честно, на чем ты теперь сидишь? Снова какая-нибудь дрянь типа транквилизаторов?

Рики взглянул на свои трясущиеся руки.

— Я ничего не принимал уже долго. Честное слово.

— Очень глупо с твоей стороны. Этот розыгрыш крайне неостроумен.

Однако Берди говорила без особой уверенности. Она знала, что такие шутки вовсе не в стиле Рики. Он в каком-то смысле был пуританином, что, конечно, увеличивало его обаяние в ее глазах и относилось к неоспоримым достоинствам. И тем не менее сейчас он бредил. Возможно, это действительно очень серьезно.

— Рики, а не позвать ли нам врача?

Он медленно покачал головой.

— Ты уверен?

— Не нужно врача.

Ладно, пусть будет как ты хочешь.

Берди двинулась к выходу из зала, потом остановилась у выхода в фойе.

— Послушай, здесь творится что-то странное. Не мог бы ты последить за дверью, пока я вызову копов? Кажется, в кинотеатре находится посторонний.

— Да, конечно.

Рики сидел в кресле, наблюдая за мигающими огоньками ламп и всерьез обдумывая проблему своей психической нормальности. Если Берди сказала, что никакого мальчика там нет, стоит предположить, что она права. Лучший способ во всем убедиться — еще раз сходить туда самому. Если действительно никого и ничего нет, все тихо и благопристойно, то у него полчаса назад случилась галлюцинация. До жути реальный бред, вызванный каким-нибудь не в меру сильным препаратом, принятым еще недельку назад. В этом случае стоит пойти домой, выспаться как следует и утром проснуться со свежей головой. Все так, но меньше всего на свете ему сейчас хотелось засунуть нос в этот мерзкий вонючий сортир... А вдруг Берди не права, вдруг это у нее с головой не в порядке? Интересно, а существует такая вещь, как бред нормальности?

Кое-как Рики заставил себя подняться и побрел к двери в туалет. Переборов минутное замешательство, он все же вошел. Внутри был полумрак, но вполне возможно было разглядеть, что никаких песчаных бурь, мертвых мальчиков,

вооруженных ковбоев здесь нет и быть не может. Все-таки чертовски занятная штука мое воображение, думал Рики. Так легко создать другую реальность. Это же так великолепно. Жаль, что не получится направить эту психическую энергию в более конструктивное русло. Какие-то химеры, которые сам себе создаешь и сам же боишься. Бред. Но ничего не поделаешь; что-то теряешь, что-то находишь.

А затем он увидел кровь. На кафельном полу. Совершенно реально. И это не была кровь из его расцарапанного уха. Нет, ее было слишком много на полу, уже засохшей, побуревшей. Все случившееся вовсе не было иллюзией. И он был прав. Но еще неизвестно, что хуже: слегка съехать и галлюцинировать, что вполне поправимо, или же действительно оказаться игрушкой в руках неведомой силы.

Рики проследовал за кровавой линией на полу. Пятно вело к одной из кабинок, теперь закрытой, но она была открыта, это Рики помнил точно. Убийца, кто бы он ни был, спрятал мальчишку там, Рики понял сразу, не было необходимости даже заглядывать внутрь. Все и так было ясно. Тем не менее он резко потянул за ручку, и дверца кабинки открылась. Он увидел тело мальчика, лежащее в неудобной позе на полу возле унитаза, с расставленными руками и ногами. Глаз у мальчика не было. По щекам висели нервные окончания, и чувствовалось, что глаза были удалены не тонкой рукой хирурга, а вырваны грубо и небрежно. С трудом сдерживая рвотные позывы, Рики повернулся и пошел к выходу. Желудок его конвульсивно сжимался, явно намереваясь выплеснуть наружу свое содержимое, но усилием воли Рики сдержался. Прикрыв рукой рот, он подошел к двери. Все это время ему казалось, что труп сейчас поднимется на ноги и пойдет за ним, требуя вернуть деньги за билет в это ужасное заведение. Черт бы взял эту Берди. Толстая сука была не права. Это у нее, а не у Рики были галлюцинации. Смерть была здесь. И даже хуже...

Рики выскочил в кинотеатр, плотно прикрыв за собой дверь. Настенные огни мерцали, отбрасывая причудливые тени; казалось, они сейчас погаснут, как догоревшие свечи. Но темнота — это слишком, этого он не перенесет. Что-то напоминало ему это мерцание, что-то знакомое было в этом пульсирующем свете, он мучительно пытался вспомнить, но не мог. В совершенной растерянности он минуту стоял в

проходе между рядами. Затем послышался голос. Вот это и есть моя смерть, подумал Рики и поднял голову. Она шла по проходу к нему навстречу и улыбалась.

— Привет, Рики! — произнесла она.

Это была не Берди. Берди никогда не носила таких чудных полупрозрачных платьев, подчеркивающих великолепную фигуру (которой, кстати, тоже не было у Берди); эти белокурые локоны и красные чувственные губы тоже никак не могли принадлежать его коллеге. Перед ним была Монро, секс-символ Америки.

— Не хотите ли со мной познакомиться? — вкрадчиво произнесла она. Глаза ее сияли, обещая неземное наслаждение.

— ...Э-э-э...

— Рики, Рики, Рики... И после этого всего...

После чего «всего этого»? Что она имеет в виду?

— Кто ты? — спросил он.

Она послала ему ослепительную улыбку.

— Как будто ты не знаешь.

— Но ты же не Мэрилин. Мэрилин мертва.

— В кино никто не умирает, Рики, ты знаешь это не хуже меня. Ты вновь можешь воскреснуть на экране. Целлулоид хранит твой образ от разрушительного действия времени.

И тут Рики понял, что напоминает ему мерцание ламп в зале: луч прожектора, проходящий сквозь целлулоидную пленку, мелькание кадров, рождающее образ жизни из тысячи маленьких смертей.

— И вот мы снова здесь, снова танцуем и поем, как прежде, — она засмеялась нежным серебристым смехом. — Черты наши никогда не сотрет безжалостное время, мы будем вечно молоды и прекрасны.

— Но ты нереальна, — произнес Рики.

Мэрилин сделала скупающее лицо, словно ей до ужаса надоели его мелочные придирки, доходящие до педантизма. Теперь она была совсем рядом, не более чем в трех шагах от него. Иллюзия была полной и настолько реальной, что Рики уже не мог сказать с уверенностью, что перед ним не Монро. Она была так прекрасна, и Рики понял, что готов взять ее прямо сейчас и прямо здесь в этом кинотеатре между рядами. И что с того, что она — лишь плод его воображения. Иллюзию тоже можно трахнуть, если не хочешь жениться на ней.

— Я хочу тебя, — сказал Рики, и нелепость собственных слов поразила его.

Но еще больше шокировал ответ Мерилин:

— Это я хочу тебя. Ты мне нужен ужасно. Ведь я очень слаба.

— Ты слаба?

— Тебе же известно, как это не просто быть центром внимания. Приходишь к выводу, что нуждаешься в этом больше и больше. Что тебе необходимо каждодневное обожание и поклонение, эти тысячи глаз, неотрывно следящие за каждым твоим жестом.

— Я и слежу.

— Ты находишь меня прекрасной?

— Ты божественна, кем бы ты ни была.

— Какая разница, кто я; я твоя.

Прекрасный ответ. Она действительно его воплотившаяся мечта, великолепная иллюзия, созданная его воображением и ставшая реальностью.

— Смотри на меня, Рики. Ты будешь смотреть на меня вечно. Мне нужны твои любящие взгляды. Я жить не могу без них.

Чем дольше Рики смотрел на нее, тем реальнее казался ее образ. Мерцание света прекратилось, и зал погрузился в спокойный ровный полумрак.

— Не хочешь ли обнять меня?

Он уже начал бояться, что об этом не пойдет речь.

— Да, — произнес он.

— Прекрасно, — и Мерилин улыбнулась так маняще, что Рики невольно подался вперед и протянул к ней руки. Но в последний момент она уклонилась от его объятий и, смеясь, побежала по проходу к экрану. Рики бросился следом, горя от нетерпения. Она хочет игры; что ж прекрасно, так ему даже больше нравится. Она забежала в узкий закуток возле экрана, из которого не было выхода. Теперь-то он ее настигнет. Мерилин явно ждала этого: она прислонилась к стене, слегка расставив ноги и немного откинув голову назад.

Он был уже в двух шагах от цели, когда неведь откуда взявшийся порыв ветра поднял ей юбку. словно парус, развевающийся под дуновением ветерка, юбка обернулась вокруг талии Мерилин, открыв ее полностью ниже пояса. Она смеялась, полуприкрыв глаза. Белья на ней не было. И

вот он достиг ее; теперь она не уклонялась от его прикосновений. Рики уставился, как зачарованный, на ту часть Мерилин, которую никогда прежде не видел, и которая была тайным мечтанием миллионов зрителей. На внутренней поверхности ее бедра было два кровавых отпечатка. Белоснежная кожа контрастно подчеркивала небольшие бурые пятна. Рики понял вдруг, что это была не ее кровь. Перед его взором неожиданно все изменилось. Он не видел больше живой зовущей плоти. Перед ним было нечто нечеловеческое, и отчетливо выделялись в этом странном видении глаза, кровавые глаза мальчика. Это был какой-то бред. Рики смотрел не отрываясь. По выражению его лица Мерилин (или кем там она являлась) поняла, что он увидел и осознал слишком много.

— Ты убила его, — потрясенно прошептал Рики.

Видение было настолько ужасным, что Рики почувствовал, как у него сжимается желудок. Но странно: никакого отвращения не появилось. Кошмарная картина не уничтожила его желания, а только усилила его. Что с того, что перед ним убийца. Ведь она — легенда, и это главное.

— Люби меня, — медленно произнесла Мерилин, — люби меня вечно.

Он подошел к ней, полностью отдавая себе отчет в том, что делает это напрасно. Что это равносильно смерти. Но что есть смерть? Ведь все относительно в этом мире. Пусть настоящая Мерилин мертва, что ему до этого? Вот она стоит перед ним, и пусть это только призрак, сотканный из воздуха, или бред его воспаленного воображения — какая разница. Он будет с ней, кем бы она ни была. Они обнялись. Рики поцеловал ее, ощущая нежность и мягкость ее губ. Он даже не мог себе представить, что поцелуй доставит ему такое удовольствие. Желание его достигло апогея. Мерилин обхватила его тонкими, почти призрачными руками. Он чувствовал себя на вершине блаженства.

— Ты придаешь мне силы. Продолжай смотреть на меня, иначе я умру. Так всегда происходит с призраками.

Объятия сжимались. Они уже не казались такими легкими, а причиняли даже неудобства. Ему захотелось освободиться.

— Не пытайся, — проворковала она ему на ухо. — Ты мой.

Он обернулся, чтобы посмотреть на руки, которые все теснее сжимали его в объятия. Но это были уже не руки. Ни пальцев, ни запястьев не было. Скорее, какая-то петля, все невыносимее стягивавшая его.

— О, Боже! — вырвалось у него.

— Смотри на меня! — ее слова уже потеряли свою мягкость.

Ничего уже не осталось от той Мерилин, которая только что обнимала его. Объятия опять сжались, и из груди Рика вырвался вздох, что попытки к бегству бесполезны. Его позвоночник треснул под невыносимой тяжестью, и боль пронзила тело как пламя, взорвавшись в глазах всеми цветами радуги.

— Тебе следует убраться из этого города, — услышал Рики. Но перед ним была уже не Мерилин. Сквозь прекрасные и совершенные черты ее лица проступило лицо Вейна. Ковбой смотрел презрительно, и в какую-то долю секунды Рики отметил этот взгляд, но затем образ стал разрушаться, и теперь что-то иное, незнакомое, проявилось в этом лице. Тогда Рики задал последний в своей жизни вопрос.

— Кто ты?

Он не получил ответа. Существо, находящееся перед Рики, явно черпало энергию из его изумления. Из груди этого создания вырвалось щупальце, нечто напоминающее рожки улитки, и потянулось к голове Рики.

— Ты нужен мне.

Это был уже не голос Монро. И даже не голос Вейна. Он принадлежал неведомой жестокой твари.

— Я чертовски слаб. Существование в этом мире очень утомляет меня.

Чудище тянулось к Рики, готовясь запустить в него ужасающее щупальце, еще столь недавно бывшее ласковыми руками Мерилин. Рики чувствовал, как из него уходит энергия, как жизненные силы оставляют его. Неведомое существо насыщалось и становилось все более могущественным по мере того, как Рики слабел и в нем угасала жизнь. Рики отдавал себе отчет, что должен быть уже мертвым, потому что уже давно не дышал. Он не знал, сколько все это продолжалось. Возможно, минуты. Но он не мог быть уверен. Пока Рики прислушивался к биению своего сердца, щупальца обвили его голову и проникли в уши. Даже в этом бреду

ощущение было не из приятных. Ему захотелось закричать, чтобы прекратилось это. Но пальцы уже рылись в его голове, разрывая барабанные перепонки, проникая в мозг, копошась в нем, словно черви. Он был все еще жив, даже теперь, по-прежнему глядя на своего мучителя и ощущая, что пальцы уже нащупали его глаза и выдавливают их. Его глаза неожиданно вздулись и вырвались из глазниц. В одно мгновение он увидел мир с совершенно неожиданных позиций, совершенно в новом ракурсе. Взгляд скользнул по его собственной щеке, затем по губам, подбородку... Ощущение было ужасающим, но, к счастью, коротким. Картины его тридцатисемилетней жизни прокрутились перед его мысленным взором, и Рики упал, погрузившись в неведомое.

Вся история с Рики заняла не более трех минут. Все это время Берди перебирала ключи из связки Рики, пытаясь найти хоть один, подходящий к двери. Но бесполезно. Если бы не ее упрямство, стоило бы вернуться в зал и попросить о помощи. Механические предметы, в том числе замки, являли собой вызов ее самолюбию. Она презирала мужчин, вечно чувствующих свое превосходство во всем, что касается приборов, систем или логики. Она скорее бы умерла, чем поплелась к Рики, чтобы сообщить ему о своей неспособности открыть эту чертову дверь. К тому времени, как она оставила свое занятие, Рики был уже мертв. Она красочно выругалась на каждый ключ в отдельности и на всю связку в целом; она признала поражение. Видимо, Рики имел какой-то секрет обращения с этими штучками, которые она не могла раскусить. Ну да Бог с ним. Теперь она желала только одного: поскорее вырваться отсюда. Стены начинали давить на нее. Она боялась оказаться запертой, так и не узнав о том, что стряслось наверху.

Ко всему прочему огни в фойе стали меркнуть, умирая один за одним. Что в конце концов за чертовщина творится?

Без предупреждения все огни вдруг погасли, и она поклялась бы, что в этот момент за дверьми кино послышалось какое-то движение. Откуда-то с боку на нее струился свет сильнее чем свет фонаря.

— Рики? — бросилась она в темноту, которая, казалось, поглотила ее слова. То ли это, то ли то, что она не очень-то верила, что это Рики, заставило ее повторить шепотом:

— Рики...

Створки раздвижной двери мягко сомкнулись, как будто кто-то прикрыл их изнутри.

— ...ты?!

Воздух был наэлектризован: она шла к двери, с ее туфель слетали искры, волосы на руках стали жесткими, свет становился ярче с каждым шагом. Она на мгновение остановилась, задумавшись о своем любопытстве. Она понимала, что это не Рики. Возможно, это был тот тип, с которым она разговаривала по телефону. Какой-нибудь маньяк со стеклянными глазами, охотящийся на полных женщин. Она отступила на два шага к билетной кассе, из-под ног ее разлетались электрические искры. Она потянулась под стойку за Умиротворителем, железным ломиком, который она держала с тех пор, как однажды была скручена в кассе тремя бритоголовыми ворами с электрическими дрелями. В тот раз он помог ей от них избавиться. Тогда им все же удалось убежать, но она поклялась, что в следующий раз прикончит одного (или всех), не раздумывая, скорее, чем позволит себя терроризировать. Ее орудием стал трехфутовый Умиротворитель.

Вооружившись, она посмотрела на дверь.

Та внезапно распахнулась, и страшный рев оглушил Берди. И сквозь шум она услышала:

— На тебя смотрят, детка!

Глаз, один-единственный огромный глаз заполнил все пространство в дверном проеме. Шум сделался невыносимым. Огромный влажный глаз лениво моргнул, пристально изучая стоящую перед ним фигуру с любопытством, достойным Господа, создателя целлулоидной Земли и целлулоидных Небес.

Берди была поражена, иначе не скажешь. Это было далеко от киношного ужаса с его захватывающим предчувствием и приятным испугом. Это был настоящий кошмар, животный страх, гадкий и липкий, как дерьмо.

Она ощутила дрожь под немигающим взглядом этого глаза, ее ноги подкосились. Она упала на ковер перед дверью, и это определенно могло стать ее концом.

Тут-то она и вспомнила об Умиротворителе. Она схватила ломик двумя руками и бросилась к глазу.

Не успела она подбежать, как свет потух, и она опять оказалась в темноте.

Тут кто-то произнес:

— Рики мертв.

И только.

Но это было хуже, чем глаз, хуже всех ужасов Голливуда. Потому что она поняла — это правда. Кинотеатр превратился в бойню. По словам Рики, дружок Линды Ли убит, теперь это случилось и с ним. Все двери были заперты: в игре осталось двое. Она и Он.

Вряд ли понимая свой поступок, она бросилась к лестнице, чувствуя, что оставаться в фойе было бы самоубийством. Когда ее ноги коснулись нижней ступеньки, дверь приоткрылась снова и что-то быстрое и мерцающее скользнуло за ней. Оно отставало всего на шаг или на два от затаившей дыхание Берди. Сноп блестящих искр рассыпался рядом с ней, словно вспышка бенгальских огней. Она поняла, что ей предстоит еще один сюрприз.

Все еще преследуемая по пятам, она добралась до вершины лестницы. Участок коридора впереди, слабо освещенный грязной лампочкой, обещал ей небольшую передышку. Коридор тянулся через весь кинотеатр, и она могла попасть из него в кладовки, забитые всяким хламом: плакатами, стереоочками, заплесневевшим тряпьем. В одной из них была запасная дверь. Это Берди знала. Но в которой? Она была там лишь однажды, и то года два назад.

— Тысяча чертей, — прошипела она. Первая дверь была заперта. Она пнула ее ногой в сердцах. Но дверь, конечно, не открылась. И вторая тоже. И третья. Если бы она даже вспомнила, за какой дверью скрывается путь к спасению, это мало бы помогло. Двери были слишком крепки. Будь у нее Умиротворитель и минут десять времени, она бы справилась. Но глаз был где-то рядом, не оставляя ей и десяти секунд, не то что минут. Теперь схватка была неизбежна. Она повернулась на каблуках и взглянула на лестницу. Там не было никого.

Перед ней была сцена с облупленной краской и унылым рядом перегоревших лампочек; Берди вглядывалась, пытаясь обнаружить скрывающуюся тварь. Но существо в это время находилось сзади. Вспышка света озарила помещение. Берди резко обернулась. Огонь перешел в сияние, из которого стали рождаться образы. Почти забытые сцены из тысяч и тысяч фильмов, с каждой из которых было связано какое-то вос-

поминание. Она начала вспоминать, к каким картинам относятся те или иные отрывки. Перед ней был призрак из машины, сын целлулоида.

— Отдай нам свою душу, — требовал этот вихрь звезд.

— В душу я не верю, — твердо ответила Берди.

— Тогда подари нам свое отношение к экрану, к кино. Дай то, что отдают все зрители. Отдай частицу своей любви.

Так вот почему все эти кадры мелькали перед ней! Это были магические моменты единения публики с экраном. С ней самой это происходило довольно часто. Когда порой какой-нибудь фильм затрагивал ее очень сильно, его окончание приносило ей почти физическую боль. Она чувствовала, что потеряла что-то, оставила часть самой себя в мире героев и героинь. Может быть, тяжесть ее желания уносилась куда-то, перемешиваясь с тяжестью других сердец, собираясь в какой-то нише, до...

До этого момента, когда дитя их коллективных страстей стало буквально сводить ее с ума. Ну что же, одно дело понимать палача, другое дело отговорить его от исполнения своих профессиональных обязанностей. Даже ломая голову над этой загадкой, она продолжала узнавать эпизоды. Ничего нельзя было с собой поделаться. Дразнящие отсветы жизней, которые она пережила, лиц которые она любила. Микки-Маус, пляшущий с метлой, Гиш в «Разбитых надеждах», Гарленд, с собачонкой Тото, глядящий на кружащую над Канзасом смерть, Эстер в «Колпаке», Веллес в «Кейне», Брандо и Крауфорд Тресси и Хепберн — образы, так впечатлавшиеся в наши сердца, что они не нуждаются в личных именах. Насколько лучше видеть эти моменты: ожидая поцелуя, но не поцелуй, ссору, но не примирение, не чудовище, а лишь его тень, ранение, но не смерть. Это всегда оказывало не нее эмоциональное воздействие.

— Разве это не красиво? — раздался вопрос.

Это было действительно красиво.

— Почему ты не хочешь стать моей?

Она больше не думала. Ее способность к мышлению исчезла. Пока среди образов не возникло нечто, что привело ее в себя. Дамбо — огромный слон, ее толстый слоненок. Всего лишь толстый слоненок, который в голове Берди ассоциировался с собой.

Заклинание было снято. Она отвернувшись. В какой-то момент она уловила что-то болезненное и гадкое, скрывающееся за этим очарованием. Ребенком ее называли Дамбо. Все дети ее квартала. Она жила с этим издевательским прозвищем двадцать лет, не в силах об этом забыть. Толстое тело слоненка напоминало ей о ее полноте. Его потерянный взгляд — о ее одиночестве. Она наблюдала сцену, как слониха укачивала Дамбо на хоботе, и находила бессмысленными все эти сентиментальности.

— Все это гнусная ложь, — вырвалось у нее

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — раздался удивленный голос.

— За всем этим скрывается какая-то мерзость.

Свет начал меркнуть, образы исчезли. Она уже могла разглядеть что-то другое, маленькое и темное, притаившееся за световым занавесом. Берди почувствовала страх смерти, исходивший от этого существа. Запах смерти чувствовался и в десяти шагах.

— Кто ты такой, в конце концов? — она шагнула вперед. — Почему ты прячешься, эй!

Послышался голос, ужасающий человеческий голос.

— Тебе это незачем знать.

— Но ты пытался убить меня.

— Я хочу жить.

— Но я тоже.

В том углу, откуда доносился голос, было темно. Берди почувствовала отвратительный запах гнили. Она вспомнила этот запах, запах какого-то животного. Прошлой весной, когда сошел снег, она нашла трупик перед своим домом. Маленькая собачка или большая кошка, точно нельзя было сказать. Домашнее животное, застигнутое декабрьскими холодами. Полуразложившаяся тушка кишела червями. Желтоватыми, сероватыми, розоватыми. Мысленная картина с тысячью движущихся мазков. Она ясно вспомнила эту вонь.

Набравшись мужества и все еще находясь под впечатлением образа Дамбо, столь больно ее уязвившего, она направилась к колышущемуся миражу, крепко держа в руках Умиротворитель, на случай, если эта тварь выкинет еще какой-нибудь фокус. Доски под ее ногами скрипели. Но она была слишком поглощена своим соперником, чтобы прислушаться к их предупреждениям. Настал момент, когда она

должна схватить этого убийцу и выбить из него все его тайны. Она уже почти дошла до конца коридора. Берди шла вперед, он отступал. Ему уже некуда было деться. Внезапно пол треснул под ней, и она провалилась в облако пыли, выронив из рук Умиротворитель. Берди пыталась схватиться за край доски, но та была совершенно изъедена червями и рассыпалась в ее руках. Она неуклюже плюхнулась на что-то мягкое.

Здесь запах гнили был еще сильнее. Ее желудок буквально выворачивало. Она протянула руку в темноту. Все вокруг было покрыто холодной слизью. Ей показалось, что ее впихнули в чрево гниющей рыбы. Над ней, сквозь доски, сверкнул свет. Она заставила себя оглянуться, хотя это далось нелегко.

Она лежала на человеческих останках, растекавшихся по всей комнате. Ей хотелось кричать. Ее первым порывом было желание разорвать юбку и блузку, которые уже насквозь пропитались липкой слизью. Но она понимала, что не сможет пройти голой даже перед сыном целлулоида.

А он по-прежнему смотрел на нее сверху.

— Теперь ты знаешь, — произнес он.

— Это ты?

— Да, это тело, в котором я когда-то жил. Его звали Барберิโอ. Преступник, ничего особенного. Он никогда не стремился к высоким материям.

— А ты?

— Я его раковая опухоль. Его единственная часть, которая к чему-то стремилась. Которая захотела быть чем-то большим, чем скромная клетка. Я дремлющая смерть. Неудивительно, что я так люблю кино.

Сын целлулоида рыдал над краем проломанного пола. Обнаружилось его истинное тело, и больше не было смысла создавать себе ложную славу.

Это действительно оказалась грязная тварь, жиреющая на разбитых страстях. Паразит с телом червя и видом сырой печени. На мгновение показался беззубый рот, как-то нелепо выглядящий на этой бесформенной твари. Опухоль заговорила опять:

— Все равно я найду способ завладеть твоей душой.

Проскользнув в трещину, он оказался перед Берди. Сбросив сверкающую оболочку из кинокадров, он оказался раз-

мером с ребенка. Он протянул к ней щупальце. Берди интуитивно отпрянула от него, но возможности скрыться были весьма ограничены. Комнатушка была очень узкой и к тому же захламлена чем-то вроде сломанных стульев и растрепанных молитвенников. Пути отсюда не было. Кроме того, которым она сюда попала. Пролом в полу был футах в двадцати над ней.

Опухоль робко, словно испытывая ее терпение, прикоснулась к ноге Берди. Она вся похолодела. Она ничего не могла сделать в этой нелепой ситуации, хотя ей стыдно было сдаваться. Это было в высшей мере отвратительно. Ничего подобного с ней никогда не происходило.

— Катись к чертям, — сказала она, пнув его в голову.

Но он продолжал надвигаться, и зловонная масса уже охватила ее ногу. Она чувствовала, как пена его плоти поднимается по ней.

Его туша, добравшаяся уже до ее лона, была почти сексапильна, и она подумала с отвращением, не хочет ли эта тварь позаниматься с ней любовью. Что-то в движении и шевелении этих щупалец, нежно касающихся под блузкой ее тела, тянувшихся к ее губам, побуждало в ней непреодолимое желание. Будь что будет, подумала она, раз это неизбежно.

Она позволила ему покрыть себя полностью, ежесекундно борясь с невыносимым отвращением.

Берди повернулась на живот.

Она наверняка весила сейчас больше 225 фунтов, и гнусное чудовище не чувствовало себя более свободным. Невыносимая тяжесть выдавливала из опухоли ее болезнетворные соки.

Тварь боролась как могла, но не в ее силах было освободиться от груза, давящего все сильнее. Запустив ногти в этого монстра, Берди рвала скользкое тело, выдирая комья из его пористого вонючего тела. Теперь опухоль выла и рычала не от злобы — от боли. Вскоре «дремлющая смерть» прекратила свою борьбу.

Берди мгновение лежала без движения. Под ней ничего уже не шевелилось.

Она встала. Мертва опухоль или нет, определить было невозможно. По всем мыслимым признакам она была мертва. Но Берди уже не хотела прикасаться к ней. Она скорее

вступила бы в бой с самим Дьяволом, чем дотронулась до опухоли Барберิโอ еще раз.

Берди взглянула на щель вверх, и у нее мелькнула мысль о том, не придется ли ей умереть здесь же, вслед за Барберิโอ. Бросив быстрый взгляд назад, она заметила пробивающийся свет. Ей стало ясно, что наступило утро, и лучи солнца начинали проникать сквозь решетку, которую она не замечала раньше из-за темноты.

Нагнувшись, она изо всех сил толкнула ее, и день, окружая ее своим светом, стремительно ворвался в темницу. В ее западню. Открывшийся проход был для нее слишком узок, и ей пришлось протискиваться в него с трудом. И хотя все время казалось, что опухоль опять около нее, все для Берди было уже позади. Жаловаться открывшемуся ей миру она могла только на свои многочисленные синяки.

Заброшенный участок земли, на котором она сейчас стояла, мало изменился со времен Барберิโอ. Он лишь чуть больше зарос крапивой. Немного постояв на сквозняке, вдыхая струи свежего воздуха, она подошла к ограде. За ней была видна улица.

Мальчишки, продающие газеты, и собаки разбегались по сторонам, как только они замечали или учуивали странную полную фигуру с изможденным лицом и в провонявшей одежде. Берди возвращалась домой. Но это еще не конец.

Полиция явилась в Дом Кино лишь в половине десятого. С ними была Берди. Поиски выявили изувеченные трупы Дина и Рики, а также останки «сынишки» Барберิโอ. Навверху, в углу коридора, нашелся вишневый ботинок.

Берди ничего не сказала, хотя она знала: Линди Ли не выходила никуда.

Берди было предъявлено обвинение в двух убийствах, хотя никому всерьез не верилось, что она могла их совершить. Ее освободили за отсутствием доказательств. Суд решил, что ей необходимо психиатрическое наблюдение в течение, по крайней мере, двух лет. Он не мог выдвинуть против нее обвинение, однако слова Берди показались судьям бредом сумасшедшего. Ее сказки о ходячих раковых опухолях не вносили в дело абсолютно никакой ясности.

Ранней весной следующего года Берди вдруг перестала есть. Она теряла вес за счет выходившей из нее воды. Но этого казалось достаточно, чтобы ее знакомые начали пого-

варивать о том, что ей скоро удастся разрешить свою Большую Проблему.

В тот уик-энд она пропала на целые сутки. Берди нашла Линди Ли в заброшенном доме в Сиэтле. Ее не трудно было выследить: бедная Линди едва держала себя в руках. Где уж ей было думать о возможных преследователях. Когда произошла вся эта история, родители потратили на розыски несколько месяцев. Потом, утратив надежду, они прекратили их. И только Берди продолжала платить частному детективу. В конце концов ее терпение было вознаграждено. Она увидела перед собой хрупкую красавицу. Она показалась ей еще болезненнее, но такой же красивой. Она сидела в своей пустой комнате. Вокруг нее роились полчища мух.

Достав винтовку, Берди открыла дверь. Линди Ли очнулась от своих грез, или от *его* грез, и улыбнулась. Приветствие длилось всего лишь мгновение. Паразит, узнав лицо Берди и заметив в ее руках винтовку, сразу понял, что сейчас произойдет.

— Отлично, — произнес он, поднимаясь, чтобы встретить гостью, — ну что ж.

И тут глаза Линди Ли взорвались. Взорвалось все ее тело, и опухоль зловонными розовыми ручьями потекла отовсюду. Струясь пенными ручьями, она стала расползаться по комнате.

Берди выстрелила трижды. Опухоль чуть подалась к ней и упала, запульсировала и стала сжиматься. Пока она была в таком состоянии, Берди спокойно достала склянку с кислотой, открутила крышку и вылила едкое содержимое на безжизненное тело и лужу, бывшие некогда опухолью. Берди никто не помешал это сделать, и она ушла, оставив обожженные, курящиеся едким дымом останки. Пустая комната была ярко освещена солнцем.

Берди шла по улице. Дело сделано. Она медленно пошла, раздумывая о том, как долго и счастливо она будет жить, когда об этой необычной истории будет снят доходный фильм.

ЗАПРЕТНОЕ

Как в безупречной трагедии изящество структуры плохо различимо за страданиями героев, так совершенная геометрия района Спектор-стрит была видна лишь с некоторого расстояния. Если прогуливаться по его мрачным ущельям, шагая грязноватыми коридорами от одной серой бетонной коробки к другой, мало что может остановить взгляд или всколыхнуть воображение. Часть молодых деревьев, высаженных прямоугольниками, давно изувечена и выдрана с корнем; зелень травы, хотя и высокой, никак не похожа на здоровую...

Несомненно, и район, и две соседние застройки некогда были мечтой архитектора. Несомненно, планировщики рыдали от удовольствия над проектом, размещая по триста тридцать шесть персон на гектар и тем не менее гордясь еще местом для детской площадки. И нет сомнения, что на Спектор-стрит возводились состояния и репутации и на открытии говорили прекрасные слова о том, что это — мерило, по которому будут равняться последующие новостройки. Но слезы пролиты, слова сказаны, район зажил собственной жизнью, а планировщики заняли отреставрированные дома времен короля Георга на другом конце города и, возможно, никогда более здесь не ступали.

Но даже если б и ступили, то не испытали бы стыда от явных ухудшений. Без всякого сомнения, они бы доказали: порождение их умов блестяще, как всегда, — геометрия точна, пропорции соразмерны; именно люди испортили Спектор-стрит. И такое обвинение не было бы неправильным. Элен редко видела столь варварски разрушенную городскую среду.

Фонари разбиты, ограды задних дворов повалены; машины без колес, с разобранными моторами и сожженными ходовыми частями брошены возле гаражей. Трех- или четырехэтажные дома в одном из внутренних дворов были опустошены пожаром, а окна и двери заколочены досками и помятыми листами железа.

И все-таки самое поразительное — граффити. Это и было то, на что она пришла поглядеть, вдохновленная рассказом Арчи, и она не была разочарована. Глядя на эти наслаивающиеся друг на друга рисунки, имена, непристойности и лозунги, накарябанные или набрызганные из распылителя на каждом кирпиче, до которого достали, трудно было поверить, что Спектор-стрит едва ли исполнилось три с половиной года. Стены, совсем недавно девственные, замазаны так основательно, что Городской отдел, ведавший уборкой, не мог и надеяться вернуть им прежний вид. Слой свежей побелки, уничтожающий эту зрительную какофонию, только бы предоставил писцам новую и даже более соблазнительную поверхность, где можно оставить свой след.

Элен была на седьмом небе. Любой угол давал дополнительный материал для темы: *«Граффити: семиотика городской безысходности»*. Тут сходились две ее любимые дисциплины — социология и эстетика, и пока она бродила по району, она размышляла, не наберется ли здесь материала на целую книгу. Она шла по дворам, списывая множество интереснейших надписей и отмечая их местонахождение. Затем она сбегала к машине, взяла фотоаппарат со штативом и вернулась к самым изобильным областям, чтобы произвести тщательную съемку.

Малоприятное дельце. Она не слишком искусный фотограф, а небо позднего октября непрерывно менялось, каждое мгновение свет перебегал с кирпича на кирпич. Пока она устанавливала и переустанавливала выдержку, чтобы как-то компенсировать смену освещения, пальцы ее становились все более неуклюжими, а самообладание, соответственно, иссякало. Но она старалась изо всех сил, не обращая внимания на праздное любопытство прохожих. Здесь было так много рисунков, достойных запечатления. Она напоминала себе, что нынешние неудобства будут вознаграждены сторицей, когда она покажет слайды Тревору, чьи сомнения насчет обоснованности ее проекта очевидны с самого начала.

«Надписи на стенах? — сказал он, полуулыбаясь, в своей обычной манере, рождающей раздражение. — Это делали сто раз».

Конечно, это правда, и тем не менее... Научные труды о граффити, безусловно, были, наспигованные социологическим жаргоном: *лишение прав на культуру, городское отчуждение*, но она тешила себя надеждой, что среди этого сора сможет отыскать нечто, не отысканное другими исследователями, какой-нибудь общий принцип, который могла бы использовать как подпорку для собственного тезиса. Только энергичная каталогизация и перекрестные ссылки на фразы и образы, находящиеся перед ней, могут обнаружить этот принцип, отсюда и важность фотографирования. Столько рук поработало здесь, столько умов оставило свой след, однако небрежно, — и если бы она отыскала какую-то схему, доминанту или же *лейтмотив*, появилась бы гарантия, что тема привлечет серьезное внимание и она в свою очередь тоже.

«Что вы делаете?» — спросил голос у нее за спиной.

Она отвлеклась от своих мыслей и увидела на тротуаре позади себя молодую женщину с сидячей детской коляской. Выглядит усталой и озябшей, подумала Элен. Ребенок в коляске хныкал, его грязные пальцы сжимали оранжевый леденец на палочке и обертку от шоколадного батончика. Большая часть шоколада и мармеладная начинка были размазаны по переду пальтишка.

Элен слабо улыбнулась женщине, казалось, той это необходимо.

«Я фотографирую стены», — сказала она в ответ, утверждая очевидное.

Женщина — по мнению Элен, ей едва ли исполнилось двадцать — спросила: «Вы имеете в виду пачкотню?»

«Надписи и рисунки, — сказала Элен. И добавила: — Да. Пачкотню».

«Вы из Городского совета?»

«Нет, из Университета!»

«Чертовски противно, — сказала женщина, — то, что они творят. И не только дети».

«Нет?»

«Взрослые мужчины тоже. Им на все наплевать. Делают среди белого дня. Посмотрите только... среди белого дня...» Она взглянула вниз, на ребенка, который точил свой леденец

о землю. «Керри!» — резко окликнула она, но мальчик не обратил внимания. «Они собираются все это смыть?» — спросила женщина.

«Не знаю, — ответила Элен и повторила: — Я из Университета».

«О! — сказала женщина так, будто услышала нечто новое. — Значит, к Совету вы не имеете никакого отношения?»

«Никакого».

«Кое-что из этого неприлично, правда? По-настоящему грязно. Посмотрев на некоторые штуки, что они рисуют, я смущаюсь».

Элен кивнула, глядя на мальчика в коляске. Керри решил для сохранности сунуть сласть в ухо.

«Не делай этого!» — сказала мать и нагнулась, чтобы шлепнуть ребенка по руке. Слабый удар вызвал детский рев. Элен воспользовалась моментом, чтобы вернуться к фотоаппарату. Но женщина не наговорила. «Это не только снаружи, нет», — заметила она.

«Простите?» — переспросила Элен.

«Они врываются в опустевшие квартиры. Совет пробует заколачивать, но это бесполезно. Так или иначе, они туда влезают. Используют вместо туалетов и еще пишат гадости на стенах. Опять же устраивают пожары. Тогда никто не может въехать обратно».

Сказанное возбудило любопытство. Отличаются ли существенным образом граффити *внутри* от тех, что снаружи? Это определенно стоит исследовать.

«А здесь, поблизости, вы знаете какие-нибудь такие места?»

«Пустые квартиры, говорите?»

«С граффити».

«Прямо возле нас одна или две, — охотно отозвалась женщина. — Я из Баттс Корта».

«Вы могли бы их мне показать?» — спросила Элен.

Женщина пожала плечами.

«Кстати, меня зовут Элен Бучанан».

«Анни-Мари», — ответила родительница.

«Я была бы очень признательна, если бы вы указали одну из таких пустых квартир».

Анни-Мари, озадаченная энтузиазмом Элен, и не пыталась этого скрывать, вновь пожав плечами, она сказала: «Там не на что особенно смотреть. Только еще больше этой дряни».

Элен собрала снаряжение, и они пошли бок о бок сквозь перекрещивающиеся коридоры. Хотя все вокруг было приземистым, дома не больше пяти этажей в высоту, воздействие окруженных домами четырехугольных дворов рождало ужасающее чувство клаустрофобии. Лестницы и аллеи — мечта воров — изобиловали глухими углами и скудно освещенными подворотнями. Мусоропроводы, по которым с верхних этажей скидывали мешки с отходами, давно были заперты, потому что во время пожаров действовали как воздушные шахты. Ныне пластиковые мешки с мусором высоко громоздились в коридорах, многие разодраны бродячими собаками и содержимое разбросано по земле. Запах, неприятный даже в холодную погоду, в разгар лета должен был сшибать с ног.

«Мне туда, — сказала Анни-Мари. — В тот, с желтой дверью». Потом она указала на противоположную сторону двора. «Пять или шесть домов от самого конца, — сказала она. — Два из них уже несколько недель как пустые. Одна семья переехала в Раскин Корт. Другая удрала посреди ночи».

Она повернулась к Элен спиной и покатила Керри, который тянул за собой длинную нитку слюны, свисающую на бок коляски.

«Благодарю вас», — крикнула Элен вслед. Анни-Мари через плечо быстро взглянула на нее, но не ответила.

Со все возрастающим предвкушением, Элен проходила вдоль ряда одноэтажных особнячков, хотя многие из них, пусть и обитаемые, и не напоминали жилье. Шторы плотно задернуты; молочные бутылки у порогов отсутствовали, даже детских игрушек, которые обычно забывают там, где играли, не было. Здесь и впрямь не было ничего, связанного с жизнью. Однако было больше граффити, отвратительно наляпанных на дверях домов. Она разрешала себе только небрежно взглянуть на надписи, отчасти потому, что боялась, вдруг как раз в тот момент, когда она будет изучать намалеванную на них отборную ругань, двери распахнутся, но больше потому, что горела желанием увидеть, какие еще откровения могут поведать пустые дома.

Зловредные запахи — и свежие, и застоявшиеся — встретили ее на пороге №14, самый слабый — запах горелой краски и пластика. Целых десять секунд она колебалась, размышляя: безрассудство ли войти в этот дом. Пространство за спиной безусловно было чуждым, спеленатым собственной нищетой,

но комнаты впереди пугали еще сильнее: тихий, темный лабиринт, куда едва мог проникнуть ее взгляд. Но она вспомнила о Треворе, о том, как сильно желала заслужить его снисходительность, и покинувшая ее было решительность возвратилась. С этими мыслями она и шагнула, нарочно поддав ногой кусок обуглившейся деревяшки, надеясь, что таким образом принудит любого жильца обнаружить себя.

Однако никаких признаков жизни не было. Обретя уверенность, Элен стала изучать прихожую, которая, судя по останкам распотрошенной софы в углу и мокрому ковру под ногами, являлась гостиной. Бледно-зеленые стены, как и обещала Анни-Мари, были повсюду исчерканы и малолетними писунами, довольствующимися ручкой и даже более грубыми приспособлениями, вроде головешки от софы, и теми, кто, трудясь на публику, расписал стены полудюжиной красок.

Некоторые замечания представляли интерес, хотя многие она видела и снаружи. Знакомые имена и словосочетания повторяли сами себя. Пусть она ни разу не видела этих особ, она знала, сколь жестоким способом Фабиан Дж. (А. ОК!) намеревался дефлорировать Мишель, а эта Мишель в свою очередь жаждала некоего м-ра Шина. Здесь, как и повсюду, человек, именуемый Белая Крыса, хвастал своими достоинствами, а надпись красной краской обещала, что братья Силлабуб еще вернутся. Одна-две картинки, сопутствующие или, по крайней мере, соседствующие с ними, представляли особый интерес. Их озаряла почти символическая простота. Рядом со словом *Христос* находилась малопрятная личность с волосами, торчащими в разные стороны, словно шипы, и другие головы, на эти шипы насаженные. Нарисованный поблизости процесс совокупления был так схематизирован, что сначала Элен даже приняла его за изображение ножа, вонзаемого в ослепший глаз. Но как ни привлекательны рисунки, в комнате было слишком темно для фотографирования, а захватить вспышку она не подумала. Если ей требуется заслуживающее доверия свидетельство о находках, она придет снова, а сейчас удовольствуется простым осмотром помещений.

Дом был небольшой, но окна повсюду заколочены, и по мере того, как она продвигалась все дальше от входной двери, слабый свет делался еще слабее. Запах мочи, и возле двери крепкий, становился крепче, и к тому времени, как она достигла конца гостиной и шагнула через короткий коридор в

следующую комнату, запах пресыщал, вроде ладана. Эта комната, самая дальняя от входной двери, была и самой темной, и Элен пришлось переждать несколько мгновений в кромешном мраке, чтобы глаза привыкли. Это спальня, предположила она. И та малость от мебели, что оставили жильцы, была разбита вдребезги. Один матрас оставался относительно нетронутым, сваленный в угол комнаты среди беспорядочно разбросанных и рваных одеял, газет, среди осколков посуды.

Снаружи солнце отыскивало дорогу в облаках, и два или три солнечных луча скользнули меж досок, закрывавших окно спальни, и проникли в комнату, как благовещение, разметив противоположную стену яркими полосами. Мастера граффити потрудились и тут: обычный хор любовных посланий и угроз. Она быстро осмотрела стену и пока делала это, взгляд ее, следуя за солнечными лучами, скользнул через комнату к стене с дверью, в которую она вошла.

Здесь тоже поработали художники, но изображения, подобного этому, она никогда не встречала. Используя дверь, расположенную по центру стены, как рот, художники нарисовали на ободранной штукатурке громадную одинокую голову. Картина, более искусная, чем большинство из виденных Элен, изобиловала деталями, придававшими изображению ошеломляющее правдоподобие. Скулы проступали под кожей цвета пахты, острые неровные зубы сходились к двери. Глаза портретируемого из-за низкого потолка комнаты находились только несколькими дюймами выше верхней губы, но эта физическая корректировка лишь придавала изображению силы, создавалось впечатление, что голова откинута. Спутанные пряди волос змеились по потолку.

Был ли это портрет? Нечто щемяще *особенное* присутствовало в чертах бровей и в линиях вокруг широкого рта, в тщательной прорисовке кривых зубов. Несомненный кошмар: дотошное изображение чего-то, возможно, из героиновой фуги. Каков бы ни был источник, оно убеждало. Впечатляла даже иллюзия двери-рта. Короткий проход между гостиной и спальней представлял как бы зияющее горло с разбитой лампой вместо миндалин. За глоткой пылал белизной день в животе кошмара. В целом, вызванный эффект напоминал видение процессии призраков. То же самое колоссальное уродство, то же самое бесстыдное намерение испугать. И это действовало: Элен стояла в спальне почти потрясенная изображением, его

глаза, обведенные красным, безжалостно уставились на нее. Завтра, твердо решила Элен, она вернется сюда, на этот раз с высокочувствительной пленкой и вспышкой, чтобы осветить эти художества.

И когда она собралась уходить, солнце зашло, полосы света исчезли. Она взглянула через плечо на заколоченные окна и в первый раз увидела лозунг из трех слов, который был намалеван в простенке.

«Сладкое к сладкому», — гласил он. Ей было знакомо это выражение, но не его источник. Профессиональная любовь? Если так, то это было странное место для подобного признания. Несмотря на матрас в углу и относительную уединенность комнаты, как представить возможного читателя этих слов, просто шагнувшего сюда, чтобы ощутить ее вкус. Никакие любовники-подростки, как бы ни были они распалены, не стали бы играть в папу и маму здесь, под пристальным взглядом ужаса со стены. Она пересекла комнату, чтобы осмотреть надпись. Краска, казалось, того же оттенка розового, использованного, чтобы подкрасить губы кричащего человека, возможно, та же рука.

За спиной послышался шум. Она повернулась так быстро, что почти упала на матрас, заваленный одеялами.

«Кто?»

На другом конце глотки, в гостиной, находился мальчик лет шести-семи, с коленями, покрытыми струпьями. Он уставился на Элен поблескивающими в полутьме глазами, будто ожидая, когда к нему обратятся.

«Да?» — сказала она.

«Анни-Мари говорит, ты хочешь чашку чая?» — провозгласил он без пауз и без интонации.

После разговора с женщиной, кажется, минули часы. Тем не менее, она была благодарна за приглашение. Сырость в доме рождала озноб.

«Да, — сказала она мальчику. — Да, пожалуйста».

Ребенок не двинулся и лишь смотрел.

«Ты собираешься показать дорогу?» — спросила она.

«Если хочешь», — ответил тот без всякого энтузиазма.

«Мне хотелось бы».

«Ты фотографируешь?» — спросил он.

«Да. Фотографирую. Но не здесь».

«Почему не здесь?»

«Слишком темно», — сказала она ему.

«Не действует в темноте?» — спросил он.

«Нет».

Мальчик кивнул так, словно эта информация каким-то образом хорошо укладывалась в его картину мира, и без единого слова повернулся кругом, очевидно, ожидая, что Элен последует за ним.

Если на улице Анни-Мари была молчалива, в уединении собственной кухни она была далеко не такой. Настороженное любопытство исчезло, его сменили поток оживленной болтовни и бесконечная суета в черед мелкий домашних хлопот, похожая на суету жонглера, удерживающего несколько вращающихся тарелок одновременно. Элен наблюдала за этим актом балансирования с некоторым восхищением, ее собственные хозяйственные дарования были ничтожны. Наконец пустой разговор обратился к предмету, который и привел сюда Элен.

«Эти фотографии, — спросила Анни-Мари, — зачем они вам нужны?»

«Я пишу о граффити. Фотографии иллюстрируют мою мысль».

«Не очень-то приятное дельце».

«Да, вы правы, не слишком приятное. Но я считаю, интересное».

Анни-Мари покачала головой. «Ненавижу этот район, — сказала она. — Здесь небезопасно. Людей грабят у их собственных порогов. Дети каждый день поджигают мусор. Прошлым летом пожарная команда приезжала по два-три раза на дню, пока все мусоропроводы не закрыли. Теперь просто сваливают мешки в проходах, а это привлекает крыс».

«Вы живете здесь одна?»

«Да, — сказала она, — с тех пор, как Дэви ушел».

«Это ваш муж?»

«Отец Керри, но мы никогда не были женаты. Знаете, мы прожили вместе два года. И у нас случались хорошие времена. Потом однажды он просто встал и ушел, когда я с Керри была у своей мамы». Она уставилась на свою чашку. «Мне без него лучше, — сказала она. — Только иногда становится страшно. Хотите еще немного чая?»

«Думаю, мне пора».

«Одну чашку», — сказала Анни-Мари, поднявшись и вынимая вилку из электрического чайника, чтобы вновь его наполнить. Когда она собиралась открыть кран, она заметила что-то на сушилке и большим пальцем раздавила. «Ах, чтоб тебя, пидор, — сказала она, затем повернулась к Элен. — У нас эти чертовы муравьи».

«Муравьи?»

«Во всем районе. Они из Египта, называются фараоновы муравьи. Маленькие коричневые пидарасы. Плодятся в трубах центрального отопления, видите ли, и таким манером пролезают во все квартиры. Все заполонили».

Такая невероятная экзотика (муравьи из Египта?) поразила Элен своей забавностью, но она ничего не сказала. Анни-Мари выглянула из кухонного окна в задний двор.

«Вы должны сказать им, — произнесла она, хотя Элен не знала, кому в точности поручается ей рассказать, — скажите им, что простые люди больше не могут даже ходить по улицам».

«Неужели на самом деле все так плохо?» — спросила Элен, поистине уставшая от этого перечня неудач.

Анни-Мари отвернулась от раковины и сурово посмотрела на нее.

«У нас здесь случаются убийства», — сказала она.

«В самом деле?»

«Этим летом было одно. Старик из Раскина. Это прямо по соседству. Я его не знала, но он дружил с соседской сестрой. Забыла, как его звали».

«И его убили?»

«Порезали на куски прямо в собственной гостиной. Его нашли почти через неделю».

«А что же соседи? Они не заметили его отсутствия?»

Анни-Мари пожала плечами, словно самое главное — об убийстве и человеческом одиночестве — рассказано и больше расспрашивать не о чем. Но Элен настаивала.

«Мне кажется это странным», — сказала она.

Анни-Мари включила наполненный чайник. «Бывает и так», — произнесла она, застыв.

«Я не говорю, что этого не было, я просто...»

«Ему глаза выкололи», — сказала Анни-Мари, прежде чем Элен снова выразила сомнение.

Элен содрогнулась. «Нет», — беззвучно прошептала она.

«Это правда, — сказала Анни-Мари. — И это не все, что с ним произвели». Она для эффекта сделала паузу, затем продолжила: «Вы думаете, кто же способен на такое? Правда ведь? Думаете?» Элен кивнула. Она именно об этом и думала.

«Хотя бы виновного нашли?»

Анни-Мари хмыкнула с пренебрежением. «Полиции наплевать, что здесь творится. Они стараются насколько возможно держаться подальше от этого места. Когда они вправду патрулируют, они забирают детей, которые напились, и тому подобное. Видите ли, они боятся. Вот почему и держатся в стороне».

«Боятся убийцы?»

«Может быть, — ответила Анни-Мари. — Опять же, у него есть крюк».

«Крюк?»

«У человека, что это сделал. У него есть крюк, как у Джека-Жнеца».

Элен не разбиралась в убийствах, но была уверена: то, что делал своим крюком Жнец, вовсе не заслуживает похвалы. Однако подвергать сомнению правдоподобие истории Анни-Мари казалось занятием неблагодарным, хотя про себя Элен размышляла, что из этого — выколотые глаза, гниющее в квартире тело, крюк — прибавлено для полноты сюжета. Даже самые добросовестные рассказчики изредка испытывают искушение что-то приукрасить.

Анни-Мари налила себе еще чашку чаю и потянулась к чашке Элен.

«Нет, спасибо, — сказала та. — Я действительно пойду».

«Вы замужем?» — спросила Анни-Мари неожиданно.

«Да. За лектором из университета».

«Как его зовут?»

«Тревор».

Анни-Мари положила себе в чашку две полные ложки сахара. «Вы вернетесь?» — спросила она.

«Да. Надеюсь. На этой неделе. Я хочу сделать несколько снимков в доме, что на другом конце двора».

«Хорошо. Заходите».

«Зайду. И спасибо вам за помощь».

«Тогда отлично, — ответила Анни-Мари. — Вы должны рассказать кое-кому, так ведь?»

* * *

«По-видимому, у человека вместо руки крюк».

Тревор оторвал взгляд от своей тарелки с *tagliatelle con prosciutto*.

«Прости, как?..»

Элен изо всех сил старалась пересказать историю, не окрашивая рассказ субъективными чувствами. Ее интересовало, что из этого сотворит Тревор. Но если она хоть как-то выразит собственную заинтересованность, Тревор в силу своего скверного характера инстинктивно займет противоположную позицию.

«У него есть крюк», — ровным голосом повторила она.

Тревор положил вилку и потянул себя за нос, пофыркивая. «Ничего об этом не читал», — сказал он.

«Ты не заглядываешь в местные газеты, — возразила Элен. — Никто не заглядывает. Может, этого никогда не делает ни один представитель нации».

«Пожилой Человек Убит Маньяком с Рукой-Крюком, — произнес Тревор, смакуя гиперболу. — Кажется, годится для новостей. Когда предположительно все произошло?»

«В течение прошлого лета. Может быть, когда мы были в Ирландии».

«Быть может», — сказал Тревор, вновь берясь за вилку. Нацеленные на еду блестящие линзы его очков, скрывая глаза, отражали тарелку с макаронами и нарезанную ветчину.

«Почему ты говоришь — *быть может?*» — поддела его Элен.

«Это звучит не совсем верно, — сказал он. — По правде, это звучит чертовски нелепо».

«Ты не веришь?» — спросила Элен.

Тревор поднял взгляд от тарелки, языком слизнул крошку *tagliatelle* в углу рта. Лицо его приняло свойственное ему уклончивое выражение — без сомнения, такое лицо он делал, когда слушал своих студентов. «Ты веришь?» — спросил он Элен. Это было его излюбленное средство, чтобы выиграть время, еще один семинарский фокус — вопрос спрашивающему.

«Не полностью», — ответила Элен, слишком озабоченная поиском хоть какой-то опоры в море сомнений, чтобы терять силы, выигрывая баллы.

«Хорошо, забудь рассказанное, — произнес Тревор, прерывая процесс еды, чтобы выпить еще один стакан красного вина. — А как насчет рассказчицы? Ей ты веришь?»

Элен представила искреннее выражение на лице Анни-Мари, когда она рассказывала о смерти старика. «Да, — сказала она. — Да. Я бы, думаю, поняла, если бы мне лгали».

«В любом случае, почему так важно, лжет она или нет? Какого хрена, что нам до этого дела?»

Это был резонный вопрос, даже заданный с раздражением. Почему же это действительно важно? Было ли так оттого, что она хотела, чтобы худшие ощущения, оставшиеся от Спектор-стрит, оказались ложными? Потому что район был грязным, отчаявшимся, замусоренным, где нежелательных и неудачливых людей прятали от глаз общественности — все это было — все это было гуманистической банальщиной, и Элен принимала это как неприятную социальную реальность. Но в рассказе об убийстве старика и об издевательствах над ним таилось нечто другое. Вид насильственной смерти, однажды посетивший, отказывался ее оставить.

Она поняла, к собственной досаде, что растерянность ясно написана у нее на лице и что Тревор, наблюдая за ней через стол, немало потешается.

«Если это так сильно тебя волнует, — сказал он, — почему бы тебе не вернуться и не пораспрашивать в округе, вместо того, чтобы играть за обедом в веришь-не-веришь?»

При этом его замечании она не могла сдержаться: «Я думала, тебе нравится играть в загадки», — сказала она.

Он бросил на нее сердитый взгляд.

«Опять неверно».

Предложение о расследовании было неплохим, хотя несомненно тут оно порождено какими-то скрытыми причинами. День ото дня она смотрела на Тревора все менее благосклонно. То, что раньше она принимала в нем за готовность к дискуссии, теперь она распознала как простую игру «кто сильнее». Он спорил, но не из-за возбуждения спора, а потому, что был паталогически склонен к соревнованию. Иногда она видела: он занимает позицию, которая, Элен знала, ему чужда, просто, чтобы пустить кровь. Еще более жалко, что он не одинок в этом спорте. Академия была одним из последних оплотов профессиональных транжиров времени. По случайности, в их кругу преобладали образованные дураки, заблудившиеся в пустыне затхлой риторики и бесплодных свершений.

От одной пустыни к другой. Она вернулась на Спектор-стрит на следующий день, вооруженная фотовспышкой в дополнение к штативу и высокочувствительной пленке. В тот день поднялся ветер, и ветер арктический, явившийся еще больше оттого, что заблудился в лабиринте проходов и дворов. Она направилась к №14 и провела целый час в его оскверненных пределах, тщательно фотографируя стены спальни и гостиной. Она ожидала, что воздействие головы в спальне при повторном осмотре станет значительно слабее; этого не произошло. Хотя она старалась схватить и целое и детали как можно лучше, она знала, — фотографии в лучшем случае будут лишь слабым эхом его бесконечного вечного рева.

Большая часть его силы заключалась, конечно, в контексте. То, что на подобное изображение можно наткнуться в таком сером окружении, столь подозрительно лишенном таинственности, походило на обнаружение иконы в куче мусора: сияющий символ перехода из мира тяжелого труда и распада в некое более темное, но и более грандиозное царство. Она с болью осознала, что глубину ее впечатления, вероятно, выразить ей не удастся. Она владела словарем аналитическим, насыщенным трескучими словами и академической терминологией, но прискорбно убогим в своей выразительности. Фотографии, какой бы бледной копией подлинника они ни были, могли, надеялась она, по крайней мере намекнуть, сколь мощна картина, даже если и не смогут нагнать то чувство, что пробирает до печени.

Когда она покинула дом, ветер продолжал немилосердно дуть, но мальчик снаружи ждал — тот же самый ребенок, который сопровождал ее вчера, — одетый будто по весне. Он гримасничал, стараясь удержаться от отчаянной дрожи.

«Привет», — сказала Элен.

«Я ждал», — доложил ребенок.

«Ждал?»

«Анни-Мари сказала, что ты вернешься».

«Я только собиралась прийти как-нибудь на неделе, — сказала Элен. — Ты мог бы прождать долго».

Лицо мальчика прояснилось. «Все в порядке, — сказал он. — Мне было нечего делать».

«А как насчет школы?»

«Не нравится!» — ответил мальчик, будто получение образования зависело от его вкуса.

«Вижу», — сказала Элен и пошла по периметру двора. Мальчик шел за ней. На клочке травы в середине двора были кучей навалены несколько стульев и два или три мертвых деревца.

«Что это?» — спросила она, наполовину адресуя вопрос себе самой.

«Ночь Костров, — сообщил мальчик. — На следующей неделе».

«Конечно».

«Ты собираешься зайти к Анни-Мари?» — спросил он.

«Да».

«Ее нет».

«А ты уверен?»

«Ага».

«Хорошо, вдруг *ты* сможешь мне помочь...»

Она остановилась и повернулась, чтобы взглянуть на ребенка; от усталости у него под глазами набухли мешочки. «Я слышала о старике, которого убили поблизости, — сказала она ему. — Летом. Ты ничего об этом не знаешь?»

«Нет».

«Совсем? Ты не помнишь никакого убитого?»

«Нет, — повторил мальчик с впечатляющей категоричностью. — Не помню».

«Хорошо. В любом случае благодарю».

На сей раз, когда она возвращалась к машине, мальчик за ней не последовал. Но поворачивая за угол при выходе из двора, она оглянулась и увидела, что он стоит на том же месте, где она его оставила, и глядит ей вслед так, будто она была сумасшедшей.

Когда она добралась до машины и принялась укладывать фотопринадлежности в багажник, в ветре вызрели крупницы дождя, и она испытывала страшное искушение забыть, что когда-либо слышала историю, рассказанную Анни-Мари, отправиться домой, кофе там будет горячим, даже если встретят ее холодно. Но она нуждалась в ответе на вопрос, поставленный Тревором в прошлый вечер. *Ты* веришь в это? Такими словами он отреагировал на ее рассказ. Тогда она не знала, что ответить, не знала и теперь. Она чувствовала: терминология подлинной правды здесь излишня; возможно, окончательный ответ на этот вопрос вовсе и не ответ, а только другой вопрос. Если так, она должна докопаться до сути.

Раскин Корт был так же заброшен, как и его обитатели, если не сильней. Он не мог даже похвастаться праздничным костром. На балконе четвертого этажа женщина затыкала стирку прямо перед дождем; в центре двора, не обращая ни на кого внимания, на траве хороводились две собаки. Шагая по пустому тротуару, она придавала лицу решительное выражение; целеустремленность во взгляде, по словам Бернадет, предотвращает нападение. Заметив двух женщин, разговаривающих в дальнем конце двора, она торопливо направилась к ним, чувствуя благодарность за их присутствие.

«Простите».

Женщины, обе средних лет, прервали оживленное общение и оглядели ее.

«Не могли бы вы мне помочь?»

Она ощутила их оценивающие взгляды, их недоверие — и то, и другое было слишком неприкрытым. Одна, с багровым лицом, спросила попросту: «Чего надо?»

Элен почувствовала, что потеряла всякую способность расположить к себе. Что должна она сказать этим двум, чтобы намерения не вызвали протест? «Мне сказали... — начала она, потом запнулась, зная, что они ей не помогут. — ...Мне сказали, поблизости произошло убийство. Это так?»

Багровая женщина подняла брови, выщипанные почти напроць. «Убийство?» — переспросила она.

«Вы из газеты?» — спросила другая. Годы настолько исказили ее черты, что не помогали никакие ухищрения: маленький рот глубоко прочерчен, волосы, выкрашенные под брюнетку, на полдюйма были седыми у корней.

«Нет, я не из газеты, — ответила Элен. — Я подруга Анни-Мари, из Баттс Корта». Констатация дружбы, пусть и преувеличение, казалось, чуть смягчила женщин.

«Гостите?» — спросила багровая женщина.

«Так сказать».

«Упустили теплую погоду».

«Анни-Мари говорила, тут кого-то убили прошлым летом. Мне стало любопытно».

«Правда?»

«Вы что-нибудь знаете об этом?»

«Тут много всякого творится, — сказала вторая женщина. — Не знаешь и половины всего».

«Значит, это правда», — произнесла Элен.

«Они должны были прикрыть туалеты», — ввернула первая.

«Верно. Закрыли», — подтвердила другая.

«Туалеты? — переспросила Элен. — Какое отношение это имеет к смерти старика?»

«Это было ужасно! — сказала первая женщина. — Джози, это твой Фрэнк тебе рассказал?»

«Нет, не Фрэнк, — ответила Джози. — Фрэнк все еще в море. Это миссис Тизак».

Назвав свидетеля, Джози оставила историю своей подруге, взгляд ее возвратился к Элен. Подозрение в глазах не исчезло.

«Все случилось два месяца назад, — сказала Джози. — Аккурат в конце августа. Ведь был август, правда?» Ища подтверждения, она посмотрела на подругу. «Ты числа хорошо запоминаешь, Морин».

Морин, казалось, чувствовала себя неуютно. «Я забыла», — сказала она, явно не желая давать свидетельств.

«Мне бы хотелось знать», — сказала Элен. Джози, несмотря на неохоту подруги, страстно желала угодить.

«Здесь есть кое-какие уборные! — выпалила она. — Снаружи магазинов, знаете, — общественные уборные. Мне не совсем известно, что в точности произошло, но тут раньше был мальчик... ну, не то чтобы мальчик, ему было лет двадцать, думаю, или больше...» Она подбирала слова. «Но он был... с мозговыми отклонениями, так, кажется, говорят. Мать обычно брала его всюду с собой, как если ему четыре годика. В любом случае она отпустила его сходить в уборную, пока она сама ходит в тот маленький супермаркет. Как он там называется?» — она повернулась к Морин за подсказкой, но подруга только озиралась с очевидным неодобрением. Джози, однако, была неукротима. «Был самый разгар дня, — сказала она Элен. — Середина дня. В общем, мальчик пошел в туалет, а мать в магазин. Спустя какое-то время, вы знаете, как оно бывает, она занялась покупками, о нем забыла, а потом подумала — что-то его долго нет...»

Тут Морин не смогла удержаться, чтобы не встрять в разговор: наверное, забота о точности рассказа пересилила предусмотрительность.

«Она затеяла спор, — поправила Морин, — с хозяином. О каком-то испорченном беконе, который брала у него. Вот почему она была столько времени...»

«Понятно», — сказала Элен.

«В любом случае, — вступила Джози, чтобы продолжить повествование, — она закончила покупки и когда вышла, его все еще не было...»

«Поэтому она попросила кого-то из супермаркета...» — начала Морин, но Джози не собиралась отдавать инициативу в столь животрепещущий момент.

«Она попросила одного из мужчин из супермаркета, — повторила она фразу Морин, — пойти в уборную и поискать его».

«Это было ужасно», — сказала Морин, очевидно представляя какое-то зверство.

«Он лежал на полу в луже крови».

«Убитый?»

Джози покачала головой. «Лучше было бы ему умереть. На него напали с лезвием, — она дала возможность усвоить часть информации перед тем, как нанести *coup de grace*, — и они отрезали ему интимные части. Просто отрезали и спустили в туалет. Никакой причины это делать вовсе и не было».

«О, Боже».

«Лучше умереть, — повторила Джози. — Думаю, это уже никак не заштопать, так ведь?»

Ужасающее повествование усиливалось спокойствием рассказчицы и ненамеренным повтором: «Лучше умереть».

«Мальчик, — спросила Элен, — он мог описать нападавших?»

«Нет, — сказала Джози, — он практически слабоумный. Не может и двух слов связать».

«А кто-нибудь видел зашедших в уборную? Или выходящих оттуда?»

«Люди ходили взад-вперед все время...» — сказала Морин. Хотя это и звучало словно исчерпывающее объяснение, Элен так не казалось. Ни во дворе, ни в проходах никакой суеты не наблюдалось, отнюдь не наблюдалось. Возможно, торговая улица оживленнее, рассудила она, и под ее прикрытием можно совершить подобное преступление.

«Значит, преступника не нашли», — сказала она.

«Нет», — подтвердила Джози, пыл в ее глазах угас. Преступление и его последствия были целью рассказа, преступник и его поимка почти или вовсе не интересовали ее.

«Мы не чувствуем себя в безопасности даже в собственных постелях, — заметила Морин. — Спросите любого».

«Анни-Мари говорила то же самое, — ответила Элен. — Потому она и решила рассказать мне о смерти старика. Она говорила, что он был убит прошлым летом, здесь в Раскин Корте».

«Что-то и вправду припоминаю, — сказала Джози. — Какие-то разговоры *были*, я слышала. Старик, его собака. Его забили до смерти, а собака dokonчила... Не знаю. Точно, это не здесь. Это в каком-то другом районе».

«Вы уверены?»

Женщина казалась задстой таким недоверием.

«Я думаю, если б это было тут, мы бы знали, так ведь?»

Элен поблагодарила за помощь и решила, как бы там ни было, побродить по четырехугольному двору, просто посмотреть, сколько домов не используется. Как и в Баттс Корте, занавески на многих окнах были задернуты, двери выглядели запертыми. Но если Спектор-стрит *была* в осаде маньяка, способного убить и изувечить, как рассказывали, что удивительного, если обитатели забрались в свои дома и сидят там. Во дворе разглядывать было нечего. Все незанятые здания недавно опечатали, судя по тому, что рабочие Городского совета разбросали гвозди у порогов. Но одна вещь *по-настоящему* привлекла ее внимание. Накарябанная на булыжниках мостовой, по которым она проходила, — и почти стертая дождем и ногами прохожих, — та же фраза, что видела она в спальне №14: «*Сладкое к сладкому*». Слова были так добродушны, почему же ей казалось — в них звучит угроза? Дело или в их избыточности, или в абсолютном сверхизобилии сахара на сахаре, меда на меду?

Она продолжала идти, хотя дождь упорствовал и путь постепенно уводил ее прочь от кварталов в бетонные безлюдные пространства, где она раньше не ходила. Это было — или когда-то было — место для развлечения. Здесь находились игровые площадки для детей, обнесенные железом, аттракционы перевернуты, песочницы изгажены собаками, «лягушатник» опустел. И тут встречались магазины. Некоторые были заколочены, действующие — отталкивающе грязны, окна забраны крепкой металлической сеткой.

Элен прошлась вдоль ряда и свернула за угол, и перед нею оказалось приземистое кирпичное здание. Общественная уборная, предположила она, хотя вывеска отсутствовала. Же-

лезные ворота закрыты и заперты на висячий замок. Стоя перед непривлекательным зданием, причем порывистый ветер крутился у ее ног, она не могла удержаться от мысли о происшедшем здесь. О мужчине-ребенке, истекавшем кровью на полу, неспособном позвать на помощь. Даже мысль об этом вызывала тошноту. Вместо этого она задумалась о преступнике. Как же выглядит, размышляла она, столь порочный человек? Она пыталась представить его, но ни одна рожденная воображением деталь не имела достаточной силы. Хотя монстры редкость, однажды такой показался при ясном дневном свете. Поскольку человек этот был известен только своими деяниями, он обладал неимоверной властью над воображением; однако, она знала, действительность, окутанная ужасным, оказывается мучительно разочаровывающей. Он не монстр, просто бледная апология человека, нуждающегося скорее в жалости, чем в благоговейном страхе.

Очередной порыв ветра принес более сильный дождь. На сегодня, решила она, хватит приключений. Повернувшись спиной к общественным уборным, она заторопилась, пересекая дворы, чтобы укрыться в машине, а ледяной дождь хлестал по онемевшему лицу.

Гости, приглашенные на обед, выглядели приятно устроенными рассказом, а Тревор, судя по выражению лица, разъярился. Однако сделанного не воротишь. Также не могла она отрицать, что приятно удовлетворена, заставив за столом смолкнуть болтовню на университетские темы. Именно Бернадет, ассистентка Тревора на Историческом факультете, прервала мучительное молчание.

«Когда это случилось?»

«Этим летом», — ответила Элен.

«Не помню, чтобы я читал об этом», — сказал Арчи самое лучшее, произнесенное им за два часа питания; даже речь его, в иной раз неискренняя от самолюбования, смягчилась.

«Возможно, полиция замалчивает», — высказал мнение Дэниел.

«Тайный сговор?» — сказал Тревор с неприкрытым цинизмом.

«Такое происходит постоянно», — парировал Дэниел.

«Почему они должны это замалчивать?» — спросила Элен. — «Какой смысл?»

«С каких это пор в действиях полиции появился смысл?» — произнес Дэниел.

Бернадет вмешалась до того, как Элен успела ответить.

«Больше мы не затрудняем себя даже читать о таких вещах», — сказала она.

«Говори за себя», — начал кто-то, но она не обратила внимания.

«Мы ослеплены жестокостью, — продолжала она. — Мы ее больше не видим, даже когда она перед самым носом».

«Каждую ночь на экране, — ввернул Арчи. — Смерть и трагедии в полный рост».

«Тут нет ничего нового, — сказал Тревор. — Елизаветинцы видели смерть постоянно. Публичные казни были популярным развлечением».

Страсти разгорелись. После двухчасовых вежливых сплетен вечеринка внезапно оживилась. Прислушиваясь к яростному спору, Элен пожалела, что у нее не хватило времени проявить и напечатать фотографии, граффити подлили бы масла в огонь этого пьяного гвалта. Именно Парселл под конец, как обычно, выдвинул свою точку зрения, и, как обычно, она была разрушительной.

«Конечно, Элен, моя дорогая, — начал он, что подчеркивало скуку, рожденную предчувствием возражений, — все твои свидетельницы могут лгать, не так ли?»

Разговоры за столом утихли, лица повернулись к Парселлу. Он упрямо игнорировал всеобщее внимание и отвернулся, чтобы что-то шепнуть на ухо мальчику, приведенному с собой, — своей новой пассии, которую в конце концов, отставят, дело нескольких недель, ради другого хорошенького мальчика.

«Лгут?» — переспросила Элен. Она почувствовала гнев, а Парселл произнес только дюжину слов.

«Почему бы и нет? — ответил тот, поднося стакан вина к губам. — Возможно, они плетут ту или иную искусную фантазию. История о неожиданном изувечении в общественном туалете. Убийство старика. Даже этот крик. Все детали знакомые. Ты должна знать, что в таких зверских историях присутствует нечто *традиционное*. Ими постоянно обмениваются, в них содержится определенная *эмоциональная дрожь*. В попытке отыскать новую деталь для расцветивания коллективной фантазии есть элемент соревнования; новый поворот делает повествование чуть более устрашающим, и это исходит от тебя».

«Может, тебе видней, — сказала Элен, обороняясь. Ее раздражало, что Парселл всегда такой *уравновешенный*. Даже если его рассуждения обоснованны, хотя Элен сомневалась, будь она проклята, если уступит. — Я прежде никогда не слышала подобных историй».

«Неужели? — сказал Парселл таким тоном, будто она призналась в собственной необразованности. — А как насчет любовников и бежавшего умалишенного, слышала ты эту байку?»

«Я слышал, что...» — начал Дэниел.

«Возлюбленная выпотрошена — обычно человеком с рукой-крюком, — тело оставлено на крыше машины, а жених в то время прячется внутри. Фантазия, предостерегающая от порока неистовой гетеросексуальности. — Шутка вызвала взрыв смеха у всех, кроме Элен. — Такие выдумки чрезвычайно распространены».

«Итак, ты утверждаешь, что они мне лгали», — запротестовала она.

«Это не совсем ложь...»

«Ты сказал — *ложь*».

«Я дерзил, — ответил Парселл. Его умиротворяющий тон сейчас приводил в еще большую ярость, чем обычно. — Не стану утверждать, что тут присутствовала осознанная злонамеренность. Но ты *должна* признать — покуда ты не встретила ни единого *свидетеля*. Все случилось в какое-то точно не установленное время с неопределенными людьми. Сообщается через несколько передаточных звеньев. Все происходит в лучшем случае с братьями друзей дальних родственников. Пожалуйста, допусти возможность, что эти события могли и не происходить в реальности, а просто игрушка для скучающих домохозяек...»

Элен не стала приводить очередных доводов по той обыкновенной причине, что не имела их. Ссылка Парселла на отсутствие свидетелей была совершенно здоровой, Элен сама удивлялась тому же. Станным было и то, как быстро женщины из Раскин Корта переадресовали убийство старика, назвав другое место, будто зверства всегда происходили не на виду, а за следующим углом, дальше по следующему проходу — и никогда *здесь*.

«Тогда почему?» — спросила Бернадет.

«Почему — что?» — заинтересовался Арчи.

«Выдумки. Почему рассказывают жуткие истории, если это неправда?»

«Да, — сказала Элен, начиная новый круг. — Почему?»

Парселл сознавал, что его вступление в спор сразу все изменило, и гордился собой. «Не знаю, — ответил он, радуясь. Он хотел покончить с игрой теперь, когда показал, на что способен. — Ты действительно не должна воспринимать меня слишком всерьез, Элен. Я так и стараюсь поступать». Мальчик возле Парселла хихикнул.

«Может, это просто табуированный материал», — предположил Арчи.

«Замалчиваемый», — подсказал Дэниел.

«Не то, что ты подразумеваешь, — парировал Арчи. — На политике свет клином не сошелся, Дэниел».

«Какая наивность».

«Что есть *табу* в сравнении со смертью? — сказал Тревор. — Бернадет уже отмечала: смерть перед нами все время. Телевизор, газеты».

«Может, это недостаточно близко?» — спросила Бернадет.

«Никто не возражает, если я закурю? — вмешался Парселл. — Однако десерт, мне кажется, отложен на неопределенный срок...»

Элен пропустила замечание мимо ушей и спросила Бернадет, что та подразумевает под «недостаточно близко»?

Бернадет пожала плечами. «Точно не знаю, — откровенно сказала она, — может, только то, что смерть *рядом*, мы должны *знать*, что она за соседним углом. Телевидение недостаточно близко».

Элен нахмурилась. Замечание имело для нее некоторый смысл, но в суматохе момента она не могла постигнуть, что это значит.

«Ты думаешь, там тоже выдумки?» — спросила она.

«Эндрю подчеркнул», — ответила Бернадет.

«Милейшие, — сказал Парселл, — есть у кого-нибудь спичка? Мальчик заложил мою зажигалку».

«...что свидетели отсутствуют».

«Единственное доказанное — это то, что я не встретила никого, кто что-нибудь действительно видел, — возразила Элен, — а не то, что свидетелей не существует».

«Ладно, — сказал Парселл. — Найди хоть одного. Если ты сможешь мне доказать, что твой истязатель на самом деле

живет и дышит, я угощаю всех обедом в *Аполлинере*. Ну как? Великодушен ли я чрезмерно или просто знаю, что не могу проиграть?» Он засмеялся и постучал костяшками пальцев от удовольствия.

«Звучит, кажется, неплохо, — сказал Тревор. — Что скажешь, Элен?»

Она не возвращалась на Спектор-стрит до следующего понедельника, но мысленно все время была там: стояла перед заброшенными зданиями под ветром и дождем или ходила по комнате, где неясно вырисовывался портрет. Все ее мысли сосредоточились только на этом. Когда в субботу, ближе к вечеру, Тревор отыскал какой-то хороший повод для дискуссии, она не отреагировала на выпад, и наблюдая, как он осуществляет знакомый ритуал самопожертвования, ни в малейшей степени не была тронута. Ее безразличие еще больше разъярило Тревора. Он бушевал, глубоко возмущенный, и отправился к какой-то очередной бабе. Элен было приятно видеть его подлинную сущность. Когда он не соизволил вернуться той ночью, Элен и не подумала из-за этого огорчиться. Пустой и глупый человек. В его глазах никогда не отражалось ни тревоги, ни мучительного переживания, а что может быть хуже человека, которого ничего не волнует?

Он не вернулся и вечером в воскресенье, и когда Элен на следующее утро парковала машину в самом центре района, ей пришло на ум, что она могла бы затеряться здесь на несколько дней и никто бы не узнал. Так же, как и о старике, про которого рассказывала Анни-Мари, лежавшем в своем любимом кресле, с выколотыми глазами, пока пировали мухи, а на столе горкло масло.

Ночь Костров приближалась, и к концу недели небольшая горка топлива значительно выросла. Конструкция выглядела шаткой, но это не помешало мальчикам и юношам, что помоложе, забираться и наверх и внутрь. Основная масса состояла из мебели, несомненно утащенной из заколоченных домов. Элен сомневалась, сможет ли все это даже загореться, а если и будет гореть, то наверняка удушливо. Четырежды, на пути к дому Анни-Мари, ее перехватывали дети, выпрашивающие деньги на фейерверк.

«Пенни на чучело», — говорили они, хотя ни у одного не было чучела, чтобы его продемонстрировать. К тому времени,

как она достигла входной двери, в карманах ее совсем не осталось мелочи.

Анни-Мари оказалась сегодня дома, хотя радушная улыбка на ее лице отсутствовала. Она просто устала на посетительницу, словно загипнотизированная.

«Я надеюсь, вы не против, что я зашла...»

Анни-Мари не ответила.

«...я только хотела спросить».

«Я занята», — наконец отозвалась женщина. Элен не пригласили войти, не предложили чаю.

«О... это займет одну минуту».

Задняя дверь распахнулась, и сквозняк прошелся по дому. Обрывки бумаги летали в заднем дворе. Элен видела, как они взлетают, словно громадная белая моль.

«Чего вам надо?» — спросила Анни-Мари.

«Только спросить о старике».

Женщина нахмурилась. Она выглядит так, будто больна, подумала Элен, — лицо женщины по цвету и виду напоминало перестоявшее тесто, волосы были гладкими и сальными.

«Что еще за старик?»

«Когда я была здесь в последний раз, вы рассказывали мне об убитом старике, помните?»

«Нет».

«Вы сказали, что он жил в соседнем дворе».

«Не помню», — сказала Анни-Мари.

«Но вы *точно* рассказывали мне...»

В кухне что-то упало на пол и разбилось. Анни-Мари вздрогнула, но не двинулась с места, она стояла на пороге и загоразивала дорогу в дом. В прихожей были разбросаны детские игрушки, погрызенные и побитые.

«С вами все в порядке?»

Анни-Мари кивнула. «У меня дела», — сказала она.

«Вы не помните, как рассказывали мне о старике?»

«Должно быть вы неправильно поняли, — ответила Анни-Мари, затем понизила голос: — Вы не должны были приходить. Все знают».

«Что знают?»

Женщина задрожала. «Вы не поняли, нет? Думаете, люди не замечают?»

«О чем вы? Я только спросила...»

«Я ничего не знаю, — повторила Анни-Мари. — Чего бы я ни говорила, я соврала».

«Ну, в любом случае, благодарю», — сказала Элен, сбитая с толку глухими намеками Анни-Мари. Почти в тот же миг, как она повернулась спиной к двери, она услышала щелчок замка.

Разговор был не единственным разочарованием в это утро. Она вернулась на улицу с магазинами и посетила супермаркет, о котором рассказывала Джози. Там она спросила об уборных и о недавней истории. Супермаркет всего месяц назад перешел в другие руки, и новый хозяин, неразговорчивый пакистанец, утверждал, что ничего не знает о том, когда и почему были закрыты уборные. Задавая вопросы, она почувствовала, что прочие посетители магазина внимательно ее рассматривают, она чувствовала себя отверженной. Это ощущение усилилось, когда, покинув супермаркет, она увидела Джози, выходящую из прачечной самообслуживания, Элен окликнула ее, но женщина только прибавила шагу и нырнула в лабиринт проходов. Элен двинулась за ней, однако быстро потеряла из виду.

Почти до слез расстроенная, она стояла среди раскуроченных мусорных мешков и чувствовала, как накатывает волна презрения к собственной глупости. Она чужая здесь, ведь так? Сколько раз она критиковала других за самонадеянность: они утверждали, что понимают людей, которых разглядывали только издаലെка. И вот теперь она совершила тот же самый проступок, пришла сюда со своим фотоаппаратом и своими вопросами, используя жизнь и смерть этих людей как материал для разговора на вечеринке. Она не винила Анни-Мари за то, что женщина отвернулась от нее, заслуживала ли она лучшего?

Усталая и продрогшая, она решила — настал момент признать правоту Парселла. Все рассказанное ей было выдумкой. Ее разыграли, чувствуя, что она не прочь послушать о каких-нибудь ужасах. И она, словно круглая дура, верит разным нелепостям. Пора заканчивать со своей доверчивостью и отправляться домой.

Однако одну вещь необходимо сделать до того, как она вернется к машине: в последний раз она хотела взглянуть на изображение головы. Не как ученый смотрит на объект исследования, а как смотрит обычный человек, чтобы почувствовать прилив нервного возбуждения. Но добравшись до №14,

она испытала последнее и самое сокрушительное разочарование. Дом был заколочен добросовестными рабочими Городского совета. Дверь закрыта, фасадное окно забито опять.

Но она решила так легко не сдаваться. Она обошла задворки Баттс Корта и путем несложных арифметических вычислений определила №14. Ворота были изнутри заклинены, приложив силу, она надавила, и створки распахнулись. Груда мусора — сгнившие ковры, ящик с журналами, мокрыми от дождя, осыпавшаяся рождественская елка — все это мешало воротам открываться.

Она пересекла двор, подошла к заколоченному окну и заглянула в щель между досок. Внутри было еще темнее, чем снаружи, и картину, нарисованную на стене спальни трудно было разглядеть. Элен прижалась лицом к доскам, страстно желая в последний раз взглянуть на изображение.

Тень двинулась через комнату, мгновенно перекрыв ей обзор. Элен отшатнулась от окна, испуганная, не уверенная, правда ли она что-то видела. Может, просто ее собственная тень упала на окно? Но она не двигалась, а там было движение.

Она опять, более осторожно, подошла к окну. Воздух дрожал, она слышала откуда-то тихое повизгивание, хотя и не знала, откуда это доносится, изнутри или снаружи. Снова она приблизила лицо к необструганным доскам и внезапно что-то прыгнуло на окно. Теперь она вскрикнула. Изнутри раздавался царапающий звук, словно скребли ногтями по дереву.

Собака! И большая, если прыгает так высоко.

«Дура», — произнесла Элен, обращаясь к себе самой. Неожиданно она вспотела.

Царапанье прекратилось так же быстро, как и началось, но она не могла заставить себя вернуться к окну. Очевидно, рабочие, заколачивавшие дом, не потрудились осмотреть его и по ошибке заперли там животное. Оно проголодалось, Элен слышала, как оно пускает слюну, и была рада, что не попыталась войти. Собака, голодная, может, даже взбесившаяся, в зловонной темноте могла вцепиться ей в горло.

Элен посмотрела на заколоченное окно. Щели между досками были едва ли в полдюйма шириной, но она чувствовала, что животное встало на задние лапы с другой стороны, следя за нею сквозь щель. Теперь, когда ее дыхание стало ровным, она слышала чужое разгоряченное дыхание; она слышала, как когти скребут подоконник.

«Проклятая тварь... — сказала она. — Черт с тобой, оставайся там».

Она попятилась к воротам. Мириады мокриц и пауков, спугнутые со своих мест перемещением ковров у ворот, сустились под ногами и отыскивали для нового дома местечко потемнее.

Элен затворила за собой ворота. Проходя вдоль фасадной стороны квартала, она услышала рев сирен; отвратительный двойной, то возвышающийся, то опадающий звук, от которого шевелились волосы на затылке. Сирены приближались. Она прибавила ходу и попала в Баттс Корт как раз тогда, когда несколько полисменов шагали по траве, обогнув костер, а скорая помощь, въехав на тротуар, покатила в конец двора.

Люди появлялись из дверей и стояли на балконах, глядя вниз. Другие, не скрывая любопытства, спешили присоединиться к столпившимся во дворе. Элен показалось, что сердце у нее оборвалось, когда она поняла, где находится центр внимания: у порога дома Анни-Мари. Полиция расчищала путь сквозь толпу для работников скорой помощи. Вторая полицейская машина последовала по тротуару в том же направлении, что и скорая помощь, из машины вылезли два полицейских в гражданской одежде.

Она подошла к столпившимся. Зрители, обмениваясь короткими репликами, говорили тихими голосами; несколько женщин постарше плакали. Она попыталась взглянуть поверх голов, но ничего не увидела. Повернувшись к бородатому мужчине, на плечах у которого сидел ребенок, она спросила, что происходит. Тот не знал. Говорят, кто-то умер, но он не уверен.

«Анни-Мари?» — спросила она.

Женщина впереди нее обернулась и сказала: «Вы ее знаете?», в голосе ее слышалось чуть ли не благоговение.

«Чуть-чуть, — нерешительно ответила Элен. — Вы не скажете, что случилось?»

Женщина инстинктивно прикрыла рот рукой, словно для того, чтобы не дать вырваться словам. Это не помогло. «Ребенок», — сказала она.

«Керри?»

«Кто-то забрался в дом с черного хода и перерезал ему горло».

Элен почувствовала, что опять вспотела. Перед ее внутренним взором возникла картинка: газета во дворе Анни-Мари взмыла и опустилась.

«Нет», — прошептала она.

«Точно».

Она смотрела на стоящую перед ней вестницу судьбы, а губы сами говорили: «Нет». В это невозможно было поверить, и все-таки никакие самоуговоры не спасали от крепнущего осознания ужасного.

Она повернулась к женщине спиной и заковыляла прочь. Она знала: тут не на что смотреть, да если бы и было, она не желала видеть. Эти люди, все возникавшие на порогах домов, по мере того как расходились слухи, демонстрировали любопытство, рождавшее в ней отвращение. Она была не из них, и никогда *не будет*. Она хотела колотить по этим разгоряченными лицам, чтобы привести людей в чувство, хотела крикнуть: «Вы собрались поглазеть на боль и горе. Зачем? Почему?» Но у нее не осталось на это мужества. Отвращение лишило ее всех сил, кроме силы на то, чтобы уйти прочь, оставив развлекающуюся толпу.

Тревор вернулся домой. Он и не пытался объяснить свое отсутствие, а ждал, пока она сама начнет его допрашивать. Увидев, что она и не собирается этого делать, он напустил на себя легкое добродушие, что было еще хуже, чем выжидающее молчание. Элен смутно понимала, что отсутствие интереса с ее стороны, возможно, больше обескуражило его, чем ожидаемый спектакль. Но ее это не волновало.

Она настроила радиоприемник на местное вещание и слушала новости. Сказанное женщиной в толпе подтвердилось. Керри Латимер был мертв. Неизвестный или неизвестные проникли в дом через заднюю дверь и убили ребенка, который играл в кухне на полу. Полицейский чин, ведающий связями с общественностью, нес обычные пошлости, называя смерть Керри «неописуемым преступлением», а злодея «опасной и глубоко ненормальной личностью». Один раз риторика даже выглядела уместной, и голос мужчины явно дрогнул, когда он говорил о сцене, представшей глазам полицейских в кухне Анни-Мари.

«Радио? Зачем?» — внезапно спросил Тревор, когда Элен трижды прослушала сводку новостей от начала до конца. Она

не видела причин скрывать от него свои переживания, испытанные на Спектор-стрит; рано или поздно, он все равно бы узнал. Бесцветным голосом она кратко обрисовала ему случившееся в Баттс Корте.

«Анни-Мари — это та женщина, которую ты первой встретила, когда ездила туда, верно?»

Она кивнула, надеясь, что больше он не станет задавать вопросов. Она чувствовала, что вот-вот разрыдается, и не хотела, чтобы он видел ее слезы.

«Значит, ты была права», — сказал он.

«Права?»

«Насчет местного маньяка».

«Нет, — сказала она. — Нет».

«Но ребенок...»

Она встала и подошла к окну. С высоты двух этажей она глядела на темнеющую внизу улицу. Почему она ощущала необходимость столь последовательно отрицать версию о тайном сговоре? Почему теперь она молила, чтобы Парселл оказался прав, и все рассказанное ей оказалось ложью? Она опять и опять возвращалась в мыслях к тому, какой была Анни-Мари, когда Элен посетила ее в последний раз: бледная, нервная, *ожидаящая*. Она будто ждала чьего-то прибытия, разве не так? Она страстно хотела отпугнуть нежелательную посетительницу, чтобы вернуться к своему ожиданию. Но ожиданию чего, *кого*? Может ли быть, что Анни-Мари действительно знала убийцу? Возможно, пригласила его в дом?

«Надеюсь, они отыщут ублюдка», — сказала она, продолжая глядеть на улицу.

«Отыщут, — ответил Тревор. — Детоубийца, мой Бог. Они займутся этим в первую очередь».

На углу улицы появился человек, он повернулся и свистнул. Большая восточно-европейская овчарка возникла у его ног, и оба они отправились дальше, к Собору.

«Собака», — пробормотала Элен.

«Что?»

За всем последующим она забыла о собаке. Теперь испытанное потрясение, когда та прыгнула на окно, накатило опять.

«Какая собака?» — настаивал Тревор.

«Сегодня я вернулась в квартиру, где фотографировала граффити. Там была собака. Запертая».

«Ну и что?»

«Она умрет с голоду. Никто не знает, что она там».

«Откуда ты знаешь, может, она заперта там, как в конуре?»

«Она производила такой шум», — сказала Элен.

«Собаки лают, — ответил Тревор. — Вот и все, на что они годятся».

«Нет... — сказала Элен очень спокойно, вспоминая звуки внутри заколоченного дома. — Она не лаяла».

«Забудь собаку, — предложил Тревор. — И ребенка. Тут ничего не поделаешь. Ты просто приобрела опыт».

Его слова отражали ее собственные мысли, возникавшие чуть раньше, в тот же день, но тогда она почему-то не могла подобрать слов, чтобы сформулировать их, — эта уверенность рухнула за несколько последних часов. Никто никогда не приобретал опыт *просто так*, опыт всегда накладывает свою метку. Иногда это только царапина, а случается, отрывает руки и ноги. Она не знала, насколько серьезно тепсрешнее ранение, но знала, — оно много глубже, чем можно представить, и это ее пугало.

«Выпивки больше нет», — сказала она, выливая последнюю каплю виски в свой стакан.

Тревору, казалось, доставляет удовольствие собственная любезность. «Я сбегаю, да? — спросил он. — Одну или две бутылки взять?»

«Давай, — ответила она. — Если не трудно».

Он отсутствовал всего полчаса, а ей хотелось бы, чтоб его не было подольше. Она не желала разговаривать, а только сидеть и думать, несмотря на неприятное ощущение в животе. Хотя Тревор считал ерундой ее беспокойство о собаке — возможно, и справедливо, — она не могла удержаться, чтобы не вернуться к закрытому дому в своем воображении, вновь представить озлобленное лицо на стене спальни и услышать приглушенный рык животного, скребущего лапами заколоченное окно. Что бы ни сказал Тревор, она не верила, что это место используется в качестве временной собачьей конуры. Нет, пес был там *заточен*, без сомнения, бегающий кругами, вынужденный в своем отчаянии есть собственные фекалии, с каждым часом становящийся все безумнее. Она боялась, что кто-то — может, дети, ищущие дров для своего костра, — ворвется туда, не зная, что там содержится. Не то чтобы она беспокоилась о безопасности налетчиков, но та собака, как только вырвется на свободу, придет за ней. Узнает, где она

(так истолковали опьяневшие мозги Элен), и найдет по запаху.

Тревор вернулся с виски, и они пили вместе, пока, далеко за полночь, ее желудок не взбунтовался. Элен нашла прибежище в туалете — Тревор снаружи спросил, не надо ли чего, слабым голосом она попросила ее оставить. Когда она появилась часом позже, Тревор был уже в постели. Она не присодинилась к нему, а легла на софу и продремала до рассвета.

Убийство стало событием. На следующее утро оно заняло первые полосы всех уличных газетенок и закрепилось на заметных местах в тяжеловесных газетах. Были фотографии потрясенной матери, которую выводят из дома, и другие, не особенно четкие, но крепко воздействующие, снятые поверх ограды заднего двора и через открытую дверь кухни. Была ли это кровь на полу, или тень?

Элен не утруждала себя чтением статей — ее голова болела еще сильнее при одной мысли об этом, — но Тревор, принесший газеты, жаждал беседы. Элен не разобрала — было ли это дальнейшее продолжение его миротворческой миссии, либо неподдельный интерес к делу.

«Женщина под стражей», — воскликнул он, погрузившись в «Дейли Телеграф». С этой газетой он имел политические разногласия, но насильственные преступления в ней освещались подробно.

Реплика привлекла внимание Элен, независимо от ее желания. «Под стражей? — спросила она. — Анни-Мари?»

«Да».

«Дай посмотреть».

Он передал газету, и Элен стала искать глазами текст.

«Третья колонка», — подсказал Тревор.

Она нашла. Было напечатано, что Анни-Мари взята под стражу для допроса. Следовало уточнить, сколько времени прошло от предположительного момента смерти ребенка до момента, когда о ней сообщили. Элен перечитывала снова и снова эти строки, чтобы увериться, что поняла правильно. Да, она поняла правильно. Полицейский патологоанатом установил, что смерть Керри наступила между шестью и шестью тридцатью утра, об убийстве не сообщали до двенадцати.

Она перечитала заметку в третий или в четвертый раз, но повторение не отменило ужасающих фактов. Ребенок был

убит до рассвета. Когда она приходила тем утром, Кэрри был уже мертв четыре часа. Тело находилось в кухне, в нескольких ярдах по коридору от того места, где она стояла, и Анни-Мари ничего не сказала. Атмосфера ожидания, разлитая вокруг, — что это значило? То, что она ждала какого-то знака, чтобы поднять трубку и вызвать полицию?

«Бог мой...» — сказала Элен, роняя газету.

«Что?»

«Я должна пойти в полицию».

«Зачем?»

«Надо сообщить им, что я заходила в дом, — ответила она. Тревор выглядел озадаченным. — Ребенок был мертв, Тревор. Когда я видела Анни-Мари вчера утром, Керри был уже мертв».

Она позвонила по телефону, указанному в газете для тех, кто располагает какой-либо информацией, и через полчаса за ней приехала полицейская машина. Во время двухчасового допроса ее многое поразило, и не в последнюю очередь то, что, хотя ее несомненно видели возле места происшествия, полиции об этом не сообщили.

«Они не желают знать, — сказал детектив, — вы думаете, такие места переполнены свидетелями. Если и так, они стараются не вылезать вперед. Преступление вроде нынешнего...»

«Оно единственное?» — спросила Элен.

Детектив взглянул на нее поверх стола с царившим там беспорядком. «Единственное?»

«Мне рассказывали о некоторых случаях. Убийства. Этим летом».

Детектив покачал головой. «Я не слышал. Была вспышка хулиганства, одну женщину положили в больницу на неделю или около того. Но никаких убийств».

Детектив ей понравился. Открытое лицо, в глазах приятная томность. Не боясь, что слова ее прозвучат глупо, она сказала: «Почему выдумывают подобную ложь. Про людей с выколотыми глазами. Ужасная вещь».

Следователь почесал длинный нос. «Мы тоже слышали, — подтвердил он, — люди приходят сюда и признаются в любой чепухе. Говорят ночь напролет, некоторые о том, что сделали, или *считают*, что сделали. Излагают мельчайшие подробно-

сти. Но стоит проверить, все оказывается выдуманным. Из головы».

«Может быть, они не выдумывали... а действительно совершали это».

Следователь кивнул. «Да, — сказал он. — Да поможет нам Бог. Возможно, вы правы».

А рассказанное ей, было ли это признанием в несовершенных преступлениях? Фантазии, спасающие от того, чтобы это не стало фактом. Мысли, спасающиеся сами от себя, ужасные выдумки нуждались в *первопричине*, исходной точке. Идя домой по оживленным улицам, она размышляла, насколько распространены подобные истории. Прав ли Парселл, заявивший, что это общеизвестные вещи? Неужели в сердце у каждого есть хоть маленькое место для чудовищного?

«Парселл звонил, — объявил Тревор, когда она вернулась домой. — Приглашал нас на обед».

Она состроила недовольную гримасу.

«Аполлинер, помнишь? — подсказал Тревор. — Парселл обещал угостить всех ужином, если ты докажешь, что он не прав».

Мысль, что смерть сына Анни-Мари надо отметить ужином, была абсурдной, и Элен сказала об этом.

«Он будет обижен твоим отказом».

«А мне наплевать. Я не хочу обедать с Парселлом».

«Пожалуйста, — мягко сказал Тревор. — Он может затаить обиду, а я хочу, чтобы именно сейчас он продолжал улыбаться».

Элен бросила на него быстрый взгляд. Вид, который напустил на себя Тревор, делал его похожим на промокшего спаниеля. Любящий всякие манипуляции ублюдок, подумала она, но ответила: «Ладно. Я пойду. Только не жди никаких танцев на столах».

«Предоставим это Арчи, — согласился он. — Я сказал Парселлу, что сегодня вечером мы свободны. Тебя устраивает?»

«Когда?»

«Стол заказан на восемь часов».

Вечерние газеты свели трагедию малыша Керри до небольшой колонки на внутренних полосах. Вместо свежих новостей они ограничились описанием расследования, которое велось сейчас на Спектор-стрит. В ряде изданий было упомянуто, что Анни-Мари после продолжительного допроса освобождена из-

под стражи и теперь находится в кругу друзей. Также, между делом, упоминалось, что похороны состоятся на следующий день.

Укладываясь вечером в постель, Элен и не думала о том, чтобы присутствовать на похоронах, но, казалось, сон что-то изменил, и проснулась она с готовым решением.

Смерть пробудила район к жизни. Она никогда не видела так много людей, как сейчас, входя с улицы в Раскин Корт. Многие уже выстроились на обочине, чтобы наблюдать за похоронным кортежем. Казалось, они заняли места пораньше, несмотря на угрозу возможного дождя. Некоторые надели что-то черное — пальто, шарф, — но над всем витала праздничная атмосфера, чему не мешали приглушенные голоса и деланно хмурые лица. Бегали дети, у сплетничающих взрослых вырывались случайные смешки, — Элен прониклась общим ожиданием, и настроение ее, как ни странно, стало почти радостным.

Не то чтобы присутствие столь многих людей успокоило ее, нет, призналась она сама себе, она счастлива вернуться на Спектор-стрит. Четырехугольные дворы с малорослыми деревцами, серая трава были для нее более подлинными, чем застеленные коврами коридоры, по которым она привыкла ходить; неизвестные люди на балконах и на улицах значили больше, чем коллеги по университету. Одним словом, здесь она чувствовала себя дома.

Наконец появились машины, которые продвигались по узким улицам со скоростью улиток. Когда показался катафалк — маленький белый гробик был украшен цветами, — несколько женщин в толпе тихо заплакали. Одна зрительница упала в обморок, вокруг нее собралась кучка взволнованных людей. Даже дети теперь умолкли.

Глаза Элен оставались сухими. Слезы приходили к ней не слишком легко, особенно на людях. Когда машина, где сидела Анни-Мари и еще две женщины, поравнялась с ней, Элен увидела, что и осиротевшая мать тоже не желает демонстрировать свое горе при публике. Происходящее, казалось, почти облагородило ее, и хотя черты лица были мертвенно-бледны, держалась она очень прямо, застыв на заднем сиденье машины. Догадка, разумеется, мрачная, но Элен подумала, что видит звездный час Анни-Мари, — единственный день в

черере бесцветных будней, когда Анни-Мари оказалась в центре внимания. Кортёж медленно проехал и пропал из виду.

Толпа уже расходилась, лишь несколько плакальчиков все еще стояли на обочине дороги. Элен пошла в Баттс Корт. Она намеревалась вернуться к заколоченному дому и посмотреть, там ли собака. Если там, Элен разыщет кого-нибудь из зрителей района и сообщит об этом факте.

В отличие от остальных дворов, этот был пуст. Возможно, соседи Анни-Мари отправились в Крематорий, чтобы присутствовать при последнем обряде. Независимо от причины, место было сверхестественно пустым. Остались только дети, они играли возле пирамиды костра, и голоса их эхом перекатывались в пустом пространстве двора.

Элен подошла к дому и удивилась, обнаружив, что дверь открыта, как и в тот раз, когда она впервые появилась здесь. При одном взгляде на дом изнутри Элен почувствовала головокружение. Как часто за последние дни она воображала, что стоит здесь, вглядываясь в темноту. Из дома не доносилось никаких звуков. Собака или убежала, или умерла. Ничего опасного, ведь так? В последний раз она перешагнет порог, только для того, чтобы взглянуть на лицо на стене и сопроводительную надпись.

«Сладкое к сладкому». Она не искала первоисточник фразы. Не важно, думала она. Что бы там ни было изначально, здесь оно трансформировалось, так изменяется все, включая и ее саму. Несколько мгновений она стояла в передней, чтобы подготовиться к грядущей очной ставке. Далеко за спиной дети вскрикивали, как сумасшедшие птицы.

Перешагивая через мебельный хлам, она направилась к короткому коридору, который соединял гостиную со спальней. Она медлила, сердце ее колотилось, улыбка играла на губах.

Вот! Наконец! Неотразимый, как и всегда, портрет неясно вырисовывался на стене. Она отступила в мрачную комнату, чтобы зрелище было полнее, и каблук ее зацепился за матрас, по-прежнему лежавший в углу. Она глянула вниз. Грязная постель была перевернута — вверх своей менее рваной стороной. На ней брошено несколько одеял и завернутая в лохмотья подушка. Что-то блестело между складок верхнего одеяла. Она наклонилась, желая рассмотреть получше, и обнаружила горсть шоколадок и карамелек, завернутых в яркую бумагу. И среди них дюжину бритвенных лезвий, вовсе не таких

привлекательных и сладких. На некоторых была кровь. Элен выпрямилась и попятилась от матраса, и тут ее ушей достиг жужжащий звук из соседней комнаты. Она повернулась, и в спальне стало темнее, когда фигура встала между нею и внешним миром. Элен видела только силуэт человека, вырисовывающегося против света, но чувствовала его запах. Он пах как сахарная вата; жужжание было с ним или в нем.

«Я пришла только взглянуть, — сказала Элен, — на картину!»

Жужжание продолжалось: звук сонного полдня, далекого отсюда. Человек в дверях не двигался.

«Ну... я видела все, что хотела». — Она надеялась, что произойдет чудо, и слова эти заставят его посторониться и пропустить ее, но он не двигался, а у нее не хватало смелости бросить вызов, шагнуть к двери.

«Я должна идти, — сказала она, зная, что, несмотря на все ее усилия, страх разлит в каждом звуке. — Меня ждут».

Это не было явной ложью. Они все приглашены сегодня обедать к Аполлинеру. Но до этого еще четыре часа. Ее не хватятся еще долго.

«Если вы извините меня!»

Жужжание на какой-то момент затихло, и в тишине человек в дверях заговорил. Его ровная речь была почти так же сладка, как и его запах.

«Еще нет нужды уходить!» — выдохнул он.

«Меня ждут... ждут...»

Хотя она не могла видеть его глаз, она ощущала на себе его взгляд, и тот наводил дремоту, подобно летней песне в ее голове.

«Я пришел за тобой», — сказал он.

Она повторила про себя эти четыре слова. *Я пришел за тобой*. Если они и означали угрозу, они не звучали как угроза.

«Я не... знаю тебя», — сказала она.

«Нет, — шепнул человек. — Но ты усомнилась во мне!»

«Усомнилась?»

«Тебя не удовлетворили те истории, те, что они пишут на стенах. Поэтому я был обязан прийти за тобой».

Сонливость обволакивала ее разум, но она осознала суть сказанного человеком. Что он был легендой, а она своим неверием обязала его показать свою руку. Она тут же взглянула. Одна рука отсутствовала. На месте нее был крюк.

«Будет определенное наказание, — объявил он. — Они говорят, что твои сомнения проливают невинную кровь. Но я говорю — для чего кровь, если не для пролития? А тщательное расследование со временем закончится. Полиция уберется, кинокамеры будут направлены на какой-нибудь новый ужас, и их оставят одних, чтобы снова рассказывать истории о Конфетнике».

«Конфетник?» — переспросила она. Язык едва выговорил это безупречное слово.

«Я пришел за тобой», — прошептал он так ласково, что, кажется, даже воздух сгустился от соблазна. И сказав это, он двинулся через проход и на свет.

Она знала его. Нет сомнения, она всегда знала его, участком души, где таится страх. Это был человек со стены. Художник, рисовавший его портрет, не фантазировал: картина, кричавшая со стены, в каждой необычной детали повторяла человека, на которого сейчас уставилась Элен. Он был ярким до безвкусицы: плоть восковой желтизны, бледно-голубые тонкие губы, безумные глаза сверкали, словно зрачки усыпаны рубинами. Его куртка была сшита из лоскутьев, штаны тоже. Элен подумала, что он выглядит почти смешно в своем измазанном кровью шутовском наряде, со слоем румян на желтушных щеках. Но люди нуждались в таких зрелищах и подделках. Чтобы поддерживать их интерес, нужны чудеса, убийства, демоны, вызванные из тьмы, и откатившиеся с могил камни. Дешевая мишура таила глубокий смысл. Яркое оперение не только скрывает, оно привлекательно.

И Элен была почти околдована. Его голосом, его красками, жужжанием из его тела. Хотя она боролась с восхищением. Под очаровательной оболочкой было чудовище, набор его лезвий лежал тут же, все еще мокрый от крови. Станет ли оно колебаться перед тем, как однажды перерезать ее собственное горло?

Когда Конфетник приблизился, Элен резко нагнулась и, сорвав с постели одеяло, бросила в него. Плечи его осыпал дождь лезвий и сладостей. Одеяло его ослепило. Но в тот момент, когда Элен хотела выскользнуть, подушка, лежавшая на постели, скатилась.

Это была вовсе не подушка. Что бы ни содержал злосчастный белый гроб, покоящийся на катафалке, то было не тело малыша Керри. Тело находилось здесь, у ее ног, повернутое

к ней бескровным лицом. Голое тело всюду хранило страшные отметины.

Элен ощутила весь этот ужас за короткий миг между двумя ударами сердца, а Конфетник уже сбросил одеяло. Куртка его случайно расстегнулась, и Элен увидела — пусть все чувства и протестовали — туловище его сгнило и в пустоте поселились пчелы. Они кишели в грудной клетке, покрывали шевелящейся массой остатки плоти. Заметив отвращение, Конфетник улыбнулся.

«Сладкое к сладкому», — прошептал он и потянулся крюком к ее лицу. Она больше не могла ни видеть свет из внешнего мира, ни слышать детей, играющих в Баттс Корт. Пути в более здоровый мир, чем этот, не существовало. Все заслонил Конфетник, она не могла сопротивляться, силы покинули ее.

«Не убивай», — выдохнула она.

«Ты веришь в меня?» — спросил он.

Она с готовностью кивнула. «Как я могу не верить?» — сказала она.

«Тогда почему ты хочешь жить?»

Она не поняла, но боясь, что ее непонимание окажется роковым, ничего не ответила.

«Если бы ты научилась, — сказал злодей, — у меня хоть чему-то... ты бы не умоляла о жизни. — Голос его понизился до шепота. — Я молва, — пел он ей на ухо. — Это благословенное состояние, поверь мне. О тебе шепчутся на всех углах, ты живешь в снах людей, но не обязан быть. Понимаешь?»

Ее утомленное тело понимало. Ее нервы, уставшие от непрерывного гула, понимали. Сладость, которую он предлагал, была жизнью без жизни: необходимость быть мертвой, но вспоминаемой повсюду; бессмертной в сплетнях и граффити.

«Стань моей жертвой», — сказал он.

«Нет...» — пробормотала она.

«Я не принуждаю тебя, — ответил он, истинный джентльмен. — Я не обязываю тебя умереть. Но подумай, *подумай*. Если я убью тебя здесь — если я располосую тебя... — Он провел крюком вдоль обещанной раны. Линия шла от паха до горла. — Подумай, как бы они воспели это место в своих толках... как указывали бы пальцем, проходя мимо, и как говорили бы: «Она умерла здесь, женщина с зелеными глазами». Твоя смерть стала бы сказкой, ею пугали бы детей.

Любовники пользовались бы ею, как предлогом, чтобы крепче прильнуть друг к другу...»

Она оказалась права: это было *соблазнение*.

«Существовала ли когда-нибудь столь легкая слава?» — спросил он.

Она покачала головой. «Я бы предпочла лучше быть забытой, — ответила она, — чем вспоминаемой так».

Он пожал плечами. «Что дает знание хорошего? — спросил он. — В сравнении с тем, чему с лихвой учит несчастье? — Он поднял руку, увенчанную крюком. — Я сказал, что не обязываю тебя умереть, и я верен своему слову. Позволь, по крайней мере, хотя бы поцеловать тебя...»

Он двинулся к ней. Элен пробормотала какую-то бессмысленную угрозу, на которую он не обратил внимания. Жужжание в нем усилилось. Мысль о прикосновении его тела, о близости насекомых была отвратительной. Элен подняла свинцово тяжелые руки, чтобы защититься.

Его мертвенно-бледное лицо заслонило портрет на стене. Она не могла заставить себя дотронуться до него и потому отступила. Пчелиное жужжание росло, некоторые пчелы в возбуждении всползли через горло и теперь вылетали изо рта. Они копошились возле губ, в волосах.

Она снова и снова умоляла оставить ее, но он не обращал внимания. Наконец, отступить больше было некуда, за ее спиной возвышалась стена. Набравшись мужества и не вспоминая о пчелиных жалах, Элен положила руки на его шевелящуюся грудь и толкнула. В ответ он вытянул руку, обхватив затылок Элен, и крюк взрезал кожу на шее.

Элен почувствовала, как выступила кровь, и была уверена, что он одним ужасным ударом вскроет ей яремную вену. Но он дал слово и держал его.

Вспугнутые внезапной активностью пчелы были повсюду. Элен чувствовала, как они ползают по ней, разыскивая в ее ушах кусочки воска, а на губах частички сахара. Она и не пыталась отогнать их прочь. Крюк все еще был у ее горла, и пошевелись она, крюк бы ее поранил. Она оказалась в ловушке, виденной в детских кошмарах, — пути к спасению отрезаны. Когда во сне она попадала в такое безнадежное положение — со всех сторон демоны, которые вот-вот разорвут ее на куски, — оставалась единственная уловка. Отказаться от всякого стремления к жизни, оставить свое тело темноте. Теперь, когда

лицо Конфетника прижалось к ее лицу, пчелиный гул заглушил ее собственное дыхание, она поступила так же. И так же знакомо, как во сне, комната и злодей расплылись и исчезли.

Элен очнулась от яркой вспышки во тьме. Несколько пугающих мгновений она не могла понять, где находится, затем еще несколько мгновений, пока она вспоминала. Тело не чувствовало боли. Она потрогала шею, за исключением пореза от крюка, никаких повреждений. Элен поняла, что лежит на матрасе. Не пытались ли ее изнасиловать, когда она была без сознания? Элен осторожно трогала свое тело. Крови нет, одежда не порвана. Конфетник, казалось, ограничился только поцелуем.

Она села. Сквозь заколоченное окно проникал слабый свет, со стороны входной двери света не было. Возможно, она закрыта, рассудила Элен. Нет, даже теперь слышалось, кто-то шепчется у порога. Женский голос.

Элен не двигалась. Они сумасшедшие, эти люди. Все время они знали, чем вызвано ее появление в Баттс Корте, и они *оберегали* его — этого сочащегося медом психопата, предоставляли постель и снабжали конфетками, прятали от любопытных глаз и хранили молчание, когда он проливал кровь у их порогов. Даже Анни-Мари, зная, что ее ребенок лежит мертвый на расстоянии нескольких ярдов, все-таки стояла в коридоре собственного дома с сухими глазами.

Ребенок! Вот необходимое доказательство. Они как-то исхитрились забрать из гроба тело (чем его заменили, мертвым псом?) и принесли сюда, в капище Конфетника, как игрушку. Она возьмет малыша Керри с собой — в полицию и обо всем расскажет. Даже если они поверят только части рассказанного, тело ребенка — неопровержимый факт. И некоторые из этих психов пострадают за свою скрытность. Пострадают за *ее* страдания.

Шепот у двери прекратился. Теперь кто-то двигался в сторону спальни. Огня они не захватили. Элен сжалась, надеясь, что ее не обнаружат.

Кто-то возник на пороге. Хрупкая фигура в темноте наклонилась и подняла с пола узел. По белокурым волосам у пришедшей можно было узнать Анни-Мари, узел, который она подняла, несомненно был трупом Керри. Не глядя в сторону Элен, мать повернулась и вышла из спальни.

Элен услышала, как шаги удаляются через гостиную. Она поспешно вскочила на ноги и пересекла проход. Отсюда она могла видеть смутные очертания Анни-Мари на пороге дома. Во дворе не было никакого света. Женщина исчезала, и Элен последовала за ней так быстро, как только могла. Устремив глаза на дверь, она несколько раз споткнулась, но достигла порога вовремя и увидела сквозь ночь впереди неясную фигуру Анни-Мари.

Элен шагнула на свежий воздух. Было холодно, звезды отсутствовали. Свет не горел ни в проходах, ни на балконах, не было его и в квартирах, даже телевизоры не мерцали. Баттс Корт опустел.

Элен колебалась — надо ли преследовать женщину. Почему бы не убежать? — уговаривала трусость — не отыскать дорогу к машине? Но если она это сделает, заговорщики успеют спрятать тело ребенка. Когда она вернется сюда с полицией, их встретят сжатые губы, пожимание плечами, и ей скажут, что она выдумала и труп, и Конфетника. Ужасы, с которыми она столкнулась, опять станут достоянием молвы. Надписями на стенах. И каждый день оставшейся жизни она будет проклинать себя за то, что не отправилась в погоню за здравым смыслом.

И она отправилась. Анни-Мари пошла не по краю двора, а двинулась в самый центр. К костру! Да, к костру! Он неясно вырисовывался перед Элен, чуть чернее ночного неба. Она едва могла различить фигуру Анни-Мари, двигавшейся к сложенным грудой дровам и мебели и нагнувшейся, чтобы забраться в середину. *Вот* как они собирались избавиться от улик. Похоронить ребенка было не слишком надежно, а сжечь его, в порошок растереть кости — кто тогда узнает?

Элен стояла на расстоянии дюжины ярдов от пирамиды и наблюдала, как выбирается оттуда и уходит прочь Анни-Мари, ее фигуру скрывает темнота.

Элен быстро двинулась через высокую траву и нашла место среди сложенных деревяшек, куда Анни-Мари засунула труп. Элен подумала, что может разглядеть белеющее тело — оно лежало в ложбине. Однако Элен не могла до него дотянуться. Благодаря Богу за то, что она такая же тонкая, как Анни-Мари, Элен втиснулась в узкую щель. В этот момент одежда ее зацепилась за какой-то гвоздь. Элен повернулась, чтобы освободиться. Когда она это сделала, она потеряла тело из вида.

Элен, словно слепая, пошарила перед собой, ее дрожащие пальцы натыкались на дерево и тряпки, на то, что она приняла за спинку старого кресла, но не на холодное тело ребенка. Она пыталась приготовить себя к такому прикосновению: за последние часы она пережила вещи куда более страшные. Решив быть непреклонной, Элен продвинулась немного вперед, ее ноги были ободраны, пальцы исколоты занозами. Перед глазами плавали цветные круги, кровь в ушах звенела. Но вот! *вот!* тело в каких-то полутора ярдах от нее. Элен нырнула, чтобы дотянуться до щели под деревянной балкой, но пальцы ее не доставали до злосчастного узла всего несколько миллиметров. Она потянулась дальше, рев в ушах усилился, но она так и не могла добраться до ребенка. Все, что ей удалось, — сложиться пополам и втиснуться в тайничок, оставленный детьми в центре костра.

Пространство было так мало, что она едва могла проползти на четвереньках, однако она проползла. Ребенок лежал вниз лицом. Она отринула остатки брезгливости и решила забрать его. Когда она это сделала, что-то опустилось на ее руку. Она вздрогнула от потрясения. Она чуть не закричала, но стерпела. Она сдержала гнев. Это зажужжало, когда поднялось с ее кожи. Звон, отдававшийся в ее ушах был не шумом крови, а шумом улья.

«Я знал, что ты придешь», — раздался голос за спиной. И широкая рука закрыла ей лицо. Элен ощутила объятия Конфетника.

«Мы должны идти, — сказал он ей на ухо, когда мерцающий свет просочился между сложенных балок. — Должны отправиться в путь, ты и я».

Она боролась, пытаясь освободиться, крикнуть, чтобы они не поджигали костер, но он любовно прижимал ее к себе. Свет рос, потом пришло тепло, и сквозь слабое пламя она смогла разглядеть фигуры, выходящие из темноты Баттс Корта к погребальному костру. Они все время были здесь, ожидающие, выключив свет в домах, рассеявшись по проходам. Их последний сговор.

Костер занялся охотно, но из-за хитрой конструкции огонь не сразу ворвался в ее убежище и дым не проник, чтобы удушить ее. Элен могла видеть, как засияли детские лица, как родители предостерегали детей, чтобы те не подходили близко, и как те не подчинялись, как пожилые женщины грели руки,

не согреваемые собственной кровью, и улыбались, глядя на пламя. Тут рев и треск стали устрашающими, и Конфетник позволил ей хрипло закричать, прекрасно зная, что никто ее не услышит, да если бы и услышали, они не двинулись бы с места, чтобы вызволить ее из огня.

Когда воздух стал горячим, пчелы покинули живот злодея и испуганно закружили в воздухе. Некоторые, пытаясь спастись, ныряли в огонь и падали на землю, словно крохотные метеоры. Тело малыша Керри, лежавшее поблизости от все подползавшего пламени, начало жариться. Его нежные волосы стали дымиться, спина покрылась пузырями.

Скоро жар проник в горло Элен и выжег ее мольбы. Изнуренная, она упала на руки Конфетника, уступая его триумфу. Очень скоро, как он и обещал, они отправятся в путь. И нет спасения, и ничем уже не помочь.

Не исключено, что, как он говорил, о ней вспомнят, найдя ее потрескавшийся череп среди углей. Не исключено, что басней о ней со временем станут пугать расшалившихся ребятишек. Она лгала, говоря, что предпочитает смерть такой сомнительной славе, это не так. Что до ее соблазнителя, он смеялся, находясь в самом центре огня. Эта ночная смерть не была для него вечной и необратимой. Его дела запечатлены на сотнях стен, рассказы о нем не сходили с тысяч уст, и если бы в нем опять усомнились, его паства призвала бы его снова. С его сладостью. У него был повод смеяться. И тут, когда пламя захлестывало их, она разглядела знакомое лицо в толпе зевак. Это был Тревор. Вместо того, чтобы обедать у Аполлинера, он пришел ее искать.

Она видела, как он спрашивал то у одного, то у другого из смотрящих на костер и как те качали головами, неотрывно глядя на погребальное пламя, с улыбками, запрытанными в глазах. Бедный простофиля, думала она, видя его ужимки. Она желала, чтобы он посмотрел в огонь, надеясь, что он увидит, как она горит. Не то чтобы он мог спасти ее от смерти, на это она не надеялась — но она жалела его, недоумевающего, и хотела, пусть он и не поблагодарил бы за это, дать ему нечто, что бы его постоянно тревожило. Это, и еще сказку, чтобы рассказывать.

С о д е р ж а н и е

ВЕЧНЫЙ ПОХИТИТЕЛЬ	5
ДЕТИ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ	139
Перевод М. Красновой	
ВРЕМЯ ЖЕЛАНИЙ	175
Перевод М. Галиной	
ВО ПЛОТИ	225
Перевод М. Красновой	
ОТКРОВЕНИЕ	283
Перевод М. Галиной	
ОСТАТКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО	335
Перевод А. Трофимова	
ИЗЫДИ, САТАНА	381
Перевод М. Галиной	
СЫН ЦЕЛЛУЛОИДА	389
Перевод О. Лежниной	
ЗАПРЕТНОЕ	431
Перевод М. Красновой	

Литературно-художественное издание

Клайв Баркер

КНИГА КРОВИ II

Сдано в набор 26.06.95. Подписано в печать 01.09.95 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 15 п. л. Печать высокая. Тираж 10 000 экз. Зак. 5.

ЛР № 061592 от 07.09.92.
Издательство "Кэdmэн" 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.

АО «Санкт-Петербургская типография № 6».
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

КЛАЙВ БАРКЕР

*По вопросам приобретения книг
издательства «КЭДМЭН»
обращайтесь к дилерам:*

<i>Москва</i>	(095)	360-99-40
<i>Санкт-Петербург</i>	(812)	226-39-98 156-81-63
<i>Воронеж</i>	(073)	2-50-40-24
<i>Ярославль</i>	(085)	2-44-58-88 2-23-21-41
<i>Томск</i>		22-50-54
<i>Саратов</i>		24-52-98
<i>Челябинск</i>		666-62-21
<i>Новосибирск</i>	(38-32)	35-42-49 20-29-07

**РОМАНЫ
"УЖАСОВ",
МИСТИКА
И
ТРИЛЛЕРЫ!**

**Любые книги
любимого жанра
выбирайте и заказывайте
по каталогу на дом.
Каталог Вы получите
бесплатно!**

Закажите каталог по адресу:

**123459, Москва,
"КНИГИ ПО ПОЧТЕ"**

Эти рассказы составляют Книгу
Крови — карту черной дороги,
ведущей из жизни неизвестно куда.
И некоторым придется избрать именно ее.
Большинство продолжит свой мирный
и безопасный путь по освещенным
улицам жизни.
Лишь те, кто избран темными силами,
пойдут по дороге проклятий.

Так читайте. Читайте и учитесь.

Так как, в конце концов, лучше готовиться
к худшему и заранее учиться ходить,
пока у вас еще есть время...